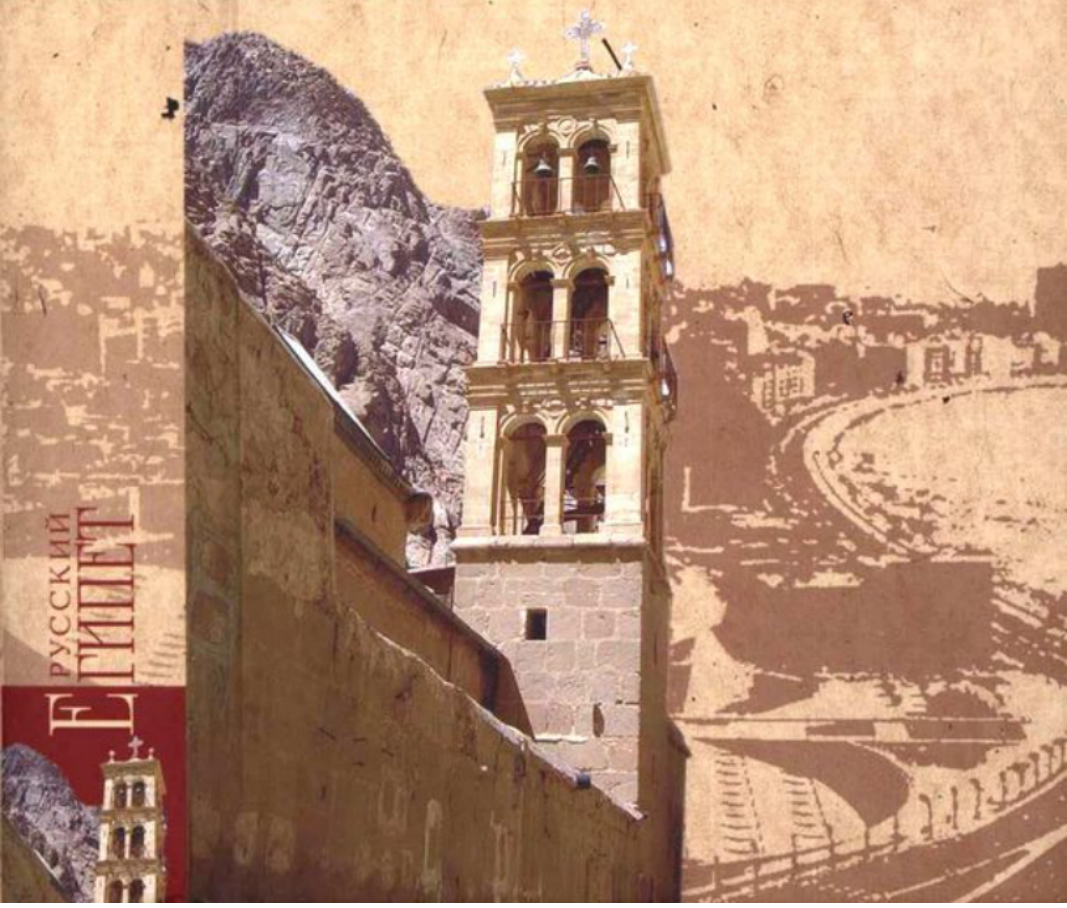
В.В. Беляков

В.В. Беляков

РУССКИЙ ЕГИПЕТ



РУССКИЙ ЕГИПЕТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Знаете ли вы, что на египетской земле, в православном монастыре Святой Екатерины, и поныне растет Неопалимая Купина — куст, в пламени которого Бог впервые явился пророку Моисею? Что к Неопалимой Купине и к горе Синайской веками шли и теперь идут русские паломники? Что в Порт-Саиде похоронены русские моряки с крейсера «Пересвет», погибшие в начале 1917 года? Что после Гражданской войны Египет стал пристанищем для тысяч русских эмигрантов, среди которых были художник Иван Билибин, скульптор Борис Фредман-Клюзель, египтологи Владимир Голенищев, Владимир Викентьев и Александр Пьянков? Что в Египте пел непревзойденный Федор Шаляпин и танцевала великая Анна Павлова? Что, наконец, во время Второй мировой войны освобожденные из плена советские солдаты возвращались на родину через Египет?

- В. В. Беляков
  - Введение
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24

- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Послесловие

В. В. Беляков
РУССКИЙ ЕГИПЕТ

Светлой памяти моего отца, Владимира Ивановича Белякова, который до последних дней своей жизни помогал мне собирать материалы для этой книги, посвящаю.

Автор

В оформлении книги использованы фотографии автора и Михаила Дышлюка

Введение

«Распространена наше по планете особенно заметно вдалеке», — утверждал еще три десятилетия назад Владимир Высоцкий и был абсолютно прав. Эта книга — лишнее тому подтверждение. Причем речь в ней идет не о «планете всей», а лишь об одной стране, к тому же находящейся не в Европе и даже не в Азии, по соседству с Россией, а в Африке. О стране фараонов и великих пирамид — Египте.

Знаете ли вы, что на египетской земле, в православном монастыре Святой Екатерины, и поныне растет Неопалимая Купина — куст, в пламени которого Бог впервые явился пророку Моисею? Что к Неопалимой Купине и к горе Синайской, где были дарованы человечеству десять заповедей Ветхого Завета, лежащего в основе трех мировых религий, веками шли и теперь идут русские паломники? Что в начале XX века через Александрию египетскую доставлялась из Европы в Россию ленинская «Искра»? Что в Порт-Саиде похоронены русские моряки с крейсера «Пересвет», погибшие в начале 1917 года? Что после Гражданской войны Египет стал пристанищем для тысяч русских эмигрантов, среди которых были художник Иван Билибин, скульптор Борис Фредман-Клюзель, египтологи Владимир Голенищев, Владимир Викентьев и Александр Пьянков? Что в Египте пел непревзойденный Федор Шаляпин и танцевала великая Анна Павлова? Что, наконец, во время Второй мировой войны освобожденные из плена советские солдаты возвращались на родину через Египет?

Сам я, востоковед по образованию и по профессии, об этом не знал до тех пор, пока не приехал в 1986 году работать в Египет в качестве корреспондента «Правды» и не начал поиск русских следов в этой стране. Причем и после возвращения в Москву в конце 2000 года эти поиски не закончились, они просто переместились в российские архивы и библиотеки. О том, что мне удалось найти за 20 лет, о «русском Египте», и рассказывает эта книга.

В. В. Беляков, доктор исторических наук, профессор Военного университета

Глава 1
Куст на постаменте

В церкви полутемно. Небольшие оконца под потолком почти не дают света. Ищу глазами электрические лампочки — и не нахожу их. В массивные бронзовые люстры вставлены свечи. Но люстры зажигают только по праздникам. А сегодня идет обычная служба. Язычки пламени в лампадах отражаются в ликах святых на ближайших иконах. Дьяк с острой бородкой монотонно читает Священное Писание. Старенький батюшка взмахивает кадилом. Кроме их и меня в церкви всего четверо монахов. Больше никого.

Идет обычная служба, как сто и даже тысячу лет назад. Церкви, где мы находимся, четырнадцать веков. Столько, сколько и самому православному монастырю Святой Екатерины, укрывшемуся от посторонних в безжизненных скалистых горах южной части Синайского полуострова, там, где, по преданию, происходили описанные еще в библейском Ветхом Завете события.

После службы один из монахов, отец Павел, ведет меня вдоль левой стороны церкви. Нешироким коридором минуем алтарь и входим в маленькую комнату. Монах разувается.

— Помните, что сказал Господь Моисею? — спрашивает он.

Я киваю, ибо перед поездкой в монастырь основательно проштудировал библейскую Книгу Исхода.

— Сейчас мы ступим на святую землю — в часовню Неопалимой Купины, — поясняет монах. Я тоже снимаю обувь и ныряю за ним в узкую дверь.

Тесная часовня, не имеющая выхода на улицу, — самое почитаемое место в монастыре.

Карманным фонариком отец Павел освещает алтарь.

— Там, под ним, — корни Неопалимой Купины.

Я уже знаю: сама она растет снаружи.

Пышный куст ярко зеленеет на фоне бурого камня. Чтобы рассмотреть его, надо задрать голову. От земли куст отделяют добрые два метра — то ли клумба, то ли постамент.

— А вы знаете, что второго такого куста нет на всем Синае? — спрашивает отец Павел. — Более того, его не раз пытались посадить и в других местах, но нигде он не приживался.

Надпись на табличке, выполненная по-арабски, просит посетителей не обрывать ветви. Напоминание нелишнее, если

учесть, что ежегодно монастырь посещают десятки тысяч паломников и туристов со всего света. Они идут поклониться Неопалимой Купине.

Поскольку некоторая часть читателей, как и я сам, определенно воспитана в традициях атеизма, нелишне будет напомнить, чем дорого верующим это вполне обычное на первый взгляд растение.

> «Моисей пас овец у Иофора, тестя своего. Однажды провел он стадо далеко в пустыню и пришел к горе Хориву. И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает. Моисей сказал: пойду и посмотрю на сие великое явление, отчего куст не сгорает. Господь увидел, что он идет смотреть, и воззвал к нему Бог из среды куста, и сказал: Моисей! Моисей! Он сказал: вот я (Господи)! И сказал Бог: не подходи сюда; сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая. И сказал (ему): Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова»
>
> *(Исход, 3, 1–6).*

Вот этот-то куст, в пламени которого Господь впервые явился пророку Моисею, и зовется Неопалимой Купиной.

Спустя несколько месяцев Моисей вновь вернулся к Неопалимой Купине. И не просто вернулся, но и поднялся по зову Бога на вершину соседней горы Синай.

Куст на постаменте» — Неопалимая Купина

… Восхождение мы начали в половине третьего ночи. Рассудили так: лучше выйти пораньше, чтобы уже с гарантией оказаться на вершине до восхода солнца. С нами были дети, и потому мы выбрали тропинку подлиннее, зато более пологую. Путь неблизок: от монастыря, с высоты 1570 метров, нам предстояло подняться до уровня 2285 метров, преодолев для этого добрый десяток километров.

Мы вооружились фонариками, но они почти не пригодились. Ночь стояла ясная, лунная, и сбиться с пути было просто невозможно.

Не пригодились и припасы — бутылки с водой, печенье. Зря мы с сынишкой по очереди тащили рюкзак. Вдоль тропы сооружены из грубо отесанных камней три то ли буфета, то ли кафетерия, где можно выпить чаю или кофе, или чего-нибудь прохладительного, купить печенье, конфеты. Несмотря на весьма ранний час, продавцы были на месте. Когда до рассвета паломники и туристы поднимаются на гору Моисея, как зовут арабы Синайскую гору, у них самая торговля.

Мы не отказали себе в удовольствии отдохнуть на покрытых шерстяными половичками каменных скамьях, взбодриться чашечкой кофе по-турецки или утолить жажду стаканчиком чая с мятой. Закутанные в платки торговцы в причудливом свете газовых ламп казались пришельцами из других миров. Правда, образ этот тут же разрушался, как только они начинали дружелюбно расспрашивать нас, кто мы и откуда.

А потом — снова в путь. И опять освещала его нам луна, и опять было жарко и трудно дышать, а снизу, из ущелья, обдувал холодный ветер. Мне казалось, что когда-то давно я уже испытывал все эти ощущения. Да, конечно! Такими запомнились мне ночные прогулки на лыжах в школьном зимнем лагере много лет назад…

К последнему буфету подошли в половине пятого.

— Тут уже близко! — бодро сказал продавец. — Полчаса — и вы на вершине!

Но этот участок пути оказался самым сложным. Тропинка кончилась, и начались крутые, неровные ступени, выложенные когда-то монахами. Луну загородила скала, пришлось включить фонарики. Все чаще и чаще мы останавливались, чтобы перевести дыхание. И вот здесь, у самого финиша, нас стали нагонять те, кто в расчете на свои силы позволил себе поспать на полчаса больше, чем мы. Речь слышалась разноязыкая, причем, к нашему удивлению, среди восходителей было немало людей пожилых, а то и стариков. Они тяжело дышали, но упорно лезли вперед.

Когда мы поднялись на вершину, солнце еще не взошло, и

паломники, ночевавшие под ближайшей стеной часовни, еще только складывали свои спальные мешки. Народу собралось порядочно — думаю, не меньше сотни.

К нашей радости, и тут было где выпить чаю, и торговцы, спрятавшие свои примусы в тихом месте, были явно горды тем, что организовали самое высокогорное кафе во всем Египте. Часы показывали половину шестого, над дальней горой на востоке только-только начинало светлеть.

Мы спрятались от холодного ветра за часовней и, потягивая чай, стали вспоминать, почему стремятся люди хоть раз в жизни попасть на это место.

Не буду слишком длинно цитировать и тем более пересказывать Ветхий Завет. В Книге Исхода с Синайской горой связана не одна страница. Если же коротко, то на ее вершине Господь даровал Закон и Десять заповедей.

> «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлить дни твои на земле… Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего»
>
> *(Исход, 20,12–17).*

Неужели заповедям этим без малого три тысячи лет? А как современно они звучат! Наверное, это и есть те самые нравственные ценности, что именуем мы с некоторых пор общечеловеческими. На все времена, для всех народов.

Первые лучи солнца появились без четырех минут шесть. Они быстро разбегались по скалистым склонам, выхватывали из мрака неглубокие долины. И вот уже все дневное светило озолотило каменную часовню, заставило нашу разношерстную компанию прикрывать глаза рукой.

Сначала группа темнокожих американцев, а вслед за ней и немцы затянули псалмы. Их мечта — встретить восход солнца на Синайской горе — сбылась. Сделав с дюжину фотоснимков, мы тронулись в обратный путь, к монастырю, снимая с себя на ходу теплые вещи.

В монастыре Святой Екатерины я бывал много раз. Причем трижды жил в стенах самого монастыря в качестве гостя его настоятеля архиепископа Дамиана. Надо сказать, что архиепископ также является главой автономной Синайской православной церкви. Церковь эта ничем не отличается от нашей русской. Даже одежды у священников те же.

Когда-то Синайский монастырский орден был силен и влиятелен, имел немалые владения — метохии, в том числе в Киеве и Тбилиси. Ныне его владения остались только на Синае, Кипре да в Греции, и число их невелико.

Последователи Синайской православной церкви — преимущественно греки, так что богослужение ведется на греческом языке. Впрочем, здесь рады единоверцам любой национальности, особенно русским. Ведь связи монастыря с Россией и Русской православной церковью насчитывают не одно столетие.

Первое дошедшее до наших дней письменное упоминание о посещении Синайской обители русским человеком относится к 1370 году. Им был смоленский архимандрит Агрефений. Позднее русские паломники стали наведываться туда регулярно. Частенько — посетив сначала святые места в Палестине, к которым если не административно, так духовно тяготел монастырь. В долине Вади Хадра, километрах в восьмидесяти к северо-востоку от Синайской обители, есть скала на старинном караванном пути из Палестины, на которой веками оставляли надписи путешественники. На одном ее боку я заметил русские буквы. Пригляделся. «На пути к Св. Екатерине» — гласила записка паломника, выполненная, судя по шрифту, не позже, чем в начале XX века.

В прежние времена паломничество в Палестину и на Синай было настоящим подвигом во имя веры. Продолжалось оно годами — где по морю или реке вместе с редкими в ту пору купцами, где на лошади, где на верблюде, а где и пешком. Многие опасности поджидали паломников на пути, не все из них возвращались домой. Кто возвращался, спешил рассказать соотечественникам об увиденном и пережитом. Так, дьякон Троице-Сергиевой лавры под Москвой Зосима, отправившийся в Палестину в 1419 году, а вернувшийся лишь три года спустя, написал книгу «Ксенос» («Путник»). Еще полвека назад паломничество на Синай оставалось делом довольно трудным. Сначала надо было добраться морем из Суэца до маленького городка Тор на западном берегу Синая, а затем еще 3–4 дня ехать до монастыря верхом на верблюде.

В 1881 году русский путешественник А. В. Елисеев, отправившийся в монастырь Св. Екатерины на верблюде прямо из Суэца, вынужден был на всякий случай прихватить с собой оружие. Впрочем, оно не пригодилось. По дороге Елисеев встречал соотечественников. «Странно было видеть вятских крестьян на берегу Красного моря в своих национальных костюмах, больших сапогах, красных рубахах, зипунах, фуражках,

с котомками за плечами и Синайскими ветвями (ветками Неопалимой Купины. — *В. Б.)* в руках», — писал Елисеев в книге «Путь к Синаю», вышедшей в свет через два года после путешествия. По словам автора, русских паломников отличали вера в Бога и в собственную силу, презрение к лишениям, простота. Качества эти нравились египтянам. «Везде я встречал дружелюбное отношение, слышал приветствия, целые фразы на ломаном русском языке и нигде ничего враждебного», — отмечал Елисеев.

После распада в XV веке Византийской империи русские цари стали главными хранителями православной веры. Они опекали дальние монастыри, направляя туда щедрые дары. Синайская обитель была предметом особой заботы. В 1689 году Россия даже официально взяла монастырь под свое покровительство. В честь этого события была изготовлена и отправлена на Синай среброкованая рака для мощей Святой Екатерины. Она и сейчас стоит в алтарной части церкви.

Повышенное внимание России к монастырю объяснялось не только его ролью хранителя святых мест Синая. Оно было вызвано и тем, что обитель посвящена святой Екатерине — одной из наиболее почитаемых на Руси святых. Недаром в России до 1917 года высшей наградой для женщин был орден Святой Екатерины.

Кстати сказать, монастырем Святой Екатерины Синайская обитель стала именоваться не сразу, а «всего лишь» тысячу лет назад, хотя сама Екатерина жила намного раньше.

На рубеже IV века, еще до того, как в 313 году римский император Константин официально признал христианство, в Александрии прославилась молодая женщина по имени Екатерина. Она была не только убежденной христианкой, но и красноречием своим обращала в христианство других. Все попытки местных, так сказать, официальных идеологов переубедить ее успеха не имели. И тогда власти пошли на крайний шаг: Екатерину приговорили к смерти и казнили. Но после казни тело ее чудесным образом исчезло и потом было обнаружено на высочайшей горе Синая. Среди людей пошла молва: Екатерину перенесли туда на крылах сами ангелы божьи. Гору назвали ее именем и поставили там часовню. Екатерину-мученицу причислили к лику святых. Но гора эта почти на 400 метров выше горы Моисея и не менее крута. Не всякий был в силах подняться туда, чтобы поклониться праху святой. И в X веке монахи перенесли ее мощи в монастырскую церковь.

О связях Русской православной церкви с Синайской обителью я разговорился как-то весной 1991 года с грекоправославным

епископом Каира Порфирием. Собеседник знал вопрос не понаслышке: в молодости он несколько лет прожил в монастыре. «Помнится, в старом помещении библиотеки, где ныне резиденция архиепископа, была небольшая русская икона, — сказал Порфирий. — Говорили, что она написана самим Андреем Рублевым!»

Вот это новость! Если епископ прав, то может родиться настоящая сенсация! Ведь для нас Рублев в живописи — что Лев Толстой в прозе или Пушкин в поэзии. Причем в весьма обширной литературе на разных языках о художественных сокровищах монастыря я ни разу не встречал упоминаний об иконе Рублева. Словом, надо опять ехать в Синайскую обитель.

По нынешним меркам монастырь Св. Екатерины расположен не так далеко от Каира — всего 450 километров хорошего шоссе. Технически поездка туда не представляет никакого труда: часов шесть пути на машине — и вы под стенами монастыря. Но чтобы проверить, есть ли там икона Рублева, надо было обязательно стать гостем архиепископа Дамиана. А он больше разъезжает по метохиям, чем находится в обители. Добавьте сюда многочисленные праздники, в которые приезд нежелателен. Да притом региональный корреспондент ежедневной газеты и не может вот так, в любой момент, сорваться за сотни километров на три дня — у него тоже немало неотложной работы и деловых поездок.

Тянулись недели, потом месяцы, а планы архиепископа никак не совпадали с моими. Я регулярно звонил в монастырь, его управляющий, отец Михаил, говорил мне, когда можно приехать, а когда нельзя, — последнее обычно в удобные для меня сроки. Так наступило лето, а с ним и период отпусков, и я улетел в Москву. Дома же мои «страсти по Андрею» разгорелись еще больше.

Внимательно просмотрев книгу Валерия Сергеева «Рублев» (она вышла в серии «Жизнь замечательных людей»), я нашел там такие два обзаца: «В 1411 году произошло на Москве событие, которое было воспринято как значительное. Великокняжеская семья должна была породниться с византийским императорским домом. Внучка Дмитрия Донского, княжна Анна Васильевна, выходила замуж за Иоанна Палеолога, сына и наследника императора Мануила: «Князь великы Василий Дмитриевич отдасть дщерь свою Анну в Царьград за царевича Ивана Мануиловича».

Торжественны были проводы невесты, в ее роскошное приданое, несомненно, входили как родительское благословение иконы. Среди них могли быть иконы старинные, дедовское

наследие. Но нельзя исключить, что заказывали и новые. Кто может поручиться, что среди них не было икон рублевского письма? Скорее наоборот — лучший мастер того времени, он по меньшей мере уже два раза принимал участие в ответственнейших работах по заказу великого князя, отца невесты. Возможность, что иконы Рублева попали в Византию, не только не исключена, но более чем вероятна».

Но ведь с Византией соседствует Палестина, где в ту пору хозяйничали египетские султаны, а оттуда и до Синая недалеко. Интриговали и такие факты, которые я почерпнул из той же книги «Рублев». Упоминавшийся уже дьякон Троице-Сергиевой лавры Зосима, совершивший в 1419–1422 годах паломничество в Палестину, был современником, а возможно, и знакомым Рублева. И еще: «после 1408 года в течение четырнадцати лет письменные источники, во всяком случае известные сейчас науке, молчат о Рублеве и его работах», — пишет Валерий Сергеев. А что если и инок Андрей совершал паломничество в Палестину и на Синай? Вполне возможно.

Вернувшись в сентябре из отпуска в Каир, я с удвоенной энергией начал звонить в монастырь. Но не тут-то было! Все повторилось сначала: то архиепископу неудобно, то мне. И все же поездка эта состоялась.

В ясный холодный январский день 1992 года мы с фотокорреспондентом ТАСС Михаилом Дышлюком подъехали к стенам монастыря. После долгого пути в машине сначала размяли ноги, еще раз насладились монументальной архитектурой обители. Надо сказать, что размерами своими монастырь особенно не впечатляет. В плане он представляет собой прямоугольник со сторонами 85 и 70 метров. Зато стены кажутся непропорционально большими. Местами они достигают 15-метровой высоты.

«Стоя на наклоне, он, как бы лепясь, поднимается вверх по склону, как гнездо орла, — писал о монастыре Св. Екатерины более ста лет назад А. В. Елисеев. — Неприветливо, как крепость, выглядят его четырехугольные, с маленькими башенками, высокие стены, заключающие в себе целый лабиринт зданий».

Низкая, обшитая железом и потому неимоверно тяжелая дверь в стене была, как положено после полудня, закрыта. Я крикнул по имени старого привратника-бедуина. Фархан, загремев огромным кованым ключом, открыл дверь. Увидев знакомое лицо, радостно заулыбался. Проводил в свою каморку, а сам отправился за отцом Михаилом.

Через некоторое время нас приветствовал уже сам управляющий. Он распорядился поселить нас в одной из гостевых

комнат на верхнем ярусе галереи, примыкающей к западной стене, и даже сказал, в какой именно. Фархан сдал нас другому служителю-бедуину, высокому красивому Сулейману, и тот повел нас по лестницам и переходам наверх, на галерею. Оказалось, что именно в этой комнате я жил в прошлый раз.

— Самая теплая, — объяснил Сулейман. — Маленькая и без окон.

Вопрос о тепле в ту зиму был весьма актуален. Кто-то из знакомых египтян говорил мне, что не припомнит такой холодной погоды за всю свою жизнь. Старики поправляли: была, но давно, еще в конце сороковых годов. В складках гор вокруг обители, в уголках крыш монастырских строений лежал снег. За шесть лет работы в Египте я видел его впервые.

— Это еще что! — сказал Сулейман, угощая нас горячим чаем. — На прошлой неделе все было белым-бело!

Отопления в монастыре нет. Вечером можно воспользоваться электрическим обогревателем, но только до 10 часов — в этот момент монастырский движок останавливают на ночь, и свет гаснет.

— Прямо как в палатке на снегу, — сказал поутру Миша Дышлюк, вылезая, как и я, из-под трех одеял в выстуженной свежим морозцем комнате.

После легкого завтрака в соседней кухне — чай и кусок серого хлеба монастырской выпечки — отец Михаил предупредил нас, что архиепископ Дамиан ждет своих гостей сразу после десяти. Времени оставалось порядочно, мы прогуливались по галерее, не решаясь пока фотографировать. Прямо на нас смотрели ажурная бурая колокольня монастырской церкви и белый минарет мечети.

Позвольте, спросит читатель, а откуда же в христианской обители мечеть? О, это целая история!

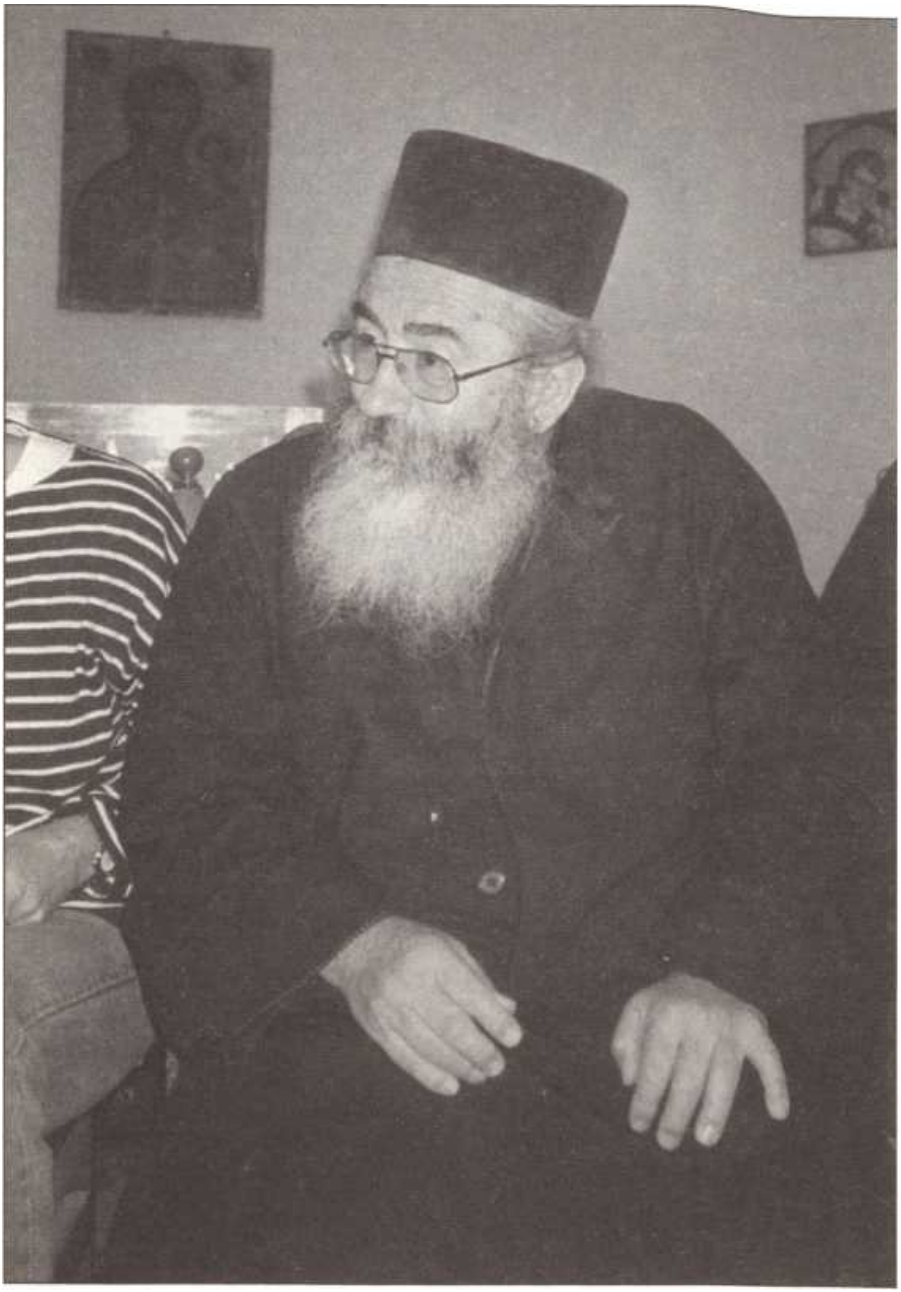
После завоевания Египта в 642 году арабами-мусульманами синайские бедуины стали постепенно принимать ислам. Но монастырю, дававшему им работу, не изменили. Около 1000 года египетский правитель, халиф Хаким, славившийся своей жестокостью и религиозным фанатизмом, вознамерился ликвидировать бастион неверных на Синае. Первыми его армию увидели бедуины, когда она только вступала в Синайские горы.

Гонцы оповестили настоятеля монастыря, и тот принял решение: немедленно превратить одно из помещений в мечеть. За три дня работы были закончены. Узнав о том, что в монастыре есть мечеть, а значит, место это священно для мусульманина, халиф в растерянности отступил. Минарет же к ней пристроили позднее.

Архиепископ Дамиан встретил нас приветливо. Внимательно выслушал мой рассказ о том, что в монастыре, вполне возможно, есть икона Андрея Рублева. Имя это владыке было знакомо, а вот икона — нет.

— Ну что же, — сказал Дамиан, — давайте попробуем поискать ее.

До середины 1950-х годов в нынешней резиденции архиепископа находилась библиотека, там же хранилось большинство из двух тысяч икон различных школ, составляющих уникальную коллекцию монастыря. Потом к южной стене сделали пристройку, куда перенесли библиотеку. Иконы же разделили. Те из них, что требуют реставрации, отправили в реставрационную мастерскую, оборудованную в пристройке. Остальные же развесили в церкви и многочисленных часовнях. В церковь, конечно, попали самые ценные иконы. И наша маленькая экспедиция отправилась туда на поиски.



Архиепископ Синайский Дамиан

Из резиденции архиепископа мы спустились сначала по крутой деревянной лестнице, затем прошли каменным коридором, потом одолели десятка два гранитных ступеней и только после этого окунулись в полумрак церкви. Посреди нее

один из монахов давал пояснения группе туристов. Дамиан бросил быстрый взгляд на иконостас, на одну стену, на другую, увешанные иконами, и решительно повел нас вдоль правого ряда колонн. Преодолев две низкие двери, мы оказались в маленькой часовне — Синайских мучеников, как объяснил архиепископ. По краям алтаря мы увидели две довольно больших иконы явно русской работы.

— Совершенно верно, — подтвердил Дамиан. — Это русские иконы.

На одной из икон я без труда прочитал: «Богоматерь Иверская», на другой: «Господь Вседержитель». Внизу, под ликом Иисуса, стояла дата — 21 декабря 1754 года.

— Видимо, тогда же была написана и Богоматерь, — заметил архиепископ. — Обычно эти иконы пишутся парами.

Я согласился. Тем более что и размеры, и стиль икон были одинаковыми.

Пока Михаил фотографировал, Дамиан разулся и нырнул в часовню Неопалимой Купины. Вернулся он оттуда с двумя иконами.

— Обе русские, — сказал архиепископ. — Вот эта — «Рождество Пресвятой Богородицы», XVII век, а эта — «Благовещенье», XVIII век.

Иконы были хороши, но — не Рублева! Ведь он жил в конце XIV — начале XV века!

— Здесь они самые старые, — развел руками Дамиан. — Есть еще старинные русские иконы в маленьких часовнях. Но о них вам лучше расскажет наш библиотекарь, Сильван. По совместительству он еще и фотограф.

Мы покинули церковь и, ведомые архиепископом, добрались закоулками и коридорами до новой пристройки, где расположена библиотека. Сильвана, красивого молодого монаха, нашли в фотолаборатории.

— Я вам подберу из часовен несколько русских икон, из числа наиболее старых, — сказал он. — Но на это мне надо время. Давайте так: смотреть иконы придете в шесть, а сейчас я покажу вам библиотеку.

По всеобщему признанию экспертов, библиотека монастыря по своему собранию религиозной литературы уступает лишь самому Ватикану. В ней около четырех с половиной тысяч рукописей и две тысячи старинных книг.

Старинная русская книга из библиотеки монастыря

Самый древний манускрипт — Библия V века, так называемый Сирийский кодекс. Была и древнее. Но с ней вышла такая история.

В середине XIX века в монастырской библиотеке был обнаружен рукописный вариант Ветхого и Нового Заветов выполненный на греческом языке в IV веке. По древности и полноте он оказался вторым манускриптом подобного рода после знаменитого Ватиканского кодекса. По месту находки манускрипт назвали Синайским кодексом. Россия, тогдашняя покровительница монастыря, заинтересовалась им. В 1859 году монахи передали манускрипт России для изучения и копирования, предварительно получив обещание, что он будет возвращен в Синайскую обитель.

— Вот первое издание Синайского кодекса, — сказал архиепископ, доставая с полки довольно толстую, большого формата книгу. — Напечатано в Петербурге в 1862 году тиражом всего триста экземпляров.

Манускрипту, однако, не суждено было вернуться в родные стены. России не хотелось расставаться с уникальной реликвией. После долгих переговоров в 1869 году архиепископ Синайский Каллистрат подписал акт о подношении Синайского кодекса России, за что император Александр II пожаловал монастырю девять тысяч рублей.

На эти деньги через два года была построена монастырская колокольня. А потом грянула революция. Для советской власти эта религиозная реликвия ценности не представляла. Стране нужны были деньги на индустриализацию — и в 1933 году Советское правительство продало Синайский кодекс Британскому музею в Лондоне за сто тысяч фунтов стерлингов.

Пожалуй, история с Синайским кодексом — единственная, омрачившая веками складывавшиеся отношения монастыря с Россией. Монахи и сейчас хорошо помнят о ней. Впрочем, не так давно случай послал им некоторое утешение. В 1975 году, перестраивая после пожара одно из зданий, обитатели монастыря обнаружили потайную комнату, а в ней — полторы тысячи манускриптов и старопечатных книг. Находка получила название «Новая коллекция». Разбирая ее, монахи нашли двенадцать пергаментных листов — недостающих страниц Синайского кодекса да еще несколько фрагментов.

Архиепископ Дамиан не стал показывать нам листы Синайского кодекса, зато, пошарив по стеллажам, принес несколько старинных русских книг. Рукописная «Псалтирь» на пергаментных листах в толстом переплете с металлическими застежками была создана предположительно еще в XVI веке. Еще одна рукописная книга, Библия, — в XVII веке. Деяния Апостолов напечатаны в Киево-Печерской лавре в 1738 году.

Издания, конечно, уникальные, но меня интересовали не столько книги, сколько иконы. Есть среди них работа Рублева или нет? А, собственно, как может неспециалист отличить Рублева от другого мастера? Ведь в те времена ставить автографы на иконах было не принято! Но, может быть, монахи регистрировали вклады в монастырь — что подарено, кем, когда? По этим записям, вероятно, можно было бы установить и авторство иконы. Ведь Рублев стал знаменитым еще при жизни, так что, даря икону его работы, владелец ее наверняка бы упомянул, что это — «сам инок Андрей»!

— Нет. Это не поможет, — сказал с улыбкой архиепископ. — Наши архивы начинаются почему-то лишь с XVII века. То ли раньше монахи считали такие записи делом ненужным, то ли по какой-то причине более древние архивы пропали.

— А может, их до сих пор скрывают неизвестные вам тайники, как «Новую коллекцию»?

— Возможно! — пожал плечами Дамиан.

Время до шести часов вечера, когда Сильван назначил нам встречу, тянулось долго. Я прохаживался по галерее и вспоминал прошлый приезд в монастырь. Тогда, в декабре 1990 года, я застал здесь двух ученых из Тбилиси. Директор Института

рукописей Академии наук Грузии З. Н. Алексидзе и его заместитель М. Н. Кавтария пробыли в монастыре почти месяц, изучая «Новую коллекцию».

— Там есть такие вещи! — говорил Заза Николаевич. — Я даже за сердце хватался. Представляете, 130 рукописей, считая фрагменты, на древнем грузинском языке, в основном IX–X веков, когда в монастыре было много монахов-грузин, — мы ведь тоже православные. Причем рукописи не только культовые, но и по истории Грузии, начиная с обращения ее в христианство.

— Теперь будем готовить к изданию каталог, — добавил Михаил Ноевич.

Славянскую же часть «Новой коллекции» изучали и публиковали филологи из Греции.

Наконец в монастыре зажегся свет, а потом и быстро стемнело. Пора идти к Сильвану. Он приготовил нам три иконы, самая старая — «Вознесение» XVI века. Уже сама дата говорила о том, что это не Рублев. Две другие иконы, Святого Николая и Божьей Матери, оказались еще моложе.

— Больше ничем помочь не могу, — сказал Сильван, угощая нас кофе.

Ну что же, как говорится, спасибо и на этом.

Видно, епископ Порфирий ошибся. Но зато мы смогли убедиться в том, что монастырь Святой Екатерины на Синае, источник духовной силы верующих — еще и частица истории и культуры не только Египта, но и приверженцев православной веры в России, на Украине, в Грузии.

Глава 2
Трактир «Севастополь»

Раннее майское утро 1987 года. Я сижу в машине возле ресторана «Андалуз» на улице Пирамид. Вот-вот должен подойти доктор Касем, и тогда мы тронемся в путь. А пока смотрю по сторонам.

Сказать, что город просыпается, в отношении Каира было бы неточно. Он просто никогда не засыпает полностью. В любое время ночи на улицах пятнадцатимиллионной египетской столицы — крупнейшего города Африки — достаточно и автомашин, и пешеходов. Особенно сейчас, в Рамадан. В этот месяц по мусульманскому лунному календарю каирцы живут особой жизнью. Религиозная традиция предписывает им не есть и не пить в светлое время суток, и подавляющее большинство египтян-мусульман ее соблюдают. В Рамадан днем в городе потише, чем обычно, зато ночью люди выходят на улицы, где магазины, рестораны, кофейни работают почти до рассвета.

Из машины мне хорошо видны золотистые от еще неярких солнечных лучей бока пирамид Хеопса и Хефрена. Третью великую египетскую пирамиду, Микерина, размерами поменьше, загораживают новые многоэтажные дома. Возле них течет будничная каирская жизнь. Торговец овощами выкладывает на прилавок свой товар, взбрызгивая его водой. Девушка с книжками под мышкой ловит такси, поминутно поглядывая на часы. Мальчишка размахивает пачкой свежих газет. Весело проносится «тройка по-каирски» — одноосная тележка мусорщика, запряженная разномастными осликами. И машины, машины, машины…

Но вот и доктор Касем. Он с детства слегка прихрамывает, и, когда торопится, некрупная его фигура то и дело подается вперед. Доктор Касем Абдо Касем — мой добрый знакомый, неизменный советчик и помощник, особенно в исторических изысканиях. Он историк, профессор университета в городе Заказик, автор более чем десятка книг. Правда, научные интересы доктора Касема лежат несколько в ином времени и плоскости, чем мои. Его любимый конек — мусульманское средневековье.

Случилось так, что свою трудовую деятельность Касем начинал в аэропорту города Асуана переводчиком с английского языка, и было это в то самое время, когда тысячи советских

специалистов участвовали в строительстве высотной Асуанской плотины. С тех пор он и сохранил симпатию к советским людям.

— Извини, Владимир. — Доктор Касем поудобнее устраивается на сиденьи. Путь нам предстоит неблизкий — более 200 километров. Едем в Александрию, «северную столицу» Египта.

Идея этой поездки вызревала с тех самых пор, как в начале года известный египетский историк профессор Рифаат Саид подарил мне свою только что вышедшую книгу «История коммунистического движения в Египте. 1900–1940 годы». В приложении к книге он привел ряд документов. Просматривая их, я обратил внимание на перевод доклада Марчелло Черези на эту тему, подготовленного еще в самом начале 50-х годов. Автор доклада, итальянец, долго жил в Египте и в 30–40-е годы активно участвовал в деятельности египетских марксистских групп. Незадолго до антимонархической июльской революции 1952 года королевские власти выслали Черези из страны. С тех пор он живет в Италии. В начале века, сообщал в докладе Черези, в Египте было много русских, спасавшихся от царского произвола, в том числе и большевиков. Когда Ленин жил в эмиграции, то использовал некоторых своих друзей в Египте для пересылки через них корреспонденции в Россию.

Утверждение это было для меня подлинной сенсацией. Ничего подобного я никогда не встречал в нашей востоковедческой литературе. Поскольку ссылок на источники в докладе не было, я горько пожалел о том, что не знал о нем в марте 1986 года, когда случайно познакомился с Марчелло Черези и с его женой во время их приезда в Каир. Рифаат Саид же рассказал, что при подготовке доклада итальянец пользовался не столько документами, сколько воспоминаниями старших товарищей — ветеранов египетского коммунистического движения. Никаких более подробных сведений на этот счет в египетской литературе нет.

Но ведь дыма без огня не бывает! Я засел за советские книги, посвященные жизни и деятельности Ленина в эмиграции. Ничего. По предметному указателю полного собрания сочинений Ленина просмотрел все страницы его работ, где упоминался Египет. Опять ничего. Наконец на глаза мне попался трехтомник «Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями России», изданный в конце 60-х годов. И вот тут фортуна оказалась ко мне благосклонной.

«Искрой» называлась общерусская политическая марксистская газета, основанная в 1900 году Лениным в эмиграции. Эпиграфом к ней были взяты слова из ответа

декабристов на послание Пушкина — «Из искры возгорится пламя!» В течение трех лет эта газета, издававшаяся поочередно в Лейпциге, Мюнхене, Лондоне и Женеве, служила не только революционному просвещению российских масс, но и сплочению революционеров вокруг Ленина. «Искра» и ее редакция сыграли решающую роль в подготовке к созданию в 1903 году большевистской партии.

В Россию газета доставлялась нелегально самыми разными путями. Один из них, как это явствовало из вошедших в трехтомник документов, проходил через Александрию. Правда, «египетский путь» «Искры» не относился к числу основных и функционировал недолго. Но сам факт его существования подтверждает утверждение Черези: в Египте в ту пору действительно жили и работали русские революционеры, ибо без них сама идея пересылки «Искры» через Александрию была бы бесплодной.

Но что это были за люди? Достоверно известно лишь имя владельца трактира «Севастополь» в Александрии, бывшего русского подданного Осипа Михайловича Юзефовича, в чьем заведении неподалеку от порта в 1902 году была оборудована перевалочная база нелегальной марксистской литературы.

В конце ноября 1902 года в адрес одесского градоначальника и начальника жандармского управления города пришли из Александрии два анонимных письма, написанных одной рукой, примерно одинаковых по содержанию. В них говорилось, что трактир «Севастополь» — «притон социалистов» и «склад социал-демократической лиги», что Юзефович вот уже 22 года «волнует всю Россию революционными книгами, которые он отправляет на каждом пароходе. Владелец трактира посещает в Александрийском порту русские суда во время отсутствия на них начальства и распространяет среди матросов запрещенную литературу». Автор анонимок предлагал арестовать Юзефовича на пароходе, а затем «посадить его в цепной ящик и привезти в Россию».

Если верить анонимкам, владелец трактира «Севастополь» был революционером с большим стажем. Но, видимо, он эмигрировал в Египет еще в ту пору, когда революционное движение в России возглавляли народники. И уж, во всяком случае, Юзефович не был социал-демократом, «искровцем». Об этом ясно говорит письмо жены Ленина Н. К. Крупской (она была секретарем редакции) Херсонской искровской группе в октябре 1902 года.

Словом, «египетский путь» «Искры» организовывал определенно не Юзефович. Но тогда кто же?

7 марта 1905 года российский посланник в Каире А. А. Смирнов отправил в Петербург донесение следующего содержания: «В прошлую пятницу с русским пароходом выехали из Александрии в Одессу с целью революционной агитации три подозрительных личности: Нарис Феликс Францискович с египетским паспортом, Казимир Антонович Маринский с турецким паспортом и неизвестный молодой человек с австрийским паспортом по имени Володя».

Нельзя не заметить: отъезд этой тройки «с целью революционной агитации» совпал по времени с началом первой русской революции. Так что вполне логично предположить, что эти люди и были русскими революционерами-эмигрантами, о которых писал Марчелло Черези. Вполне возможно, что они участвовали в организации пересылки «Искры» через Александрию. Беда лишь в том, что их имена, как и паспорта, наверняка были ненастоящими, и потому найти хоть что-то об этих людях мне так и не удалось.

Чуть больше известно о том, кто получал в России «Искру», пересылавшуюся через Александрию. В книге С. Розеноера «Нелегальный транспорт», вышедшей в Москве еще в 1932 году, отмечается, что в Херсоне нелегальную литературу, поступавшую из Египта, принимали Л. Д. и Н. Д. Цюрупа — братья видного деятеля большевистской партии, а затем и Советского государства Александра Дмитриевича Цюрупы. В ту пору он был агентом «Искры». Потом я выяснил, что и сам А. Д. Цюрупа принимал участие в организации «египетского пути». Об этом пишет в своей книге его сын: «Помню, в Уфе, братья Митя и Петя, подростки, почти юноши, таинственно говорили между собой, что давно, в начале века, папа ездил в Одессу. Там через нашего дядю Виктора, мичмана дальнего плавания, он «налаживал транспорт» через Египет и Персию».

О том, что «египетский путь» организовали именно херсонцы, писала в Россию и Н. К. Крупская. Он начал функционировать в марте 1902 года, когда херсонцы получили из Александрии две посылки весом в полтора пуда каждая. В апреле благополучно поступила посылка весом уже в три пуда. Но затем произошла осечка.

5 мая из Каира в Петербург ушло очередное донесение русских дипломатов. В нем говорилось, что «матрос крейсера «Адмирал Корнилов» Лев Кайранский, отставший от корабля, заявил, будто в трактире «Севастополь» находится склад заграничных изданий на русском языке. Часто бывающие там наши матросы поставляют эти издания в Россию. По его словам, на отошедшем 19 апреля из Александрии пароходе «Королева

Ольга» кочегары Третьяков и Юшков везут анархистские брошюры, которые в Одессе принимаются матросом Никифором Попковым, занимающимся дальнейшим их распространением».

По прибытии «Королевы Ольги» в Одессу жандармы произвели на судне тщательный обыск. Правда, они ничего не нашли, поскольку кочегары успели сжечь запрещенный груз. Однако направлять таким путем в Одессу нелегальную литературу было уже рискованно.

Тогда кочегар Д. П. Третьяков переехал из Одессы в Батум и нанялся на пароход «Боржом», возивший в Александрию керосин. Чтобы скрыться от жандармов, взял паспорт у своего товарища В. Н. Верисоцкого. Но кочегар не знал, что за трактиром «Севастополь» царская охранка уже установила слежку. Поэтому когда в августе на «Боржом» загрузили партию нелегальной литературы, об этом сразу же стало известно российскому консулу.

В пяти пакетах, конфискованных на «Боржоме», было около полутора тысяч экземпляров нелегальных изданий 16 наименований. Среди них — 94 экземпляра знаменитой работы В. И. Ленина «Что делать?», несколько номеров газеты «Искра» и марксистского журнала «Заря». Третьяков едва успел скрыться с парохода. Его долго прятали в Александрии у надежных людей, а затем переправили в Европу.

Провал на «Боржоме» означал, что «египетский путь» стал ненадежным, и редакция «Искры» понимала это. «Путь через Александрию надо окончательно бросить, ибо там страшная слежка, — писала 28 декабря 1902 года Н. К. Крупская Херсонской искровской группе. — Верисоцкий, он же Третьяков, еле выбрался из Александрии, у Юзефовича были обыски».

Рассказ о пересылке «Искры» через Александрию можно было бы дополнить еще кое-какими деталями, но они принципиально не меняют картины. И хотя «египетский путь» газеты не был основным и просуществовал недолго, это наша история, а историю надо беречь, нравится она нам или нет.

Не попробовать ли найти трактир «Севастополь»? Этой мыслью я поделился с доктором Касемом, и он меня поддержал.

Когда мы с ним в тот день ехали в Александрию, то уже знали, что ресторана или кафе с названием «Севастополь» в городе нет. По крайней мере таково было единодушное мнение советских специалистов, работающих в Александрии, и друзей доктора Касема, живущих в этом городе. Но дом-то наверняка остался! Центр города, застроенный на рубеже нашего столетия, с тех пор практически не изменился. Редкие новые здания вклинились в старинные дома полувосточной-полуевропейской

архитектуры в кварталах, примыкающих к порту.

Был бы адрес — и поиск дома не составил бы особого труда. Но в том-то и дело, что адреса не было. Оставалось одно: метод «полевого исследования» — колесить по городу, расспрашивать людей. Для этого нужен был опытный проводник, хорошо знающий Александрию. После некоторых раздумий доктор Касем остановился на своем бывшем аспиранте, докторе Ибрагиме ас-Саихе.

С доктором Ибрагимом мы договорились встретиться в кафе на площади Саада Заглюля, в самом центре города. Он оказался высоким, интересным мужчиной лет тридцати. Отправились в район порта. По случаю рамадана его многочисленные кофейни были почти пусты. Расспрашивали буквально всех — и посетителей, и владельцев. Все отрицательно качали головой.

Жарко. Май в Египте — уже лето. В Каире в это время столбик термометра не опускается обычно ниже отметки + 3 °С. В Александрии чуть прохладнее, зато влажность повыше. В очередной кофейне прошу моих спутников задержаться и заказываю себе стакан чая. Садимся за выставленный на тротуар столик. В Каире, пожалуй, делать этого не стоило бы, чтобы не раздражать египтян. Здесь другое дело. В Александрии по-прежнему много иностранцев. Огромный порт — второй по грузообороту в Средиземноморье после Марселя — вечно битком набит судами со всего света. На улицах города звучит многоязыкая речь. Так что его жители смотрят на нарушителей Рамадана спокойнее, чем вхтолице.

Сидим, смотрим по сторонам. Из-за угла появляется высокий подтянутый старик. На нем поношенный, но тщательно отутюженный темный костюм и морская фуражка. Садится за соседний столик, с интересом поглядывая на нас. Людей такого возраста и такой профессии надо расспрашивать в первую очередь.

— Простите, не знаете ли вы, где было когда-то кафе «Севастополь»? — обращаюсь я к старику по-арабски. — Его владельцем еще был человек по фамилии Юзефович?

— «Севастополь»? — переспрашивает старик. — Это что, такой русский порт на Черном море? Я в свое время часто ходил в Россию, но в Севастополе не бывал, не доводилось. Нет, про такое кафе не слышал. А как, ты говоришь, была фамилия владельца?

— Юзефович.

— Юзефович? — опять переспрашивает старик. — Знаю одного человека с такой фамилией. Он работает автомехаником в мастерской рядом с университетом.

Расплачиваюсь за чай, благодарю старика, и мы едем к

университету.

В египетских городах обычно так: если уж увидели авторемонтную мастерскую, значит, рядом и вторая, и третья. Ремесленники одной профессии, как в Средневековье, чаще всего группируются в одном квартале. Поэтому на розыск автомеханика Юзефовича нам потребовалось около часа.

— Я Юзефович, — говорит пожилой человек, вытирая руки об ветошь. — А что такое?

Доктор Ибрагим объясняет суть дела. Механик на минуту задумывается.

— Сам-то я родился в Македонии, хотя живу в Египте с 1931 года, — объясняет он. — В юности знавал человека, фамилия которого тоже была Юзефович. Только был он не македонец. У того Юзефовича было в Александрии три кафе. Одно существует и поныне — на станции Сиди Габер.

До станции Сиди Габер от порта далековато, да и дом, в котором находится тамошнее кафе, построен сравнительно недавно. Так что это определенно не бывший трактир «Севастополь». Да, подтверждает хозяин кафе Абдель Фаттах, раньше оно принадлежало человеку по фамилии Юзефович. Он умер в начале 40-х годов. У него были еще два кафе. Самое старое, существовавшее с незапамятных времен, — возле коптской церкви в центре города.

Улица эта так и называется — Коптской церкви. Коптов, египтян-христиан, и поныне немало в стране. Стоит эта церковь во дворе, в окружении старинных домов. Подъехать к ней на машине невозможно, да и припарковаться на улице негде. Разве что во втором ряду. Но это считается в Египте тяжелейшим нарушением правил уличного движения — гораздо более серьезным, чем проехать на красный свет, и потому немедленно карается немилосердным штрафом. Так что мне приходится остаться в машине, а мои спутники уходят к церкви продолжать поиск.

У выхода со двора стоит катафалк, запряженный шестеркой лошадей. Если бы не машины, можно было бы подумать, что действие происходит в начале века. Диссонансом с катафалком выглядят праздничные фонари на натянутой через неширокую улицу веревке. Такие и подобные украшения вывешиваются в дни Рамадана в египетских городах повсюду. Вот она, диалектика жизни: кому-то — праздник, а кому-то — горе.

Из двора медленно выходит похоронная процессия. Гроб устанавливают на катафалк. Близкие и друзья покойного рассаживаются по машинам. Траурный кортеж трогается в путь, освобождая места для стоянки. Я немедленно припарковываю

машину и иду к церкви. Возле нее мои друзья-историки разговаривают с почтенного возраста человеком.

— Муркыс Бутрос, — представляется мужчина. — Вся моя жизнь прошла на этой улице. Да, действительно, неподалеку от церкви, в доме 28, долгое время было кафе. Сейчас там склад. В 30-е годы, когда еще был холост, частенько забегал в это кафе перекусить. Владельцем его был какой-то иностранец, по-арабски говорил с акцентом. Как называлось? Кажется, «Рагаб». Но только не «Севастополь». Такого названия я не слышал.

Мы покидаем церковный двор и медленно идем по правой стороне улицы, чуть спускающейся по направлению к центру.

— Вот этот дом, — говорит Бутрос.

С интересом разглядываю четырехэтажное здание, построенное лет сто назад. Ничего особенного в нем нет. Окна первого этажа закрыты металлическими жалюзи. То, что в тридцатые годы находившееся здесь кафе называлось не «Севастополь», а как-то по-другому, еще ни о чем не говорит. Нас-то интересует самое начало века! К тому же, по информации тогдашнего царского консула, вскоре после истории с пересылкой «Искры» Юзефович вроде бы продал свой трактир социалисту-итальянцу по фамилии Барони. Но почему тогда Абдель Фаттах со станции Сиди Габер говорил, что это кафе принадлежало Юзефовичу?

Возле дома старик торгует с лотка дешевой обувью. Услышав наш разговор с Бутросом, вносит дельное предложение.

— А вы сходите к бывшим владельцам кафе, — говорит он. — Они живут рядом, за углом. Последний этаж, от лестницы справа.

Мы благодарим Бутроса и сворачиваем на улицу Саада Заглюля. Увидев, сколь крута лестница, доктор Касем остается ждать нас на улице: ему подниматься наверх трудно. Дверь нам открывает полная красивая женщина средних лет. Возле нее крутятся трое ребятишек. Учтиво провожает в гостиную. Рассказываем о том, что нас интересует.

— Кафе принадлежало моему отцу, — говорит женщина. — Он был выходцем из Албании. Знаю, что купил он кафе в 1945 году. А вот как оно тогда называлось, кто был его владельцем — не помню. К сожалению, отец умер еще десять лет назад. Но жив его брат. Он человек в возрасте, может знать. Подождите минуточку.

Женщина идет в прихожую, к телефону. Затем подзывает доктора Ибрагима. Из гостиной мне плохо слышен их разговор.

— Ну что? — спрашиваю своего спутника, когда он возвращается из прихожей.

— Он говорит, что кафе было зарегистрировано на имя

какого-то иностранца, но фактическим владельцем его оставался человек по фамилии Юзефович. Имени он точно не помнит — то ли Исмаил, то ли Иосиф. Когда Юзефович умер, номинальный владелец продал кафе его брату.

Да, это уже, что называется, горячо! Ведь Иосиф — это и есть русское Осип. Мог О. М. Юзефович дожить до 1945 года? Конечно! Ведь в 1902 году, когда разворачивалась история с пересылкой «Искры», ему, наверно, было лет 40 или 45. Теперь вроде все сходится — и продажа трактира, и перемена названия. Так было спокойнее после слежки и обысков.

Темнеет. Скоро с минаретов мечетей прозвучит призыв к вечерней молитве, а затем правоверные мусульмане ринутся ужинать. Но они страдают за веру, а вот я сегодня просто не успел пообедать. Мы с доктором Касемом приглашаем доктора Ибрагима поужинать с нами, но он отказывается: в Рамадан принято есть дома. Благодарю доктора Ибрагима за помощь. Мы обмениваемся рукопожатиями, и вот уже он ловит такси, чтобы вовремя попасть домой. А мы с доктором Касемом отправляемся на набережную, в ресторан «Нассар».

Поначалу едим молча — сказываются усталость и напряжение длинного дня. Но чем ближе к традиционному финалу — чашке кофе по-турецки, — тем больше поднимается у нас настроение.

— Как вы думаете, доктор Касем, — спрашиваю я, — действительно ли мы нашли трактир «Севастополь»?

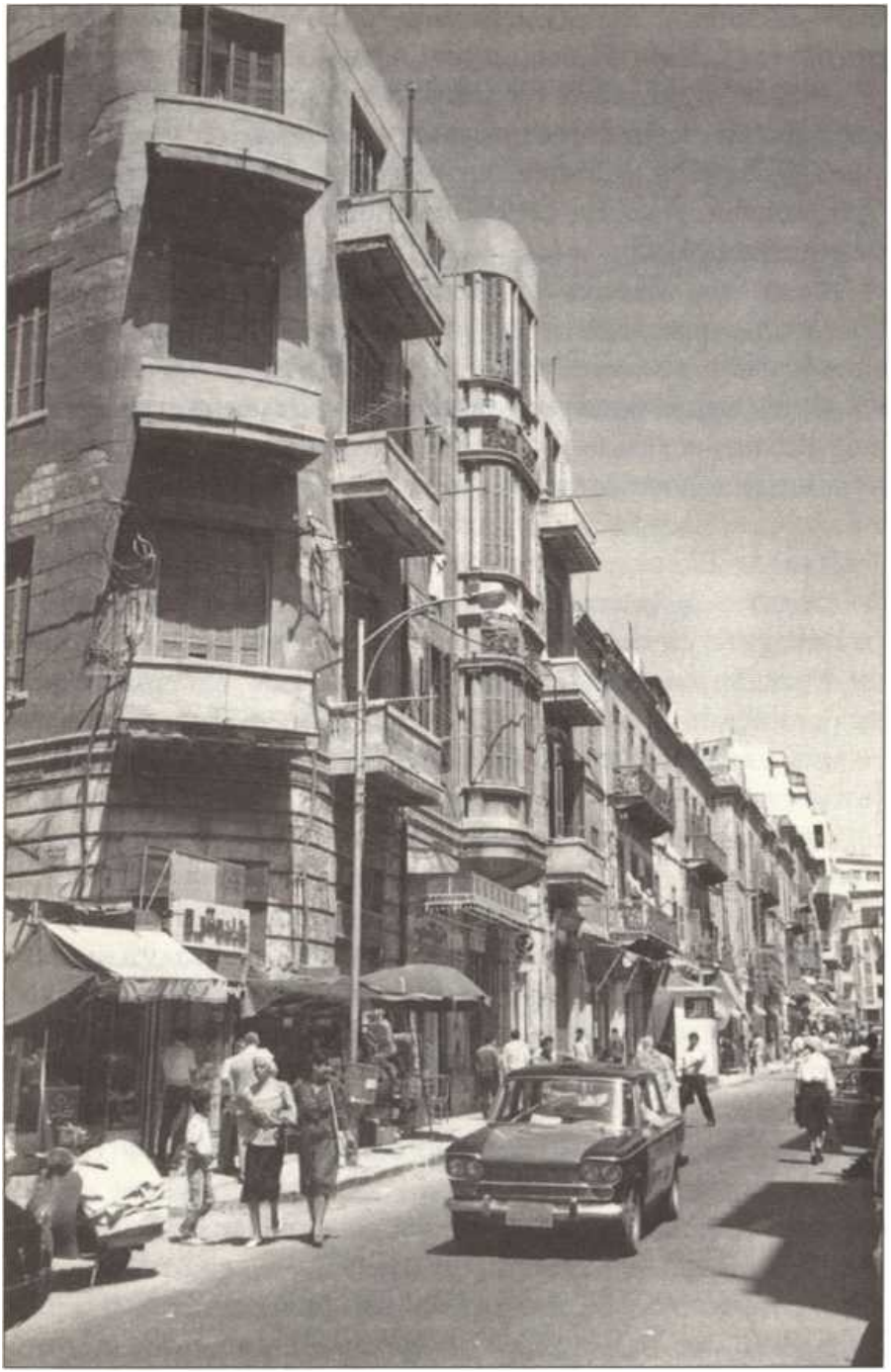
— Мне кажется, вероятность процентов семьдесят пять, — отвечает он. — Для «полевого поиска» это много, так что можно смело писать о находке.

— А знали ли сами египтяне о «египетском пути» ленинской «Искры»?

— Конечно, знали! Ведь кто-то же сказал об этом Черези!

— Значит, еще в те годы русские революционеры поддерживали связи с местными жителями?

— Несомненно! Более того, эти связи не могли не оказать воздействия на образ мыслей некоторых моих соотечественников.



Дом, где находился трактир «Севастополь»

В справедливости этого суждения доктора Касема я убедился

несколько позже, продолжая поиски, о чем читатель узнает в следующих главах. Пока же замечу: одна из революционных организаций, созданная в Египте в 1942 году на базе марксистских кружков, называлась русским словом «Искра».

Глава 3
Ночная симфония

Не помню уж когда и где, но однажды я вычитал, что в Египте бывал великий русский певец Федор Иванович Шаляпин. Надо сказать, что в семье моей жены этот человек был настоящим кумиром. Дед жены, тоже Федор Иванович, но Булыгин, многие годы собирал все, что так или иначе связано с жизнью и творчеством Шаляпина — книги, статьи, пластинки. После смерти деда осталась обширная коллекция, куда во время одного из отпусков я и углубился. Но, увы, о пребывании Шаляпина в Египте ничего не нашел. Может быть, все дело в том, подумал я, что с 1922 года и вплоть до своей кончины шестнадцать лет спустя Шаляпин ни разу не был в России, а об эмигрантах, даже великих, у нас в ту пору было писать не принято.

Вывод этот вроде подтверждала одна неожиданная находка. Летом 1991 года я работал в архиве Советского фонда культуры, собирая материалы для этой книги. Хранитель архива, Виктор Владимирович Леонидов, знал, конечно, что меня интересует. Как-то он достал из сейфа старую фотографию и торжествующе заявил: «А это Шаляпин в Каире».

То, что Федор Иванович и еще трое русских запечатлены именно в Каире, не вызывало сомнений. Арабы рядом с ними были одеты в традиционные египетские длинные рубахи-галабеи. Лишь один был в европейском костюме, а другой в майке поверх галабеи, на которой по-английски написано: «Гостиница Гелиополис-Пэлэс». Эта гостиница на окраине Каира считалась едва ли не лучшей во всей Африке, и после революции 1952 года ее превратили в офис президента Египта. Внизу на фотографии размашистым почерком сделана надпись: «Володи (именно так, с ошибкой. — *В. Б.)* Беллину на память от Ф. Шаляпина. 1933». Владимир Беллин — сын знаменитого в Каире русского врача из числа белоэмигрантов, видимо, это он стоит по правую руку от Шаляпина. Как явствует из надписи на обороте фотографии, полный господин с палочкой — сам Виктор Эмильевич Беллин, а снимок сделан на выходе из Каирского вокзала. Словом, факт пребывания великого русского певца в Египте, причем именно в период его эмиграции, был подтвержден документально. Но не более того. Покопаться же как следует в наших библиотеках я тогда не успел — пришло время возвращаться в Каир.

Год спустя, опять же летом и опять во время отпуска в Москве, я показал эту фотографию моему доброму знакомому и коллеге-арабисту Геннадию Васильевичу Горячкину. Преподаватель новой и новейшей арабской истории в Институте стран Азии и Африки при Московском университете, он особенно хорошо знает Египет конца XIX — начала XX века. Горячкин первым из наших ученых серьезно занялся русско-египетскими связями того периода. Что особенно нравится мне в Геннадии Васильевиче, так это его дотошность. Если уж он взялся исследовать тему, будьте уверены: не успокоится, пока не исчерпает все без исключения источники.

Я хорошо понимаю Горячкина. Исторический поиск — архивный или полевой — сродни сбору грибов. Никогда не знаешь заранее, что удастся найти. Иной раз ищешь одно, а находишь другое. Зато сколько радости приносит каждая находка! Да еще если она неожиданна! С пустым лукошком, правда, тоже приходится порою возвращаться. Но это ничуть не снижает увлекательности занятия.

Горячкин внимательно посмотрел на фотографию и сказал:

— Значит, Шаляпин был в Египте еще и в 1933 году! А я-то думал, что только в 1903-м!

Разговор как-то сам собой перескочил на другую тему, и мы забыли про Шаляпина. Но в начале 1993 года Геннадий Васильевич прислал мне в Каир книгу «Египет глазами россиян». Это был объемный сборник документов — по большей части ранее не известных, найденных составителем в архивах.

Один из разделов назывался так: «Ф. И. Шаляпин в Египте (1903 г.)». Он представлял собой продолжительные выдержки из давно забытой книги Н. Я. Соколова «Поездка Ф. И. Шаляпина в Африку», опубликованной в Москве в 1914 году. Во время очередного отпуска я нашел эту книгу в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве и читал ее с таким увлечением, что просто не могу не привести из нее отрывки.

Итак, в марте 1903 года тридцатилетний Федор Иванович Шаляпин, восходящая звезда русского оперного искусства, решил отдохнуть в Египте. В Александрию он прибыл из Одессы на пароходе «Царь», а оттуда на поезде приехал в Каир. Поселился в недорогой итальянской гостинице «Вилла Виктория». В первый день они бродили с Соколовым по городу, а вечером пошли в театр. Исполнявшаяся там английская оперетта им не понравилась.

Ф. И. Шаляпин в Каире. 1933 г.

«На второй день Ф. И. осмотрел Музей египетских древностей, — пишет Соколов. — Главным образом Ф. И. заинтересовался мумиями и долго и пристально рассматривал их.

— Удивительная вещь! — говорил он. — Смотришь и не веришь, что это трупы людей, умерших несколько тысячелетий тому назад! Эти люди настолько сохранились, что по лицу их я почти безошибочно берусь определить характер каждого.

Из осмотра музея и древнейших его памятников Ф. И. вывел заключение, что у египтян всякого рода искусства процветали в высокой степени.

— Греки, — говорил он, — по моему мнению, явились в своем искусстве не более не менее, как простыми заимствователями и подражателями египтян. Они, по-моему, и религию-то «стащили» у египтян, а мы уже, конечно, у них! Вот видите мумии, на шеях которых египтяне вешали изображение креста! А вот Вам надпись на саркофаге. В «Путеводителе» по-русски переведено так: «Я привязан к Богу любовью! Я давал хлеб — алчущему, воду — жаждущему, одежду — голому, кров — покинутому». Не евангельское ли это изречение? А? Как Вы думаете? А вот Вам человеческие головки с птичьими крыльями! Не напоминает ли это Вам христианских ангелов? А вот Вам и еще любопытный факт относительно быка Аписа (Апис —

священный бык, божество плодородия, почитавшийся с начала династической эпохи до утверждения христианства. Он считался воплощением бога Птаха. — *В. Б.):* «Мать Аписа оставалась девой и после рождения сына. Бог Птах — божественная мудрость — принимал форму небесного огня и оплодотворял корову». Да, оказывается, все это было несколько тысячелетий тому назад! Вот и видно, что ничто не ново под луною!..»

Суждения Шаляпина вековой давности интересны, на мой взгляд, сами по себе. Но что, пожалуй, еще интереснее, так это тот факт, что совсем недавно, в 80-е годы, многие ученые после дополнительных исследований стали склоняться к тому, что древнегреческая, или, как ее еще принято называть, античная цивилизация, во многом обязана своим рождением египетскому влиянию.

Здание Египетского музея, по которому бродил Шаляпин, было открыто всего за год до его приезда. Оно и сейчас — одна из главных достопримечательностей Каира. Многие из экспонатов музея, например мумии, все еще выставлены в тех же залах, что во времена Федора Ивановича. Но коллекция музея с тех пор значительно расширилась и состоит ныне из ста тысяч предметов.

Главное пополнение — сокровища гробницы фараона Тутанхамона, открытой в 1922 году в Долине Царей, неподалеку от города Луксор. Этот город на Ниле, в семистах километрах южнее Каира, во времена Нового Царства был столицей Древнего Египта. Греки называли его Фивы, и это название закрепилось за городом вплоть до прихода арабов в середине VII века.

Но старое здание уже тесновато для музея. И, что еще очень важно, оно расположено на центральной площади города, ат-Тахрир, битком набитой людьми и машинами. Загазованный воздух проникает и в музей, угрожая со временем разрушить его экспонаты. Поэтому правительство Египта приняло решение построить для Египетского музея новое здание, неподалеку от пирамид, где на пустынном плато Гиза места хоть отбавляй и воздух несравненно чище. Да и многочисленным туристам, ежегодно посещающим Каир, будет удобнее: две главные достопримечательности города, пирамиды и музей, окажутся рядом.

На третий день Шаляпин и его спутник ходили в зоопарк. Посмотрели диковинных зверей со всей Африки. Каирский зоопарк был открыт в 1891 году и до сих пор расположен на той же самой территории, правда, ныне плотно окруженной многоэтажными домами. Одного из его 12 тысяч теперешних обитателей видел и Федор Иванович. Это гигантская слоновая черепаха, подаренная французской императрицей Евгенией

правителю Египта хедиву Исмаилу в 1869 году в честь открытия Суэцкого канала.

«Как-то вечером, или вернее ночью, мы вдвоем с Ф. И. сидели в кафе, устроенном на мостках Нила, — вспоминает Соколов. — Светила луна, Нил торопливо катил свои прозрачные волны в Средиземное море. Было тихо, Ф. И. сидел, задумавшись, и долго молчал.

— Думали ли Вы когда-нибудь, что Вам придется сидеть и пить кофе на берегах Нила? — обратился он ко мне с вопросом. — Может быть, Вы и думали, но я нет. Мысленно я сейчас перенесся в прошлое. Вспоминаю Казань, вспоминаю оперетку… Да, со мной, действительно, совершается что-то вроде сказки из «Тысяча и одной ночи». Москва… Россия… Успех… Италия… Европа… Африка… Все это как-то странно!.. Я об этом никогда не думал, не мечтал, не ожидал… Это какой-то сон… Кошмар! Поедемте спать, а завтра утром отправимся к пирамидам!..»

На другой день так и сделали. «Около пирамид туристов немедленно окружает толпа донельзя назойливых и жадных арабов, наперерыв предлагающих свои услуги поднять вас на пирамиду при помощи полотенцев, продеваемых под мышки. Ф. И. от услуг отказался и хотел влезть на пирамиду Хеопса без посторонней помощи. Но, так как он несомненно человек нервный, то, влезши на несколько ступеней, почувствовал сильное головокружение. Пришлось спуститься обратно. Кто-то из присутствующих по этому поводу сострил: «Человек забрался на недосягаемую высоту (подразумевалось в мире искусств), а такой высоты переносить не может». Это его, очевидно, подзадорило, и он во что бы то ни стало решил забраться на вершину пирамиды и в конце концов забрался».

Залезать на пирамиды давным-давно запрещено, и всякому, кто попытается сделать это, грозят неприятности с туристической полицией. Так что местные жители, зарабатывающие на туристах, предлагают ныне другой вид услуг — покататься на верблюде, лошади или хотя бы на осле. Не хотите кататься? Зря! Но тогда сфотографируйтесь верхом на фоне пирамид! Классный снимок! И недорого! Вас убеждают сделать это с не меньшей назойливостью, чем во времена Шаляпина. Ну а насчет жадности… Заморский турист по определению человек состоятельный, так почему бы не «расколоть» его на пару-тройку долларов? Он от этого не обеднеет, а для египтянина это деньги.

«В одну из ночей, — продолжает рассказ Соколов, — мы забрались вдвоем к пирамидам и сели на один из уступов пирамиды Хеопса. Царила такая тишина, что даже звенело в

ушах. Она казалась нам гробовою, да, положим, мы и находились среди гробов. Вокруг нас следы умершего мира, поэтому мы невольно старались говорить пониженным тоном и очень мало. Мы старались оформить свои ощущения. Все, что окружало нас в настоящую минуту, было так не похоже на то, что мы видели днем. Все было так чудесно и так странно в своем величии среди этой безмолвной тишины, что оробевшая мысль казалась себе столь же ничтожной, как человек, затерянный среди этих гигантов. Взошла луна. Удивительная, египетская луна. Ее свет так ярок и настолько томно нежен, что залезает в душу и наполняет ее какой-то сладостной истомой. Мы подошли к сфинксу.

— Смотрите, — сказал Ф. И., — в своем глухом безмолвии он что-то соображает и размышляет о вещах великих и таинственных! — Луна в это время вынырнула как раз из-за облака и осветила сфинкса. Голова его окрасилась в темно-зеленый цвет старой бронзы, лицо приняло человеческий облик, точно проснулось от сна и усмехнулось луне. Ф. И. тоже весь преобразился.

— Послушайте! — начал порывисто он. — На моих глазах сейчас совершается какое-то чудо! Между сфинксом и луной возникает какая-то мистическая связь. Мне начинает казаться, что я живу в Древнем Египте. Вон там Изида на небе, вот сфинкс что-то шепчет ей, вот сейчас из-за пирамид покажется какое-нибудь шествие в белых одеждах и начнет совершать какой-нибудь таинственный обряд. Моя душа положительно наполняется сейчас какой-то суеверной тревогой. Сфинкс кажется мне до такой степени живым, что я не могу убедить себя, что это только иллюзия, не могу отвести глаз от этого лица, которое обращено все время к луне и все время усмехается ей. Это лицо — сейчас вполне человеческое лицо, которое отражает и думы, и чувства!..

Я любовался не столько окружающей обстановкой, сколько вдохновенным лицом Ф. И. Он и сфинкс в это время, мне казалось, одинаково переменились.

— И в самом деле, — продолжил Ф. И., — чего, чего не видел этот сфинкс. Он гордо возносился над пустыней уже тогда, когда строились эти пирамиды и, быть может, тот же Хеопс спасался в его тени от палящих лучей солнца. (Здесь, по всей видимости, Шаляпин был не прав. Большинство ученых считают, что сфинкс был вырублен в скале во время царствования сына Хеопса, Хефрена. — *В. Б.)* Перед ним прошли Моисей и Камбиз, Александр и Птолемей, Цезарь и Марк Антоний, Клеопатра и Пресвятая Дева, он видел зарево пожара Александрии, святого Людовика и Наполеона! Все это прошло перед его взорами. И в то

время он улыбался луне точно так же, как и теперь!

Все это ушло в даль веков, а он стоит и теперь. Он стоит уже столько веков, что почти не походит более на создание рук человеческих, в нем есть что-то первозданное, точно он был создан из того же вещества, что и луна, с которой беседует он в лунные ночи!..

Пустыня была вся залита серебристым светом. Пески приняли светло-зеленый оттенок. Вдали блестели пирамиды, а за ними простиралось бесконечное пустое пространство.

— Здесь все гармонично! — воскликнул Ф. И. — Величие, таинственность, уединение и громадные могилы, а кроме них крутом ничего… Одна пустыня без конца, озаренная волшебным, но невыразимо печальным блеском. Но… эта меланхолия представляет из себя великую и совершеннейшую симфонию!

— Ну, — подумал я про себя, — речь пошла о музыке!..

— Основными аккордами этой симфонии являются пирамиды, сфинкс, луна и пустыня. Эта симфония подчиняет себе душу человека и убаюкивает ее, точно ко сну. Да! В Египет следует ехать хотя бы ради того только, чтобы раз в жизни упиться этой симфонией.

До рассвета было еще далеко, однако ночь уже уходила. В шатрах бедуинов, разбитых в глубине пустыни, раздались крики петухов. Вдруг заскрипел песок и послышались чьи-то голоса. Спустя немного на песчаном холме за сфинксом показался силуэт верблюда, а за ним два бедуина, одетые в длинные белые бурнусы. Этот библейский верблюд и эти люди, казавшиеся призраками, были заключительными аккордами нашей ночной симфонии…»

Мне тоже доводилось слушать возле сфинкса ночную симфонию. Однажды это случилось даже в новогоднюю ночь. И я тоже испытывал чувства сродни шаляпинским. Пожалуй, единственная разница состояла в том, что, прежде чем подойти к сфинксу, пришлось сунуть пятерку старику-охраннику, — иначе бы он нас не пропустил.

На другой вечер после «ночной симфонии» Шаляпин с Соколовым решили посмотреть еще одну достопримечательность Каира — кафе, где выступали танцовщицы. Оно представляло собой обширный и длинный зал, сплошь уставленный мраморными столиками, со сценой в дальнем конце. «Мы забрались в кофейню довольно рано, заняли столик и потребовали себе лимонной воды, — вспоминал Соколов. — Наше появление, по-видимому, обратило на себя внимание находящейся здесь исключительно туземной публики, но еще более оно произвело впечатление на двух «альме» (альма —

певица или танцовщица в кафе. — *В. Б.),* потому что не успели мы взять в руки по стакану лимонаду, как две из сидящих на сцене танцовщиц спустились в зал и бесцеремонно уселись за наш столик, похлопав нас предварительно по плечу. Это были особы в цвете лет, в костюмах всевозможных цветов, увешанные множеством металлических украшений, с белыми, как слоновая кость, зубами, с черными блестящими глазами, приплюснутым носом и с толстыми губами. Так как молчать было неудобно, Ф. И. заговорил с ними по-французски — отвечают по-арабски, он по-итальянски — они по-арабски, я по-немецки — они по-арабски…

Наконец Ф. И. выпалил: «Ля Алла илля Алла ва Мухаммед Расул Алла!» («Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк Аллаха». — *В. Б.)* Дамы пришли в восторг, рассмеялись и, указывая на него пальцами, весело повторяли: «Ля Алла! Ля Алла!» — и хлопали его по плечу…

В это время к нашему столу подошел негр (лакей) и подал Ф. И. записку, в которой было написано: «Великий артист, Ф. И.! Не откажите двоим русским москвичам подойти к Вам и присесть за Ваш столик».

Ф. И. попросил пригласить. Подошли двое молодых людей. Один из них оказался уроженцем Каира — араб, окончивший Московскую духовную академию, некто С-ни; другой — московский коммерсант Э-в. С. женился на сестре Э., и они втроем совершали свадебную прогулку на родину С-ни. Оба были очень довольны и счастливы знакомством с Шаляпиным и рассыпались, как это водится, в любезностях по адресу Ф. И.

— Кстати, Ф. И., — сказал С-ни, — я могу быть Вам полезен как переводчик-араб. Вы, вероятно, ничего не понимаете, что поют и говорят на сцене?

— Само собой разумеется!

Он сказал по-арабски несколько слов, очевидно «теплых», нашим дамам, и они немедленно удалились.

Начались музыка и танцы. От музыки бросало нас сначала в жар и холод, и казалось, что колотят чем-то изо всех сил по голове, потом привыкли. Но… танцы! Танцы — это «песнь торжествующей любви», если выразиться одной фразой, не вдаваясь в подробности. Ф. И. все время хлопал и кричал (ему суфлировал С-ни):

— Куайс, ааль (Превосходно)!

— Ана бахиббак (Я влюблен в Вас)!

Причем прикладывал руки по-восточному: сначала ко лбу, потом к сердцу…

По окончании программы Ф. И. пригласил некоторых из

«действующих лиц» за свой столик, угощал их ужином и долго через переводчика беседовал с ними о восточной музыке и восточном искусстве. «Альме» были в восторге от Ф. И. Из разговоров переводчика они поняли, что имеют дело со знаменитым не только русским, но и всемирным артистом и певцом, и знаками выражали дань одобрения и уважения его таланту. Просили его усиленно спеть им что-нибудь, но Ф. И., под предлогом болезни горла, отказался.

«Альме» были очень огорчены этим обстоятельством. Было очень поздно, когда мы вернулись домой…»

В тот раз Шаляпин вообще не пел в Египте. Он осматривал достопримечательности Каира и его окрестностей, добрался вверх по Нилу сначала до Луксора, а затем и до Асуана, вникал в нравы и обычаи египтян. А выступал ли Федор Иванович на земле фараонов во время своего второго приезда туда тридцать лет спустя?

Наиболее авторитетный труд о великом певце — двухтомник «Летопись жизни и творчества Ф. И. Шаляпина». Его второе издание вышло в Ленинграде в 1988–1989 годах. Заглянул туда. Во втором томе упоминается, что 26 января 1933 года Федор Иванович уехал в концертное турне по Египту и Палестине, откуда вернулся в Париж месяц спустя. Упоминается его концерт 13 февраля в Иерусалиме. Но вот о выступлениях в Египте — ни слова. Что, опять Шаляпин побывал там лишь в качестве туриста? Надо проверить.

В Национальной каирской библиотеке «Дар аль-кутуб» на набережной Нила очень хороший газетный зал, и я отправился туда. Выбрал англоязычную «Иджипшн Газетт». Концерт Шаляпина, несомненно, должен был в первую очередь привлечь внимание живущих в Каире европейцев, ведь опера, как и классический балет, — искусство для египтян чуждое. Решил смотреть подшивку с начала января, чтобы найти рекламу концертов, памятуя о том, что на фотографии певец одет в пальто и шляпу, а они нужны в Египте лишь зимой.

Уже в номере от 7 января 1933 года я встретил такое объявление: «Федор Шаляпин, знаменитый бас, скоро появится в своем первом озвученном фильме «Дон-Кихот» по известной книге Сервантеса, в кинотеатре «Триумф», Каир» — и рядом фотография Федора Ивановича. А в номере от 25 января — такое объявление: «Среда, 1 февраля, 9.30 вечера. Уникальный и единственный концерт всемирно известного певца Шаляпина в театре «Аль-Хамбра» в Александрии».

Интересно, как прошел этот концерт? — думал я, листая подшивку дальше. И в номере от 3 февраля нашел

неподписанную заметку под заголовком «Публика разочарована концертом Шаляпина».

Первое разочарование, по словам автора заметки, наступило уже при покупке билетов — они стоили в три раза больше, чем на концерт любого из посетивших Египет в последние годы известных музыкантов. Но зрителей все же набралось порядочно. Шаляпин пел не арии из опер, сделавших его знаменитым на Западе, а главным образом русские народные песни. Весь концерт вместе с перерывом и двумя музыкальными антрактами продолжался менее полутора часов. «Величайший оперный певец своего поколения», по мнению автора заметки, выглядел на сцене не столько певцом, сколько актером.

Трудно судить сейчас, насколько справедлива критика рецензента. Вряд ли Шаляпин просто схалтурил в Александрии, по-видимому, немолодой уже Федор Иванович был не вполне здоров. А русские песни выбрал в расчете на соотечественников-эмигрантов, коих в ту пору в Александрии жило немало, да не учел, что были они почти поголовно бедны и потратиться на билет не в состоянии, в чем скоро и убедится читатель.

Но, во всяком случае, теперь доподлинно известно, что Шаляпин однажды пел в Египте во время своего второго посещения этой страны в 1933 году. И наверняка Федор Иванович не упустил возможности вновь послушать ночную симфонию пирамид, сфинкса, луны и пустыни.

Глава 4
Урок свободы

Гостиница «Континенталь» в центре Каира, на площади Республики, выглядит одряхлевшей. Стены массивного здания обшарпаны, бронзовые люстры в вестибюле потемнели. На первом этаже расположен прививочный пункт, и, когда мне надо ехать в командировку за пределы Египта, я прихожу сюда, чтобы сделать прививку от холеры или лихорадки.

В начале же прошлого века «Континенталь» был одним из самых шикарных отелей города. Тогда напротив него стояло здание Каирской оперы, построенное в виде уменьшенной копии знаменитого миланского театра «Да Скала» в 1869 году, к открытию Суэцкого канала. И потому площадь носила название Оперы. Но в 1971 году театр сгорел, и ныне на его месте — административное здание и многоэтажная стоянка для автомашин. Площадь переименовали. А славу «Континенталя» затмили современные гостиницы, выстроившиеся чередой вдоль берега Нила.

Между тем старая гостиница — свидетельница многих интересных событий, одно из которых имеет прямое отношение к моему повествованию. В январе 1907 года здесь состоялся митинг протеста против ареста в Александрии трех русских революционеров. Арест этот наделал тогда в Египте много шума, и вот почему.

Когда в начале 1905 года в России вспыхнула революция, египетская общественность стала внимательно следить за развитием событий. Местная печать подробно сообщала о забастовках рабочих, выступлениях крестьян, восстании на броненосце «Потемкин» и обстреле царскими кораблями революционной Одессы. В некоторых газетах появилась даже специальная рубрика — «Революция в России». Причем симпатии печати были явно на стороне народа, а не царизма. Ведь египтяне прекрасно знали, что такое угнетение. С той лишь разницей, что египетский народ страдал не столько от собственных угнетателей, сколько от чужеземных: с 1882 года страна фактически была колонией Англии.

Кое-кто из египтян знал о событиях в России не только по газетам. О них рассказывали моряки с русских судов, нередко и сами настроенные революционно. Неподалеку от египетских

берегов родилась известная песня «Раскинулось море широко». Ее сложил рулевой парохода «Одесса» Ф. Предтеча после того, как в Красном море скончался от теплового удара его друг кочегар В. Гончаренко. В феврале 1906 года пароход прошел через Суэцкий канал, а когда вернулся в Одессу, песню эту подхватили сотни моряков и рабочих. На первомайских сходках ее пели как выражение протеста против угнетения.

Суэцким же каналом шла в первой половине 1906 года массовая эвакуация с Дальнего Востока «запасных чинов» — демобилизованных после окончания войны с Японией русских солдат. На 70 транспортах через Суэц и Порт-Саид было перевезено в общей сложности более 123 тысяч человек. Настроения многих из них после поражения в войне были под стать тем, что захлестнули Россию. В июне 1906 года царским дипломатам и офицерам с трудом удалось предотвратить восстание 2300 бывших солдат на транспорте «Корея» во время его прохода через Суэцкий канал.

В Египте развернулась широкая кампания солидарности с русскими революционерами. Были созданы такие общественные организации, как «Комитет за свободную Россию», «Комитет русского фонда взаимопомощи», «Фонд взаимопомощи русских беженцев». Они организовывали сбор пожертвований, устраивали благотворительные вечера, концерты, спектакли. Корреспондент английской газеты «Морнинг Пост» сообщал из Александрии, что только за один благотворительный вечер в августе 1906 года было собрано 1600 фунтов стерлингов.

По тем временам это были немалые деньги. Члены «Комитета помощи жертвам террора в России» тоже собрали 1600 фунтов стерлингов. Тысячу они перевели в центральный фонд в Лондоне, остальные пошли на нужды русских беженцев в самом Египте.

Со второй половины 1906 года, когда революция пошла на спад, число беженцев из России стало расти. Трудно сказать, сколько их было всего. Ни в старых египетских газетах, ни в российских архивах мне не удалось найти определенных цифр. Те из эмигрантов, кто занимал активные революционные позиции, продолжали работу — в первую очередь среди русских моряков с заходивших в египетские порты судов. «С некоторых пор Консульством нашим в Александрии неоднократно замечались нарушения дисциплины среди матросов Русского общества пароходства и торговли, — сообщал в Петербург в январе 1907 года российский посланник в Каире А. А. Смирнов, — и, по наблюдению командиров, можно было предположить, что именно по приходе в Александрийский порт матросы попадают в сферу вредных влияний».

Часть русских революционеров участвовала и в местном рабочем движении. Профессор Рифаат Саид пишет, что вместе с египтянами и иностранными рабочими они организовывали забастовки, выходили на демонстрации, причем нередко несли красные знамена, на которых было начертано: «Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)».

Все это очень не нравилось царским дипломатам. Но их возможности пресечь революционную деятельность русских эмигрантов в чужой стране были ограниченны. И тогда российский посланник Смирнов организовал провокацию.

Некто по фамилии Маркович, агент царской охранки, регулярно посещал прибывающие в Александрию из России суда. Он наблюдал за приезжими, толкался среди политэмигрантов, которые обычно собирались в порту к прибытию рейсового парохода. Маркович театрально возмущался царским произволом, призывал расширять борьбу с ним. Так он втерся в доверие к революционерам. 6 января 1907 года провокатор привлек человек десять эмигрантов на собрание, где предложил организовать террористические акты на заходящих в Александрию русских пароходах. Большинство присутствующих отвергли это предложение, но некоторые заявили, что в принципе не против террора как средства борьбы. По настоянию Марковича эти слова были занесены в протокол собрания. Договорились вновь встретиться через неделю.

Тем временем провокатор доложил Смирнову, что трое эмигрантов намереваются взорвать русский пароход. Тот, в свою очередь, сделал представление местным властям с требованием «арестовать преступников». В воскресенье, 13 января, во время новой встречи Марковича с эмигрантами трое из них были схвачены.

Кто же были эти трое?

Египетская печать, подробно освещавшая развернувшиеся после ареста бурные события, имен арестованных не называла. Долгое время считалось, что они были матросами с мятежного броненосца «Потемкин». Ведь известно, что большинство потемкинцев после сдачи корабля в Румынии в Россию не вернулись, а разбрелись по всему свету и продолжали революционную деятельность.

Но это были не потемкинцы. А прояснили вопрос архивы. В донесении в Петербург от 29 января 1907 года посланник А. А. Смирнов писал: главный заговорщик — «Мишка» Боцоев, «бывший матрос торгового флота».

Изучая донесение Смирнова, я обратил внимание на то, что имя Боцоева — «Мишка» — дипломат взял в кавычки. Все

выяснилось после публикации в «Правде» в 1987 году моего очерка о трактире «Севастополь», где был кратко приведен и эпизод с арестом в Александрии трех русских революционеров. Из города Орджоникидзе пришло письмо от ветерана войны и труда З. А. Кадзова. Он писал, что настоящее имя Боцоева — Махар. Родился он в селе Гимара, ныне Казбекского района Грузии, по национальности осетин. Примерно в 1900 году уехал в Сухуми на заработки, стал моряком.

Место действия — Александрия

Арест трех русских революционеров в Александрии, как я уже говорил, получил в Египте широкий резонанс.

Это я понял сразу же, как окунулся в газетном зале Национальной библиотеки «Дар аль-кутуб» на набережной Нила в море подшивок вековой давности. Сделанные мною там выписки вместе с выдержками из документов Российского императорского дипломатического агентства позволяют нарисовать довольно цельную картину того, что происходило в Александрии и Каире в январе 1907 года. Но прежде хотел бы дать одно необходимое пояснение.

На рубеже XX столетия под влиянием английской колонизации в Египте ускорилось развитие капиталистических отношений. Строились заводы и фабрики, нуждавшиеся в квалифицированной рабочей силе. Но в феодальном Египте ее не было. В страну потянулись иностранные рабочие, в первую очередь греки и итальянцы. Особенно много было их в Александрии, служившей египтянам «окном в Европу». Так, по

данным Российского генконсульства, среди четверти миллиона жителей этого города в начале века насчитывалось 12 тысяч одних только итальянцев, «выселившихся из отечества вследствие безработицы и полной нищеты». Многие из этих людей имели опыт участия в рабочем движении у себя на родине, а среди итальянцев и греков даже действовали ячейки социалистических партий. Они, несомненно, были ближе русским эмигрантам и языком, и религией, и культурой, и политическими взглядами, чем сами египтяне. Они же быстрее и острее египтян отреагировали на арест М. Боцоева и его товарищей.

Первой откликнулась выходившая в Александрии на французском языке газета «Реформ». Она заявила, что арестованные были «политическими беженцами», которых русское правительство преследует за политические убеждения и коим на родине грозит смертная казнь.

Статья эта взбудоражила иностранцев, живших в Александрии. На следующий день, как писал в номере за 21 января еженедельник «Аль-Муайид», «большая группа иностранцев обратилась к губернатору Александрии с просьбой не выдавать арестованных русскому консульству, но получила отказ. Тогда толпа отправилась на биржу и устроила там митинг в защиту арестованных. Затем участники митинга двинулись к зданию российского консульства. Они кричали: «Свобода, свобода!», «Долой угнетение!» и пели «Марсельезу». Не добившись ничего от консула, демонстранты повернули к западной гавани. Там стояло русское судно, на котором, по слухам, арестованных должны были отправить в Россию. Толпа прорвалась через таможню, взяла штурмом судно и тщательно его обыскала, но арестованных там не было. В это время полиция подогнала к причалу пожарную помпу и, руководимая англичанином, стала разгонять демонстрантов из брандспойта».

Дело, однако, этим не закончилось. На следующий день возле российского консульства вновь прошла демонстрация. Ее участники забросали здание яйцами, луком, помидорами. Они залезли на трамвайный столб рядом со входом в консульство и сорвали российский герб. Затем демонстранты отправились на биржу, где было полно народу, и заявили, что начинают голодовку протеста против ареста и высылки трех русских.

21 января демонстрации перекинулись на Каир. «Вчера и сегодня бурные митинги в Каире, — телеграфировал на следующий день в Петербург посланник А. А. Смирнов, — протестующие против ареста и предстоящей высылки трех русских подданных, арестованных в Александрии».

События в столице, как писал 28 января «Аль-Муайид»,

«начались на бирже. Затем собравшиеся там, числом около тысячи, вышли на улицы. Они устроили митинг, на котором выступил 35-летний итальянский инженер по имени Батыты. Он заявил, что «личная свобода в Египте под угрозой, раз трех невиновных русских высылают туда, где им грозит погибель».

В тот же день в знакомой уже читателю гостинице «Континенталь» собрались около двухсот человек. Среди выступавших на митинге был русский беженец, которого представили как «ближайшего друга и соратника одного из арестованных». «Нынешний момент — решительный для жизни этих троих, которых русское правительство преследует по политическим мотивам, — заявил он. — Бюрократия требует их выдачи, чтобы затем бросить в застенок. Мы, русские эмигранты в Египте, требуем во имя человечности освободить троих заключенных из александрийской тюрьмы, потому что то, что называют политическим преступлением, является в социальном смысле борьбой против царской деспотии. Да здравствует свобода! Долой угнетение!» Последние слова оратора потонули в громе аплодисментов.

Участники встречи в гостинице «Континенталь» сформировали комитет в защиту трех русских и просили аудиенции у российского посланника. Смирнов принял их, но удовлетворить требования членов комитета отказался. Тогда они напечатали листовки на французском языке с призывом провести в 6 часов вечера демонстрацию и митинг протеста возле театра «Нувотэ».

В назначенный час перед входом в «Нувотэ» толпились люди. На митинге выступали не только иностранцы, но и египтяне. Одним из них был архитектор Басней. Затем часть демонстрантов направилась к английскому консулу лорду Кромеру — фактическому правителю Египта. Они просили его не выдавать арестованных русскому консулу, а провести расследование на месте. Однако лорд Кромер отверг их просьбу.

24 января газета «Аль-Ахрам» напечатала текст листовки, ходившей по Каиру. В ней говорилось: «Товарищи! Организованная и мирная демонстрация, в которой мы принимали участие, требуя уважения к праву на политическое убежище в отношении александрийцев, не принесла желаемого результата. Поэтому наш долг в отношении жертв произвола — принять решительные меры для того, чтобы свобода и человечность восторжествовали. Долг каждого человека — быть готовым к действиям и при необходимости отвечать на силу силой. Да здравствует русский народ, долой царизм!» Думаю, читатель согласится со мной, что эта листовка наверняка была

написана русским революционером-эмигрантом.

И русские дипломаты, и английские колониальные власти понимали: сбить волну выступлений можно было лишь отправкой арестованных из Египта. Но как это сделать? Александрийский порт блокирован демонстрантами, готовыми отбить у полиции трех русских. И тогда их специальным поездом тайно вывезли из Александрии в Порт-Саид. Смирнов с облегчением телеграфировал в Петербург: «Арестованные только что отправлены из Порт-Саида на пароходе «Корнилов». Их сопровождает стража в 10 человек». Было это вечером 26 января.

Через день весть о тайной депортации арестованных попала в газеты. Дальнейшие выступления были бессмысленны. Но еще долго эта бурная неделя была памятна и тысячам жителей Египта, и русским дипломатам, и английским колониальным властям.

Повторю еще раз: в выступлениях солидарности с арестованными русскими революционерами участвовали в основном иностранцы. Ведь в политическом отношении они были более просвещенными, чем египтяне. Да к тому же каждого из них в случае неугодной властям политической деятельности могла постигнуть участь этой тройки. Но важно и другое. Как писал египетский историк Абдель Ваххаб Бакр, иностранные рабочие были своего рода наставниками египтян и в области идеологии и политики, и в сфере рабочего движения. В данном случае они преподнесли своим местным товарищам предметный урок свободы.

Собственно, именно так и расценила январские события газета «Аль-Лива», основателем и редактором которой был лидер египетского национального движения Мустафа Камиль: «Мусульмане (читай: египтяне. — *В. Б.)* должны были бы активнее участвовать в этих выступлениях, — писала она 11 февраля, — чтобы понять наконец, что такое настоящая свобода».

И египтяне действительно сделали для себя соответствующие выводы. «Январские манифестации отдались гулким эхом в последовавших вскоре после них событиях», — отмечает Рифаат Саид. 1907 год вошел в историю Египта как год подъема национально-освободительного движения. Он стал последним в политической карьере лорда Кромера и первым в деятельности созданной Мустафой Камилем национальной партии. Страна сделала пусть небольшой, но необходимый шаг по пути к независимости.

Глава 5
Лондонский корреспондент

И снова ранним каирским утром я ожидаю в машине доктора Касема возле ресторана «Андалуз». На сей раз он не по-египетски точен. Возможно, дело в том, что нам надо заехать еще за одним человеком. Как доктор Ибрагим в Александрии, он будет нашим проводником в дельте Нила.

Доктор Хабиб — так зовут этого человека — живет неподалеку. Он уже завел двигатель своего «Фиата», так что через минуту-другую мы трогаемся в путь.

Наш провожатый — отпрыск богатых помещиков. Все земли вокруг деревни, куда мы сейчас едем, принадлежали его отцу. Да и сама деревня называется Завия аль-Хабиб — по имени семьи. Две проведенные после революции 1952 года, при президенте Гамале Абдель Насере, аграрные реформы существенно подорвали позиции помещиков в египетской деревне, но не уничтожили их окончательно. У доктора Хабиба все еще достаточно земли, чтобы безбедно жить в Каире на доход от сдачи ее в аренду и заниматься любимым делом — изучать фольклор.

Собственно, нас с доктором Касемом интересовала не вотчина Хабибов, а соседняя деревня Деншавай. 13 июня 1906 года там произошел инцидент, всколыхнувший всю страну и ставший толчком к интересному эпизоду в истории русско-египетских связей. Не сразу удалось мне восстановить этот эпизод и даже узнать подлинное имя его главного действующего лица.

На сей раз задачку задал сам доктор Рифаат Саид. «Личность, заслуживающая особого внимания, — Теодор Розенштайн, — писал он в своей книге. — Это был российский социалист, эмигрировавший в Лондон. Затем он приехал в Египет, где редактировал выходившую на английском языке газету Национальной партии «Иджипшн стандарт». Впоследствии Розенштайн написал книгу об истории английской оккупации Египта под названием «Гибель Египта». Книга была закончена в 1910 году, после чего он вновь уехал в Лондон. Удивительно, но Ахмед Шукри, переводчик этой книги на арабский язык, писал, что был лично знаком с Розенштайном. По его словам, после победы большевистской революции мистер Розенштайн вернулся

в Россию и работал личным секретарем Ленина. Затем российское правительство назначило его послом в Тегеран».

Кто бы это мог быть? Ведь известно, что среди секретарей В. И. Ленина не было человека по фамилии Розенштайн. А как насчет посланника в Тегеране? Смотрю «Дипломатический словарь». Фамилии «Розенштайн» там тоже нет.

Странно. Переводчик мог преувеличить близость Розенштайна к Ленину, чтобы придать больший вес его книге. Но с какой стати выдумывать ему должность посланника, да еще именно в Тегеране?

А что если фамилия исковеркана? Это частенько бывает при переводах имен собственных с одного языка на другой. В нашем же случае языков было сразу три — русский, английский и арабский. Вновь беру «Дипломатический словарь» и просматриваю уже все фамилии, хотя бы отдаленно напоминающие «Розенштайн». И — вот она, истина. «Ротштейн Федор Аронович (1871–1953). В 1920–1922 — полпред РСФСР в Иране».

Так вот оно что! Теодор Розенштайн на самом деле — Федор Ротштейн, известный ученый, дипломат и деятель большевистской партии. Только вот каким образом попал он в Египет? Собирая затем материалы о жизни и деятельности Федора Ароновича, я пришел к выводу, что истоки его «египетского периода» надо искать именно в Деншавае.

Деревня эта неподалеку от города Шибин аль-Кум ничем от соседних селений не отличается. Те же глинобитные дома, узкие немощеные улицы, где в пыли вперемежку с курами копошатся босоногие ребятишки, скромные лавчонки. И еще — голуби, кружащиеся в чистейшем египетском небе. Вот эти-то птицы, символ мира, и навели в тот июньский день 1906 года на деревню беду. О ней рассказывает маленький, в один зал, музей, созданный в 1964 году.

Смотритель музея дремлет у входа, в тени. Услышав наши приветствия, вскакивает, поправляет длинную рубаху-галабею и приглашает внутрь. Практически все экспонаты музея — это картины, развешанные по его стенам. Они повествуют о «Деншавайском деле» — именно так этот случай вошел в историю Египта.

Пятеро английских офицеров решили пострелять в Деншавае голубей. Устроились у гумна, где птиц было особенно много, открыли пальбу. Одна из пуль ранила работавшую неподалеку девушку, другая подожгла солому. Возмущенные крестьяне потребовали от англичан уйти из деревни. Те наотрез отказались и, задумав проучить египтян за «дерзкое поведение», затеяли с

ними драку. Но англичане переоценили свои силы и потому были вынуждены вскоре ретироваться. По пути из деревни один из них, потерявший в драке головной убор, получил солнечный удар и вскоре скончался. Однако колонизаторы обвинили в смерти офицера деншавайских крестьян. Их арестовали и отдали под суд. Приговор был суров: четверых повесить, девять человек сослать на вечную каторгу, большую группу крестьян выпороть у подножия виселиц. 28 июня на окраине деревни, в том самом месте, где стоит сейчас музей, приговор был приведен в исполнение.

Не могу сказать, знал ли В. И. Ленин об инциденте в Деншавае, но в своей статье «Горючий материал в мировой политике», опубликованной в 1908 году, он дал такую характеристику британским колонизаторам, которую, на мой взгляд, можно вполне отнести и к Египту. «Либеральные английские буржуа, раздраженные ростом рабочего движения у себя дома, испуганные подъемом революционной борьбы в Индии, все чаще, все откровеннее, все резче показывают, какими зверями становятся самые «цивилизованные», прошедшие самую высокую школу конституционализма, европейские политические «деятели», когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против капиталистической колониальной системы, т. е. системы порабощения, грабежа и насилия», — писал Ленин.

А над Египтом тем временем разразилась настоящая буря. Решение суда было столь вопиюще несправедливым, что всколыхнуло буквально всю страну. Во многих местах прошли демонстрации и митинги протеста, газеты заполнили негодующие статьи. Лидер египетского национального движения Мустафа Камиль решил срочно ехать в Лондон, чтобы мобилизовать либеральную английскую общественность на поддержку своего народа.

«Даровитый оратор и талантливый публицист, непримиримый враг владычества англичан в долине Нила» — так характеризовал Мустафу Камиля в одном из донесений в Петербург уже известный нам российский посланник в Каире А. А. Смирнов. Место этого человека в истории национально-освободительной борьбы египетского народа чрезвычайно почетно. Недаром на одной из центральных площадей в Каире Камилю установлен памятник, дом его превращен в музей, а могила стала предметом поклонения. В 1900 году он основал ежедневную газету на арабском языке «Аль-Лива» («Знамя») и проповедовал в ней идеи национальной независимости. Конечно, любые исторические параллели условны, но мне деятельность

Мустафы Камиля представляется чем-то сродни роли нашего А. И. Герцена и его «Колокола».

Так вот, Мустафа Камиль срочно поехал в Лондон. 24 июля 1906 года он встретился там с большой группой английских политических деятелей и журналистов. Среди присутствовавших был У. С. Блант — богатый аристократ, известный поэт и видный противник колониальной политики Англии. Блант неплохо знал ситуацию в Египте, поскольку имел там поместье и регулярно посещал эту страну. В 1901 году с его египетскими слугами произошло примерно то же, что и с деншавайскими крестьянами: их избили охотившиеся на лис английские офицеры, а затем еще и бросили в тюрьму «за правонарушение». Блант обнародовал этот случай в печати и парламенте, что вызвало шумный скандал. Так что он лучше многих в Англии понимал чаяния Мустафы Камиля.

Поездка в Лондон, а затем и в Париж привела Камиля к мысли, что надо начать издание в Каире ежедневных газет на английском и французском языках. Только так, решил он, голос египетского народа может быть услышан европейской общественностью. Вернувшись на родину, Камиль начал активную подготовку к выпуску этих газет. Деньги собирали по подписке. Новым изданиям дали название «Египетское знамя». Вечером 2 марта 1907 года вышел первый номер «Этандар эжипсьен», а утром следующего дня — «Иджипшн стандарт». К сотрудничеству в них Мустафа Камиль привлек группу видных европейских либералов и социалистов. Нужны были газете и свои корреспонденты в Лондоне и Париже. Камиль обратился за советом к Бланту, и тот предложил в качестве лондонского корреспондента своего друга Федора Ротштейна.

Почему же выбор Бланта, которому доверился Мустафа Камиль, пал именно на Ротштейна? Дело в том, что к тому времени Федор Аронович завоевал у английской общественности репутацию человека социалистических взглядов, способного публициста, интернационалиста. Здесь надо, хотя бы вкратце, рассказать о том, как сложилась его судьба.

Ф. А. Ротштейн еще в юности встал на путь революционной деятельности. Сын аптекаря, он в полтавской гимназии примкнул к народовольцам и вскоре оказался под угрозой ареста. Выход был один — эмигрировать, и в 1891 году юный Ротштейн приехал в Англию. Видный советский дипломат И. М. Майский, посвятивший в своей книге «Воспоминания советского посла» Федору Ароновичу специальный раздел, отмечал, что Ротштейн отличался от основной массы русских эмигрантов в первую очередь тем, что быстро выучил язык и «был тесно связан с

английской жизнью». В 1895 году он вступил в английскую Социал-демократическую федерацию, а шесть лет спустя — и в Российскую социал-демократическую рабочую партию. Ротштейн принимал активное участие в организации издания ленинской «Искры» в Лондоне и после второго съезда РСДРП примкнул к большевикам. В 1902–1903 годах он неоднократно встречался в английской столице с Лениным. Владимир Ильич и в дальнейшем поддерживал связи с Федором Ароновичем, высоко ценил его. В письме в редакцию газеты «Правда» от 19 июля 1912 года Ленин назвал Ротштейна известным марксистом. Кстати сказать, в первом номере «Правды», вышедшем 5 мая 1912 года, в списке ее постоянных сотрудников значится: «Ф. Ротштейн (Лондон)».

В 1901 году, когда на юге Африки Англия продолжала вести колониальную войну против буров — потомков белых колонистов, тогдашний лидер английской Социал-демократической федерации (СДФ) Гайдман предложил прекратить антивоенную борьбу. Ротштейн резко ответил ему в печати. В завязавшейся дискуссии выяснилось, что огромное большинство рядовых членов федерации поддерживает Ротштейна. Вскоре после этого Федор Аронович был избран членом исполкома СДФ и стал признанным лидером ее левого крыла. Замечу, что федерация публично осудила зверства англичан в отношении египетских крестьян из Деншавая.

Лондонский корреспондент каирской газеты — для русского большевика, как писал впоследствии его сын А. Ф. Ротштейн, «это было начало периода очень активной поддержки национально-освободительной борьбы египетского народа, который оставил у меня неизгладимое впечатление. Английское издание, которое вскоре начало ежедневно поступать в наш лом, отпечатанное на шероховатой бумаге слепым шрифтом, было первой иностранной газетой, с которой я познакомился. Как мне ныне кажется, разговор о газете, о талантливом лидере националистов Мустафе Камиль-паше заполнили почти три года нашей жизни».

В один из субботних дней я опять поехал в библиотеку «Дар аль-кутуб», чтобы посмотреть, о чем сообщал из Лондона в «Иджипшн стандарт» Ф. А. Ротштейн. Бережно раскрыл подшивку. Подзаголовок гласил: «Ежедневная национальная газета». В углу слева — девиз: «Египет — для египтян». Заметки под рубрикой «От нашего собственного корреспондента в Лондоне» присутствовали практически в каждом номере. Их автор дискутировал с теми, кто считал, что Египет не дорос до независимости. «К счастью, Египет не есть, не был и не будет в такой ситуации, как Индия, — утверждал Ротштейн в номере от 26 марта 1907 года, — и британские государственные деятели,

будь то империалисты-консерваторы или империалисты-либералы, не являются единственными вершителями его судеб». Много сообщений — о росте симпатий общественности Англии к национальным устремлениям египтян. «До Деншавая английская публика была совершенно равнодушна к тому, что происходит в Египте, — отмечалось в корреспонденции, опубликованной 8 марта. — В настоящий момент в Англии возрождается значительный интерес к египетскому вопросу благодаря энергичным усилиям старых и новых противников империалистической экспансии». Возвращаясь 11 апреля к «Деншавайскому делу», Ротштейн назвал реакцию на него официального Лондона «отражением империалистической морали».

То, что Ф. А. Ротштейн был корреспондентом «Иджипшн стандарт», мне удалось выяснить довольно легко. Но вот был ли он какое-то время еще и редактором этой газеты? То есть жил в Египте, работал рука об руку с Мустафой Камилем? На этот счет у меня сразу же возникли сомнения. Смущал прежде всего тот факт, что ни его сын, ни И. М. Майский ничего об этом не писали, хотя и упоминали о корреспондентской работе Федора Ароновича.

Я продолжал поиски. В одной из советских газет меня привлекло сообщение о том, что личные бумаги Ф. А. Ротштейна хранятся в архиве Академии Наук СССР. Сделал туда запрос. Ответ был таков: ни одного документа, подтверждающего, что Ротштейн бывал в Египте, в его бумагах нет.

Памятник Мустафе Камилю в Каире

Впрочем, Федор Аронович вернулся на родину не совсем обычным путем. Летом 1920 года он был назначен членом советской делегации во главе с Л. Б. Красиным, которая вела торговые переговоры в Англии. Спустя некоторое время появилась необходимость съездить в Москву, чтобы проинформировать правительство о ходе переговоров и ситуации в стране. Ротштейн после 29-летнего отсутствия приехал в Россию, но скоро узнал, что дорога назад ему закрыта: английский министр иностранных дел лорд Керзон дал строжайшее указание не выдавать въездной визы. Так что практически все лондонские архивы Ротштейна остались в Англии. Иными словами, ответ из архива Академии Наук, вероятно, и не мог быть другим.

Картина не прояснилась. Тогда я попытался найти старшего сына Федора Ароновича — Андрея, или, как у нас его нередко называли на английский манер, Эндрю Ротштейна. Он родился в 1898 году в Лондоне и всю жизнь прожил там. Поскольку Эндрю Ротштейн — видный общественный деятель, мои лондонские знакомые сравнительно быстро сообщили мне его домашний телефон. 29 мая 1987 года я позвонил из Каира в Лондон.

Андрей Федорович ответил на мой вопрос на чистом русском языке.

— Нет, молодой человек, мой отец никогда в Египте не был и газету «Иджипшн стандарт» не редактировал. Насколько мне известно, он даже лично не был знаком с Мустафой Камилем. Но отец очень уважал этого выдающегося человека. На столе в его кабинете даже стоял портрет Камиля.

Ну что ж, с газетой, кажется, все ясно. Осталось разобраться с книгой.

Появление ежедневных газет, на двух европейских языках дало новый импульс египетскому национальному движению. Да и сам Мустафа Камиль развил после «Деншавайского дела» исключительно бурную деятельность. Он разъезжал по стране, ежедневно выступая на митингах, готовился к созданию собственной политической партии. Международный резонанс всех этих шагов был настолько велик, что лорд Кромер, бессменно правивший страной с 1883 года, в апреле 1907 года был вынужден подать в отставку. Формально — по состоянию здоровья, фактически же — из-за того, что колонизаторы решили несколько изменить методы управления Египтом. Вернувшись в Лондон, лорд Кромер вскоре издал там двухтомник «Современный Египет», в котором всячески оправдывал

деятельность англичан в этой стране. Ему подпевали европейские оппортунисты. Все это убедило Ф. А. Ротштейна: необходимо написать такую книгу о колонизации Египта Англией, которая стала бы марксистским ответом апологетам империализма. «Ближайшим поводом к ней, — вспоминал потом Федор Аронович, — была небольшая статья Эдуарда Бернштейна (не помню уже где), в которой он восхвалял замечательные деяния англичан в Египте как образчик современного колониального культуртрегерства».

1908 год стал началом нового этапа в «египетском периоде» жизни Ф. А. Ротштейна. Опираясь на опыт работы в «Иджипшн стандарт», он засел за сбор материалов для будущей книги. «Для этой цели я в течение двух лет изучал документы в библиотеке Британского музея, — писал Федор Аронович в предисловии к первому русскому изданию этой книги, вышедшему в 1925 году. — Я думаю, что я тогда исчерпал практически все, что можно было с пользой изучить».

А в Египте тем временем происходили серьезные перемены. В феврале 1908 года скончался от чахотки в возрасте 34 лет Мустафа Камиль, подорвавший здоровье подвижническим трудом на благо египетского народа. Пятьдесят тысяч египтян, знатного и низкого происхождения, провожали его до могилы с выражением глубочайшего горя. «Смерть устранила талантливого и энергичного человека, который мог бы сделаться крайне неприятным для англичан», — писал в Петербург посланник А. А. Смирнов.

— Отец очень расстроился, узнав о смерти Мустафы Камиля, — сказал мне по телефону Эндрю Ротштейн, — и говорил, что Англии просто повезло.

Действительно, преемник Камиля, Мухаммед Фарид, не обладал ни его талантами, ни его популярностью. Воспользовавшись этим, колониальные власти вскоре перешли в наступление на египетское национальное движение. В марте 1909 года они ввели чрезвычайное положение, направленное в первую очередь против основанной Мустафой Камилем незадолго до смерти Национальной партии. Часть активистов партии эмигрировала, другая ушла в подполье. Издававшиеся ею газеты были закрыты.

Корреспондентская работа Ротштейна в «Иджипшн стандарт» закончилась, но связи с египетским национальным движением не прерывались. В сентябре 1909 года египетские борцы за независимость провели в Женеве молодежный конгресс, на который пригласили Федора Ароновича. Участники конгресса приняли программу, которую сам Ротштейн в своей книге назвал

«крайней левонационалистической». Кстати говоря, именно на конгрессе в Женеве мог познакомиться с Ротштейном переводчик его будущей книги Ахмед Шукри. Ну а Рифаат Саид высказал предположение, что на «полевение» Национальной партии могло повлиять присутствие на конгрессе «Розенштайна». Что ж, это не исключено, ведь для молодых египетских патриотов 38-летний Федор Аронович был «старшим товарищем». И все же, думается, главная причина этого лежала в объективных обстоятельствах — усилении репрессий со стороны колонизаторов и малой эффективности традиционных, «парламентских» форм борьбы.

Вскоре после конгресса в Женеве Ф. А. Ротштейн закончил работу над книгой. Однако выяснилось, что написать ее — еще полдела. Другая половина — издать в кичащейся своей демократией Англии исследование, разоблачающее ее официальную политику. И тут на помощь пришел Блант. Он нашел издателя, предоставил ему финансовые гарантии, написал предисловие к книге. В 1910 году работа Ф. А. Ротштейна «Разорение Египта» увидела в Лондоне свет на английском языке.

Книга Ротштейна, соединившая в себе качества первоклассного научного труда и обвинительного акта против британского империализма, была встречена в либеральных кругах с интересом. Историк Гуч дал ей меткое название «Анти-Кромер». Отрывки из книги напечатали левые английские и египетские газеты. Но лишь в 1921 году она была впервые издана в Каире на арабском языке в переводе Ахмеда Шукри, да и то с большими купюрами. И название книге пришлось дать другое — «История египетского вопроса». Спустя два года, после формального предоставления Англией независимости Египту, книгу Ротштейна удалось издать в Каире целиком.

Еще через два года труд Федора Ароновича вышел и на его родине. Для первого русского издания 1925 года автор добавил четыре главы, расширив хронологические рамки своего повествования. Уже после смерти Ротштейна, в 1959 году, его книга под названием «Захват и закабаление Египта» была издана в нашей стране вторично. Причем автор предисловия писал: «Монография Ф. А. Ротштейна выдержала самое трудное испытание, которому подвергается литературное произведение, — испытание временем».

В справедливости этого суждения я убедился, когда стал обладателем второго издания полного перевода книги Ротштейна на арабский язык. Оно было предпринято в Бейруте в начале 1981 года группой живших в ту пору в Ливане левых египетских деятелей, вынужденных эмигрировать из-за преследований тогдашнего президента Садата. Пробегая послесловие, обратил

внимание на такую фразу: «Польза от этой книги в том, что, хотя захватчики и изменились, суть их политики та же — подчинить себе нашу страну, эксплуатировать ее богатства». Весьма прозрачный намек на попытки США втянуть Египет в орбиту своей политики!

Завидная судьба у этой книги. Она актуальна и поныне. Ну а как сложилась впоследствии судьба самого Федора Ароновича? Об обстоятельствах его возвращения на родину я уже рассказывал. Десятилетие между выходом книги в Лондоне и приездом в Москву было заполнено у него главным образом активной деятельностью в английском рабочем движении. Ротштейн стал лидером левого крыла Британской социалистической партии (БСП). В годы Первой мировой войны занимал твердую интернационалистическую позицию и в апреле 1916 года на конференции БСП повел за собой четыре пятых делегатов. В 1918–1920 годах был одним из руководителей массового движения в Англии под лозунгом «Руки прочь от России!»

В 1920-е годы Федор Аронович находился на дипломатической работе, а затем отдал все свои силы научным исследованиям. Он — автор нескольких книг по истории рабочего движения на Западе и внешней политике западных держав. В 1939 году был избран действительным членом Академии Наук СССР.

Когда перечисляешь самые важные вехи долгой и насыщенной событиями жизни академика Ф. А. Ротштейна, трехлетний «египетский период» может показаться лишь маленьким эпизодом. Собственно, если оценивать его во времени, то он и был таковым. Но зато каким ярким был этот период, если и по сей день, спустя целый век, имя Ротштейна помнят в Египте! Федор Аронович показал египетским борцам за свободу и счастье родины блестящий пример интернационализма русского человека, который воспринимает боль других народов как свою собственную.

Глава 6
Неудавшийся побег

Эпизод, о котором я собираюсь рассказать в этой главе, во многом схож с «уроком свободы». То же место действия — Александрия и отчасти и те же действующие лица, например российский посланник А. А. Смирнов. Главный герой, Михаил Адамович, как и Махар Боцоев, из черноморских моряков. И все же, как известно, «в одну и ту же воду нельзя войти дважды», так что события, разыгравшиеся в Египте весной 1913 года, были уже несколько иными. Впрочем, по порядку.

В конце 1910 года в Одессу вернулись из ссылки активные участники первой русской революции. Они попытались воссоздать Союз торговых моряков Черного моря, наладить издание нелегальной газеты «Черноморец». Но времена в России все еще были очень трудные. Удалось выпустить всего один номер газеты. Организованная осенью 1911 года забастовка моряков-черноморцев закончилась поражением. Тогда и возникла мысль перенести руководство Союза за границу.

В конце 1911 года в Константинополе был сформирован новый состав Заграничного комитета Союза черноморских моряков. Одним из его руководителей стал социал-демократ Михаил Адамович. Это он возглавлял первый профсоюз черноморцев «Регистрация» в 1906 году. После поражения революции Адамович жил в Мюнхене.

Там же, в Константинополе, в начале февраля 1912 года вышел первый номер ежемесячной газеты «Моряк». Но ситуация в турецкой столице оказалась неблагоприятной для русских революционеров. Несколько номеров «Моряка», начиная с шестого, пришлось печатать в Варне при содействии болгарских социал-демократов, а в конце года редакция газеты и резиденция Заграничного комитета Союза черноморских моряков переместились в Александрию.

Надо сказать, что черноморцы действовали очень активно. Они посещали практически все русские суда, заходившие в Александрию, вели революционную агитацию среди команд. Установили контакты с партийными организациями причерноморских городов, особенно Одессы, с командами некоторых военных кораблей, с бывшими потемкинцами. Вот выдержка из письма в редакцию «Моряка» из румынского города

Галац от 28 октября 1912 года:

> «Дорогие товарищи! Ваша газета «Моряк» разыскала и нас, потемкинцев. Горячо приветствуем начатое вами дело и напоминаем вам, что мы, потемкинцы, тоже моряки, но боролись мы не только за наши моряцкие нужды, а и за освобождение всего рабочего класса. Мы рвем ту вековую цепь, которая сковывает весь русский народ».

Деятельность Заграничного комитета обеспокоила царские власти. То ли вспомнили они о не столь уж давних днях революции, то ли наиболее дальновидные почувствовали приближение революции новой, только реакция царизма была решительной и даже в какой-то степени лестной для Адамовича и его товарищей.

В феврале 1913 года одесский градоначальник провел специальное совещание. Начальник жандармского управления полковник Заварзин сделал доклад. «За последние два года ярко обозначилось значение морских революционных организаций в Константинополе и Александрии со связями с Парижем и Веной, — заявил он, — настойчиво ведущих пропаганду среди моряков коммерческого и военного флотов и достигших крупных результатов». Докладчик потребовал «принять меры к задержанию и препровождению в Россию проживающих в пределах Турции и Египта русских революционных деятелей».

Поскольку для осуществления этого требования нужно было добиться согласия соответствующих иностранных властей, дело «Моряка» было передано особому совещанию кабинета министров. Протокол совещания был рассмотрен самим царем.

Особое совещание постановило, что «первейшею задачею должно являться арестование главного руководителя означенного движения, проживающего в Александрии революционера Адамовича. Для обеспечения выполнения сего командирам судов торгового флота должно быть предписано, в случае появления Адамовича на судах, немедленно захватить его и привезти в Одессу для передачи в распоряжение жандармских властей». Консульским представителям России за границей предписывалось оказывать «должное содействие русским полицейским властям в предпринимаемых ими здесь агентурным способом шагах».

М. Адамович жил в Египте под именем немецкого подданного Александра Корнельсона, так что его нельзя было арестовать без согласия немецкого консульства. Согласие это русским дипломатам удалось получить довольно быстро. Не было задержки и с распоряжением об аресте со стороны египетского

министерства внутренних дел, где, как и по всей стране, хозяйничали англичане. Колонизаторы и сами были не прочь избавиться от русских революционеров, поскольку, с их точки зрения, они оказывали «дурное влияние» на египтян. «По имеющимся у меня сведениям, националистические и даже анархистские идеи никогда еще не были так распространены в Египте, как в настоящее время, особенно среди молодежи, — писал в Петербург в январе 1913 года посланник Смирнов. — Начальник здешней полиции говорил мне, что он поражен, с какой силой и быстротой распространяются в Египте анархистские учения».

Оставим на совести Смирнова туманную терминологию, согласно которой все революционные идеи автоматически были зачислены в «анархистские». Нет, в Египте речь шла не о собственно анархистах, а о зарождении социалистического движения. Еще в 1908 году в стране возникла первая партия, называвшая себя социалистической, — Благословенная социалистическая партия. Она была вскоре разгромлена англичанами и местной полицией. Но невозможно было поставить заслон проникновению в Египет из Европы идей социализма. Под сильным их влиянием находился преемник Мустафы Камиля — Мухаммед Фарид. В 1913 году публицист Саляма Муса, завоевавший впоследствии широкую популярность, опубликовал в Каире брошюру под названием «Социализм», где изложил основы социалистического учения. «Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию, — писал В. И. Ленин в том же, 1913, году в статье «Пробуждение Азии». — Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулись к новой жизни и борьбе за азбучные права человека, за демократию». И хотя основная часть Египта географически находится в Африке, там происходил, по сути дела, тот же процесс, что был подмечен Лениным в странах, лежащих к востоку от Суэцкого канала.

7 мая 1913 года Михаил Адамович был арестован в Александрии и брошен в местную тюрьму. Там уже находился еще один русский революционер — Владимир Терский, схваченный незадолго до этого за распространение нелегальной литературы.

Об аресте Адамовича Смирнов тут же сообщил в Петербург, причем отметил, что он «дал в распоряжение Императорского Правительства в высшей степени интересный и важный материал. Найдены были документы по организации судовых команд, сама печать организации, разные списки, письма от содержавшихся в

России в заключении лиц и корреспонденция, устанавливающая связи организации с подобными же союзами на Западе и с рабочими комитетами Европы».

Забегая вперед, замечу, что все эти материалы фигурировали в качестве доказательств вины подсудимых на состоявшемся во второй половине 1914 года в Одессе процессе по делу «Моряка». Сам Адамович отмечал впоследствии в своих воспоминаниях, что 98 томов этого дела «хранятся на полках одесского Истпарта».

Я попытался разыскать эти документы. Ведь они могли бы дать богатый материал и о связях организации, в том числе, возможно, и с египтянами, и о русских революционерах-эмигрантах в Египте, содержать какие-то адреса, по которым можно было бы пройти в поисках очевидцев тех событий или просто связанных с ними мест.

Сделал запрос в Одессу. Ответ был разочаровывающим. Документов этих в местном архиве нет. В хранящихся там воспоминаниях бывшего уполномоченного судовой команды парохода «Инженер Авдосков» в Союзе черноморских моряков И. Ф. Иващенко высказано предположение, что все 98 томов погибли в годы Великой Отечественной войны. Очень жаль! Без них известно лишь одно место в Египте, связанное с «Моряком», — александрийская тюрьма Аль-Хадра, где Адамович провел почти месяц. Она и сегодня используется по своему прямому назначению.

Российские дипломаты в Египте всячески подчеркивали, сколь «важную птицу» удалось им поймать. Смирнов писал в Петербург: «Арестованные в Александрии Адамович и В. Терский, так же как и сожительница первого швейцарская подданная г-жа Трипе, урожденная Хохлова, являются столь значительными революционными деятелями, что их, конечно, не командировали бы в Египет, если бы не предполагали сюда перенести один из важных центров заграничной антиправительственной агитации. На значение этих лиц, особенно Адамовича, указывает как тот шум, который арест наделал в Европе, так и доставляемая в наше консульство в Александрии корреспонденция Адамовича, поражающая своими размерами и состоящая из революционно-анархистских листков и публикаций, сношений с европейскими революционными фракциями и организациями, а также масса писем разных революционных деятелей, каковые письма дадут полиции обильный и важный материал».

В списке лиц, связанных с Союзом черноморских моряков, который был найден при аресте Адамовича, фигурировали двое русских, проживавших в Египте. Один из них, чье имя не привели царские дипломаты, — в Каире, другой, журналист Сергей

Юрицын, — в Хелуане, где, по словам посланника Смирнова, он «основал торговое дело по цветоводству». «После освободительного движения Юрицын спешно покинул Россию, — сообщал также в российское Министерство иностранных дел Смирнов, — где он подвергался судебной ответственности за напечатанные им статьи, и как бывший журналист поддерживал и здесь связи с либеральными кружками и с представителями печати». У обоих были произведены обыски, но ничего подозрительного обнаружить не удалось.

Значит, Юрицын бежал из России в Египет после революции 1905 года? Может, именно он, журналист, так горячо выступал на митинге в гостинице «Континенталь» в январе 1907 года в защиту трех арестованных русских революционеров, писал ту самую листовку, что была опубликована газетой «Аль-Ахрам»? Увы, это хоть и вероятное, но предположение.

Между тем весть об аресте Адамовича быстро достигла Европы и вызвала возмущение в ее рабочих кругах. Несколько английских профсоюзов обратились к правительству с протестом и требованием немедленно освободить арестованного. В палате общин было сделано три запроса о судьбе Адамовича. С протестами выступили рабочие организации Франции, Бельгии, Германии и Австрии. Громко звучали слова возмущения и в Египте. «Лондонские и другие европейские рабочие листки заволновались по поводу ареста члена рабочего союза, — писал в Петербург Смирнов, — а за ними и некоторые из здешних газет стали настойчиво требовать в силу гуманитарных начал освобождения Адамовича, которому за его либеральные убеждения предстоит якобы смертная казнь или по меньшей мере пожизненная каторга в Сибири. В печать проникли даже собственные письма Адамовича, написанные им в тюрьме и умоляющие британские власти и английский народ не допустить, чтобы он погиб жертвою своих либеральных убеждений».

Накал событий нарастал. «В рабочих и социалистических кругах Александрии и Каира происходили митинги, обсуждавшие меры к недопущению отправки арестованных в Россию, — указывалось в очередной депеше царского посланника. — Предполагалось собрать толпу и попытаться из засады отбить отправляемых. Было также прибегнуто и к устрашению: мне было передано, что я и оба наши консульские представители в Каире и Александрии приговорены к смерти в случае, если арестованные будут все-таки отправлены в Россию».

Тень «урока свободы», доставившего представителям русского самодержавия в Египте немало тревог, нависла над ними вновь. «У меня еще свежи в памяти события 1907 года», — признавался

Смирнов.

Царские дипломаты старались любыми способами избежать «повторения пройденного». Смирнов, с одной стороны, пытался увещевать местную печать, а с другой — добивался от Петербурга скорейшей отправки арестованных в Россию. Его пугала и другая перспектива — что они могут бежать из тюрьмы, и тогда громкое дело закончится скандалом для русского правительства, да и для него самого. «Подпольная деятельность единомышленников Адамовича и воздействие Европы на здешних рабочих-европейцев, весьма восприимчивых к революционно-анархистским идеям, продолжаются с прежней энергией, а на собраниях и митингах по-прежнему обсуждается вопрос о мерах по освобождению Адамовича, — с тревогой писал посланник в Петербург 30 мая. — Вследствие этого, пока арестованный не отбудет из Египта, агитация станет неизбежно продолжаться, а она, как мы были уже тому свидетелями, всегда может вызвать либо враждебные нам демонстрации, либо вспышки насилия и беспорядки, подобные происходившим в 1907 году, не говоря уже о том, что, пока Адамович находится в египетской тюрьме, отнюдь не невозможна какая-либо попытка к его освобождению».

Смирнов, что называется, как в воду глядел. Товарищи Адамовича организовали ему побег. Он ускользнул из камеры, взобрался на тюремную стену и спрыгнул вниз. Оставалось совсем немного — добраться до припрятанного неподалеку велосипеда. Но острая боль обожгла вывихнутую при неудачном приземлении ногу. Пока Адамович приходил в себя, полицейские задержали его и вновь водворили в тюремную камеру.

Хочу обратить внимание читателя на такой любопытный факт. Рассказывая о неудачном побеге Адамовича из тюрьмы, газета «Моряк», а она продолжала выходить, писала в номере от 12 сентября о сочувствии к нему со стороны египтян. Тюремный инспектор даже пожелал Адамовичу «успеха в следующий раз». В местных газетах появились статьи, полные восхищения мужеством русского революционера. Так что, хотя движение солидарности с арестованными, как и в деле Боцоева, родилось в первую очередь в среде европейских рабочих-иммигрантов (Смирнов даже писал, что «арабская печать мало интересовалась делом Адамовича»), египтяне по-своему тоже участвовали в нем.

Предпринятая Адамовичем попытка побега из тюрьмы не на шутку испугала царских дипломатов. «Нахожу присылку за ним жандармов мерой, совершенно необходимою, — телеграфировал Смирнов. — Вследствие возбуждения судовых команд отправление без надежного конвоя было бы крайне опасно, а быть может, совсем невозможно». Это предложение получило в

Петербурге поддержку. За Адамовичем и Терским была прислана охрана из 16 жандармов во главе с начальником одесского сыскного отделения. Для того чтобы усыпить бдительность пикетчиков в Александрийском порту, проделали такой трюк. За час до отхода парохода арестованных привезли на автомобиле из тюрьмы в портовую таможню. Пароход снялся без них. Перед выходом из порта он остановился, поджидая таможенную шлюпку. На ней были доставлены под усиленным конвоем Адамович и Терский.

Но и это еще было не все. В Константинополе на борт парохода поднялся сам начальник одесского жандармского управления полковник Заварзин, а в Черном море судно эскортировали два эсминца, специально вызванные для этой цели из Севастополя.

Состоявшийся через год после этого суд по делу Союза черноморских моряков приговорил М. Адамовича и большую группу других подсудимых к ссылке в Енисейскую губернию. Освободила их Октябрьская революция.

Глава 7
Обелиск в Порт-Саиде

Порт-Саид, декабрь 1986 года. Затаив дыхание, впервые иду по аллее греческого православного кладбища. Где-то здесь похоронены моряки с русского крейсера «Пересвет». Внимательно разглядываю надгробья, часовни. Почти все они — подлинные произведения искусства, с узорчатыми барельефами и беломраморными скульптурами. Свидетельства былого величия. Греческая колония в Порт-Саиде была многочисленна и богата. Но после национализации Суэцкого канала в 1956 году многие греки уехали. Кладбище постепенно приходит в запустение. Некоторые памятники уже обрушились, не выдержав груза времени и одиночества.

Но вот слева от аллеи мелькнули якорные цепи. Подхожу ближе. Небольшой участок кладбища огорожен. Посредине — скромный обелиск с надписью: «Русским морякам, погибшим на боевом посту в январе 1917 года. Сооружен министерством обороны Союза ССР в 1954 году». У подножия обелиска — два якоря. Вокруг — могилы моряков. 26 из них безымянны, на надгробиях — лишь мраморные плиты с крестом. А на 27-й надпись: «Лейтенант Иван Иванович Рентшке, старший артиллерийский офицер крейсера «Пересвет». Погиб 22 декабря 1916 года». 22 декабря — это по старому стилю. По-новому же — 4 января 1917 года. Погиб вместе с крейсером и десятками своих товарищей.

В день 70-летия гибели «Пересвета» я вновь приехал на кладбище в Порт-Саиде, но уже не один. Из Каира прибыла также группа сотрудников советских учреждений. Подкрасили ограду, якоря, цепи. Возложили цветы к могилам соотечественников.

Мы тогда почти ничего не знали о судьбе ни «Пересвета», ни его команды. В книгах по истории русского флота о них было сказано скупо. Путь крейсера в Порт-Саид выглядел так.

«Пересвет», построенный как эскадренный броненосец, был спущен на воду 7 мая 1898 года, вступил в строй в 1901 году. Водоизмещение — 12 674 тонны, экипаж — 24 офицера и 736 матросов. Во время русско-японской войны входил в состав порт-артурской эскадры. Упоминается в известном романе Валентина Пикуля «Крейсера». 7 декабря 1904 года затонул на внутреннем рейде Порт-Артура, по одной версии — от попадания японского

снаряда, по другой — затоплен командой перед сдачей крепости. Впоследствии поднят японцами, отремонтирован и назван «Сагами».

В 1916 году русское правительство, срочно нуждавшееся в усилении морской обороны севера страны, выкупило «Пересвет», а также знаменитый крейсер «Варяг» и броненосец «Полтава» (ему дали новое название — «Чесма»). Все эти корабли в русско-японскую войну постигла одна и та же участь. Команды для них набирали так: отправили на Дальний Восток по тысяче матросов с Балтийского и Черноморского флотов. Среди черноморцев не менее 600 были «политически неблагонадежными». Во Владивостоке у них нашли прокламации, направленные против войны и царизма. Власти произвели аресты.

Не могу точно сказать, как обстояли дела с политической благонадежностью балтийцев, но, думаю, не лучше, чем у черноморцев. 1916 год — период революционного брожения, и одним из его активных очагов был военно-морской флот. В ту пору он по праву считался самым технически сложным видом вооруженных сил. На флот призывали народ грамотный, преимущественно из рабочих, не то что в армию. Так что моряки раньше и яснее многих других в стране увидели всю чудовищность мировой бойни, развязанной империалистами, всю антинародность царизма. И наверняка командующий Черноморским флотом адмирал Колчак действовал вполне сознательно, когда отправил на Дальний Восток преимущественно революционно настроенных матросов, — подвернулся счастливый случай избавиться от них. Можно с большой долей уверенности предположить, что точно так же поступило и командование Балтийского флота. Словом, экипажи трех кораблей, включая «Пересвет», были во многом сформированы из «политически неблагонадежных».

6 апреля 1916 года «Пересвет» был зачислен в класс крейсеров, а спустя полгода отправился из Владивостока в дальний переход. Ему предстояло обогнуть с юга Азию, пройти через Суэцкий канал в Средиземное море, а затем вокруг Европы прибыть в Архангельск. Экипаж без офицеров насчитывал 815 человек. Командовал «Пересветом» капитан первого ранга Константин Петрович Иванов-тринадцатый. Валентин Пикуль в романе «Крейсера» несколько раз упоминает этого человека. В годы Русско-японской войны он был лейтенантом, служил на крейсере «Рюрик» порт-артурской эскадры, геройски погибшим 1 августа 1904 года. Израненный крейсер был затоплен командой, при этом, по словам Пикуля, молодой лейтенант проявил решительность и мужество.

Вот, собственно, практически и все, если не считать официальной версии гибели «Пересвета» в Порт-Саиде, что мне удалось узнать в самом начале поиска. А еще — что его спасенная команда какое-то время находилась в Египте. Прояснить картину можно было лишь в том случае, если действовать с двух сторон, то есть вести поиски и в Египте, и в Союзе. Я отправил запросы в Центральный государственный архив Военно-морского флота в Ленинграде и в Архив внешней политики России в Москве, а сам первым делом поехал в Национальную библиотеку «Дар аль-кутуб» — смотреть газеты за январь 1917 года. К моему великому удивлению, ни одна из них не сообщила о гибели «Пересвета», хотя информации о военных действиях на морях там было предостаточно. Вот так бывает порой: вместо разгадки — еще одна загадка…

Собрался вновь в Порт-Саид. Это и сегодня сравнительно небольшой город, а 70 с лишним лет назад он был совсем невелик. Не может быть, рассуждал я, чтобы длительное пребывание там сотен русских моряков прошло бесследно. Но, как и в случае с «Искрой» в Александрии, нужен был опытный, заинтересованный помощник из местных. Обратился к доктору Касему. Он посоветовал связаться с его бывшим студентом, учителем истории Мухаммедом Мограби. Что я и сделал.

Мограби, невысокий плотный мужчина лет 35, встретил меня приветливо. Долго расспрашивал о перестройке в СССР, демонстрируя при этом зрелость и глубину суждений. Потом внимательно слушал историю «Пересвета». Нет, о взрыве крейсера он ничего не слыхал, как и о русских моряках. Но согласился с тем, что память о них должна остаться.

И вот мы вместе идем по городу, по египетским меркам совсем юному, не похожему ни на один другой город страны. Порт-Саид был основан в середине XIX века, во время строительства Суэцкого канала, у его северного входа. Здесь размещалось управление компании канала, и три зеленых купола двухэтажного здания и по сей день украшают город. Работали в компании в ту пору одни европейцы, и Порт-Саид строился специально для них. Геометрически правильная прямоугольная планировка, невысокие дома с резными деревянными балконами на деревянных колоннах, христианские церкви. А еще жили там рабочие: египтяне, обслуживавшие порт, и рыбаки — на окраинах, в убогих домишках.

Сначала Мограби ведет меня домой к пожилому человеку, одному из старожилов города. Мой вопрос ставит его в тупик. Затем идем в здание городского суда, к адвокату, известному своими краеведческими познаниями. Он лишь пожимает плечами.

Теперь наш путь лежит к старому зданию компании Суэцкого канала — историческому центру Порт-Саида. Пытаемся повторить то, что принесло успех в Александрии, — расспрашивать стариков в кофейнях. Увы, и это не помогает. Возвращаюсь в Каир усталый и разочарованный.

Недели через две в корпункте раздается телефонный звонок.

— Это Мограби, — слышу в трубке знакомый голос. — Приезжайте, я нашел старика, который помнит, как погиб ваш крейсер.

Двухсоткилометровый путь от Каира до Порт-Саида обычно занимает часа два с половиной — три, но в тот раз мне хватило и двух. Пришлось подождать немного Мухаммеда.

Едем в старую часть города. По темной лестнице поднимаемся на второй этаж. Дверь открывает девчушка.

— Дедушка, это к тебе!

Седой сухощавый старик приглашает нас к себе в комнату. Весь его вид говорит о почтенном возрасте. В самом деле, Махмуд аль-Масри родился в 1896 году. Значит, уже перевалило за 90. Но демонстрирует завидную для своих лет бодрость.

— Шью костюмы для местной театральной труппы, — поясняет старик, заметив, что я разглядываю комнату.

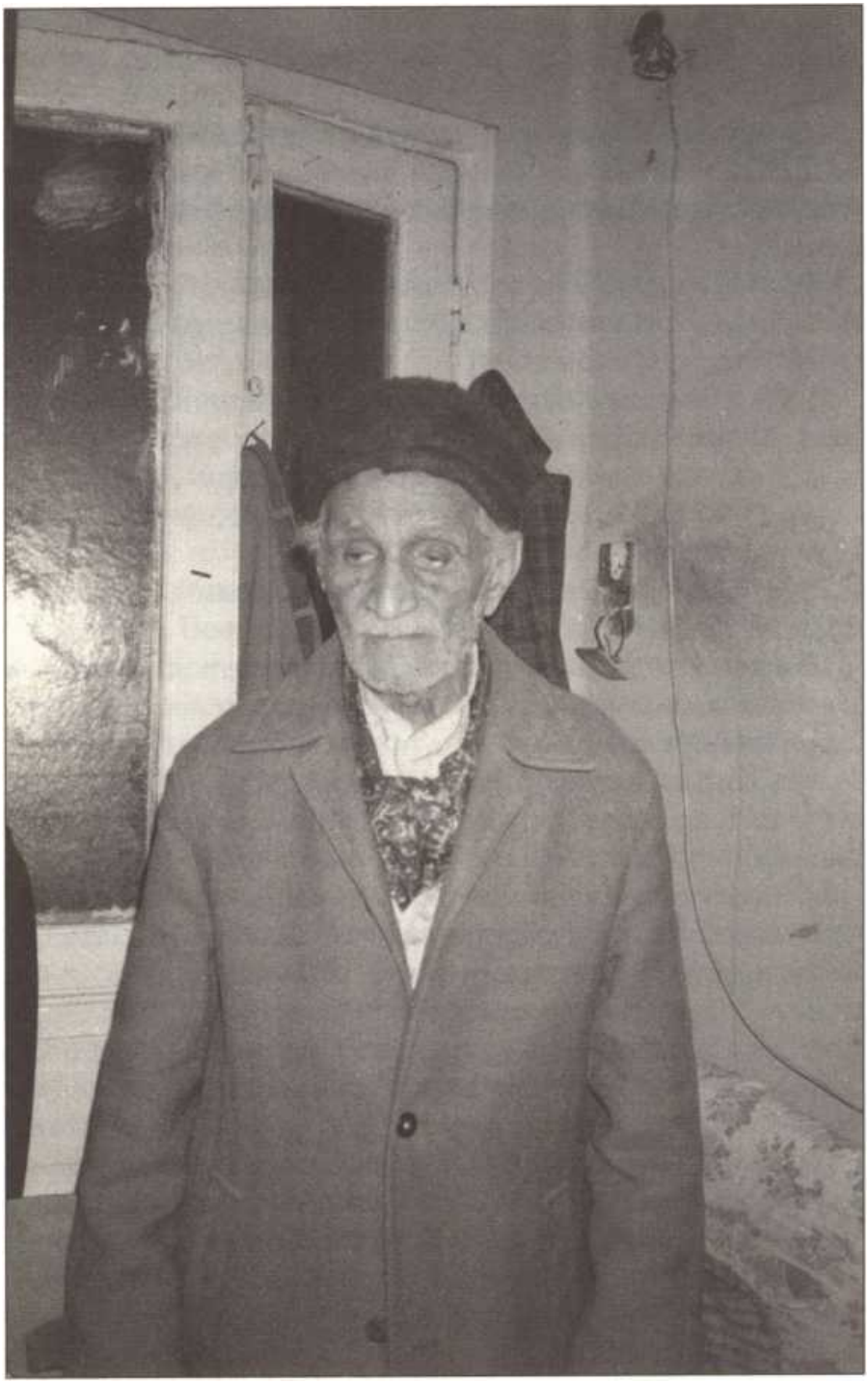
Взгляд мой натыкается то на экзотический наряд, то на обрывки материи, то на подушечки с иголками и мотки разноцветных ниток.

— Этим делом я занимаюсь почти всю жизнь. Помирать пока не собираюсь. Мой брат прожил 110 лет — чем я хуже!

Беседовали мы больше часа. Махмуд аль-Масри рассказывал подробно, охотно отвечал на вопросы. Правда, не вспомнил, как назывался русский крейсер. Но это и понятно: для египтянина слово «Пересвет» чужое, трудное. Я записывал беседу на диктофон, а сам думал: что же в этом рассказе старика память его оставила в неприкосновенной точности, а что исказила? Довольно скоро, получив из Ленинграда и Москвы копии архивных документов, я смог внести в запись этой беседы некоторые уточнения. Оказалось, что старый портсаидец ошибался лишь в датах да цифрах, — не удержала их память.

— Крейсер долго стоял в Порт-Саиде, — рассказывает Махмуд аль-Масри. — Я хорошо помню его. Меня тогда призвали во флот, и я служил на большом катере с четырьмя пушками. На крейсер устанавливали дополнительные американские орудия, возили их нашим катером. На нем же мы доставляли с крейсера на берег и обратно русских матросов. Вышел корабль из Порт-Саида в конвое из трех-четырех судов. Они палили из пушек в море, чтобы отогнать германские подводные лодки. Потом

раздался взрыв.



Махмуд аль-Масри видел, как горел «Пересвет». Фото 1987 г.

Я побежал по причалу к памятнику Лессепсу (руководитель строительства Суэцкого канала. — *В. Б.),* залез на постамент. Оттуда было хорошо видно, как в районе Мухаммедии, это километров пятнадцать к северо-востоку от города, горел русский крейсер. Видимо, взрыв был в районе машинного отделения. Корабль быстро заваливался на правый бок и вскоре затонул. Говорили, что он подорвался на мине.

Да, такова была официальная версия: взорвался на мине, поставленной германской подводной лодкой. Называли и саму лодку — «V-73». Обратимся к документам. Вот что сообщал в Петроград 16 января 1917 года российский посланник А. А. Смирнов: «Линейный корабль «Пересвет», около трех недель простоявший в Порт-Саиде на пути с Дальнего Востока, снялся 22 декабря (4 января по новому стилю. — *В. Б.)* после четырех часов пополудни и вышел из канала, направляясь на Мальту, под эскортом британского судна «Нигелла», но в 10 милях от берега, через час после выхода (в 5.15 вечера), он был взорван и потоплен. При рано наступившей темноте и при очень свежем ветре спасение утопающих являлось делом далеко не легким и выполнено было с самоотверженностью как британскими конвоирами, так и тремя французскими траулерами, находившимися поблизости. Из 800 человек команды 720 было спасено, из числа офицеров погибли шестеро. Среди спасенных 140 человек ранены, обожжены и контужены при взрыве или изувечены в воде плавающими в ней обломками. Командир и старший офицер спасены после трехчасового пребывания в воде. Все спасенные были помещены в Британский военный госпиталь…

В местных газетах ничего не было упомянуто об этом печальном событии, хотя, будучи принесено сюда из Порт-Саида и быстро здесь распространившись, это ни для кого не представляет тайны…

По мнению командира «Пересвета», капитана 1-го ранга Иванова-тринадцатого, наш линкор погиб от нападения подводных лодок. Старший офицер говорит, что он не может высказать определенного суждения: возможно, корабль наткнулся на мину, тем более что немцы ставили минные заграждения у выхода из канала и пускали плавучие мины. За последние две недели было выловлено в этом месте более 15 мин».

Как видим, версия о том, что крейсер (Смирнов, далекий от морских дел, упорно называет его линкором) подорвался на мине, пошла от самого командира корабля. Многих матросов,

оставшихся в живых, она не удовлетворила.

Ходили слухи, что «Пересвет» был взорван «адской машиной». Называли и организатора диверсии — старшего артиллерийского офицера Рентшке, того самого, кто покоится на кладбище в Порт-Саиде. Эта версия была невыгодна командиру корабля: если диверсантам действительно удалось подложить в Порт-Саиде адскую машину, значит, на крейсере не было порядка. И лишь 70 лет спустя писателю Николаю Черкащину после долгих поисков удалось, кажется, докопаться до истины. В документальной повести «Взрыв корабля» он пришел к выводу, что «Пересвет» был действительно взорван, но не Рентшке, а другим офицером — фон Паленом, германским агентом.

Узнав о трагедии «Пересвета», посланник А. А. Смирнов немедленно выехал в Порт-Саид. «Под вечер 23 декабря (5 января. — *В. Б.)* я присутствовал на похоронах трех матросов, скончавшихся от полученных ими ожогов и ран, — писал он в Петроград. — В следующую ночь умерло еще двое…

На другой день я посетил госпиталь и обошел всех раненых. Между офицерами есть один гардемарин и лейтенант Зарин с легкой раной да несколько человек, сильно простуженных от 2–3-часового пребывания в холодной воде. Но среди команды много очень тяжелых случаев с обожженными лицами и телом, с поломанными руками, ногами, с разбитой грудью».

А тем временем море выбрасывало на берег трупы погибших русских моряков. Некоторые из них были изуродованы до неузнаваемости. По словам Махмуда аль-Масри, специальная команда подбирала трупы в течение нескольких дней и свозила их на кладбище. Как явствует из «Списка погребенных в братской могиле на Греческом православном кладбище в Порт-Саиде», составленного примерно месяц спустя ревизором крейсера старшим лейтенантом Тарасенко — Отрошковым, 11 моряков с «Пересвета» умерли в госпитале, 13 трупов, в том числе 9 неопознанных, выбросило море. Последний — 31 января. Остальных из 84 погибших навечно поглотило Средиземное море…

Коль скоро отыскались поименные списки и погибших, и похороненных, не пора ли выполнить наш гуманный и патриотический долг и увековечить память соотечественников, соорудив на кладбище мемориальные доски с их именами? Идею эту в Советском посольстве в Каире поддержали и направили соответствующие предложения в Москву, в министерство обороны. Спустя некоторое время пришел ответ: с предложением согласны, мемориальные доски будут изготовлены. Оставалось ждать и продолжать поиск.

«После трехдневного пребывания в Британском военном госпитале в Порт-Саиде, — сообщал в донесении Смирнов, — здоровая часть команды, временно помещенная там после потопления корабля, была отделена от раненых и больных и в количестве пятисот человек с лишком переведена в лагерь, разбитый почти в черте города, в палатках». Лагерь этот Махмуд аль-Масри хорошо помнит. Собственно, находился он не в Порт-Саиде, а в Порт-Фуаде, на восточном берегу Суэцкого канала, там же, где и английский военный госпиталь.

— Вокруг лагеря поставили охрану и запретили египтянам ходить туда, — рассказывает старик. — Но я несколько раз бывал в этом лагере по делам, по специальному пропуску. Правда, русских моряков видел издалека, охрана не подпускала к ним и не давала заговаривать. Вообще после случая с крейсером англичане запретили русским кораблям приходить в Египет без специальной санкции. Говорили, что русские моряки распространяют коммунизм.

Не знаю уж, как там с запретом, найти документы на этот счет мне не удалось, а вот тезис о «распространении коммунизма» представляется правдоподобным. Достаточно вспомнить, каким образом формировалась команда «Пересвета»! Да и целый ряд архивных документов свидетельствует: моряки с погибшего крейсера не скрывали своих революционных настроений ни от египтян, ни от англичан, ни от российских дипломатов. Давайте посмотрим, как жилось им в Египте, чем они там занимались. Поможет нам в этом рукописный «Рапорт господину Военному и Морскому Министру товарищу Керенскому», направленный комитетом команды «Пересвета» в августе 1917 года, уже после возвращения основной ее части на родину.

В госпитале матросам выдали английскую военную форму, по полотенцу, столовому прибору и по два одеяла, бывших в употреблении. Разместили в палатках по десять человек. Первое время спать приходилось на голом песке. Зима в Египте — «бархатный сезон», даже на побережье Средиземного моря, где всего прохладнее, температура воздуха редко опускается днем ниже +15 градусов, а ночью +8–10. Но все же и при таком климате спать на земле холодно. Правда, потом купили циновки, но их на всех не хватило. Ни простынь, ни подушек не дали. Спали так: одно одеяло под себя, другое сверху, под голову — кулак. «В песке и грязи, в одной смене белья грустно влачили мы свое существование, дожидаясь отправки к новому месту службы».

Реклама на стене дома в Порт-Саиде фирмы, обслуживавшей «Пересвет»

«Полученные предметы очень скоро сносились, — читаю дальше в рапорте, — и больно было смотреть в городе гуляющего оборванного русского матроса, особенно в сравнении с чисто одетым английским солдатом». Жаловались своему начальству, но лишь месяца через полтора-два оно слегка подновило гардероб команды. На десять человек выдали по баночке ваксы, иголку и на тридцать человек — по катушке ниток. Люди роптали и требовали скорейшей отправки из Египта. «Русский матрос так и остался чуть не голый, забытый своим начальством… Но пришла революция (Февральская. — *В. Б.),* и мы почуяли свободу своего права требовать законное».

Вопрос упирался в деньги: матросы сидели без гроша в кармане, не имея возможности купить ни табаку, ни мыла, не говоря уже о чем-то более крупном. Но жалованье выдали лишь накануне отъезда из Египта.

> «Три месяца прожили мы в Порт-Саиде, грязные, плохо одетые, без всякого дела, предоставленные самим себе, редко видя своих офицеров, из которых лишь лейтенант Зарин приходил поговорить с нами, почитать газетку, что особенно было нам дорого после революции, когда каждая весточка с родины находила живейший отклик в нашей душе…»

Новости из России волновали в ту пору в Египте не только русских моряков. Как сообщал весной 1917 года корреспондент Петроградского телеграфного агентства в Каире, «события в России составляют главную тему комментариев местной печати всех политических направлений». До осени приходили в Египет и русские газеты, после чего английские власти запретили их. Российскому посланнику А. А. Смирнову сообщили, что они «отрицательно влияют на местных жителей». Газеты эти, предназначавшиеся русской колонии в Египте, вероятнее всего, и читал матросам лейтенант Зарин. Колония эта была довольно крупной. По данным всеобщей переписи населения Египта 1917 года, там проживали 4225 российских граждан.

Русские люди жили преимущественно в Каире и в Александрии, но были они и в Порт-Саиде. По словам Мухаммеда Мограби, еще совсем недавно одна из улиц города называлась «Русской». Весной 1917 года наши соотечественники там избрали комитет «для представительства нужд местной русской колонии». Нельзя исключить, что среди них находились и политэмигранты, располагавшие соответствующей литературой. Впрочем, и в буржуазной прессе хватало новостей для горячего обсуждения. К тому же, вероятно, и сам лейтенант Павел Зарин был настроен революционно: недаром его вскоре избрали председателем комитета команды «Пересвета».

Словом, посланник Смирнов наверняка почувствовал облегчение, когда получил 10 апреля сообщение из Александрии о том, что основная часть экипажа «Пересвета» в составе 10 офицеров и 434 кондукторов и матросов отбыла в Марсель на английском транспорте «Саксон». Две группы моряков были отправлены во Францию еще раньше. 57 человек остались в Египте: 9 тяжелораненых — в госпитале в Александрии, остальные — в Порт-Саиде при командире корабля. Они должны были участвовать в спасении пушек с затонувшего крейсера.

Вскоре после гибели «Пересвета» возникла идея вторично поднять его. Однако за это сложное дело никто не взялся. Тогда решили спасти хотя бы новые пушки. В марте 1917 года на этот счет был заключен контракт с итальянской фирмой «Панелли». Работы должны были начаться той же весной и быть закончены через девять месяцев.

Тем временем команда крейсера застряла во Франции. Направили ее туда, а не в Россию потому, что намеревались использовать для комплектования экипажей судов, заказанных в Англии и Америке. Но поставки судов задерживались, и основная часть матросов с «Пересвета» осела в казармах города Брест. По словам помощника российского военно-морского агента во

Франции капитана второго ранга Пашкова, ездившего на неделю в Брест, «команда находится под влиянием небольшого числа (около 60) крайних, которые называли себя максималистами». Разбиваться по мелким судам матросы не желали и требовали отправить всех вместе в Россию. Вслед за своим помощником выехал в Брест и сам военно-морской агент капитан первого ранга Дмитриев. Он застал команду митингующей «в присутствии нескольких агитаторов из русских эмигрантов интернационального направления». На митинге были избраны два делегата в Совет рабочих и солдатских депутатов — Петр Клюдиков и Иван Огуречкин. Вскоре они отправились в Россию.

В Петербурге матросы с «Пересвета» добились аудиенции у первого помощника морского министра и заявили ему, что крейсер был взорван «адской машиной». Депутаты потребовали прекратить работы по подъему пушек с затонувшего крейсера, поскольку тем самым «могут быть уничтожены доказательства их подозрений», а также назначить комиссию по надзору за работами на «Пересвете», половину членов которой должны составить представители команды. Они также внесли запрос о судьбе крейсера и его команды в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. В стране царило двоевластие, и морское министерство не могло уже так просто отмахнуться от требований матросов. Тем более что работы по подъему пушек еще не начинались.

Летом 1917 года было решено создать специальную комиссию по расследованию обстоятельств гибели «Пересвета». Возглавил ее представитель морского министерства капитан первого ранга Макалинский. От русской колонии в Порт-Саиде в состав комиссии вошли Александр Пахомов и Исаак Рохваргер. Команде тоже предложили избрать в комиссию двух представителей. Ими стали водолаз Михаил Петров и комендор Николай Лучинкин.

Вскоре российский консул в Александрии А. М. Петров телеграфировал в Каир: «6 августа (19 по новому стилю. — *В. Б.)* в Александрию прибыли из Марселя на французском транспорте матросы крейсера «Пересвет» Михаил Петров и Николай Лучинкин. Они были снабжены билетами до Порт-Саида и здесь высадились самовольно. Мне донесено, что в помещении консульства второй вел разговор пацифистского и большевистского характера о необходимости прекратить войну».

В начале сентября уже капитан Макалинский шлет из Порт-Саида в Каир телеграмму Смирнову: «Считаю своим долгом Вам сообщить, что здешние французские и английские власти очень сильно заинтересовались нашим депутатом Лучинкиным, наводят

о нем справки у консула. Видимо, они принимают очень серьезно этого пропагандиста, сошедшего самовольно в Александрии и успевшего провезти кучу коммунистических брошюр». А вскоре российскому посланнику делает письменное представление сам английский главнокомандующий в Египте. Он требует удалить комендора Лучинкина «ввиду анархической и пацифистской пропаганды с его стороны». Стало быть, в Порт-Саиде комендор общался не только с соотечественниками.

И морское министерство, и Министерство иностранных дел России ответили на запрос Смирнова, что не только не против высылки Лучинкина, но и считают ее необходимой. Однако времена были уже не те, чтобы распоряжаться судьбой человека, представлявшего интересы нескольких сот матросов. Во всяком случае, капитан Макалинский сообщил в Петроград, что решение этого вопроса выходит за пределы его компетенции. Переписка о судьбе комендора длилась до середины октября. Затем поток архивных документов прерывается, так и не прояснив, что же стало с Николаем Лучинкиным. Был все-таки выслан в Россию? Или отправился туда сам, уже после Октябрьской революции? А что стало с Михаилом Петровым и теми 48 матросами, что остались при комиссии, так и не завершившей, кстати, своей работы?

Махмуд аль-Масри рассказал мне историю, имеющую прямое отношение к этим вопросам.

— У меня был начальник-англичанин, — вспоминал старик, — а у него в Александрии брат, владевший механической мастерской. Там работал немец-инженер. Так вот дочь этого немца вышла замуж за русского моряка с вашего крейсера, когда их выпустили из лагеря. Свадьба была у нас, в Порт-Фуаде, а жить они поехали в Каир.

Может быть, на каирских улицах или базарах я встречал, сам того не ведая, потомков русского матроса с крейсера «Пересвет»…

Накануне Октябрьской революции обрываются следы и основной части команды крейсера. 1 августа 233 человека во главе с лейтенантом Зариным прибыли в Архангельск на борту крейсера «Лорен». 88 матросов сошли в Мурманске, чтобы продолжить службу на «Аскольде». 9 августа из Архангельска в Петроград ушла телеграмма с предложением:«…считаясь с моральным и физическим состоянием команды «Пересвета», уволить сразу всю команду в девятинедельный отпуск». На следующий день на ней появилась резолюция: «Согласен». Подпись неразборчива.

А вот судьбу самого затонувшего крейсера мне удалось проследить на протяжении еще целых десяти лет. 28 декабря

1918 года царские дипломаты, не признавшие советскую власть, продали его некоему Э. Павичевичу. Вскоре он подписал контракт с итальянским синдикатом «Беллони» на «раздевание» затонувшего корабля.

Работы начались летом 1920 года. Наблюдать за ними новый владелец «Пересвета» поручил инженеру путей сообщения Александру Константиновичу Старицкому. В Порт-Саид прибыл зафрахтованный фирмой пароход «Фортунале» с пятью водолазами и двумя водяными помпами на борту. Поначалу дело пошло споро. За первый месяц работ, сообщал Старицкий Павичевичу, извлечены тысяча килограммов меди и бронзы, целый артиллерийский дальномер с ящиком и бронзовым пьедесталом, целая пароходная буссоль, машина и котел парового катера, одно орудие калибра 75 миллиметров, разные металлические части весом 250 килограммов, 30 медных цилиндров с ручками для подноса снарядов.

Но затем работы забуксовали. «В последнюю неделю, — писал 7 июля в Каир А. К. Старицкий, — водолазы вытащили словно в насмешку 13 медных кастрюль и только. Что они там делают? Уж не работают ли они под водой над денежными ящиками?».

Судьба денежных ящиков с «Пересвета» до сих пор остается интригующей загадкой. Никаких упоминаний о них в архивах мне найти не удалось. Между тем, если учесть протяженность маршрута крейсера и размеры его команды, суммы там должны были храниться приличные. Причем наверняка не в ассигнациях, а золотом. В Порт-Саиде я дважды слышал о сокровищах «Пересвета». Первую историю рассказал старик Махмуд аль-Масри. По его словам, японская (обратите внимание!) разведка знала, что на корабле находилось триста сундуков с золотом. Она наняла водолазов, они обследовали крейсер и подняли сундуки. Но японцы не смогли скрыть этого от англичан и французов, с коими пришлось поделиться добычей. Происходило это вскоре после того, как «Пересвет» затонул.

Вероятнее всего, в памяти старика столь своеобразно отложилась история с «раздеванием» крейсера. Но откуда он взял поднятые сундуки с золотом? И самое удивительное: почему аль-Масри приписал эту операцию японцам, когда проводилась она итальянцами? О том, откуда шел «Пересвет», не говоря уже о его удивительной судьбе со вторым рождением, он совершенно ничего не знал.

Другую, более похожую на правду версию рассказал мне в конце 1986 года секретарь профсоюза порт-саидских докеров Аль-Бадри Фархали. По его словам, лет за десять до этого он читал в

каком-то египетском журнале о потонувшем русском крейсере, который якобы вез крупную сумму золотом. То ли это была зарплата экипажа то ли средства на содержание корабля, а может, деньги предназначались и для какой-то другой цели, он не запомнил. Об этом узнали итальянцы, обшарили корабль, но ничего не нашли.

Так что загадку денежных ящиков можно, наверное, разгадать лишь одним способом: организовать новую экспедицию и тщательно обследовать «Пересвет». Не думаю, что задача эта неразрешима, — была бы группа энтузиастов да надежные спонсоры. А заодно хорошо бы было установить над затонувшим крейсером памятный буй.

К осени 1920 года работы в Порт-Саиде пришлось остановить: синдикат «Беллони» лопнул. Но в конце мая 1926 года они возобновились. На сей раз Павичевич заключил контракт с фирмой «Нереид», согласно которому ему причиталась лишь четверть выручки, полученной от продажи поднятого с «Пересвета». В начале 1927 года он сообщил Старицкому, что заработал за первый сезон 1407 египетских фунтов — сумму по тем временам немалую. На берег было поднято 125 тонн снятой с крейсера бронзы. Работы предполагалось продолжить весной. Но удалось ли? И если да, то какие были результаты? Об этом архивы хранят молчание…

В начале 1990 года в Порт-Саид пришли новые мемориальные доски. Одна, мраморная, — с именами тех, кто похоронен там, другая, бронзовая, — со списком всех моряков, погибших при взрыве «Пересвета». Но торжественное их открытие состоялось только через год — 25 февраля 1991 года, во время первого за пятнадцать лет визита в Египет советского военного корабля — эсминца «Безупречный». Военные моряки замерли в почетном карауле. Оркестр с эсминца сыграл траурный марш. Командир советской Средиземноморской военной эскадры контр-адмирал П. Г. Святашов и советник-посланник посольства СССР в Египте Н. К. Тихомиров сняли с досок покрывала. К обелиску возложили венки из живых цветов. А представитель Русской православной церкви в Египте отец Феофан произнес заупокойную молитву.

Новая мемориальная доска открыта!

Вот теперь наш гуманный и патриотический долг перед соотечественниками, погибшими на боевом посту, выполнен полностью. Все их имена увековечены. Мемориал моряков с «Пересвета» специальным решением Советского правительства приведен в порядок, на его поддержание выделены средства. Продолжают поступать деньги и сейчас, так что мемориал выглядит ухоженным. И дважды в год — в день гибели крейсера и в День защитника Отечества 23 февраля — к обелиску на Греческом православном кладбище в Порт-Саиде сотрудники посольства России в Египте приносят живые цветы.

Глава 8
Республика Зифта

Сентябрь 1987 года. Еду на машине вдоль восточного рукава Нила. В конечной точке поездки, Зифте, меня ждут. Этот небольшой город в нильской дельте прославился на всю страну в период мартовской революции 1919 года. И мне захотелось поговорить с очевидцами тех бурных и славных событий, посмотреть на места, связанные с ними.

Антиколониальная революция 1919 года занимает выдающееся место в новейшей истории Египта. Буквально весь египетский народ поднялся тогда на борьбу против ненавистных ему англичан. Обострению и без того глубоких противоречий между египтянами и колонизаторами способствовала Первая мировая война. Местная буржуазия, получавшая заказы от английской армии, за годы войны окрепла и все настойчивее стремилась вырваться из-под иностранной опеки. Ну а людям попроще война принесла лишь новые тяготы и лишения, причем не во имя защиты родины, а ради победы чужого им дела. И когда колонизаторы выслали из страны лидера буржуазных националистов Саада Заглюля и трех его товарищей, этот шаг стал искрой, от которой вспыхнул пожар народной революции.

Был и еще один фактор, оказавший воздействие на развитие обстановки в Египте, — международный. Целый ряд авторитетных историков — и египетских, и западных, и российских — усмотрели отчетливую связь между восстанием египтян в марте 1919 года и победой Великого Октября в России. Судя по публикациям печати и документам тех дней, общественность Египта не только хорошо знала об Октябрьской революции, но и считала ее достойной подражания, с той, естественно, разницей, что перед русским и египетским народами стояли неодинаковые задачи.

Настроения эти были хорошо известны и тогдашним буржуазным лидерам и открыто не одобрялись ими. Показательно в этой связи одно из писем Саада Заглюля из Парижа, куда он поехал после освобождения из ссылки в надежде добиться от участников мирной конференции (она подвела черту под Первой мировой войной) признания независимости Египта, в адрес центрального комитета возглавлявшейся им партии «Аль-Вафд». Листовки, приветствующие победу большевиков, вредят

борьбе египтян, писал Заглюль, поскольку создают впечатление, что египетское национальное движение связано с большевистским.

По ходу восстания во многих населенных пунктах Египта создавались революционные органы власти, как это было в свое время в России. В некоторых местах, по свидетельству ряда историков, они даже назывались русским словом «совет». Об этом писал, например, Ф. А. Ротштейн в своей книге «Захват и закабаление Египта», вышедшей еще в 1924 году. Один из таких советов, а точнее сказать, целая независимая советская республика, как раз и возник в Зифте. Руководил им 26-летний адвокат Юсеф Ахмед аль-Гинди.

— Отец был родом из небогатой семьи торговца хлопком, — рассказывал мне Мухаммед аль-Гинди. Я разыскивал его в Египте, а нашел в Москве летом 1987 года. — И все же дед смог дать детям образование. Отец учился в юридическом колледже в Каире. Когда в декабре 1914 года Англия объявила об установлении протектората над Египтом, он был на третьем курсе и выступил одним из инициаторов демонстраций протеста. За это отца отчислили из колледжа, но через год, когда страсти поулеглись, восстановили его. После окончания учебы он был назначен адвокатом в Зифту.

В ту пору это был небольшой городок с 30-тысячным населением, прижатый плантациями хлопчатника к Нилу. Окрестные помещики свозили хлопок на продажу в Зифту, и потому одна из центральных площадей города до сих пор называется площадью Биржи. Туда-то мы и отправились сначала с моим провожатым, водителем автобуса лет пятидесяти по имени Атыйя ас-Серфи. Он активист Национально-прогрессивной (левой) партии, а свел меня с Атыйей профессор Рифаат Саид, являющийся секретарем ЦК этой партии. Опыт предыдущих поездок подсказывал: лучший способ узнать, что происходило в городе десятилетия назад, — провести часок-другой в местной кофейне. Но не в первой попавшейся на пути, а обязательно в старой, где-нибудь в центре города, ибо именно там можно в любое время дня застать завсегдатаев, начинающих терять счет прожитым годам и коротающих избыток свободного времени в облюбованном еще в юности углу.

Тут я должен пояснить читателю, что египетская кофейня — явление уникальное. Обычно там подают лишь кофе или чай, да еще трубку-кальян, которую египтяне называют шиша. Ходят в кофейню только мужчины, причем всегда в одну и ту же, расположенную либо рядом с домом, либо возле работы. Обсуждают мировые проблемы, смотрят телевизор. Словом, это

не предприятия общественного питания, а мужские клубы.

В кофейне в здании бывшей хлопковой биржи мы познакомились с тремя стариками. Звали их Саад Али Саад, Мухаммед Шаркави и Сейид Абу аль-Азм. В 1919 году все трое были подростками, но и поныне помнят многие подробности тех мартовских дней. Их рассказы дополнили сведения, которые я предварительно почерпнул из работ историков. И вот что получилось.

… Юсефа аль-Гинди в городе уважали. Образованный, энергичный, честный, да еще с репутацией патриота-революционера — все это нравилось горожанам. Когда вести о восстании против англичан посыпались со всех сторон, взгляды многих обитателей Зифты были обращены на Юсефа.

Юсеф аль-Гинди. 1930-е гг.

Но что предпринять? В других местах восставшие выходили

на демонстрации перед зданиями, где размещались британские колониальные власти, нападали на английские казармы. Ни того, ни другого в Зифте не было. Предстояло сделать какой-то иной шаг, революционный по своей сути. И вот 15 марта Юсеф и его друзья, собравшиеся на втором этаже кофейни «Мустаукили», напротив хлопковой биржи, решили: провозглашаем независимость Зифты. Независимость от колонизаторов. Решение это поддержали жители соседнего городка Мит-Гамр, расположенного на другом берегу Нила, крестьяне ближних деревень. Из наиболее уважаемых сограждан был сформирован революционный совет во главе с Юсефом аль-Гинди. Действовать он начал без промедления.

Первым делом отряд под предводительством Юсефа направился к полицейскому участку. Кое-кто прихватил с собой на всякий случай охотничьи ружья, остальные вооружились палками. Но прибегать к силе не пришлось. Городской староста и полицмейстер были настроены патриотически и вместе с полицейскими присоединились к восставшим. Без особого труда установили контроль и над почтой. Затем отряд занял железнодорожную станцию. Часть людей разобрала пути, чтобы англичане не могли прислать в город свои войска, другая же реквизировала вагоны с зерном. Его раздали затем нуждающимся. В революционном совете было создано несколько отделов — административный, безопасности, общественных работ. Из старшеклассников сформировали отряды по поддержанию порядка и охране границ республики. Специальная группа следила за справедливым распределением воды для полива. Новому государству был срочно нужен собственный бюджет, и аль-Гинди призвал всех граждан жертвовать туда деньги. Собранные средства пошли на общественные нужды. Отремонтировали мост через Нил, выровняли проезжую часть улиц, расчистили оросительные каналы. В окрестностях города было зловонное болото, и много лет жители тщетно просили правительство ликвидировать его. Теперь же общими усилиями болото засыпали. Привлекли к этому делу безработных, выдав им небольшое пособие. Но, пожалуй, венцом созидательной деятельности Юсефа и его товарищей, продолжавшейся всего три недели, стало строительство на берегу Нила музыкального павильона. Рассудили так: жизнь при революции должна быть радостной, ну а что лучше музыки создает хорошее настроение? По вечерам над рекой из Зифты в Мит-Гамр неслись народные мелодии, вокруг павильона гудела довольная толпа.

До нашего времени эта революционная реликвия не сохранилась. Многие годы жители города любовно оберегали ее,

но со временем павильон обветшал, и, когда лет двадцать назад вопрос стал так: либо сохранить его, либо строить новую больницу, горожане предпочли последнее. А вот дом, где размещался революционный совет, стоит на площади Биржи и поныне. Одноэтажное здание с мансардой под жилье уже не годится, так что несколько лет назад там устроили склад. Место возле исторического дома облюбовали извозчики под стоянку для своих фиакров. Здесь, в египетской глубинке, они используются отнюдь не для прогулок иностранных туристов, как в Каире и Александрии, а по своему прямому предназначению. Сохранился дом самого Юсефа аль-Гинди — одноэтажный, всего в две комнаты, посреди сада на окраине города. Принадлежит он семье аль-Гинди, но дети и внуки Юсефа редко приезжают сюда. Вот и создать бы здесь музей Республики Зифта сейчас, пока еще живы люди, кто помнит ее, пока легко собрать экспонаты.

Мыслью этой я поделился с Атыйей, он ее горячо поддержал. И тут же потащил меня к мэру города.

Мэр оказался невысоким сухим стариком с коротко остриженными седыми волосами. Представляясь, что-то пробурчал себе под нос, так что я не смог разобрать его имени. Предложение создать музей высказал уже ас-Серфи, доказывая, что он мог бы сыграть заметную роль в патриотическом воспитании молодежи.

— Пожалуйста! — развел руками мэр. — Я не возражаю! Только деньги где взять?

Тут уж я вступил в разговор и начал рассказывать, что у меня на родине подобные музеи нередко создаются на общественных началах. Мэр слушал, не перебивая, но когда я закончил, вдруг неожиданно спросил:

— А вы знаете, что в Зифте родился Рудольф Гесс? Его отец владел землями вокруг города, держал мастерскую по ремонту сельскохозяйственной техники.

Недели за две до этого жизнь Рудольфа Гесса, одного из главных нацистских преступников, осужденного Нюрнбергским трибуналом на пожизненное тюремное заключение, оборвалась в берлинской тюрьме Шпандау при странных обстоятельствах, и это, похоже, волновало мэра больше, чем патриотическое воспитание египетской молодежи.

Слегка обескураженные таким исходом разговора, мы с Атыйей вновь отправились осматривать революционные достопримечательности Зифты. На углу тихой площади Тахрир (Освобождения) он попросил меня остановить машину.

— Это дом владельца типографии Мухаммеда Агины, — пояснил ас-Серфи. — С помощью этого человека революционный

совет наладил издание газеты «Аль-Гумхур» («Масса»).

Дочь Мухаммеда, возглавляющая ныне семейный клан Агина, и ее дети встретили нас приветливо. На мой вопрос, не завалялись ли где на чердаке экземпляры газеты или иные печатные издания того времени, ответили отрицательно: дом не так давно перестраивался. Но затем меня ждал приятный сюрприз. В маленькой комнатке оказались те самые печатные станки немецкого производства и те самые шрифты, которыми в 1919 году пользовался Мухаммед Агина. Вот вам и экспонаты для музея!

Но вернемся к Республике Зифта. Весть о ее провозглашении вскоре дошла до Каира, а оттуда и до Лондона. О деятельности революционного совета с возмущением сообщила респектабельная английская газета «Таймс». Для колонизаторов это был бунт, и в одном из заявлений британских властей прямо говорилось, что «Зифта и Мит-Гамр продолжают оставаться центрами подрывной деятельности». Для подавления республики было послано подразделение австралийских войск. Вместе со своими пушками солдаты расположились лагерем на окраине города.

Положение становилось критическим. Хотя жители Зифты вместе с крестьянами из соседних деревень и вырыли окопы, и приготовили старенькие ружья, о серьезном сопротивлении войскам не могло быть и речи. К тому же республиканцы знали: при подавлении революционных выступлений колонизаторы отличались чрезвычайной жестокостью. В деревне Мит аль-Кирш неподалеку от Зифты, например, где крестьяне встретили солдат ружейными залпами, были убиты около ста египтян.

Революционный совет заседал почти беспрерывно. Было решено попытаться договориться с австралийцами, чтобы они не входили в город. В типографии Агины отпечатали листовки на английском языке следующего содержания: «Солдаты! Вы такие же угнетенные, как и мы! Наша революция направлена против англичан, а не против вас, они вам такие же враги, как и нам!» Призыв этот возымел действие. Австралийские войска так и остались стоять в своем лагере.

А тем временем революция пошла на спад. По всей стране свирепствовали военные суды. Англичане через австралийцев передали революционному совету ультиматум: либо выдать им Юсефа аль-Гинди, либо по городу будет открыт огонь. И тогда товарищи сказали Юсефу: «Беги из Зифты и не говори нам, куда. Ну а с нами, Бог даст, ничего плохого не сделают».

Вместе с Юсефом англичане требовали еще двадцать зачинщиков. Но кто они, колонизаторы не знали. И

революционный совет пошел на хитрость. Сразу же после провозглашения независимости, чтобы не допустить предательства, городской староста начал вскрывать письма жителей Зифты, направлявшиеся английским властям. Со временем список тех, кто был готов сотрудничать с колонизаторами, достиг двух десятков. Людей этих не трогали, но избегали. Их имена и передал англичанам революционный совет. Пока те разбирались, республиканцам удалось скрыться.

Случилось так, что Атыйя ас-Серфи повез меня обедать в ту самую деревню Даммас, километрах в пятнадцати от Зифты, где поначалу прятался у своих друзей Юсеф аль-Гинди. Там живет товарищ Атыйи, тоже активист Национально-прогрессивной (левой) партии Махмуд Абу аль-Хасан. Справный, по-городскому обставленный дом приятно удивил меня. Оказалось, что это результат поездки отца Махмуда на заработки в Ливию. На обед подали типично крестьянскую еду: бурый сыр, напоминающий по вкусу нашу брынзу, лепешки, помидоры, сваренные вкрутую яйца, оливки, патоку. Никакого там мяса или рыбы. За обедом бурно обсуждали ситуацию в Советском Союзе. Моих новых знакомых, показавших искренние симпатии к нашей стране, она очень интересовала, а по египетским газетам им разобраться было трудно. Вот и обрадовались, что случай послал в собеседники советского журналиста.

Спустя две недели Юсеф аль-Гинди перебрался из Даммаса в Каир. Там он узнал, что англичане заочно судили его и приговорили к смертной казни. Пришлось вновь уходить в подполье. Но вскоре ситуация стала меняться к лучшему. Железной рукой подавив революцию, колонизаторы смекнули, что надо ослабить гайки, иначе не избежать нового восстания, еще более бурного, чем это. Сааду Заглюлю была объявлена амнистия, ему разрешили вернуться в Египет. Отменили приговоры и всем тем, кто, как Юсеф аль-Гинди, принимал участие в революции.

— Отец прожил недолгую, но яркую жизнь, — рассказывает Мухаммед аль-Гинди. — Вскоре после революции он примкнул к партии «Аль-Вафд» Саада Заглюля. С 1924 года до самой своей смерти — семнадцать лет спустя — был депутатом парламента от Зифты. Неизменно выступал с антиколониальных и антимонархических позиций, за что был нелюбим и англичанами, и королем. И так и не получил вожделенный многими почетный титул «паша», — улыбается собеседник.

Египтяне не забыли заслуги одного из героев революции 1919 года. Улица в центре Каира носит его имя. Примечательно, что неподалеку от нее размещается издательство «Ас-Сакафа аль-

Гедида» («Новая культура»). Одним из его основателей был Мухаммед аль-Гинди.

Жизнь этого человека, пожалуй, не менее удивительна, чем его отца, и не могу удержаться, чтобы хоть кратко не рассказать о ней.

Мухаммед аль-Гинди родился в 1926 году. После окончания школы поступил, как и отец, на юридический факультет Каирского университета. Там познакомился с марксистами и прочно связал с ними свою судьбу. В 1949 году, еще при короле, за революционную деятельность был осужден на пять лет, но спустя полтора года бежал из тюрьмы и тайно перебрался в Париж. Оттуда товарищи помогли ему приехать в Будапешт. Мухаммед работал в секретариате Всемирной федерации демократической молодежи и одновременно учился на факультете русского языка института иностранных языков. В августе 1956 года нелегально вернулся на родину через Судан. Три года провел в подполье.

Но в мае 1959 года аль-Гинди был арестован вновь. То было время гонений режима президента Насера против коммунистов. Пять лет провел Мухаммед в тюрьмах. Потом маятник египетской внутренней политики резко качнулся. Коммунистов выпустили на свободу и даже предложили некоторым из них высокие должности. Аль-Гинди устроился на работу в информационное агентство МЕНА. Тогда-то и родилось издательство «Новая культура». На рубеже 70-х годов Мухаммед прожил пять лет в Москве — работал переводчиком в издательстве «Прогресс» и одновременно выполнял обязанности корреспондента ежедневной газеты «Аль-Ахбар».

Аль-Гинди вернулся на родину уже при президенте Садате — и опять аресты и преследования. В 1986 году от трехлетнего пребывания в тюрьме Мухаммеда спасло лишь то, что приговор был вынесен заочно: к тому времени он переехал в Прагу, где работал в редакции международного журнала «Проблемы мира и социализма».

— Между прочим, юридический факультет университета я все-таки окончил, — говорит Мухаммед аль-Гинди, — даже получил диплом. Было это в 1965 году, шестнадцать лет спустя после того, как первый арест вынужденно прервал мою учебу.

Последний же приговор так и не утвердили, и летом 1990 года Мухаммед вернулся в Каир. Приехала и его семья. Жена аль-Гинди Надежда — русская, и потому их дочь Настя, внучка основателя советской республики Зифта, пошла учиться в советскую школу, вместе с моими детьми.

Вот такая история.

Кроме Надежды аль-Гинди среди героев этого очерка нет наших соотечественников. Но все описанные в нем события, как и судьба семьи аль-Гинди, тесно связаны с нашей страной. Потому-то я и решил включить его в книгу, как и следующий очерк, к которому и приглашаю читателя.

Глава 9
Человек с необычным именем

Имя этого человека было знакомо мне давно. Оно попадалось в титрах фильмов, на театральных афишах: Линин ар-Рамли — популярный в Египте драматург и сценарист. Но к знакомству с ар-Рамли подтолкнуло не столько его творчество, сколько необычное имя. Ибо «Линин» — это арабизированное «Ленин».

И вот в марте 1990 года мы беседуем с ар-Рамли в его квартире в центре Каира. Передо мной — человек средних лет, крепкий, чуть полноватый. Почти беспрерывно курит — правда, очень легкие сигареты. На вопросы мои отвечает охотно, открыто. Тема имени в ее бытовом варианте уже порядком надоела ар-Рамли, ибо, по его словам, она существует столько лет, сколько он себя помнит. Предположения у собеседников обычно такие: либо он коммунист, либо христианин, либо иностранец. Ни то, ни другое, ни тем более третье не соответствует действительности. Линин — не коммунист, он вообще не занимается политикой и не является членом ни одной из существующих в Египте партий. Он — мусульманин и египтянин на все сто процентов. Тогда откуда же такое необычное имя?

— Мои родители были журналистами, — рассказывает ар-Рамли. — Оба придерживались социалистических взглядов. Мама даже была членом существовавшей в 40-е годы коммунистической организации «Хадету». Отец принципиально оставался беспартийным. С коммунистами его разделяло неприятие подпольной работы. Отец считал, что надо по легальным каналам, напрямую обращаться к массам. Взгляды родителей и побудили их дать своему сыну имя «Ленин».

Ар-Рамли протягивает мне ксерокопию небольшого материала, опубликованного журналом «Аль-иснейн ва-д-дунья» 30 сентября 1946 года, когда ему исполнился год. «Ленин — первый глава иностранного государства, отказавшийся от привилегий в других странах, — заявил в интервью ар-Рамли-старший, — первый и единственный глава иностранного государства, направивший Сааду Заглюлю послание с предложением помощи оружием и деньгами антиимпериалистической египетской революции. Он первый русский правитель, прекративший империалистические маневры и отменивший тайные договоры, заключенные царизмом с

союзниками о разделе Турции, и первый русский правитель, покончивший с угнетением мусульман России и предоставивший им полную религиозную свободу. Исходя из всего этого, я, египетский патриот и мусульманин, и решил назвать своего сына именем этого выдающегося человека».

Одно место в этом интервью нуждается в пояснении. Упоминания о послании Ленина Заглюлю встречаются в книгах некоторых египетских историков, но текст его никогда не публиковался. Среди российских же историков господствует мнение, что это послание — вообще мистификация, что таковым считают обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», принятое Советским правительством 3 декабря 1917 года и подписанное Лениным. Обращение это было напечатано в миллионах экземпляров на разных языках, включая арабский. «Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель! — говорилось в нем. — Не отдавайте им больше на разграбление ваших родных пепелищ! Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию! Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в собственных руках».

Линин ар-Рамли

Слова эти были чрезвычайно созвучны настроениям, нараставшим в ту пору в Египте и вылившимся в мартовскую революцию 1919 года. Но, может, послание Ленина Заглюлю все же существовало, только не письменное, а устное? Ведь весной 1919 года по странам Востока, в том числе и Египту, совершил поездку секретарь наркома по иностранным делам В. А. Рахтанов. 28 мая доклад об этой поездке получил Ленин. Но, ознакомившись в Центральном партийном архиве с этим документом, я обнаружил, что его автор был в Египте всего лишь проездом и ни с кем из местных политических деятелей не встречался.

Старший ар-Рамли, Фатхи, родился через год после мартовской революции и рос уже в то время, когда социалистические идеи были в Египте широко известны. О них писали местные публицисты, такие, как упоминавшийся мной Саляма Муса. Были изданы в переводе на арабский язык и некоторые работы Ленина. Одно из таких изданий показал мне как-то профессор Рифаат Саид.

«Воспоминания Ленина» — название книги показалось мне странным. Воспоминания о Ленине — другое дело, их не один том, а вот о мемуарах самого Владимира Ильича слышать не приходилось. Предисловие переводчика я поначалу смотреть не стал, а заинтересовался предисловием автора. Датировано оно 30 ноября 1917 года, Петроград. Подпись — «Н. Ленин». Какой знакомый текст! Да ведь это же одна из главных ленинских работ — «Государство и революция»! Просматриваю оглавление книги — все точно. Откуда же тогда такое название?

— Конспирация! — улыбается Рифаат Саид. — Не забывайте, в какое время была издана эта книга. Послесловие переводчика Ахмеда Рифаата датировано 24 января 1922 года — месяцем раньше, чем было объявлено об отмене британского протектората и провозглашении формальной независимости Египта. Слово «революция» в заголовке погубило бы книгу: цензоры ни за что не пропустили бы ее.

То было действительно бурное время. Египет жаждал независимости. В декабре 1921 года вновь, как и в марте 1919-го, вспыхнуло народное восстание. И хотя оно было подавлено британскими властями, протекторат вскоре пришлось отменить.

По мнению Рифаата Саида, эта книга, а перевод ее был сделан с французского, — самое первое издание произведений Ленина в Египте. Переводчик называет автора «величайшим человеком нашей планеты в настоящее время», продолжателем дела Маркса, «кровным врагом империалистических государств». Последнее, вероятно, было особенно близко египетским

патриотам.

Интересно, есть ли экземпляр этой книги в Москве? — подумал я. Скажем, в Центральном музее В. И. Ленина? Связался с музеем. Меня переадресовали в Институт марксизма-ленинизма. Там мне сказали, что знают об этой книге по публикации в «Правде» от 6 мая 1970 года и что она должна быть в библиотеке имени В. И. Ленина. Но и там ее не оказалось, хотя автор публикации, известный востоковед Г. Ш. Шарбатов, утверждал, что передал подаренный ему молодыми египетскими учеными экземпляр этой книги в Ленинскую библиотеку. Чтобы внести ясность, пришлось ждать очередного отпуска.

И вот я звоню Григорию Шамильевичу.

— Да, я действительно собирался передать книгу в Ленинку, — говорит он, — но во время переезда на другую квартиру сунул ее куда-то да так и не смог найти.

Жалко! Ведь издание уникальное. Но, может, мне удастся найти еще один экземпляр?

Многочисленные походы к знаменитым букинистам каирского квартала Эзбекия успеха не принесли. Тогда я отправился на поиск издательства, выпустившего книгу Ленина. Правда, в телефонном справочнике такое название — «Дар ат-тыббаа аль-фаннийя» — не значилось, но издательство не раз могло сменить владельца, а с ним и название. Адрес же его был указан на титульном листе книги — улица Кубри Каср ан-Нил, дом 42. Впрочем, такой улицы припомнить я не смог. Зато хорошо знал, где находится улица Каср ан-Нил, одна из центральных в городе, и поехал туда. Может, раньше в ее названии была добавка «Кубри», что значит «мост»? Ведь улица эта действительно ведет к мосту через Нил.

На всякий случай притормозил, увидев пожилого полицейского. Спросил. «Кубри Каср ан-Нил назывался раньше мост Тахрир. Но улицы с таким названием точно нет, и не припомню, была ли», — ответил он.

Что ж, посмотрим улицу без добавки «Кубри». К моему удивлению, дома № 42 там вообще не оказалось. Сразу после дома № 40 шел дом № 44, выходящий углом на площадь Мустафы Камиля. Что за чертовщина! Надо обдумать возможные варианты. И сделать это лучше всего за чашкой кофе. С этой мыслью я и присел за столик кофейни во дворе дома № 40.

Напротив меня два старика играли в нарды — азартно, подзуживая друг друга, как мальчишки. За их игрой наблюдал молодой человек интеллигентного вида. Я попросил разрешения тоже посмотреть, подсел к ним. После очередной партии задал им вопрос насчет адреса. Они ответили, что не знают, и вновь

принялись за игру.

— Я отвечу на ваш вопрос, — неожиданно сказал молодой человек. — Кубри Каср ан-Нил — это нынешняя улица Тахрир. Она идет от площади Тахрир в одну сторону до станции Баб аль-Люк, а в другую — через мост, в Гизу.

Как я сам не догадался! Ведь если мост Тахрир назывался раньше Кубри Каср ан-Нил, то и ведущая через него улица наверняка носила то же название! Я поблагодарил молодого человека и отправился в Баб аль-Люк.

Увы, меня вновь ждало разочарование. Нумерация там начиналась со 120-х домов, а 40-е оказались уже за мостом, в Гизе, совсем недавней постройки. Да, не только название улицы переменилось за эти годы.

Переводчик книги Ленина Ахмед Рифаат был активистом Египетской социалистической партии. Она была создана в 1920 году из разрозненных марксистских кружков. В 1922 году, когда была напечатана эта книга, партия решила вступить в Коминтерн, объединявший в ту пору все марксистские партии. Осенью в Москву, на 4-й конгресс Коминтерна, был направлен секретарь партии Махмуд Хусни аль-Ораби.

В докладе конгрессу исполкома Коминтерна отмечалось, что «в течение этого года у нас образовались более или менее сильные ядра в Турции, Китае и Египте». Мандатная комиссия, рассмотрев полномочия аль-Ораби, допустила его на заседания с совещательным голосом.

Одним из центральных событий конгресса стало выступление 13 ноября В. И. Ленина с докладом «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». Это было предпоследнее публичное выступление Владимира Ильича. Его вместе с делегатами слушал Хусни аль-Ораби, единственный египтянин, видевший Ленина.

Для рассмотрения положения в Египте конгресс образовал специальную комиссию, которая заслушала аль-Ораби. Он рассказал о положении в стране, о том, что Египетская социалистическая партия, несмотря на свою молодость, объединяет уже тысячу членов, об активном участии партии в рабочем движении. После нескольких заседаний комиссия приняла 26 ноября постановление, отметив в нем, что «Египетская социалистическая партия представляет серьезное революционное движение в полном согласии с общим движением Коммунистического интернационала». Тем не менее комиссия решила отложить прием партии в Коминтерн до тех пор, пока она не очистит себя от оппортунистов и не приведет свою программу в соответствие с так называемым «двадцать одним условием

Коммунистического интернационала».

Вскоре после возвращения Хусни аль-Ораби из Москвы на родину, 6 января 1923 года, состоялся второй съезд Египетской социалистической партии. На нем были выполнены рекомендации Коминтерна, а партия объявлена коммунистической. Однако впереди ее ждали трудные времена.

В 1924 году компартия в Египте была разгромлена, многие из ее руководителей арестованы, а некоторые даже погибли в тюрьме. Хусни аль-Ораби провел три года в александрийской тюрьме аль-Хадра, где когда-то содержались Махар Боцоев и Михаил Адамович. После освобождения он эмигрировал и вернулся в Египет лишь в конце 30-х годов. Возможно, с ним был знаком и Фатхи ар-Рамли, ибо среди марксистов аль-Ораби был человеком хорошо известным.

40-е годы, период молодости ар-Рамли-старшего, вошли в историю Египта не только как годы подъема национально-освободительного движения против засилья англичан, но и как время широкого распространения марксизма. И хотя путь коммунистического движения в стране был извилистым, хотя воссозданная в 70-е годы египетская компартия немногочисленна и работает полулегально, марксизм как течение политической мысли прочно утвердился в местном идеологическом спектре, а наиболее видные его представители пользуются всеобщим уважением.

Накануне революции 1952 года, покончившей с про-английским монархическим режимом, Фатхи ар-Рамли собрался было создать собственную политическую партию — демократического социализма. Не успел. После революции же деятельность политических партий была запрещена. В конце 50-х годов на коммунистов вновь обрушились репрессии. Попал в тюрьму и старший ар-Рамли, хотя членом компартии не был. А затем ему запретили политическую и журналистскую деятельность.

Фатхи ар-Рамли осталось лишь его старое детище — международный заочный институт журналистики, основанный еще в 40-е годы. За символическую плату он обучал там студентов из арабских и африканских стран. А еще остался сын Линин, с детства подававший большие надежды.

Далеко не всякий маститый литератор может похвастаться тем, что первую свою книгу опубликовал в неполных 13 лет. А вот Линин ар-Рамли может. Рассматриваю тоненькую книжечку — историю египетского мальчишки, эдакого арабского Гавроша, участвовавшего в революции 1919 года. С той самой книжечки вопросы о его имени приняли уже более серьезную окраску, чем

простое любопытство.

— У меня нередко бывали трудности с публикациями, — рассказывает ар-Рамли. — Издатели ставили условие: измени имя. Но всякий раз я категорически отказывался. Предлагали и другой вариант: подписываться просто «Л. ар-Рамли». Но и эти предложения были для меня неприемлемыми.

— А жизнь человека, чье имя носите, вам известна? Читали его работы?

— Конечно, известна! От родителей осталось много книг Ленина, большинство из них я в юности читал. Мои сценарии и пьесы всегда несут социальную нагрузку, хотя и не в прямолинейной форме. Вот, например, последний сценарий для фильма под названием «Господин Барбос».

Сюжет вкратце таков. Богатые люди оставляют наследство своей собаке. И вот после их смерти Барбос становится владельцем роскошного дома, виллы на море, дорогой машины. Прислуга и охрана крутятся вокруг него. Случись что с Барбосом, имущество пойдет с молотка, и люди эти потеряют работу. На этой почве происходит немало забавных происшествий. Ну а смысл фильма поймет, думаю, всякий: богач в нашем обществе всегда хозяин, даже если он не человек, а собака.

— Не слыхали ли вы когда-нибудь о других египтянах, носящих имя Ленин?

— Нет, никогда.

Мы прощаемся. Я желаю ему успехов и уверен, что еще не раз увижу в титрах фильмов и на театральных афишах необычное для египтянина имя — Ленин.

Глава 10
Пассажиры с «Чичерина»

Давно отгремели залпы «Авроры», а русские политэмигранты, спасавшиеся до революции от царской охранки, продолжали жить и работать в Египте: на какое-то время они оказались отрезанными от родины. Египетское правительство, находившееся в полной зависимости от англичан, не признало советской власти. Официальные отношения между двумя государствами прервались.

Некоторые из наших соотечественников не сидели сложа руки, а связали свою судьбу с египетским патриотическим движением. Были среди них люди неординарные, оказавшие значительное влияние на египтян. Потому-то королевские власти и преследовали русских политэмигрантов, причем с особой ожесточенностью — в середине 20-х годов, в период реакции. В июле 1925 года, например, они насильно посадили на пароход группу из 34 русских и выслали их в Одессу.

Вскоре после публикации в августе 1987 года в «Правде» моего очерка о трактире «Севастополь» в Александрии в редакцию пришло любопытное письмо. «Мой дед со своей семьей жил в Каире, — писал москвич М. Ш. Резников. — Работал в кафе, где собирались революционеры. Сам принимал с бабушкой непосредственное участие в деятельности кружка. Они были высланы из Египта на пароходе в Одессу, это было уже при советской власти. Деда своего я хорошо помню и бабушку тоже. Они дожили до преклонного возраста и умерли только недавно.

Отец мой должен все помнить, ему тогда было лет десять, и он помогал деду. У него и у его сестры должны сохраниться кое-какие документы, фотографии. Отец и его сестра родились в Каире. Он мне рассказывал, что в кафе часто собирались революционеры, вели агитационную работу среди рабочих из других стран, чем могли, помогали революционному движению в России. Но кто-то их выдал, и их выслали». Дальше шел адрес отца, Ш. А. Резникова.

Конечно, я тут же написал Шике Абрамовичу в Ростов-на-Дону, где он живет. Через некоторое время пришел подробный ответ. То, о чем сообщил в редакцию его сын, полностью соответствовало действительности, с одним лишь небольшим уточнением: дед, Абрам Резников, работал не в кафе, а в

парикмахерской. Я попросил Шику Абрамовича вспомнить кое-какие детали, он добросовестно выполнил мою просьбу. В итоге завязавшейся между нами переписки выяснилось, что семья Резниковых как раз и была среди тех 34 русских эмигрантов, что были высланы египетскими властями в 1925 году. Но давайте все по порядку.

Абрам Резников подростком уехал из родного города Николаев на заработки в Одессу. Там он стал подмастерьем в парикмахерской. Участвовал в революционном движении, расклеивал листовки, направленные против царизма. После революции 1905 года над ним нависла угроза ареста, и товарищи помогли Резникову уехать за границу. Некоторое время он скитался по Европе с труппой бродячих актеров — плясал русские танцы — и вместе с ней приехал в Египет.

Возможно, странствия Резникова продолжались бы и дальше, но в Каире он познакомился с девушкой, которую полюбил. Она была хороша собой, и имя у этой девушки было красивое — Жизель, только в устах египтян оно звучало как Гизела. Симпатия Резникова играла на скрипке в маленьком оркестре. Гизела не была египтянкой, она родилась в Австрии, и как попала в Египет — Шика Абрамович не знает. Вскоре влюбленные поженились, сложили свои нехитрые капиталы и открыли собственную парикмахерскую. Находилась она в центре города, на улице короля Фуада, а жили Резниковы в районе попроще, под названием Булак. Семья стала расти, у них родились три дочери и в 1915 году — сын Шика.

О политических взглядах своего отца Шика Абрамович пишет довольно своеобразно: «Он не был коммунистом, но был настоящим большевиком». Возможно, под этим подразумевается, что Абрам Резников не являлся членом коммунистической партии, но поддерживал ее. Так мой покойный дедушка любил говорить, что он — «беспартийный большевик».

Супруги позаботились о том, чтобы не только ловко и красиво стричь своих клиентов, но и создать им максимум удобств. В парикмахерской можно было купить сигареты, выпить лимонаду, почистить ботинки. На журнальном столике возле дивана всегда лежали свежие газеты. Некоторым своим клиентам из числа русских эмигрантов, пользовавшихся доверием Резникова, он давал почитать и советские газеты. Как они попадали к нему, можно только предполагать. Скорее всего, от советских моряков. В 1920 году между нашими странами начали восстанавливаться торговые отношения, и суда под красным флагом время от времени заходили в египетские порты. Среди друзей-эмигрантов были и такие, кто, по словам Шики Абрамовича, «занимались революционной агитацией и пропагандой среди местного населения». Парикмахерская на улице короля Фуада стала для них своеобразным клубом и пересылочным пунктом, как трактир «Севастополь» в Александрии за двадцать лет до этого.

Интересно, конечно, было бы узнать имена друзей Абрама Резникова. Не исключаю, что среди них могли оказаться некоторые герои предыдущих очерков. Но его самого уже нет в живых, а сын знал клиентов своего отца только в лицо.

Так продолжалось довольно долго. Но однажды Абрам Резников не вернулся домой с работы. В тот день он закрыл парикмахерскую раньше обычного, поскольку они с женой

собирались идти в оперный театр. На улице Резникова встретили двое англичан в штатском из числа его клиентов. Они очень вежливо поздоровались с парикмахером и попросили его без шума следовать за ними. Путь лежал в полицейский участок…

Об аресте отца семье не сообщили. Два месяца Гизела не знала, где его искать. Обошла все морги и больницы, обращалась и в полицию, но повсюду следовал ответ: «Такой у нас не значится».

А потом полиция явилась домой сама. Гизелу повезли в участок. Там ей сообщили, что муж арестован. С ним можно устроить свидание, но при одном условии: что она попытается убедить его не упрямиться и ответить на все вопросы следствия. Гизела согласилась, но условие не выполнила. Следователи же требовали, чтобы Резников сказал им, кто из его клиентов является коммунистом. Ему показывали фотографии, но парикмахер твердил одно и то же: «Да, это мой клиент, а коммунист он или нет — не знаю. Мало ли у меня клиентов! Вот и ваши полицейские тоже ходили ко мне, да еще в штатском».

Тогда следователи вновь взялись за Гизелу. Ее путали и пытались подкупить. Если ваш муж не будет сотрудничать с нами, говорили молодой женщине, то вашей семье придется плохо. Но если прекратит упрямиться, то хорошо заработает. Мы заплатим ему за каждого опознанного коммуниста. Вам же обеспечим надежную защиту.

В трудное положение попала Гизела. Муж — в тюрьме, дома четверо детей, причем младшей дочери не исполнилось еще и двух лет. Но она верила в своего избранника. А тот стоял на своем: не знаю ничего — и точка.

Еще через месяц Гизелу вновь вызвали в полицию. Поскольку ваш муж — опасный агитатор, сказали ей, он будет выдворен из Египта в Россию. А вы с детьми можете выбрать себе любую страну, кроме Америки и Англии. На что она ответила, что поедет вместе с мужем, чего бы ей это ни стоило. Гизелу отговаривали, ее пугали Россией — беспорядками и белыми медведями. Было немного страшно, ведь женщина никогда не бывала в этой стране, ни она, ни дети почти не знали русского, но другого выбора просто быть не могло: куда иголка, туда и нитка.

Ну что ж, сказали в полиции, вот вам предписание: покинуть территорию Египта в 24 часа. Гизела распродала, что успела, знакомым, парикмахерскую оставила на одного из мастеров, пообещавшего сохранить все в целости.

Ровно через 24 часа к дому, где жили Резниковы, подъехала большая крытая машина. Пришедшим проводить их друзьям не сказали, куда везут Гизелу и четырех ее детей. После нескольких

часов пути приехали в Александрию. Поместили их все в той же тюрьме аль-Хадра, на четвертом этаже. На вопросы, где муж, отвечали: «Не знаем». Но однажды дети увидели, как во дворе тюрьмы, заложив руки за спину, прогуливался вместе с другими заключенными их отец. Охранники к нему детей не подпустили.

В тюрьме семья Резниковых провела больше пяти месяцев. В конце июля 1925 года ее вместе с группой других русских эмигрантов — заключенных аль-Хадра — перевезли в Порт-Саид и насильно посадили на советский пароход «Чичерин». Вот как рассказывала об этом 13 августа одесская областная газета «Известия», выписку из которой прислал мне Ш. А. Резников.

«В беседе с нашим сотрудником капитан п/х т. Арсеньев передал следующие подробности. По прибытии «Чичерина» в Порт-Саид на п/х немедленно явился лоцман и велел капитану отдать якорь за 5 верст от причальных линий… Через некоторое время к пароходу подошли 3 катера с вооруженными полисменами во главе английских офицеров… Затем потребовали от помощников капитана ключи от всех помещений и приступили к обыску, не давшему, конечно, никаких результатов.

После обыска англичане разрешили агенту одной из иностранных пароходных компаний, который представлял торгфлот в Александрии, подняться на борт. Он заявил, что для «Чичерина» имеется помимо прочих 34 пассажира без виз на право въезда в СССР…

Через несколько часов к пароходу подошел почтовый катер, и прибывшие на катере пригласили капитана в город для разрешения вопроса о приемке пассажиров.

В комендатуре порта капитана встретил помощник коменданта порта англичанин, который заявил, что египетское правительство решило посадить на «Чичерин» 34 пассажира, которые выселяются из пределов Египта за большевистскую пропаганду…

Вскоре после этого под конвоем 3-х вооруженных катеров к п/х были направлены пассажиры и насильно посажены на пароход…

Перед уходом парохода из порта его далеко в море сопровождали вооруженные катера… Среди насильно посаженных пассажиров имеются 15 мужчин, 6 женщин и 13 детей. Все они русские, десятки лет проживающие в Египте.

Поводом к обвинению их в большевистской агитации и высылке в пределы СССР послужил тот факт, что один из высылаемых, парикмахер Абрам Резников, в беседе со своими клиентами рассказывал, что из получаемых им писем от родственников из Советской России видно, что жизнь у нас вошла в нормальную колею и налаживается производство».

Сейчас уже трудно сказать, заключалось ли все дело в «крамольных» разговорах Резникова со своими клиентами или было серьезнее. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что его арест в 1924 году совпал с кампанией по разгрому египетской компартии. Возможно, парикмахера подозревали в том, что он был связным между руководством партии и Коминтерном. Во всяком случае, как отмечает историк Абдель Ваххаб Бакр, высылка русских эмигрантов ставила целью «отсечь связи египетских марксистов с Советским Союзом».

Акция эта вызвала в Москве бурную реакцию. Нарком иностранных дел Г. В. Чичерин направил 7 августа сердитую телеграмму своему египетскому коллеге Зульфикар-паше. Упор в ней делался на то, что эти люди «не являются советскими гражданами и не имеют разрешения на возвращение в СССР». «Этот произвольный акт администрации порта Александрия (тут, видно в спешке, допущена ошибка: на самом деле — Порт-Саида. — *В. Б.),* нарушающий самые элементарные и издавна признанные в международном праве правила по вопросу отношений между цивилизованными странами, — говорилось в телеграмме, — заставляет меня заявить самый категорический протест». Советский нарком потребовал «расследовать этот акт открытого насилия и строго наказать виновных» и «соблаговолить поставить меня в известность о принятых мерах по этому вопросу». Но телеграмма эта так и осталась без ответа.

А вот что говорилось об этом случае в «Обзоре международного положения и внешней политики СССР в 1925 году»: «На развитии торговли с Египтом отрицательно отозвался инцидент с пароходом Совторгфлота «Чичерин»… В результате инцидента Совторгфлот должен был отказаться от захода своих судов в египетские порты». Видимо, таким способом Советское правительство хотело предотвратить повторение подобных высылок. На время они действительно прекратились. Но в 1928–1929 годах участь семьи Резниковых постигла еще 13 русских эмигрантов.

В Одессе приход «Чичерина» ждали. В порту собралось много народу, играли духовые оркестры. Поселили высланных в доме МОПРа — Международной организации помощи рабочим, на углу Дерибасовской и Екатерининской. В этом доме семья Резниковых прожила довольно долго. Отец устроился работать, мать и дети сначала учили русский язык. Жизнь на новом месте постепенно вошла в колею.

Шика Абрамович окончил в Одессе институт, получил специальность зоотехника. Во время Великой Отечественной войны семья эвакуировалась во Фрунзе, сражалась на трудовом

фронте. А в 1955 году Шика Абрамович переехал в Ростов-на-Дону, где и вышел на пенсию. У него двое сыновей и четверо внуков.

Вот такая необычная судьба. Впрочем, можно ли назвать обычной судьбу хотя бы одного из героев этой книги? В том числе и эмигрантов новой волны, о которых пойдет речь в следующих главах.

Глава 11
Последний из могикан

Когда я только приехал в Каир, одним из первых впечатлений было обилие на улицах города наших «Жигулей». Машины эти египтяне любят за надежность и умеренную цену и охотно покупают их.

Раз есть тысячи «Жигулей», значит, должно быть фирменное техобслуживание, а им, в свою очередь, должен заниматься кто-то из специалистов ВАЗа. В середине 80-х годов таким человеком был Александр Иванович Зудин. По делам автосервиса он немало колесил по Египту, встречался с разными людьми, быстро выучил арабский язык.

Как-то летом 1987 года Александр Иванович поделился со мной радостью неожиданной находки.

— Иду я по Гелиополису, — рассказывал Зудин, — и вижу: в книжном развале на тротуаре — издания на русском. Причем все либо дореволюционные, любо эмигрантские. И с одним и тем же экслибрисом: «Из книг Олега В. Волкова».

Гелиополис — один из приличных районов Каира. Его основали в начале XX века европейцы, селившиеся в Египте. Еду туда, и по нарисованной Александром Ивановичем схеме довольно быстро нахожу книжный развал. Все точно так, как он и говорил. Листаю Библию, изданную еще в 1922 году в Берлине. Там же напечатан томик Тургенева. «Толковый словарь» Даля растрепан, да это и понятно: он старше предыдущих книг, издан в конце XIX века в Петербурге. А вот и подшивки эмигрантских журналов… Экслибрис Волкова напоминает княжеский герб: тут и рыцарские доспехи, и перекрещенные мечи, и башня замка, и взметнувшийся на дыбы конь.

За моим копанием в груде разноязыких старых книг равнодушно наблюдают два продавца-подростка. «Откуда издания на русском?» — спрашиваю их. Мальчишки в ответ лишь пожимают плечами.

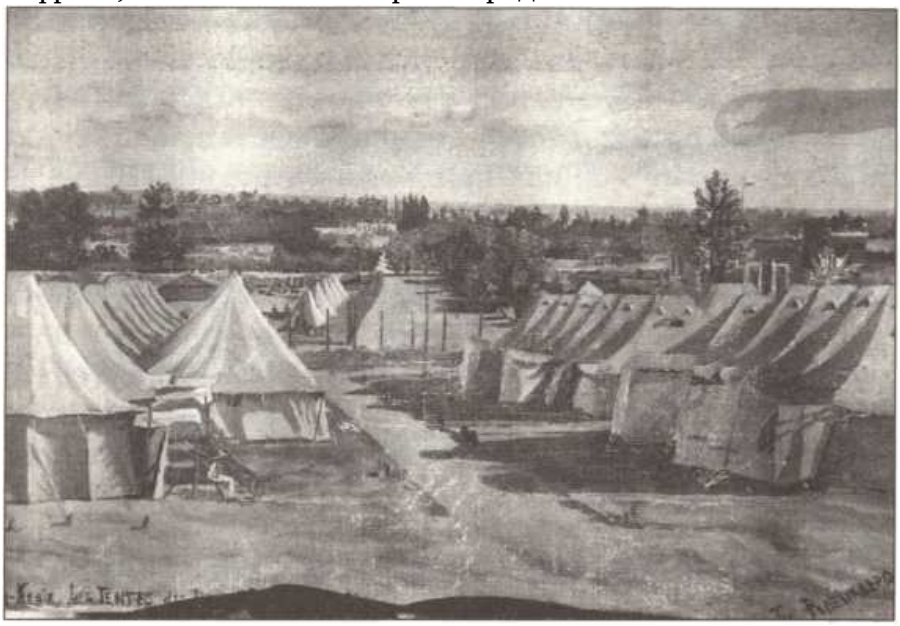
Все понятно: владелец библиотеки умер, наследников нет, и, освобождая его квартиру, хозяева за гроши продали ненужные им книги уличным букинистам.

Но кто такой этот Олег Волков? Видно, из белоэмигрантов, поселившихся в Египте после Гражданской войны в России. В начале 1920 года англичане привезли из Новороссийска в

Александрию примерно 4500 русских беженцев. Разместили их в палаточном городке в Телль аль-Кебире, на полпути между Каиром и Исмаилией. Дочь известного русского писателя Евгения Чирикова, Валентина, прошедшая в юности через этот лагерь, так потом вспоминала о нем: «Вокруг голая, песчаная, бесконечная равнина; над головой — африканское палящее солнце. Городок палаток окружен колючей проволокой, кругом индусские часовые, полное отсутствие какого-либо пейзажа, по ночам воют шакалы…

В лагере мы застали несколько сот человек совершенно нищего и в большинстве случаев нравственно деморализованного русского офицерства. Приблизительно половину составляли раненые и сыпнотифозные». Природа вокруг лагеря была столь недружелюбной, что его обитатели прозвали это место «Телль аль-Сибирь».

В мае 1990 года я поехал в Телль аль-Кебир. Конечно, я прекрасно понимал, что от русского лагеря там не осталось и следа. Но в Телль аль-Кебире есть английское военное кладбище, и я полагал, что там могут быть и русские могилы. Действительно, я насчитал на кладбище восемь могил наших соотечественников. Смотрел на них, и в голову как-то сама собой пришла строка известной песни, хоть и написанной совсем по другому поводу: «Куда вас, сударь, к черту занесло…» Странно, очень странно видеть русские имена на надгробных плитах здесь, в Африке, за тысячи километров от родной земли…



«Русский лагерь» в Телль аль-Кебире. С картины генерала Ф. П. Рерберга. 1920 г.

Впрочем, все русские, похороненные в Телль аль-Кебире, скончались еще весной 1919 года, так что это не могли быть беженцы. Тогда кто? Много лет я не мог ответить на этот вопрос. Картину прояснили архивы. Оказалось, что во время Первой мировой войны англичане отбили у турок группу русских военнопленных, которых привезли в Египет и разместили в двух лагерях — в Кантаре и Телль аль-Кебире. К моменту прибытия наших беженцев этих людей уже отправили на родину.

В начале 1921 года английские колониальные власти поменяли русским беженцам место жительства. Их поместили в деревянные казармы в местечке Сиди Бишр, к востоку от Александрии. Это был целый русский город — четыре тысячи сподвижников генералов Деникина и Врангеля, большинство — без семей.

В Сиди Бишре зажилось веселее. Казармы были покомфортабельнее палаток. Ветерок с моря смягчал жару пустыни. И, что очень важно, рядом была «северная столица» Египта — Александрия, куда из лагеря можно было ездить без особого разрешения.

Англичане окружили «русский город» двойным забором из колючей проволоки, поставили у входа полицейских-индусов, но в течение жизни внутри лагеря не вмешивались. Сами беженцы постепенно устраивали свой быт так, как привыкли на родине. Вывесили над входом трехцветный российский флаг. Из двух больших палаток соорудили часовню, причем церковные атрибуты изготовили из пустых консервных банок. Организовали три школы. Оборудовали спортплощадку. Создали театр, духовой оркестр, хор в сорок голосов, выступавшие и в Александрии. Были в лагере свой детский сад, отряд бойскаутов и даже собственный журнал — «На чужбине».

Власти разрешали беженцам подрабатывать, и постепенно часть из них стала втягиваться в местную жизнь. «Русский по натуре не коммерсант, поэтому все начинания в этом деле не были успешными, — писал в изданной в 1936 году на французском языке в Александрии книжечке «Русские на египетской земле» эмигрант Дмитрий Фламбуриани. — Кондитерская фабрика в Каире, русские рестораны, табачные киоски и бутербродные лавки на пляжах просуществовали лишь несколько месяцев». Значительно успешнее шла работа по найму. Бывшие русские офицеры стали шоферами, официантами, кондукторами в трамваях, а женщины пошли горничными. По словам Фламбуриани, большую группу беженцев наняло

трамвайное депо. Лучше всех устроились врачи и инженеры. Еще летом 1920 года в Каире была создана русская поликлиника. Русские понемногу перебирались из Сиди Бишра в Александрию и превращались в эмигрантов.

В мае 1922 года англичане ликвидировали лагерь в Сиди Бишре. Всех оставшихся его обитателей — около двух тысяч — эвакуировали в Болгарию и Сербию. Сочли, что в славянских странах они адаптируются лучше, чем в арабском Египте.

Я долго колебался, предпринять ли попытку разыскать место «русского города» в Сиди Бишре или нет. Почти на сто процентов я был уверен, что старых казарм уже нет. Сиди Бишр давно уже влился в Александрию, его заполнили новостройки, среди которых особенно впечатляющ роскошный отель «Рамада-Ренессанс». Но в сентябре 1992 года, пролистав еще раз книжку Фламбуриани, решил все-таки попробовать. На одной фотографии в ней было русское кладбище в Сиди Бишре, не только с деревянными крестами, но и с каменными надгробиями. Может, хотя бы кладбище сохранилось?

Неподалеку от железнодорожной станции Сиди Бишр зашел в магазин, разговорился с его владельцем. Нет, о старых английских казармах он ничего не слышал. Видимо, их снесли. А вот про кладбище знает. Не уверен, что оно русское, но по крайней мере там похоронены и иностранцы. Оно недалеко, за железной дорогой.

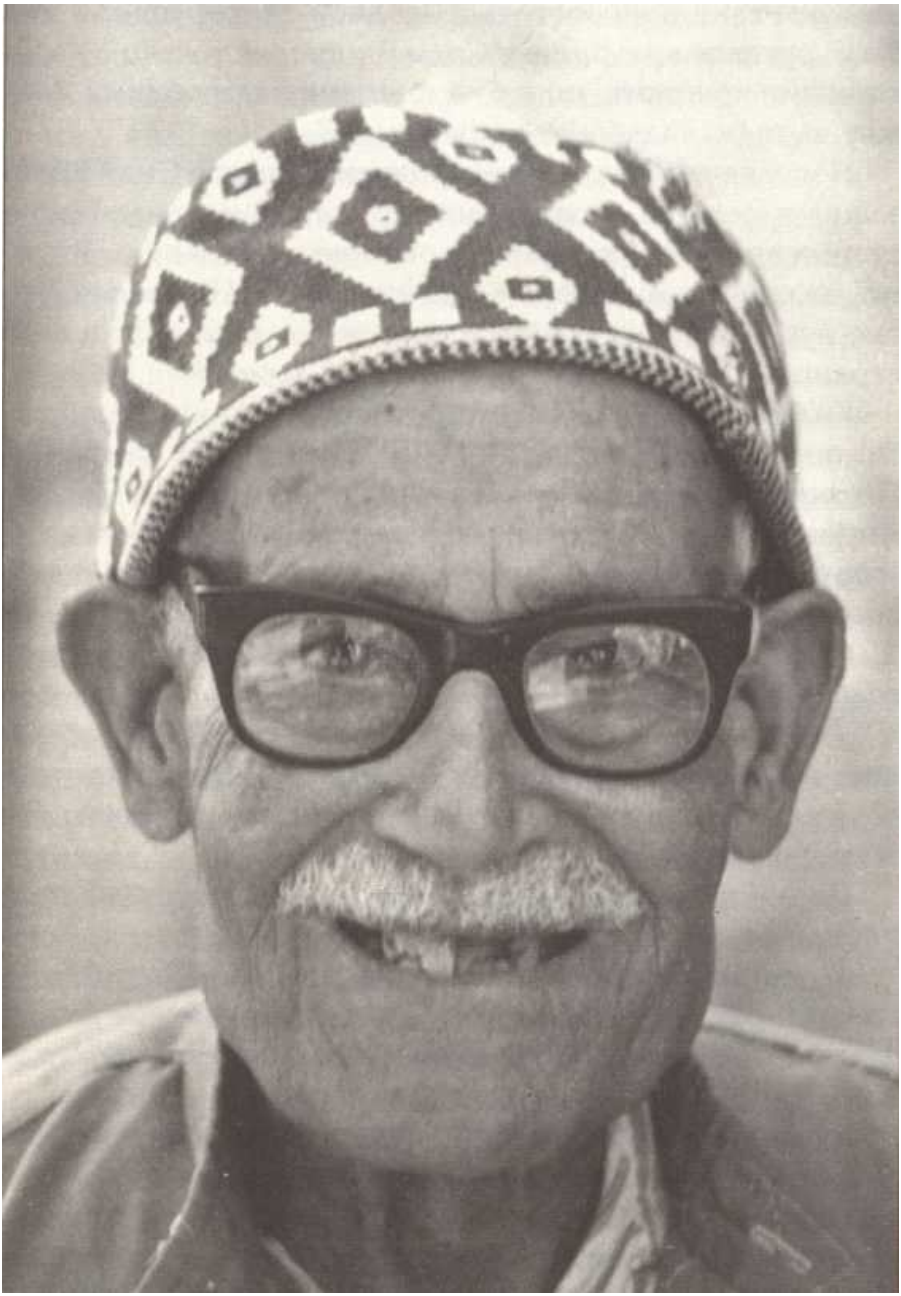
Кладбище оказалось чисто мусульманским, местным. Но по соседству с ним я обнаружил старый мемориал. Похоронены там турки, погибшие в плену в годы Первой мировой войны. Они как раз и жили в английских казармах в Сиди Бишре до русских беженцев. Может, и мои соотечественники похоронены где-то поблизости?

Смотритель турецкого кладбища решительно качает головой.

— Сиди Бишр невелик, — говорит он. — Если бы было еще и русское кладбище, я бы знал об этом. Впрочем, если хотите, могу познакомить вас с одним стариком. Он живет неподалеку.

Саад Сейид родился в 1904 году. Несмотря на свой преклонный возраст, бодр и энергичен.

— Английские казармы снесли в конце 40-х годов, — говорит он. — На их месте сейчас стрельбище. Русских эмигрантов помню. Возможно, было когда-то и русское кладбище. Но сейчас его нет. Это точно.



Саад Сеййд рассказал мне о судьбе «русского лагеря» в Сиди Бишре. Фото 1992 г.

Русские эмигранты, выбравшиеся из лагеря в Сиди Бишре до его ликвидации, поселились не только в Александрии, но также в Каире и Порт-Саиде. В столице они группировались вокруг бывшего российского генерального консула и дипломатического

агента А. А. Смирнова. Этот человек, как и большинство царских дипломатов, отказался служить советской власти и приказом Народного комиссара иностранных дел от 9 декабря 1917 года был уволен со своего поста. Но лишь 6 октября 1923 года, после провозглашения формальной независимости Египта, его правительство приняло решение не признавать более прежнего дипломатического и консульского представительства России и прекратить ежемесячную выплату зарплаты месье Смирнову. В 1926 году в министерстве внутренних дел Египта было создано «русское бюро». Беженцы потеряли свое гражданство, им выдали особые удостоверения личности.

Есть ли еще в Египте русские люди, покинувшие родину после Октябрьской революции? Этот вопрос долго не давал мне покоя, но подступиться к ответу на него никак не удавалось. От коллег-арабистов старшего поколения я знал, что еще в конце 60-х годов в Каире существовал «Русский клуб». Но в ту пору вход туда советским людям был, мягко говоря, не рекомендован. Может, клуб есть и сейчас?

Нашел в корпункте справочник телефонов Каира, изданный в 1983 году. Изучая его, встретил адрес и «Русского клуба»: улица Имад эд-Дин, дом 9. Звонил туда раз, другой, третий… Никто не берет трубку. Что ж, надо ехать, это надежнее. У подъезда старинного дома греется на весеннем солнышке привратник-баваб. «Да, — говорит он, — был здесь такой клуб, но лет семь уже как закрыт».

Так, неудача. Где искать еще? Может, в Александрии? Там есть представительство Русской православной церкви. Если где теперь и группируются эмигранты, то, скорее всего, вокруг нашего батюшки. И случай представился отменный — празднование тысячелетия крещения Руси летом 1988 года, на которое пригласили и нас, советских журналистов.

Церкви в общепринятом смысле этого слова в Александрии не оказалось. После долгих блужданий по центру города нам наконец показали четырехэтажный старый дом и объяснили, что надо подняться на второй этаж. Там, в просторной квартире, и устроена церковь. Народу собралось порядочно, в основном пожилого. Я разглядывал их, надеясь услышать русскую речь. Но увы! Когда гости стали расходиться, подошел к представителю Русской православной церкви протоиерею Дмитрию Андреевичу Нецветаеву.

— Есть ли у Вас русские прихожане? — спросил я его. Батюшка нагнулся к самому моему уху и прошептал:

— На кладбище все мои прихожане. Но это между нами, не для печати.

— А их дети, внуки? — не унимался я.

— Кто разъехался, кто принял другую веру или не исповедует никакой, — был ответ.

Опять неудача. Но должно же мне когда-то повезти?

В ноябре 1988 года, находясь в командировке в южно-йеменском городе Мукалла, я зашел в советское генконсульство. Возглавлял его Сергей Бахшиевич Аракелян, арабист с тридцатилетним стажем, много лет проработавший в Египте. В разговоре я упомянул, что никак не могу выйти на русских эмигрантов.

— Постойте, — сказал Аракелян, — сейчас я вам дам координаты одного человека. Это зубной врач по фамилии Бромберг. Может, самого старика и нет уже в живых, но его сын — тоже зубной врач, так что клиника должна быть там же, на углу, рядом с Дворцом правосудия. У Бромбергов в свое время лечились и эмигранты, и советские дипломаты.

На другой день после возвращения в Каир я поехал к Дворцу правосудия. Обшарил все соседние углы — никаких признаков клиники Бромбергов. Правда, мелькнула вывеска стоматолога-египтянина. Может, он знает своего русского коллегу?

Поднимаюсь на шестой этаж, звоню в дверь. Открывает седой старик.

— Простите, вы не знаете, где находится клиника доктора Бромберга?

— Бромберга? — переспрашивает старик. — Да, конечно, знаю! Ведь мы с Виктором, — он делает ударение на второй слог, — когда-то учились вместе в Бейруте. Пойдемте, я вас провожу.

Любезный египтянин сопровождает меня до соседнего угла, который показался мне слишком далеким от Дворца правосудия. К балкону второго этажа приделана потертая вывеска на русском языке: «Доктор Виктор Бромберг, зубной врач».

Благодарю своего провожатого и поднимаюсь по лестнице. Подъезд грязный, с облупившимися стенами, как, впрочем, и многие другие в центре Каира. Такое впечатление, что их не ремонтировали и даже не убирали с самого момента строительства зданий лет сто назад.

Дверь открывает крупный лысоватый старик. Я представляюсь, и доктор Бромберг провожает меня в глубь просторной квартиры, которая и служит ему клиникой.

— Вы хотите лечить зубы? — спрашивает он меня по-русски, но как-то не так, как сейчас разговариваем мы с вами.

— Нет, — отвечаю, — я хотел бы просто поговорить с Вами. Ведь Вы — выходец из России?

— Не я — мой отец, — поправляет доктор Бромберг. — Сам я родился уже в Палестине, в 1922 году. Подождите немного.

Он уходит в соседнюю комнату, откуда вскоре раздается звук бормашины, а я оглядываю приемную. На стене под стеклом — два диплома. «По указу императорского величества самодержца Всероссийского и прочая и прочая и прочая… Менахем Хаимович Бромберг по выдержании испытания определением медицинского факультета Имп. Юрьевского университета утвержден в звании зубного врача. Юрьев, апреля 24 дня 1913 года». Подписи и громадная печать с орлами.

Стало быть, отец Бромберга учился в Юрьеве — так назывался в ту пору эстонский город Тарту. А вот сам он — уже в Бейруте. Диплом его выдан 30 июня 1945 года.

Бормашина умолкает, и вскоре ее хозяин возвращается ко мне в приемную.

— Итак, чем могу служить? — нараспев спрашивает он.

— Расскажите, пожалуйста, как Ваш отец попал в Египет.

— В 1922 году он уехал из Латвии, жить там стало невозможно. Сначала подался в Палестину. Но прожил там всего шесть месяцев. Отцу там не понравилось, и он переехал в Каир. Здесь его приняли хорошо, и он остался.

Местный народец очень хороший, — добавляет, улыбаясь, доктор Бромберг.

Так, значит, отец его бежал вовсе не от советской власти! Ведь с 1920 года в Латвии установилась буржуазная республика.

— Отец сказал себе: «Буду до самой смерти жить в Каире», — продолжает доктор Бромберг. — Тут он и умер в 1962 году, в возрасте 76 лет.

Разговор так и идет по-русски, но временами доктор вставляет французские, английские или арабские слова.

— Дома у Вас разговаривали по-русски?

— Да, пока отец был жив — и еще по-французски. Школу я кончал французскую. Мои дочери русского уже не знают.

— Я сколько у Вас их?

— Четверо. Все замужем, все живут за границей. Двое — в Америке, одна — во Франции и еще одна — в Италии. Жена туда ездит к ним, а я нет. Я доволен жизнью здесь. Хорошие люди, хороший климат.

— А Ваша жена, она говорит по-русски?

— Немного. Когда в 40-х годах открылось советское посольство, все приходили лечиться к нам. И так тридцать лет. Временами даже некогда было принимать местных, — и неожиданно добавляет по-английски: — Мои лучшие годы я провел с русскими. Ну а жена помогала мне.

— Сколько у Вас внуков?

— Несколько, — отвечает доктор Бромберг. Потом долго считает в уме, шевеля губами, и уточняет; — Четырнадцать. — Но видно, что внуки его мало волнуют. Иных, наверно, он никогда и не видел.

В приемную входит пожилая, но моложавая женщина с крашенными под блондинку волосами. Вероятно, в юности она была хороша собой.

— Моя жена, — представляет Бромберг. Разговор продолжаем уже втроем.

— А не ходят ли к Вам русские эмигранты?

— Когда-то ходили, но уже несколько лет не видел ни одного. Они ведь старые уже, жили в русской богадельне в Гелиополисе.

— И что, богадельня существует и сейчас?

— Наверно, — говорит жена. — Это недалеко от кинотеатра «Рокси». Чуть вперед по улице — и справа. Она так и называется — «Русская богадельня».

— А Олег Волков бывал у Вас?

— Да, конечно! Это очень образованный человек! Вот он и есть председатель русского землячества.

— Боюсь, что Волкова уже нет в живых. Во всяком случае, в Гелиополисе распродается его библиотека.

— Вот как? — Помолчали.

— Кто же может рассказать мне о русских эмигрантах?

— Мадам Рабаб, — уверенно говорит жена Бромберга. — Она отвечает за русских в представительстве Комитета ООН по делам беженцев в Гарден-сити.

— У нас же нет паспортов, — добавляет доктор. — Только «лессе-пассе», удостоверения личности. Каждые десять лет продлеваем вид на жительство. Правда, без всяких проблем. Знаете, я считаю себя египтянином, хотя и не являюсь гражданином этой страны.

Я прощаюсь с супругами Бромберг.

— Вам надо бы заняться протезированием, — говорит на дорогу доктор. — Приходите как-нибудь ко мне, с Вас, русского, я возьму недорого.

Я обещаю, хотя и знаю заранее, что по стоматологическим делам никогда не приду в эту клинику. Мне симпатичен доктор Бромберг, но обшарпанный вид его квартиры не внушает мне доверия.

Через несколько дней вновь отправляюсь в Гелиополис. За кинотеатром «Рокси» расспрашиваю привратников о «Русской богадельне». Мне показывают какой-то дом престарелых, однако

никто из его обитателей ничего не слышал ни о каких русских. Но мадам Рабаб, она-то должна знать!

Теперь мой путь — в Гарден-сити. Эта когда-то тихая аристократическая окраина Каира, примыкающая к Нилу, оказалась сегодня почти в центре города. Разыскиваю дом номер 8 по улице Дар аш-шифа, где находится представительство Комитета ООН по делам беженцев. Но мне не везет. Мадам Рабаб нет на месте, уехала по делам. Приезжаю через неделю — опять неудача: заболела. И лишь в третий приезд застаю ее.

Немолодая египтянка принимает меня любезно, но суховато.

— Русских эмигрантов в Египте больше нет, — говорит она. — Клуб продали в 1981 году. «Русская богадельня», она была в Гелиополисе, в доме номер 12 по улице Абу-Симбел, опустела и передана вместе с церковью грекам. Недавно в Каире умер последний из эмигрантов — Олег Волков…

Мне лишь остается поблагодарить мадам Рабаб за былую заботу о соотечественниках.

Глава 12
«На чужбине»

Свет луны и звезд мерцанье.
Стройных пальм ряды.
Ночи дивное дыханье —
Рощи и сады.
Тишина во всей природе —
Мил, прекрасен свет.
И не верится невзгоде
И в возможность бед…

Но печаль и испытанья
Всюду в этот час.
И напрасны упованья —
Не утешить нас.
Долго будем, знать волненья
Мы в груди своей
И болеть из сожаленья
За судьбу людей…

Тяжело в цепях недуга
Жить в чужом краю:
Без участья брата, друга
Строить жизнь свою…
Тяжело… А в небе ясном
Тот же яркий свет,
И вокруг все так прекрасно,
Будто скорби нет.

Нехитрое по форме, но очень искреннее, это стихотворение написано русским эмигрантом Г. З. Денисовым в лагере беженцев Сиди Бишр в ноябре 1921 года. Напечатано оно было в январском номере журнала «На чужбине» за 1922 год, издававшегося в Сиди Бишре. Номер этот попал ко мне совершенно случайно, в Александрии. Не удивлюсь, если это вообще единственный сохранившийся экземпляр данного номера. Ибо, скажем, первые шесть номеров «На чужбине» вышли общим тиражом всего в 718 экземпляров.

Напечатан журнал на машинке через один интервал и размножен на гектографе. Работа, конечно, кустарная, да что было делать? Русские шрифты в александрийских типографиях отсутствовали. Да и дорого издавать «по-настоящему». А издавать надо было. Журнал объединил вокруг себя соотечественников, он поддерживал их, давал ощущение связи с родной культурой, да и полезную информацию о Египте, которую не все могли почерпнуть из местных изданий хотя бы по причине языкового барьера. Но мне интереснее других показались те из 48 страниц журнала, где рассказывается о жизни русских эмигрантов в Египте. Хочу и тебя, дорогой читатель, познакомить с некоторыми материалами на эту тему. Начнем со статьи «Александрийские сигаретчики».

«Русские работники в г. Александрии разделяются на несколько категорий по роду своего труда. Это сигаретчики, шоферы и механики, трамвайные служащие (кондуктора, контролеры и вагоновожатые), рабочие на разных фабриках, квалифицированные мастера в различных предприятиях и небольшое количество служащих в конторах, разных бюро, мастерских и т. п. В общем, как правило, надо считать, что все эти занятия низкого порядка, и редко кто получает лучше оплачиваемые и более почетные должности, как то преподаватели или просто надзиратели в лицеях, техники, инженеры, чиновники какого-либо учреждения, банка и т. п.

Мы не можем в настоящем кратком очерке коснуться вопроса о быте беженцев во всей его широте. Здесь нам хочется лишь охарактеризовать один из наиболее тяжелых видов труда — труд сигаретчиков.

С самого раннего утра по позднего вечера мы можем встретить на улицах Александрии типичные русские фигуры, в русских косоворотках, английских френчах, военных тужурках, а иногда и в крайне неопределенного рода одежде, с лотками сигарет на плечах. Это русские сигаретчики, конкурирующие с арабами в борьбе за полуголодное существование. Нередко на плечах этих усталых людей вы можете увидеть погоны известных добровольческих полков.

Вот мелькнула на фоне магазинов пестрая поношенная фуражка б. корниловца. Там торопливо бегает из кафе в кафе сохранивший силы новоявленный торговец. Здесь, возле биржи, в ожидании покупателей уныло сидит инвалид с поврежденной рукой. А мимо идет другая жизнь: несутся автомобили, проходят изящные женщины, важно всходят по ступеням лестницы биржевые тузы.

Сигаретчики обычно начинают свою работу с ничтожной

суммой денег, собирая ее с большим трудом и лишениями. В особо благоприятных случаях деньги получают в долг от б. представителя консульства, который выдает ссуды под залог имущества или солидное поручительство, взимая за предоставленный капитал 12 %. Выданные ссуды и проценты аккуратно взыскиваются, причем иногда приходится прибегать к крайним мерам в виде наложения ареста на имущество. Для начала дела достаточно иметь фунтов пять. Но чтобы хорошо торговать, необходима сумма 8–10 фунтов, так как без дорогих сигарет и большого выбора их нельзя иметь успех. Некоторые беженцы, не получившие ссуд, начинают дело с двумя фунтами. Ясно, что такое дело может находиться только в жалком состоянии.

В александрийский летний сезон, от мая до ноября, сигаретчики зарабатывают 15, 30 и даже до 50 пиастров в день. Сумма зависит от коммерческих способностей продавца, его опытности, здоровья, владения языком. Чтобы выработать 30 пиастров для лиц с малым количеством товара, необходимо бегать по городу с 8 до 1 часа и от 4 до 12 ночи. Более крупным торговцам требуется меньшее напряжение сил: от 10 до 11 и от 4 до 11 вечера — вполне достаточный срок. Труд сигаретчиков тяжел не только в физическом, но и в моральном отношении. Бывают постоянные недоразумения с арабами-конкурентами, оскорбления и иногда даже драки. Европейское общество относится сочувственно и охотно берет сигареты у русских, но особенно не выделяет их среди других европейских работников. Арабское общество, за немногими исключениями, относя русских в общую массу европейцев, или бойкотирует их, или в лучшем случае относится безразлично. Бывают, правда единично, такие случаи: какой-нибудь шикарный араб берет пачку сигарет, разрезает бандероль, собираясь платить деньги. Но подлетает арабский сигаретчик, что-то кричит на непонятном для нас языке, и покупатель-араб бросает раскрытую пачку в ваш ящик и покупает у своего. Протестуйте, если можете. На это никто не обратит внимания. На вас посмотрят, как на чудака. А раскрытая пачка сигарет уже пропала. В моральном отношении это наиболее тяжелый труд. Все время гонят из ресторанов, кафе, синематографов и т. п.

Вне сезона заработок спускается до 10–15 пиастров в день. Кроме того, слишком большая конкуренция. Хорошо зарабатывают только те, кто приобрел постоянную клиентуру. Тот может торговать с успехом. И все же кусок хлеба этим путем очень тяжел.

Сообщил С. Ю. С.».

К рассказу знающего человека надо добавить лишь одно пояснение — что такое «сезон». До 1952 года, когда в Египте была свергнута монархия, с мая по октябрь король со свитой и правительство перебирались из Каира в Александрию, где, как я уже отмечал, климат помягче. Вместе с ними переезжали на полгода в «северную столицу» и дипломаты, и аристократы со всеми их чадами, домочадцами и слугами. Число богатых покупателей, на радость русским сигаретчикам и всем иным торговцам, значительно возрастало.

Ну а теперь хочу привести еще одно стихотворение. Тоже написанное в Сиди Бишре и тоже напечатанное в журнале «На чужбине».

Далекой родины мне вспомнилась зима:
Веселый смех на улицах столицы,
Пылающий камин, и на стекле окна
Причудливый узор — каприз Зимы-царицы.
Далекой родины мне вспомнился простор.
И снегом девственным занесенное поле,
Деревня сонная, высокий темный бор,
И звон бубенчиков, и тройки бег на воле.

Мне вспомнился на родине моей
Семейный тесный круг, уют родного крова,
Весь в звездах небосклон, и городских церквей
Призывный благовест в ночь Рождества Христова.
Какая ночь теперь в стенах Кремля Москвы?..
Ах, если бы туда я мог вернуться снова!..
Но мне на родину возврата нет, увы,
Мне не молиться там в ночь Рождества Христова.

Ф. Щербинин

Сам я не видел снега долгих пятнадцать лет, и не раз за это время мне грезились те же картины, что и автору этого стихотворения. С той лишь разницей, что не было в этих грезах тоски оттого, что никогда больше не увидеть мне их наяву…

Листаю журнал дальше. «Скалы и мели на пути русской женщины в Египте (письмо из Каира)». Что ж, давайте почитаем. Тема любопытная.

«Тихо и однообразно течет жизнь русских семейных кампов (лагерей. — *В. Б.)* в Сиди Бишре. Тесным кольцом колючей проволоки окружен человеческий улей. Каждый день одни и те же

лица; рождается тоска и сознание неволи, и многие расправляют крылышки и летят на заработки во все стороны Египта.

Трудна дорога одинокой женщины, решившейся на этот шаг: много сетей расставлено на ее пути, и я беру на себя смелость указать на некоторые из них, чтобы облегчить дорогу русской труженицы.

Выезжая из кампа, многие из нас уже имеют определенное назначение, но иногда приходится останавливаться, за неимением больших средств, в маленьких дешевых гостиницах, что далеко не безопасно. Грязь, отвратительный чесночный запах, кровать, полная всевозможных насекомых, рои комаров и москитов при отсутствии сетки делают ночлег кошмарным. Кроме того, нередко бывают случаи, когда арабы забираются ночью в комнату или впускают кого-нибудь постороннего.

В Каире и в Порт-Саиде существуют Лиги защиты женщин. В Каире за 10 пиастров в сутки можно иметь в этой лиге хорошую кровать с чистым, свежим бельем, утром — чай и завтрак, в полдень — обед, потом чай и ужин. Лига помещается вблизи вокзала Баб аль-Люк. В Порт-Саиде пансион стоит 15 пиастров. Адрес можно узнать в караколе (полиции).

Большая часть наших русских дам служит у англичан. Необходимо знать каждой из поступающих, что сначала надо выговорить себе свободный день в неделю и работу до определенного часа. Жалованье нянь — 4 фунта, а иногда и больше. Англичане охотно соглашаются на эти условия и придерживаются их. Но если не обсудить этого, то они сами вам их не предложат. Служба у англичан легче, чем у лиц других наций. Они всегда корректны и считаются с интеллигентностью русских дам. Это нельзя сказать про других. Французы, например, стараются заплатить как можно меньше, кормят отвратительно и заставляют работать наравне с арабами. Что еще ужасно в этих семьях, это взгляд на русскую женщину. Вести о поведении наших несчастных соотечественниц, выброшенных безработицей на улицы Константинополя, наложили отпечаток на отношение и к нашим женщинам. Каждый из этих господ, большей частью неинтеллигентных, смотрит на нас как на самых интересных, но и самых доступных женщин.

Были случаи, когда наши дамы, несмотря на крайнюю нужду, не смогли оставаться в таких семьях более трех дней. Такое отношение усвоили себе все нации, кроме англичан. В магазинах, в правительственных учреждениях, везде и всюду, как только выясняется ваша национальность, сейчас же на лицах появляются особые усмешки и в движениях — фамильярность. Если женщина приходит просить работы, ответ один и тот же: «Вы так молоды и

так хороши, зачем вам работать? Вы будете иметь все — если захотите. Скажите одно слово…» и т. д. Я знала одну барышню, которая хотела открыть мастерскую модных нарядов. Средств у нее не было, и ее направили к одному богатому греку. Он долго разговаривал с ней о России, о том, что это его вторая родина, что он страдает от сознания ее гибели; жалеет русских, попавших в такое ужасное положение, и обещал ей помочь. На другой день, действительно, для нее была снята хорошая квартира с обстановкой. Она была поражена богатством и решила, что платить ей будет не под силу. Благодетель-грек объяснил, что платить ей ничего не надо; она просто его немного приласкает, как родного брата. Так и закончился ее проект об открытии мастерской.

Много еще помогает такому отношению к нам наша беззащитность. Эти господа действуют так развязно потому, что знают, что мы одиноки и некому за нас заступиться. Тяжело испытывать такое отношение потому, что оно незаслуженно. Поведение русской женщины в Египте может заслужить лишь одобрение. Загляните, как работают наши русские женщины в Каире. Не привыкшие к тяжелому труду, девушки в мастерской модных нарядов сидят целыми днями, согнувшись над иголкой. Дело растет и ширится. Учительницы музыки, танцев, иностранных языков целые дни бегают из одного конца Каира в другой. Сестры милосердия работают целыми днями. Как ни тяжело русским женщинам, решившимся на самостоятельный заработок, все же они с достоинством несут свое знамя русских интеллигентных женщин, и иностранцы в последнее время заметно меняют свой взгляд: в их отношении уже проглядывается уважение. Много сил дает сознание, что в случае неудачи есть угол, куда можно приехать, временно передохнуть, чтобы снова вступить в борьбу за существование. Тяжело может отразиться в случае, если кампы закроют, и мы очутимся тогда без утла и приюта.

Декабрь-21. Н. Б.».

Теперь же, дорогой читатель, хочу познакомить тебя с некоторыми сообщениями из хроники культурной жизни «русского лагеря» в Сиди Бишре.

«Союзом русских студентов в г. Александрии 11 и 19 ноября (1921 года. — *В. Б.)* были устроены два литературных вечера.

В программу первого вечера вошли: разбор поэмы «Первое свидание» Андрея Белого, чтение отрывков из романа «Хождение по мукам» графа А. Н. Толстого и выступления местных авторов.

Наиболее удачным был второй вечер, посвященный 100-

летнему юбилею Ф. М. Достоевского. Вечер привлек довольно значительное число местной и городской публики. Вход на вечера был бесплатный».

«На днях исполняется ровно год, как по инициативе перекочевавшего из Телль аль-Кебира кружка артистов началась постройка Сидибишрского театра и организационная работа по выработке программы.

Одним из последних спектаклей, данных труппой, был «Шельменко-денщик», комедия в 4-х действиях гр. Квитко-Основьяненко. Пьеса шла в постановке М. Манглера. Это заигранная старая комедия, доступная по своей примитивности людям с малоразвитым вкусом, но выигрышная для актеров по своей сценичности, а также естественным, но часто и искусственным комизмом положений. Пьеса прошла не совсем стройно, не чувствовалось полной сыгранности. В общем, спектакль прошел в пределах достижений, доступных любителям сценического искусства, среди которых есть лица, выступающие в первый раз».

«12 ноября состоялся вечер в пользу Общества русских инвалидов и увечных в Египте. К этому вечеру очень много готовились. Были приглашены все лучшие артистические силы нашего лагеря: три оркестра — симфонический, духовой и балалаечный. Участвовала также известная балерина г. Шуберт со своим партнером г. Игнатовым. Пел смешанный хор. В общем в концерте приняли участие до 120 человек. Из отдельных номеров надо отметить инсценировку «качелей» из оперетты «Веселая вдова» Легара в постановке г. Ведерникова. Эффектная картина «качелей», убранных цветами и ярко залитых электричеством, с красивыми фигурами молодых девушек оставила сильное впечатление. Вечер дал чистого сбору около 6 фунтов».

«На третий день Рождества Христова, 9 января, в нашем театре инспектор русских лагерей в Египте полковник Энсгортс устроил елку для русских детей с чаем и подарками. После угощения были танцы. Дети получили огромное удовольствие. Школа и дети приносят свое искреннее спасибо всем, кто способствовал устройству этого развлечения».

«Египетским комитетом помощи голодающим в России была устроена в Александрии лотерея. Она дала весьма удовлетворительные результаты. В лотерее принимали участие не только состоятельные европейцы и арабы, но и беднейшее население, с удовольствием жертвовавшее свои последние гроши тем, кто умирает от голода и более несчастен, чем они».

«В декабре состоялись следующие футбольные матчи между нашей сборной и командами из окрестностей Сиди Бишра. 1 и 2

числа из Мустафы-паши и Абу-Кира — 0:3 и 0:6 в пользу англичан; 7, 8 и 19-го — с индусами 3:1 в пользу сборной, затем 1:1 и 1:1».

Так текла жизнь русских беженцев в Сиди Бишре. А завершить рассказ о ней я хотел бы опять-таки стихотворением, на сей раз неизвестного мне обитателя «русского города».

Лишь солнце движется к закату,
За камп один я выхожу,
И кампа «д» пройдя ограду,
На камне долго я сижу.

Передо мною вид не новый:
Поля, леса и хутора.
Овец пасет араб суровый
Вблизи дырявого шатра.

Налево — пальмы, а за ними
Видна усадьба богача,
И близ усадьбы вол лениво
Идет с работы, плуг влача.

Поля арабы убирают.
А по далекому пути
Автомобили все мелькают
Да мул не хочет кладь везти.

Там воду буйволы качают
С повязкой белой на глазах,
Арабы тихо проезжают
С какой-то кладью на ослах.

Идет арабка за водою,
Браслеты блещут на ногах,
Кувшин у ней над головою,
Грудной ребенок на руках.

Но вот и ночь. Кругом — ни звука.
Три огонька вдали горят.
Лишь с озера лягушки глухо
То тут, то там слегка трещат.

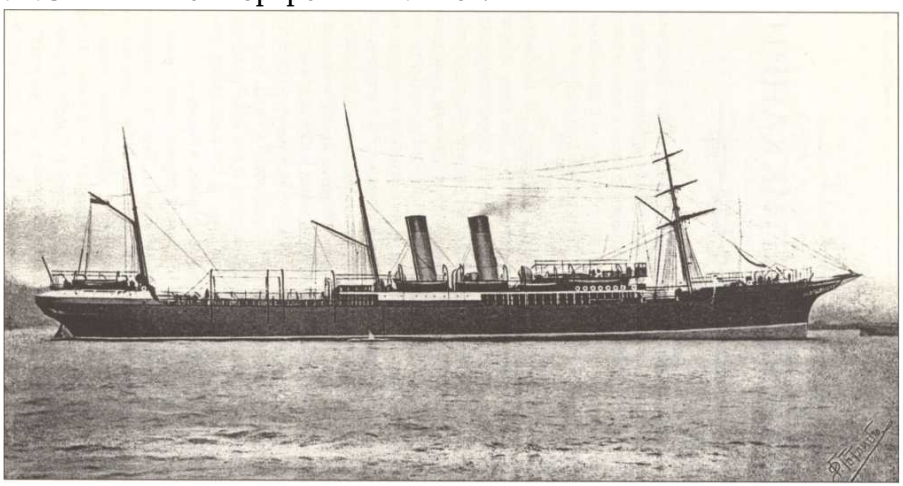
Я час сижу, вид созерцая,
И вспоминаю хутор свой.

И долго думаю-гадаю:
Когда ж вернусь я в край родной?

Глава 13
Иоанн из Антикхании

— Папа, смотри, оказывается, художник Билибин жил в Египте! — воскликнула дочка. Мы только что купили в киоске советского торгпредства в Каире книгу Олега Семенова «Иван Билибин. Рассказ о художнике-сказочнике», и дети с интересом рассматривали ее. В начале книги мы прочли следующее:

«Судьба Билибина сложилась непросто. В сентябре 1917 года он уехал в Крым, где прожил два года в приморском поселке Батилимане. Вокруг в садах прятались скромные, пустующие зимой дачки писателей, художников, ученых. Новости из Петербурга и Москвы доходили редко и с большим опозданием. В своем добровольном заточении Билибину трудно было разобраться в сущности тех громадных перемен, которые произошли в стране, он не понял их сути и в 1920 году, увлекаемый волной беженцев, покидающих Россию, на пароходе «Саратов» уплывает в Египет. Он делит тяготы лишенных работы, живущих среди безводной пустыни в палаточном лагере соотечественников. Но, в отличие от большинства из них, он имеет профессию. Он художник, мастер, и его искусство находит применение и в далеком Египте. Он выполняет многочисленные заказы — пишет портреты и панно».



Пароход «Саратов»

Так осенью 1988 года открылся передо мной новый фронт поиска — билибинские работы. Ведь этот выдающийся русский художник известен нам всем с детства по непревзойденным иллюстрациям к народным сказкам, и наверняка хотя бы часть созданных им в эмиграции портретов и панно все еще находится в Египте. Может, я даже видел их в музеях или антикварных магазинах, да не знал, кто автор. Но начинать поиски, что называется, вслепую, не зная подробностей, не очень-то рационально. Только вот подробности можно узнать лишь в Москве, а до отпуска еще очень далеко. Решил поступить так: попросить папу просмотреть всю имеющуюся в Библиотеке имени В. И. Ленина литературу об Иване Яковлевиче Билибине и сделать оттуда выписки, относящиеся к его жизни в Египте, а самому тем временем поговорить со специалистами.

Несколько раз ездил я в центр Каира, заходил в антикварные лавки и аукционные залы, вглядывался в картины и автографы на них, разговаривал с продавцами. Никто о русском художнике Билибине ничего не слышал. Некоторые пообещали позвонить, если наткнутся на его картины, но звонков так до сих пор и не последовало. Пошел по музеям, прихватив с собой книгу Семенова. В Центре современных изящных искусств на Замалеке, или, как он еще называется, в галерее «Эхнатон», меня принял директор Ахмед Салим. Нет, он тоже ничего не знает о Билибине. Но вот сейчас по «Эхнатону» бродит один из старейших египетских художников Фаузи аль-Хусейн. Может, он что знает?

Маэстро Фаузи уже за 80. Рисовать он начал в юности, в 20-е годы — как раз в то время, когда Билибин жил в Египте. Но имя его старику не известно. Художник долго листает книгу, рассматривает портрет Ивана Яковлевича. «Лицо вроде знакомо, манера — тоже», — неуверенно говорит он, но ничего конкретного добавить к этому не может.

Куда идти теперь?

— Поговорите с Эми Азаром, — советует Ахмед Салим. — Это наш ведущий искусствовед, человек немолодой. Правда, телефона у него дома нет, но я знаю адрес.

Дом, где живет Эми Азар, я нашел не сразу. Он расположен в рабочем пригороде Имбаба, маленький, четырехэтажный. Хозяина дома не оказалось. Я постоял под дверью на верхнем этаже, где пахло московской коммунальной квартирой, и пошел по крутой лестнице вниз, чуть не разбив в темноте голову о подвешенный к стене велосипед.

Через неделю мне повезло. Дверь открыл старик, такой же маленький, как и сам дом, и проводил меня в крохотную гостиную, обвешанную книжными полками и репродукциями

картин художников разных стран и народов.

— Чем могу служить? — любезно спросил он.

Я объяснил Эми Азару суть дела. Тот закурил, помолчал немного и только потом ответил:

— Нет, сударь, о вашем Билибине я ничего не слышал. Но знаю, что в 30-е годы в Египте жил и работал другой художник из России, Фредман-Клюзель. Он был первым директором Центра современных изящных искусств на Замалеке, того самого, где вы встретились с Ахмедом Салимом. Работы его известны, они есть в Музее изобразительного искусства в Гезире. Правда, музей этот сейчас закрыт на реставрацию. Когда-то давно я даже писал о Фредмане-Клюзеле. К сожалению, — добавил старик, поймав мой вопросительный взгляд, — этой работы нет в моей библиотеке.

В живописи я не специалист, имя русского художника, названное Эми Азаром, мне незнакомо. Возможно, искусствоведу было бы интересно посмотреть его работы, но я-то журналист, пытаюсь собрать материал для очерка об Иване Билибине, которого знает любой из моих потенциальных читателей. Нет, не стоит уходить в сторону. Я поблагодарил старика и начал спускаться вниз по лестнице, стараясь вспомнить, на каком этаже висел велосипед.

Надо сходить в еще один музей — Махмуда Халиля. Он тоже, как и «Эхнатон», расположен на Замалеке, неподалеку от нашего корпункта. Но если Центр изящных искусств представляет собой полдюжины выставочных залов в старинном особняке, то в музее Махмуда Халиля экспозиция постоянная. Да какая! Более двухсот подлинников импрессионистов! Собрал их в середине XX века богатый, знатный египтянин, получивший образование во Франции, — его имя и носит музей. И что интересно: несмотря на роскошную коллекцию, там всегда пусто. Редкие посетители музея — это обычно либо иностранные туристы, либо студенты факультета изящных искусств.

Директор Ахмед Сами жалуется на недостаток художественного воспитания. Наверное, он прав, причем феномен этот легкообъясним. Египет — страна по преимуществу мусульманская, а ислам веками запрещал изображать людей и животных. Вместо них художники изощрялись в растительных орнаментах и каллиграфии. И, надо сказать, изрядно в этом преуспели. С XIX века, когда в страну устремились европейцы, а египетская верхушка стала отправлять своих детей учиться за границу, в Египте появились первые профессиональные художники. Но до сих пор картины привлекают лишь узкий круг лиц.

К сожалению, Ахмед Сами никогда не слышал о Билибине.

Видно, поиск вслепую пора кончать. Что ж, подожду письма из Москвы.

И скоро оно пришло — несколько страничек, тесно исписанных. Жизнь и творчество Билибина в Египте стали приобретать более ясные очертания. Были там и ниточки, за которые не без надежды на успех можно было ухватиться…

Итак, 7 марта 1920 года Иван Яковлевич Билибин отплыл на пароходе «Саратов» из Новороссийска. 26 марта он впервые ступил на африканский берег. Он прошел через карантин в Александрии, затем попал в известный уже читателю лагерь русских беженцев в Телль аль-Кебире и в начале мая поселился наконец в Каире.

Египет пленил Билибина. «В 1920 году (так было написано в книге моей судьбы) попадаю в совершенно новую и чуждую, но драгоценнейшую для художника обстановку, в Египет, где живу и работаю пять лет, — вспоминал впоследствии Иван Яковлевич. — Я никогда не забуду того потрясающего впечатления, когда я впервые попал в старинные мусульманские кварталы Каира с изумительными мечетями первых времен Хиджры (мусульманское летоисчисление, берущее начало в 622 году. — *В. Б.),* с его рынками и его толпою. Мне казалось, что передо мною ожила одна из страниц «Тысячи и одной ночи», не верилось, что все это существует в натуре».

Друзья сначала потеряли Билибина из виду. Ведь основная масса русских эмигрантов из числа интеллигенции старалась осесть в европейских центрах культуры, особенно в Париже. Одни говорили, что он будто бы живет в Софии, другие — в Праге. Потом прошел даже слух, что Иван Яковлевич умер. Но в начале 1921 года издававшийся в Берлине эмигрантами журнал «Жар-птица» внес наконец ясность в этот вопрос. Во втором номере он опубликовал статью «Как живет и работает И. Я. Билибин», в основу которой было положено длинное письмо художника другу.

«После долгих мытарств я обосновался в Каире, — писал Билибин. — Работу я нашел, но денег дают ужасно мало, так что живу я на старости лет совсем студентом, словно мне двадцать лет. Временами это раздражает, так как нельзя купить нужной книги или какой-нибудь живописной старой тряпки. Все же кое-какие книги, необходимые как материал для работы, хотя и с трудом, но куплены.

Египтов, как вы знаете, два: древний, классический, и мусульманский. Прежде всего, первым номером, меня зачаровал второй, так как он понятнее нам и ближе. Кроме того, мусульманская старина, если хотите, жива и сейчас, а жизнь осталась почти та же. Мусульманские кварталы в Каире очень

специфичны, архитектура великолепная, старины очень много, и тут же крутом базары, лавчонки, торговцы, нищие, бедуины, негры, верблюды, разукрашенные ослики, ковры, сладости, фрукты — словом, садись и рисуй восточную сказку.

Другой Египет — древний, величественный, непонятный и страшный — молчит, и насколько оглушительно крикливы, до боли в ушах, все эти разноцветные люди, от белых до негров, в фесках и тюрбанах, настолько же тихи и бессловесны остатки того далекого мира.

Моя работа не пристала ни к тому, ни к другому Египту, и специальностью моей сделалась Византия.

Я делаю большую декоративную картину, 5 1/2 метра на 2 1/2, которая украсит комнату в византийском стиле одного богатого грека. Размеры, как видите, для меня необычные, но очень интересно. На картине есть император с императрицей, и процессия мужчин и женщин, и иконный город, и много орнаментики. Стиль — приблизительно VI века, юстиниановской эпохи».

Получив солидный аванс под эту крупную работу, Иван Яковлевич снял небольшой дом на улице Антикхана, в самом центре Каира, где была просторная мастерская и две жилые комнаты. Мастерскую свою он прозвал «Антикханией», себя же величал «Иоанн из Антикхании». Обычно работу Билибин начинал в шесть часов утра и продолжал ее до одиннадцати, затем делал перерыв до шести вечера — и снова за работу. Выкраивал время на осмотр достопримечательностей Каира и даже поездки по стране. Дважды художник ездил в Верхний Египет, бывал в Луксоре, знаменитом своими величественными храмами периода Нового царства. Во время второй поездки он посетил только что открытую в скалах Долины царей близ Луксора гробницу Тутанхамона — единственную усыпальницу фараона, найденную учеными не разграбленной, со всей ее пышной роскошью. Ездил также в старинные христианские монастыри в Западной пустыне и на Синае. И повсюду фотографировал, фотографировал…

«Не имея возможности коллекционировать, я очень много снимал, — писал Билибин другу в январе 1924 года. — Я много снимал и по Древнему Египту, и по арабскому искусству, но что очень близко моему сердцу — это так называемое коптское, а по-моему, просто довизантийское искусство египетского производства, но совершенно без прежних древнеегипетских традиций. Это предок (и прямой, а не боковой) и нашего русского искусства».

В мастерской на ул. Антикхана. Стоит И. Я. Билибин, сидят (слева направо): Л. Е. Чирикова, Есаул и О. В. Сандер. На заднем плане — панно «Поклонение византийским царю и царице». 1921 г.

То, что художник назвал «довизантийским искусством», было бы, наверное, точнее охарактеризовать как «раннехристианское». В середине I века в Александрии возникла первая в Египте христианская община, там проповедовал св. Марк Евангелист, которого копты считают своим первым патриархом. Коптский алфавит напоминает старославянский, поскольку восходит к тому же корню — алфавиту греческому. Ну а коль скоро изобразительное искусство на Руси развивалось во многом из обслуживания церковных нужд, то вывод Билибина, парадоксальный на первый взгляд, по существу довольно логичен.

Лето 1924 года художник провел в путешествии с семьей по Палестине и Сирии. «Иерусалим, Мертвое море, Галилея и Дамаск. Продолжение восточной сказки», — вспоминал он. А по возвращении в Египет семья поселилась в Александрии, где, по свидетельству приемного сына Ивана Яковлевича М. Н. Потоцкого, он «подолгу пропадал в знаменитом греко-римском музее с его изваяниями, коллекциями монет, шедеврами мозаики, керамики». Для Билибина «северная столица» Египта была привлекательна еще и тем, что там проживало много европейцев,

включая русских эмигрантов, среди которых попадались и знатоки живописи, существовало Общество любителей искусства. В декабре 1924-го — январе 1925 года это общество организовало персональную выставку И. Я. Билибина и его жены, художницы Н. В. Щекотихиной-Потоцкой.

«Почти все работы с этой выставки ушли в Америку и Грецию, — писал М. Н. Потоцкий. — В местной александрийской прессе выставка была высоко оценена».

Среди работ, выполненных Билибиным в Египте, были не только декоративные панно для особняков богатых греков, но и пейзажи, портреты. Чего не хватало художнику — так это заказов на иллюстрации к книгам. «Моей любимой работы — книжной — нет вовсе», — сетовал он в письме к другу в начале 1921 года. Зато были заявки непривычного для него рода. «Получил заказ на несколько икон для одной небольшой греческой церкви, — сообщал Билибин в том же письме. — Мечтаю проникнуть в большой кафедральный греческий собор». Сбылась эта мечта художника или нет, осталось для меня неясным, но, по свидетельству его приемного сына, в Александрии Билибин «сам декорирует стены большого сирийского православного храма». Впрочем, в биографической хронике Ивана Яковлевича об этом говорится несколько по-другому: «1925 год. Выполняет эскиз фресок и иконостаса для сирийского православного храма в Александрии».

Искать особняки, принадлежавшие в 20-е годы богатым грекам, — все равно что иголку в стогу сена. Мне, например, очень хотелось взглянуть на громадное панно «Поклонение византийским царю и царице», которое Билибин писал для виллы Бенаки — крупного торговца хлопком в Александрии. Связался с правлением греческой общины в Каире. Там мне сказали, что семья Бенаки давным-давно уже не живет в Египте. Какая из тысяч александрийских вилл принадлежала им? И сохранилась ли она? Попробуй-ка сейчас докопайся!

И. Я. Билибин на своей персональной выставке в Александрии. Январь 1925 г.

Впрочем, виллу Бенаки я в конце концов нашел. Как обычно, помог случай.

В ноябре 1992 года я встретился в Александрии с Мустафой Наггаром, президентом Александрийской торговой палаты. Разговор поначалу шел о египетско-российской торговле. Между делом Наггар обмолвился, что собирает картины и антиквариат. Похвастался, что у него даже есть одна работа самого Гойи! Я, естественно, спросил о Билибине — ведь Иван Яковлевич, хоть и недолго, жил в Александрии, там устраивалась его выставка. Имя это было Наггару незнакомо. Но когда я упомянул, что Билибин работал в основном для богатых греков, включая Бенаки, собеседник оживился.

— Вилла Бенаки находится рядом с моим домом, на площади Халиль-паша Хайят, в районе Рушди, — сказал Наггар. — Не вилла даже, а настоящий дворец. Территория занимает целый квартал, почти два гектара. Стоит она сейчас, наверное, не меньше ста миллионов. У Бенаки не было детей. Его жена-турчанка воспитывала двух племянников. После смерти приемных родителей один из них уехал работать в Париж, в ЮНЕСКО, другой еще куда-то. Вилла была им не нужна, зато требовались деньги. Они и продали ее — человеку по имени Абдель Али, из Южного Египта.

Южане, или, как зовут их здесь, «саиди», считаются в Египте грубоватыми провинциалами, о них ходит немало анекдотов. Как-то обошелся новый хозяин с художественными сокровищами виллы, включая панно Билибина?

— Он продал их все с аукциона, — ответил на мой вопрос Наггар. — А на вилле развел кур и голубей.

Судьба билибинского панно так и не прояснилась.

В начале же поисков, узнав от греков, что семья Бенаки уже не живет в Египте, я решил сконцентрировать усилия на розыске сирийского православного храма в Александрии. Их в «северной столице» наверняка два-три, не больше. И я отправился туда, к представителю Русской православной церкви протоиерею Дмитрию Андреевичу Нецветаеву.

Батюшка встретил меня приветливо и, несмотря на неважное самочувствие, вызвался помочь. Вместе с ним мы поехали в греческий православный патриархат. Самого папы Парфения III — патриарха Александрийского и всея Африки — на месте не оказалось, он объезжал свою обширную патриархию. Нас принял его заместитель, митрополит Варнава. О том, что русский художник декорировал сирийскую православную церковь, он узнал от нас впервые. Церковь такая в городе одна — Благовещенья. Священником там отец Герасим.

Наутро, уже один, разыскиваю по данному мне митрополитом Варнавой адресу церковь Благовещенья. Отец Герасим, как истинный житель Египта, сначала угощает чашечкой крепкого кофе, а уже затем ведет показывать храм. Фресок там нет вовсе, а иконы на русскую школу не похожи. Как это понять? Что М. Н. Потоцкий не прав и его отчим сделал только эскизы, которые по каким-то причинам были отвергнуты? Но ведь приемный сын Билибина, живший вместе с ним, не мог не знать, чем занимался художник. Одно дело — набросать дома эскизы, другое — проводить недели, а то и месяцы, собственноручно расписывая храм. Хотя непосредственно на роспись церкви времени у Билибина было явно маловато. В августе 1925 года семья переехала из Александрии в Париж, незадолго до этого совершив продолжительную поездку в Верхний Египет. Значит, все-таки только эскизы? Или в 20-е годы мог существовать и другой сирийский православный храм?

— Это исключено, — качает головой отец Герасим. — Ни один храм с тех пор не был снесен, а превращение сирийского православного храма, скажем, в грекокатолический просто невозможно. Да у нас в городе вообще лишь одна еще церковь, греческая православная в Ибрахимии, расписана. Понимаете, климат плохой, жарко, от моря влажность высокая, фрески не

держатся долго, осыпаются.

— Так, может, фрески русского художника в вашей церкви просто-напросто не сохранились?

— Возможно! — пожимает плечами священник.

На всякий случай едем в Ибрахимию. Росписи на стенах церкви совсем не похожи на фрески, выполненные рукой выдающегося русского художника.

Возвращаемся в центр города, в патриархию. Мириться с поражением ужасно не хочется. Может, что-то подскажут патриаршие архивы? Но митрополит Варнава отвечает твердо: насчет архивов надо говорить с самим патриархом.

Случилось так, что в следующий раз я попал в Александрию лишь спустя полгода. Помешали отпуск и более срочные дела. Заехал в патриархат, зашел к митрополиту Варнаве. «Патриарх вот-вот должен приехать из очередной командировки», — сказал он мне. И в этот момент во двор въехал черный «Мерседес». Из него вышел красивый старик в светской одежде. «Это и есть патриарх», — только и успел шепнуть мне Варнава и бросился приветствовать своего начальника.

Я подошел следом, представился. Сказал, что хотел бы побеседовать с его святейшеством.

— Сегодня не получится, — ответствовал патриарх. — Мне надо отдохнуть с дороги. А завтра утром, часов в десять, милости прошу.

Беседа с Парфением III была недолгой — я едва успел выпить традиционную чашку кофе. Патриарх выслушал суть дела и пообещал, что даст своим сотрудникам указание посмотреть в архивах. В следующий мой приезд в Александрию мне сообщили: никаких упоминаний о русском художнике в архивах патриархата не обнаружено.

Что же, это очень жаль. А добыча казалась такой легкой! Один-единственный сирийский православный храм на четырехмиллионный город! И, главное, неясно, как обстояло все на самом деле. Эскизы отвергнуты или росписи не сохранились? Придется теперь ловить рыбку помельче, искать греческую церковь в Каире, для которой Билибин писал иконы. В каталоге произведений искусства художника она значится как «госпитальная».

От знакомых египтян узнал, что греческий госпиталь находится в Аббасие — старом районе Каира. Найти его не составило труда.

— Вы к кому? — строго спросил привратник.

— Хочу посмотреть церковь, — ответил я, не будучи еще уверен в ее существовании.

— Церковь вечером закрыта, но могу показать, где она.

Значит, все-таки есть! Проходим во двор старого одноэтажного здания в форме буквы П. На поверку оно оказалось не больницей, а домом престарелых. В правом углу двора — маленькая церковь, квадратная, ничем не примечательной архитектуры, построенная, наверное, в начале XX века. На двери — замок.

— Приходите утром, с 9 до 11, — советует привратник.

В ближайшее же воскресенье вновь приезжаю в госпиталь, на сей раз с утра. Церковь опять закрыта. Но сухонькая старушка любезно показывает мне, где найти хозяина ключа. На стук в дверь из комнаты выходит невысокого роста пожилой человек. Объясняю ему, что хочу посмотреть церковь. Он недовольно хмурит брови: воскресенье — день отдыха! А я-то думал, что в этот день как раз самая большая служба! Вот они, издержки светского воспитания! Но вскоре выясняется, что хранитель ключа — зовут его Париклис — ворчит лишь для проформы. Он надевает теплый халат и ведет меня в церковь. Щелкают выключатели, помещение озаряется светом. С плафона купола смотрит на нас лик Иисуса Христа.

Едва ли не первое, что бросилось в глаза, — цветная литография на стене в рамке под стеклом. Внизу — надпись по-русски: «Вход Господа нашего Иисуса Христа в Иерусалим». И более мелким шрифтом: «Дозволено Моск. Духовн. Цензурою 29 декабря 1880 г. Печатано в литографии А. В. Морозова». Видно, вклад кого-то из наших соотечественников.

Не размениваясь на разномастные иконы на стенах, иду рассматривать иконостас. Именно его, судя по документам, расписывал Билибин, и притом в русском стиле XV века. На алтарных дверях — по архангелу в человеческий рост. Справа — Гавриил, слева — Михаил. У них удивительно знакомые по старорусским иконам лица, какой-то светлый, праздничный облик. Внимательно разглядываю нижнюю часть икон: вдруг есть автограф? И — вот он: крошечными буквами инициалы «И. Б.», дата — «1921» и вензель в виде весов — фирменный знак мастерской художника на улице Антикхана.

Так вот они какие, билибинские иконы! А эта, двойная, на царских вратах? Справа — испуганная и вместе с тем радостная дева Мария, слева — архангел Гавриил, посланный ей Господом, чтобы сообщить ошеломляющую весть: «Зачнешь во чреве, и родишь сына, и наречешь имя ему: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего». Цитирую Евангелие от Луки по Библии, принадлежавшей Олегу Волкову. Внизу иконы «Благовещенье», яркой, солнечной, — те же инициалы, дата и

вензель.

В 1921 году Билибин писал другу из Каира в Париж: «Порою меня очень тянет в Россию и, в частности, в Крым. Я стал более ярым националистом, чем когда-либо, насмотревшись на всех этих носителей культуры — англичан, французов, итальянцев и пр. Только сейчас начинаем чувствовать, как много мы потеряли».

Может, с этого горького размышления эмигранта и начался его путь назад, на родину. 16 сентября 1936 года Билибин на теплоходе «Ладога» прибыл в Ленинград. Долгие странствия художника закончились, он вернулся наконец на родную землю. Умер Иван Яковлевич шесть лет спустя, во время фашистской блокады города.

Да, мастер вернулся, и было бы справедливо, если бы созданные за годы эмиграции Билибиным работы воссоединились с их творцом. К тому же билибинские архангелы, например, стали уже разрушаться, кое-где с них облупилась краска. «Благовещенье» выглядит лучше, но и эта икона нуждается в реставрации. Если оставить все как есть, то лет через 20–25 жизнь икон оборвется, и мы потеряем еще одну крупицу русской культуры…

Мысль эту я высказал на страницах «Правды» в сентябре 1990 года в очерке о жизни Ивана Яковлевича в Египте. И встретил почти мгновенную поддержку со стороны председателя Советского фонда культуры академика Дмитрия Лихачева. По его поручению я начал вскоре переговоры с греками. Предполагалось сделать точную копию икон для госпитальной церкви, оригиналы отправить в Москву, а в порядке компенсации разницы в цене поставить для госпиталя кое-какое оборудование. Увы, переговоры пришлось прервать после развала Союза и ликвидации СФК.

Глава 14
Русский Египет

Душным октябрьским вечером 1921 года к скромному пансиону «Сесиль-хауз» в центре Каира подъехал пропыленный автомобиль. Из него вышли двое — высокий, с горделивой осанкой пожилой мужчина и миловидная женщина средних лет. Бросившийся им навстречу портье расплылся в радостной улыбке.

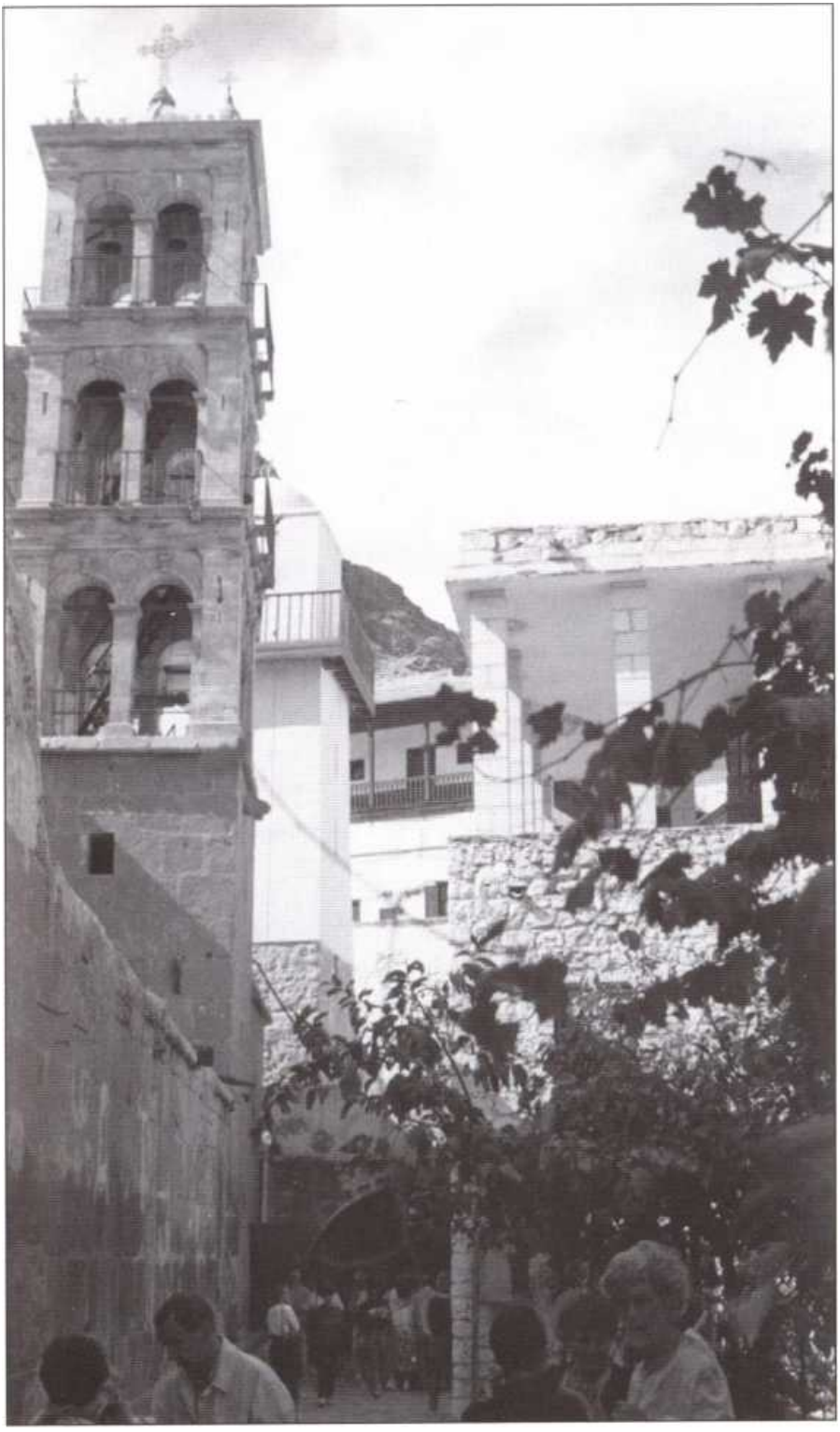
— С приездом, господин Голенищефф! — приветствовал он старика, выговаривая его фамилию на французский манер. — Добрый вечер, мадам! Значит, опять к нам! Надолго ли?

— Теперь надолго! — отвечал старик. — На полгода, не меньше. Буду преподавать в университете короля Фуада.

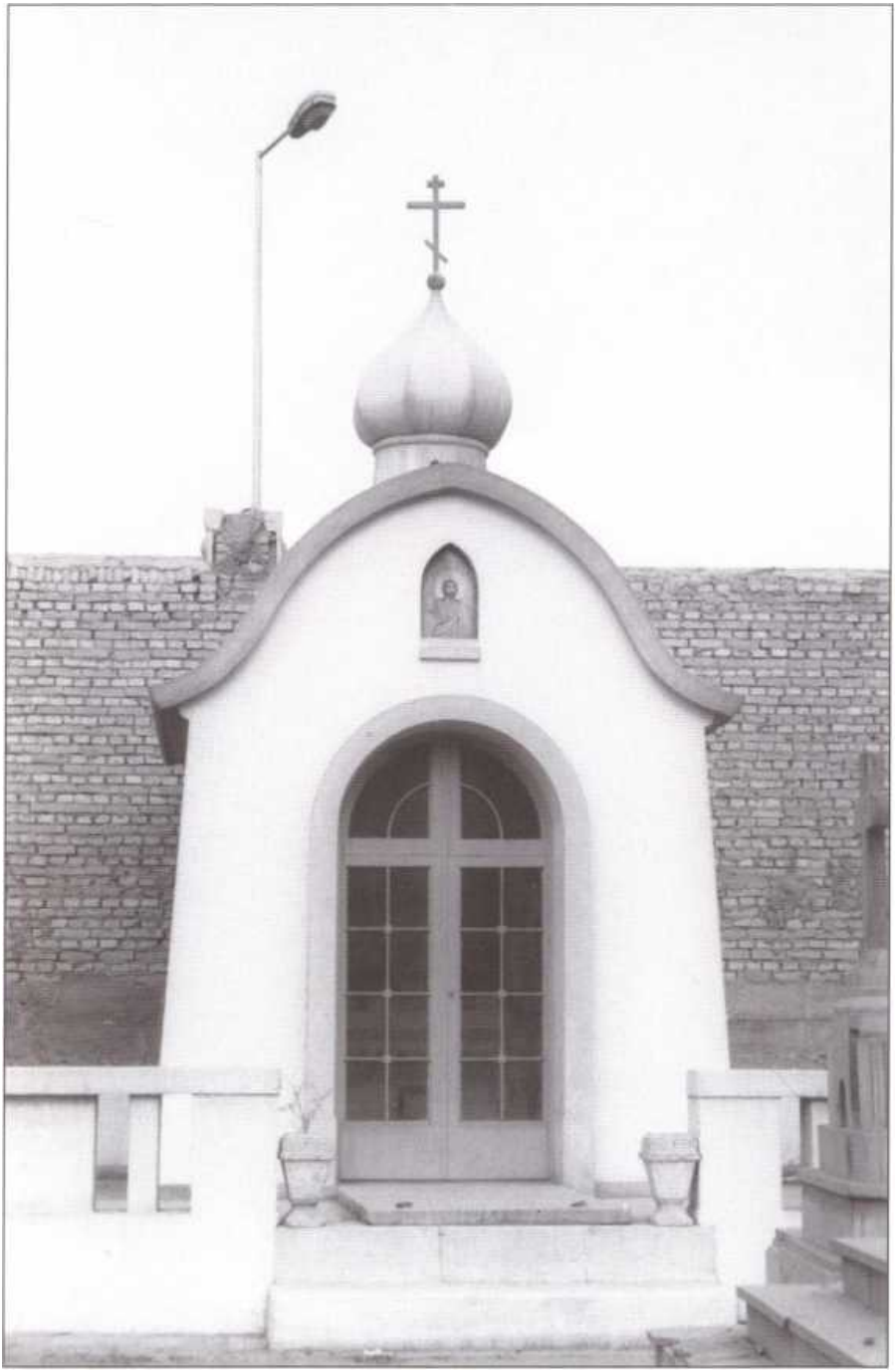
Так в жизни выдающегося русского египтолога Владимира Семеновича Голенищева (1856–1947) завершился «смутный период» неустроенности и неуверенности в завтрашнем дне. Теперь он вновь обрел твердую почву под ногами, получив должность профессора в стране, которую всей душой полюбил с детства.

Монастырь Св. Екатерины прилепился к скале, как гнездо орла

Архимандрит Симеон — хранитель библиотеки монастыря Св. Екатерины

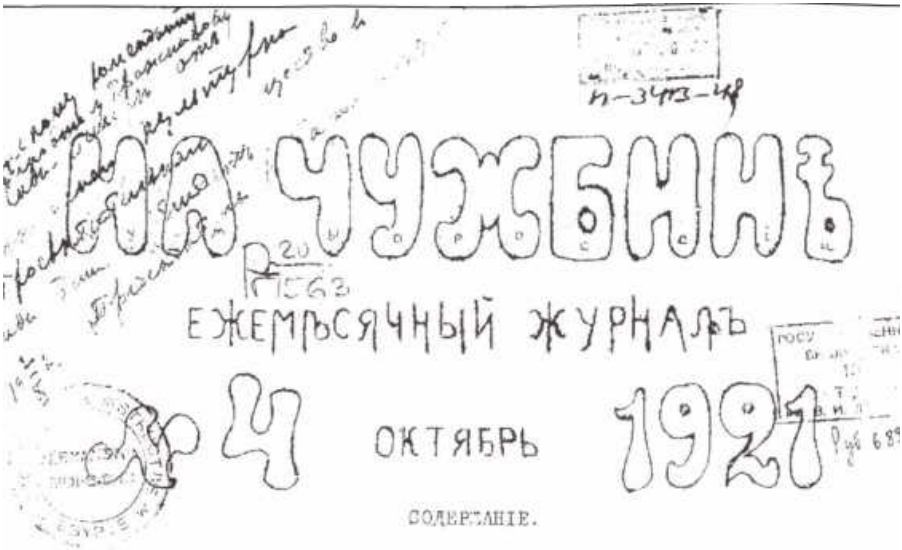


Колокольня монастыря Св. Екатерины построена на русские деньги



Часовня над «русским склепом» на греческом православном кладбище в Старом Каире…

…и на греческом православном кладбище Шетби в Александрии



НА ЧУЖБИНѢ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 4 ОКТЯБРЬ 1921

СОДЕРЖАНІЕ.

1.НАДЕЖДА.Стихотвореніе В.УМОВА.....2.
2.ПАЛЬМЫ СУРОВЫХ ЛИСТ КОЛЮЧІЙ.Стихотвореніе О.ДЕРЕНИНА.....3.
3.ИВѢТЪ.Стихотвореніе Г.Д.....4.
4.СЕГОДНЯ В САДУ.Стихотвореніе Д.Л.ВѢРНАГО.....5.
5.ТѢНИ ЛѢТА.Стихотвореніе Н.З.....6.
6.НОВѢЙШІЯ ТЕЧЕНІЯ В НАУКѢ ПРАВА.В.КУПТАЛОВА.....7.
7.ЗАДАЧИ СОЦІАЛЬНОЙ ГИГІЕНЫ. Д-ра Н.МОКИНА.....9.
8.ПОРТРЕТ АНГЛИЧАНИНА. А.КЕРУА.....11.
9.ПРОБЛЕМА ОБЩЕСТВА НАЦІЙ.Статья Н.ВАЛЕРИНА.....13.
10.КАРРИКАТУРЫ. -П.Я.ДОБРЫНИ -КОНЮХОВА.....18.
11.ПОЧЕМУ ТАК КРОВАВА РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ.-Д-ра Н.МОКИНА.....20.
12.МѢСТНАЯ ЖИЗНЬ.
За проволокой.Общественная жизнь русской колоніи в Каирѣ.Студенческая Секція Русскаго Культурно - Просвѣтительнаго Общества.К студентам. The Russian School in Egypt. Голод и камп " В ".Голод и Египетское общество. Russian Enlightenment Society in Sidi-Bishr. Постановка русскаго школьнаго дѣла в Египтѣ.К половщинѣ хора камп " В ".Русскій театр в Сиди-Бишрѣ.Дѣтскіе спектакли.Театральная хроника.Спорт.Лагерная хроника.....21.

Обложка и карриматуры П.Я.ДОБРЫНИ-КОНЮХОВА.

Виньетки М.Л. АЛЕКСѢЕВА.

Изданіе

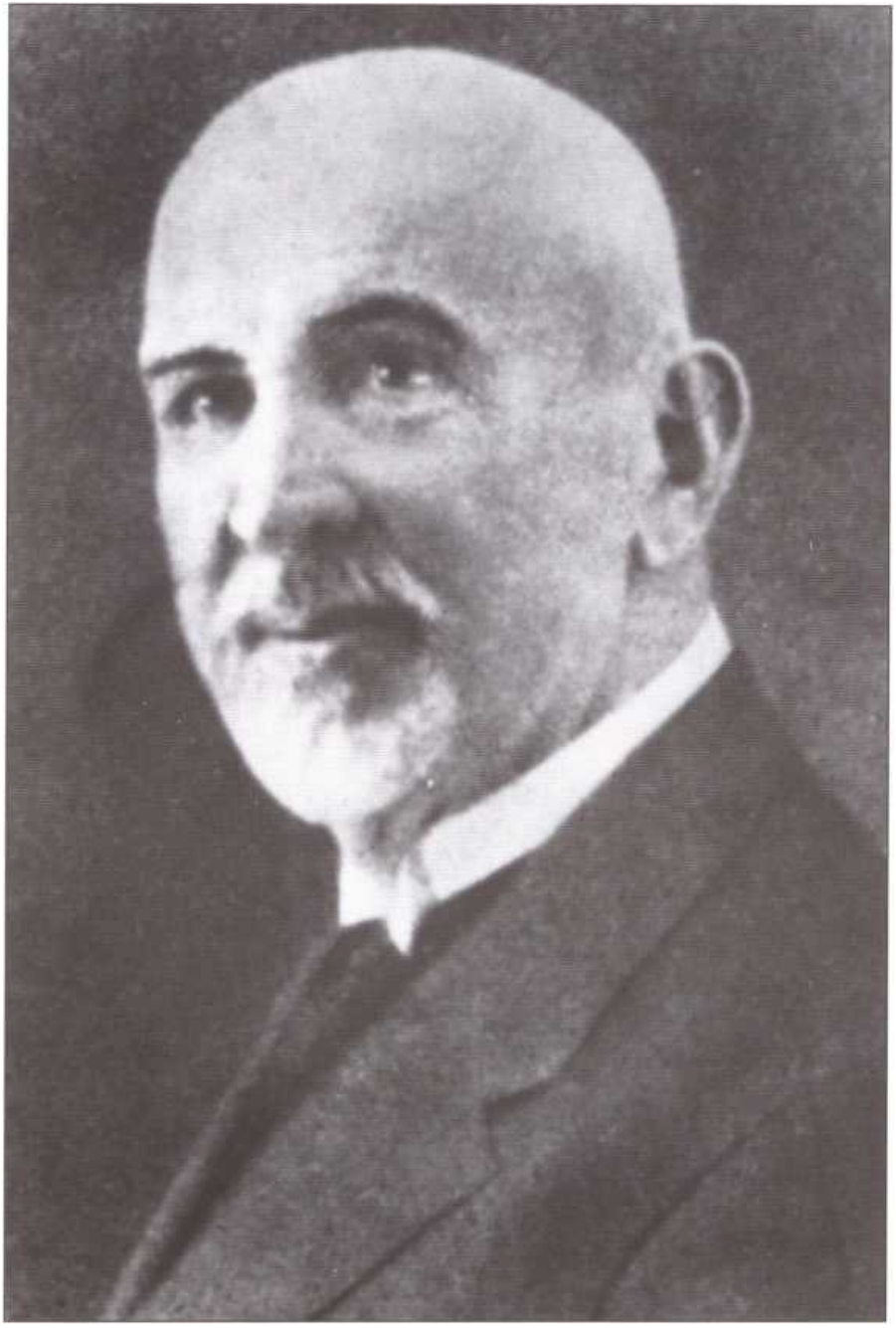
РУССКАГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

СИДИ-БИШР, Р Г И П Ц. Т.

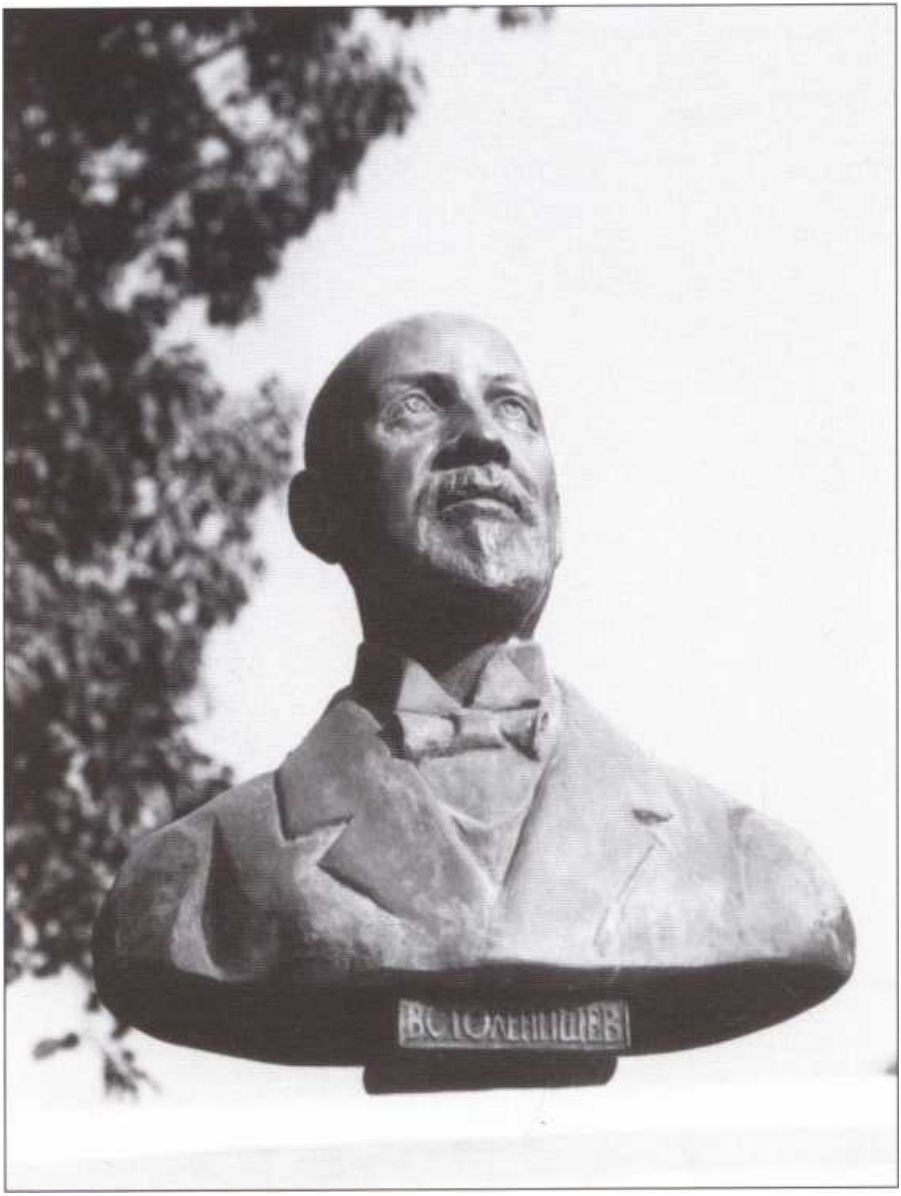
Содержание журнала «На чужбине», № 4, октябрь 1921 г.

И. Я. Билибин. Портрет Людмилы Чириковой. 1919 г.

В. В. Голенищев-Кутузов. 1910-е гг.



Профессор В. С. Голенищев. 1920-е гг.



Бюст В. С. Голенищева во дворе Египетского музея в Каире

Мемориал русских моряков с крейсера «Пересвет в Порт-Саиде

Б. О. Фредман-Клюзель. 1911 г. С картины А. Перевышко, 2000 г.

Минеральный источник на курорте в Хелуане

Б. О. Фредман-Клюзель. Невеста Нила

Лидия Валентиновна Дашкевич родилась в Каире и ни разу не была на родине своих родителей

Слава Голенищева была в ту пору в зените. По свидетельству современников, он был одним из наиболее известных и уважаемых лиц в каирском обществе. «Какой другой египтолог открыл, опубликовал и перевел рукописи (уникальные!) столь большого числа литературных шедевров? — писал о Голенищеве французский ученый Сент-Фар Гарно. — Какие другие археологи, какие хранители музеев показали себя более компетентными и опытными собирателями, чем этот специалист по эпиграфике?» Последнее относится к всемирно известной коллекции египетских древностей, которую Владимир Семенович кропотливо собирал тридцать лет. Она хранится в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве.

В августе 1990 года, во время отпуска, я решил еще раз сходить в Пушкинский музей, посмотреть голенищевскую коллекцию. Она размещена в основном в зале номер один, «египетском», открывающем экспозицию. Сопроводить меня любезно согласился ученый секретарь музея Борис Ильич Перлов.

Мы переступаем порог зала и попадаем в древнеегипетский храм. Темно-синий потолок с золотыми звездами поддерживают колонны, увенчанные пучками папируса. Над интерьером «египетского зала» создатели музея — он открылся 31 мая 1912 года — трудились долго и тщательно. Будущий директор музея профессор Иван Владимирович Цветаев, отец поэтессы Марины Цветаевой, ездил весной 1909 года в Египет, чтобы познакомиться с его древней архитектурой. По пути домой он писал из Афин в Москву: «С кн. Щербатовым в Эдфу мы нашли форму зала, как нельзя лучше подходящего к нашим размерам». Храм в Эдфу, на юге Египта, был воздвигнут в III веке до нашей эры и хорошо сохранился.

— Борис Ильич, какую часть экспонатов зала составляет коллекция Голенищева?

— Да почти все они были собраны Владимиром Семеновичем.

— А что из них наиболее знаменито?

— Среди экспонатов есть несколько шедевров мировой известности, — отвечает Перлов. — Вот, например, статуэтки жреца Аменхотепа и жрицы Роннаи. — Мы проходим к витрине в центре зала. — Они изготовлены в XV веке до нашей эры из красного дерева. Платье Роннаи было покрыто тонкой серебряной пленкой, она и сейчас чуть-чуть видна. Статуэтки эти по технике исполнения считаются лучшими из известных произведений этого типа. Они приводятся практически во всех энциклопедиях мира.

Переходим к следующей витрине.

— Вот еще один шедевр, — продолжает рассказ ученый. — Базальтовая скульптура фараона Аменемхета III.

Манера ее исполнения необычна, художественный уровень очень высок.

Перлов ведет меня к витрине в правом углу зала.

— Посмотрите на эту ложечку в виде плывущей девушки, — говорит он. — Классическая вещица, вошедшая во все учебники по древнеегипетскому искусству. Парфюмерная принадлежность выполнена из слоновой кости.

— Борис Ильич, а где-то у вас были «фаюмские портреты».

— Да, они выставлены в третьем зале. И тоже из коллекции Голенищева. Пойдемте!

Мы направляемся в третий зал.

— Коллекция Голенищева считается шестой в мире, — рассказывает по дороге Перлов. — Ценность ее не столько в отдельных шедеврах, сколько в общем очень высоком художественном уровне, в том, что в ней довольно полно представлено древнеегипетское искусство разных эпох, видов и стилей. Владимир Семенович, будучи крупным ученым, тонко чувствовал ценность предметов искусства и очень тщательно подбирал свою коллекцию.

— А как он это делал?

— Покупал предметы старины, почти каждую зиму приезжая на берега Нила. История многих покупок так и осталась неизвестной, но о некоторых из них он сообщал в своих письмах — где купил, когда.

Вот и «фаюмские портреты». Они получили свое название по месту находки в оазисе Фаюм, недалеко от Каира. Выполнены портреты восковыми красками в эллинистический период истории Египта, где-то на рубеже нашей эры, и служили элементом погребального убранства. Обнаружены «фаюмские портреты» были в начале прошлого века.

— Голенищев одним из первых оценил эту находку как уникальное направление в египетском искусстве, — рассказывает Перлов. — Прежде всего портреты благодаря своей технике исполнения поражают необычной густотой мазка, создают впечатление выпуклости. Кроме того, в отличие от более ранних рисунков, где было много условного, «фаюмские портреты» абсолютно реалистичны. Видимо, они писались с натуры еще при жизни людей. Кроме этих шестнадцати портретов, есть в запасниках и еще шесть…

Да, повезло нам с Голенищевым! Но и ему самому первую половину жизни везло чрезвычайно. Прежде всего потому, что еще четырнадцатилетним мальчиком будущий ученый и

коллекционер нашел себя: он самозабвенно увлекся Древним Египтом и посвятил ему почти восемьдесят лет своей дальнейшей жизни! Кроме того, Голенищев был богат и мог целиком отдаваться любимому делу, не заботясь о куске хлеба. Отец Владимира Семеновича, царскосельский купец, умерший, когда мальчику было всего два года, оставил семье крупное наследство.

Учился Голенищев хорошо. «Поведение его вообще было ОТЛИЧНОЕ, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ безукоризненная, прилежание примерное и любознательность в значительной степени ко всем предметам, в особенности же к ИСТОРИИ и древностям», — говорилось в выданном ему 3 июня 1875 года Первой Санкт-Петербургской гимназией аттестате зрелости.

В тот же год Голенищев поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. Учил арабский, что позднее ему пригодилось: в общении с рабочими на раскопках, с бедуинами во время экспедиций по пустыне и с антикварами. Совершенствовал также свои знания древнегреческого языка, который начал осваивать еще гимназистом. Наконец, довольно легко овладел французским, английским и немецким. В студенческие годы Голенищев опубликовал первые свои научные работы — описания и переводы древних папирусов. Вместо диплома он представил диссертацию, за которую по окончании университета в 1880 году получил ученую степень кандидата восточных языков.

Туалетная ложечка из коллекции В. С. Голенищева. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Последующие 35 лет жизни Голенищева были связаны с Эрмитажем. Причем работал он там сверх штата, без содержания, то есть бесплатно, движимый лишь своим юношеским увлечением и научным интересом.

В 1886 году Владимир Семенович был назначен хранителем коллекции египетских древностей Эрмитажа.

Задолго до защиты диссертации в университете Голенищев совершил свою первую поездку в Египет, и с той поры они стали регулярными, чуть ли не ежегодными. Во время этих поездок он знакомился с работами западных археологов и их находками, с новинками Египетского музея в Каире, ходил по антикварным лавкам, подбирал экспонаты для своей коллекции.

Голенищев и сам организовывал научные экспедиции. Как филолога его интересовали в первую очередь разного рода надписи. В декабре 1884 года ученый совершил путешествие в Восточную пустыню, расположенную между Нилом и Красным морем, в долину Вади Хаммамат, где скалы испещрены надписями древних египтян.

Эх, съездить бы в Вади Хаммамат, пройти по стопам Голенищева, подумал я, читая его отчет об этой экспедиции. А, собственно, почему бы и не съездить? Путь от Каира, правда, не близкий, 750 километров. Но уж если больше столетия назад мой соотечественник терпеливо проделал его сначала на фелюге по Нилу, а затем на верблюде по гористой пустыне, то уж ныне, на автомашине, сделать это будет гораздо проще. И я начал готовиться к поездке.

Компанию мне составил фотокорреспондент ТАСС Михаил Дышлюк. Свежим майским утром 1991 года мы выехали с ним из египетской столицы, но не на юг, вдоль Нила, — шоссе там всегда очень загружено, — а сначала на восток, к Красному морю, а затем вдоль берега на юг. Заночевали в курортном городке Хургада в пятистах километрах от Каира. Там нам подсказали: в городе Кусейр, что лежит на 150 километров южнее и откуда начинается дорога в горы, на Вади Хаммамат, живет интересный человек. Зовут его Камаль эд-Дин Хусейн, он депутат Народного собрания, то есть парламента страны, а знаменит своими обширными краеведческими познаниями. Дом Хусейна стоит прямо напротив входа в городскую крепость.

В Кусейр мы отправились пораньше, без труда нашли краеведа. Я приготовился было долго объяснять ему цели нашей поездки. Но стоило мне лишь упомянуть, что мы хотим пройти маршрутом экспедиции русского ученого, как Хусейн перебил меня:

— Голенищева, что ли?

— Да, Голенищева! Вы знаете о нем?

— Конечно! Ведь он немало сделал для изучения Восточной пустыни! Готов поехать с вами в Вади Хаммамат. Только давайте сначала заскочим в городской дом культуры, хочу показать вам одну вещь.

Дом культуры, как и все в этом небольшом городке, был

близко. В одном из его залов развернута выставка по истории Восточной пустыни и Красноморского побережья.

— Моя работа! — сказал с гордостью Камаль, когда мы начали осматривать выставку.

Экспозиция представляла собой развешанные вдоль стен стенды с фотографиями и пояснительными надписями. Были там и снимки из Вади Хаммамат, но мы их лишь пробежали глазами: через несколько часов нам предстояло увидеть оригиналы и самим сфотографировать их. Зато задержались возле двух стендов, посвященных архитектурным памятникам города Береника неподалеку от границы с Суданом, ибо подготовлены они были по материалам экспедиции Голенищева 1889 года. Владимир Семенович снял тогда подробный план храма, построенного незадолго до наступления новой эры, во время правления династии Птолемеев.

Забегая вперед, скажу, что в апреле 2000 года я добрался наконец и до Береники. Увы, храм Сераписа, обследованный Голенищевым, как и весь древний греческий город, лежит ныне в руинах и почти полностью засыпан песком.

— Вот и ваш Голенищев! — с улыбкой заметил Камаль, когда мы с любопытством осматривали стенды. — Разве можно забыть такого ученого!

Глотнув на дорогу горячего, очень крепкого и очень сладкого чая, мы, уже втроем, двинулись в путь. До Вади Хаммамат предстояло преодолеть еще почти сто километров горной дороги.

180-километровое шоссе из Кусейра в город Куфт на берегу Нила проложено по старинному караванному пути. Он использовался еще в глубокой древности экспедициями, направлявшимися фараонами из Фив, тогдашней столицы (сейчас это город Луксор неподалеку от Куфта) в страну Пунт — нынешнее Сомали. Ездили іуда египтяне за благовонными смолами, использовавшимися при религиозных обрядах. Вдоль шоссе и поныне разбросаны бог знает когда вырытые колодцы с окружающими их развалинами строений-станций, а на возвышенностях каждые три-пять километров попадаются сложенные из камня башни-маяки.

После завоевания Египта арабами в VII веке караванный путь из Куфта в Кусейр стал дорогой мусульман-паломников, пересекавших затем Красное море, чтобы добраться до священной Мекки. Встречал их и Голенищев: растратившись за долгие странствия, паломники брели домой пешком.

— Вот и Вади Хаммамат, — сказал Камаль, когда мы въехали в узкое горное ущелье. — Еще с полкилометра, и можно останавливаться.

В. С. Голенищев в Каире. Конец 1920-х гг.

«Большие охотники до писания, древние египтяне, как, впрочем, большая часть еще и теперешних туристов, любили во время путешествия нацарапывать свои имена на скалах, камнях, даже на стенах храмов и гробниц, — отмечал Голенищев, — причем нередко эти наивные их graffitti превращались в довольно пространные надписи, в которых упоминалось имя царствовавшего в то время фараона, цель поездки и часто точно указывалась дата, в которую было совершено путешествие. Такими нацарапанными по скалам надписями изобилует долина Хаммамат. Они относятся почти ко всем эпохам египетской истории, начиная с древнейших времен до персов и Птолемеев».

Голенищев не был первым египтологом, кто посетил Вади Хаммамат. Лет за сорок до него там побывал известный немецкий ученый Лепсиус, издавший затем большинство надписей. Но оставалось неясным, насколько полно эти надписи собраны. Кроме того, Лепсиус переводил и издавал их по так называемым эстампажам, которые делали за него другие. Эстампаж — это когда на камень накладывается бумага и заштриховывается карандашом. При такой технике на ней вместе с надписями остаются и трещины в камне, мешающие затем правильному прочтению.

Мы бросили машину на обочине и отправились к черным, совершенно гладким, будто отшлифованным, скалам. Их и использовали египтяне как своего рода альбом. От обилия надписей и рисунков разбежались глаза.

— Сколько же их всего? — спросил я у Камаля.

— По последним подсчетам, во всей долине примерно две тысячи триста. Больше всего их именно в этом месте.

Защелкали фотоаппараты. Я делал снимки и вспоминал прочитанную накануне статью Голенищева об экспедиции в Вади Хаммамат. Какая из этих надписей рассказывает о путешествии в страну Пунт группы египтян под началом некоего Ганну в XXI веке до нашей эры? Ее подробно приводит в статье Голенищев. Ну а какая повествует о работе группы каменотесов, посланных в Вади Хаммамат примерно в это же время, чтобы изготовить саркофаг для фараона Ментухотепа III? Владимир Семенович перевел и ее. Он вообще открыл немало новых надписей, а переводы некоторых, сделанные Лепсиусом, уточнил.

Что Вади Хаммамат — не только середина караванного пути к морю, но и мастерская древних ваятелей, я понял, едва перейдя шоссе. Прямо напротив скалы с посланиями потомкам оказались развалины поселка каменотесов. В одном из домов я наткнулся на половинку саркофага. Приглядевшись, увидел вторую его половинку чуть выше, на скале. Видно, не удержали рабочие

тяжелый груз, когда спускали его со скалы в ущелье.

— А теперь давайте подъедем к колодцу, — предложил Камаль. — Он тоже исторический.

Колодец, лежащий километрах в четырех от ущелья, описан у Голенищева: «круглый, выложенный камнем, метров пять в поперечнике». Известен он с незапамятных времен, а свой теперешний вид приобрел в начале XIX века. «На юго-восточном крае колодца устроена довольно круто спускающаяся к уровню воды лестница. Поблизости от колодца сохранились остатки окружавшей его, по всей вероятности, римской стены, а между стеной и колодцем лежат пять неоконченных и частью сломанных каменных саркофагов», — писал Владимир Семенович. Могу засвидетельствовать: саркофаги лежат и поныне, и следы стены вполне заметны. Воду из колодца я попробовать не рискнул, хотя и не поленился спуститься к ней, преодолев 130 ступеней.

— Какая тут глубина? — спросил я у Камаля, поднявшись наверх и пытаясь отдышаться.

— Двадцать пять метров, — последовал ответ.

По пути назад вновь проехали Вади Хаммамат и вскоре остановились передохнуть в чайной у поста ГАИ в местечке Вади Фавахир. Знаменито оно тем, что при фараонах там были золотые прииски. Сохранились и шахты, и остатки домов рабочих. В 1930-е годы добыча золота возобновилась, но четверть века спустя прииски были вновь заброшены.

— Надо будет внести через Народный совет предложение министру культуры соорудить в Вади Хаммамат площадку с навесом для автомашин, установить пояснительную табличку, — сказал Камаль, помешивая сахар в стаканчике с чаем. — А то люди едут мимо и даже не догадываются, что за чудо рядом с ними. А так увидят площадку для отдыха — остановятся, может, кто потом откроет кафетерий. Пойдут посмотрят надписи, рисунки. Узнают частичку прошлого своей страны. Да и иностранные туристы начнут приезжать — ведь от Луксора всего каких-то полтораста километров…

Так почти три десятилетия после окончания университета Голенищев увлеченно занимался любимым делом, тратя доходы от наследства отца не столько на роскошную жизнь, сколько на организацию поездок в Египет и пополнение своей коллекции. Финансовыми же делами семьи занимался муж его сестры. Гром грянул неожиданно, в 1907 году: Средне-Уральское золотопромышленное акционерное общество, пайщиками которого было семейство Голенищевых, обанкротилось. Владимир Семенович оказался на грани полного разорения. Выход был один: продать коллекцию.

Но кого в тогдашней России могла заинтересовать такая покупка, кому она была по карману? Зато известие о намерении Голенищева вызвало оживление у западных антикваров. Возникла угроза того, что коллекция покинет Россию — целиком или по частям.

С подобной перспективой не захотела мириться научная общественность страны. 9 февраля 1908 года выдающийся востоковед профессор Б. Н. Тураев обратился с письмом в Императорскую Академию наук, предложив приобрести коллекцию Голенищева для одного из отечественных музеев. Его поддержали академики П. К. Коковцев и Н. П. Кондаков.

24 февраля 1908 года на квартире Голенищева состоялось экстренное заседание Императорского русского археологического общества. Видные ученые ознакомились с коллекцией и согласились с Тураевым: «уход этой коллекции из России был бы огромной утратой для русской науки и просвещения». Они уполномочили председателя общества ходатайствовать перед императором о приобретении коллекции Голенищева в собственность государства.

Ходатайство это было встречено царем благосклонно, и вскоре вопросом о покупке коллекции занялось правительство. Но дело чуть было не сорвалось из-за цены. Голенищев вложил в коллекцию 400 тысяч рублей — сумму по тем временам огромную. Таких денег министерство финансов заплатить сразу не могло. «Средств не хватает на самые насущные нужды, неизмеримо более настоятельные, более серьезные, чем покупка египетских древностей, для которых в России не найдется даже, пожалуй, людей, могущих оценить их, исследовать и действительно ввести в мировой оборот научных знаний», — заявил министр финансов во время заседания правительства 29 апреля 1908 года.

Нужно было какое-то иное решение, чем единовременная выплата стоимости коллекции, и вместе с друзьями Голенищев его нашел. Он предложил пожизненно выплачивать ему каждый год в виде ренты шесть процентов с этой суммы, то есть 24 тысячи рублей. Это предложение правительству показалось приемлемым. Оно было одобрено также Государственной Думой и Государственным советом. Весной 1909 года ими был принят на этот счет специальный закон. На тексте его рукою императора Николая II начертано: «Быть по сему. В Царском Селе, 10 мая 1909 года».

Итак, коллекция Голенищева перешла в собственность Российского государства. Разместить ее решили в Москве, в строившемся там Музее изящных искусств. 8 июля 1909 года

Владимир Семенович формально расстался со своим детищем. В этот день был подписан акт о передаче коллекции, числом свыше 6 тысяч предметов, специальной комиссии. Но лишь два года спустя онабыла перевезена в Москву.

На торжественной церемонии открытия Музея изящных искусств Голенищев не присутствовал. Расставшись со своей коллекцией, он вскоре наконец женился — на француженке Цецилии Маттен и подолгу жил у нее на родине. «Поселяюсь совсем в милой Ницце среди моих книг и занятий и буду лишь летом наезжать в Петербург, — писал Владимир Семенович профессору И. В. Цветаеву 3 июля 1910 года. — Не могу больше переносить здешней (то есть петербургской. — *В. Б.)* зимней духоты и мрака: как побывал на южном солнышке, так и манит меня снова туда!»

Коллекция Голенищева стала украшением Музея изящных искусств. «Езжу регулярно в Москву, русский Египет, — писал 1 декабря 1912 года Владимиру Семеновичу профессор Б. А. Тураев. — Да, я теперь вижу, какое Вы сделали огромное культурное дело! Вам пришлось пережить тяжелый удар, расставшись с частью своей души, но да будет Вам утешением то, что Вы имеете возможность видеть при жизни, какие необычайные плоды принесла Ваша деятельность. Ни одна из громких египетских коллекций в мире не вызывает такого, не скажу интереса, а исступленного энтузиазма, как Ваша. Посетители в музей валят тысячами; путеводители раскупаются нарасхват… Ваше имя у всех на устах: египетский зал музея называют храмом, в который надо входить с трепетом».

В 1915 году, уже после начала Первой мировой войны, Голенищев вновь уехал в Ниццу, попросив в Эрмитаже отпуск. Добрался до Франции с большими трудностями и получил разрешение у директора Эрмитажа не возвращаться в Петроград «до более благоприятного времени» — окончания войны. Но раньше, чем кончилась война, в России произошла революция.

Почему Голенищев не рискнул хотя бы раз приехать после этого на родину, как случилось, что ему прекратили выплачивать ежегодную ренту, — ответов на эти важные вопросы я так и не нашел. Ясно только, что после революции Владимир Семенович остался без средств к существованию. Он начал искать работу преподавателя в одном из университетов Европы или США, а еще лучше в Египте. «Я не сомневаюсь, что в конце концов то место, о котором Вы бы мечтали, найдется для Вас именно в Каире», — писал Голенищеву 7 июня 1918 года известный американский ученый Дж. Х. Брестед, среди других друзей Владимира Семеновича хлопотавший о его устройстве на работу.

Хлопоты эти, как уже известно читателю, действительно дали результат. В 20-е годы Голенищев обычно «зимовал» в Египте с октября по апрель, затем, выйдя в отставку, стал приезжать из Ниццы на более короткий срок. Несмотря на почтенный возраст — в 1926 году Владимиру Семеновичу исполнилось 70 лет — он развил в Каире бурную деятельность. В университете он основал кафедру египтологии. Одновременно Голенищев занимал должность профессора и во Французском институте восточной археологии, расположенном в Каире. И, наконец, участвовал в составлении каталога древних папирусов Египетского музея. У Голенищева учились многие из египтян, кто впоследствии составил цвет национальной египтологической науки.

Владимир Семенович вообще был человеком чрезвычайно деятельным. «Мы впервые встретились в Петербурге в 1915 году, в Эрмитаже, — вспоминал много лет спустя другой видный русский египтолог профессор В. М. Викентьев. — Он подошел к нам быстрым шагом из глубины далекой галереи. Первое впечатление от него как человека, полного мощи, усилилось, когда мы разговорились. Его вдохновенная манера говорить заставила нас забыть, что ему шестьдесят. Таким могучим он остался и до конца своих дней». Замечу, что сам Владимир Михайлович тоже много лет прожил в Египте и, как Голенищев, преподавал в Каирском университете — вплоть до своей смерти в 1960 году. Нынешние египтологи старшего поколения были его учениками.

В январе, во время зимних каникул в университете, супруги Голенищевы обычно ездили в Луксор. В далеком прошлом славные Фивы, этот город почти ежегодно радовал археологов удивительными находками. С ними с интересом знакомился Владимир Семенович. С собой он повсюду возил огромный сундук. Там, разложенные по кожаным портфелям, хранились рукописи ученого, а также карточки, на которые он заносил примеры из текстов, предназначавшихся для его капитальной работы по синтаксису древнеегипетского языка. Увы, работа эта так и осталась незаконченной.

«В то время когда французские археологи моего поколения начинали свою деятельность в Каире стипендиатами Французского института восточной археологии, — вспоминал Гарно, — авторитет Голенищева был неоспорим. На чем он был основан? Прежде всего, на личных качествах этого большого и обаятельного человека, исключительно одаренного и духовно, и физически, — кабинетного ученого и педагога, исследователя и спортсмена, ум и культура которого могли сравниться только с благородством его натуры». По словам Гарно, Голенищев был не

только одним из самых сильных, но и одним из наиболее индивидуальных умов своего времени. Он неизменно предостерегал молодых ученых от готовых идей и предвзятых теорий и никогда не задевал тех, кто придерживался отличных от него взглядов.

Кстати сказать, именно Гарно завещал Голенищев свой личный архив. После смерти Владимира Семеновича он был перевезен из Ниццы в Париж и составил основу научного института, названного Центром Владимира Голенищева.

Потомки не забыли великого русского ученого. В 2006 году, когда отмечалось 150-летие со дня рождения В. С. Голенищева, в саду Египетского музея в Каире по инициативе Российской академии наук был установлен его бюст — рядом с бюстами 22 других великих египтологов всех времен и народов.

Глава 15
Шпага Кутузова

В конце 1990 года я решил вновь пролистать книгу Петра Перминова о Египте под названием «Улыбка Сфинкса». Прочитал я ее сразу же, как только эта книга вышла из печати в 1985 году. Но тогда я только собирался ехать в Каир, а теперь за плечами — пятилетний опыт жизни и работы в Египте, так что наверняка какие-то страницы этой книги представятся мне по-новому.

Так оно и получилось. Но вот что больше всего заинтересовало меня — так это упоминание об Олеге Волкове, «последнем из могикан». И даже не просто упоминание, а ссылка на его книгу «Русские путешественники в Египте», изданную в Каире на французском языке в 1972 году.

Вот бы посмотреть эту книгу! И, ухватившись за новую нить, я опять еду в национальную библиотеку «Дар аль-кутуб». Там выясняется, что Волков опубликовал не одну книгу, а целых четыре. В 1967 году — путеводитель «По долине Нила», в 1970 году — об истории изучения рукописей в Египте, а в 1971 году — книгу, посвященную тысячелетию египетской столицы. Причем все они выпущены на французском языке одним и тем же издательством — Французского института восточной археологии в Каире, профессором которого был в свое время Голенищев.

Нахожу в справочнике номер телефона института, договариваюсь о встрече и в назначенный день и час еду в старый каирский район Мунира. Меня принимает научный руководитель института, доктор Кристиан Декобер, симпатичный француз в очках лет сорока на вид.

— Олег Волков? — переспрашивает он. — Ну конечно, знаю! Не раз встречался с ним в Каире в конце 70-х годов. Он много сотрудничал с нашим институтом. Кстати, месье Волков не был по профессии историком, этой наукой он увлекся уже в весьма почтенном возрасте. А так преподавал французский язык в немецком колледже в Гелиополисе. Не правда ли, несколько странное сочетание? — улыбается Декобер. — Русский преподаватель французского языка в немецком колледже! Так вот, — продолжает француз, — месье Волков полностью переключился на историю и археологию после того, как оставил работу в колледже и вышел на пенсию. Задания института выполнял по контракту. Мне кажется, что по крайней мере

частично это увлечение объяснялось тем, что он нуждался в деньгах.

— По-видимому, месье Волков был холостяком? — спрашиваю я, вспомнив, как распродавалась его библиотека.

— Да. Когда он умер, из Англии приезжал брат, разбирал его личные вещи. Главной ценностью были книги. Кое-что из них брат Волкова забрал с собой, некоторые купила библиотека нашего института, а остальные продали букинистам.

— А не знаете ли вы кого-нибудь, кто дружил с Волковым?

— Знаю. Советую вам связаться с месье Дебоно. Он историк и член нашего института. Минуточку, я поищу его телефон.

Доктор Декобер роется в записной книжке, потом выписывает мне на листочек номер.

Месье Дебоно мой звонок поначалу несколько удивил, но, когда я объяснил суть дела, он охотно согласился встретиться со мной. Жилище Дебоно в Гелиополисе оказалось невзрачным с виду двухэтажным особнячком. Но внутри было очень уютно. Просторная гостиная сразу же наводила на мысль, что здесь живут весьма интеллигентные люди. Много книг, преимущественно по истории и искусству, картины, иконы, одна из которых, как я выяснил, русской работы.

— Купил лет двадцать назад по случаю в Александрии, — объяснил хозяин.

Пожилой историк, по национальности бельгиец, родился и всю жизнь прожил в Каире. Родители его жены — сирийцы-христиане.

— Мой отец был другом барона Эмпейна, — не без гордости заметила мадам Дебоно.

Гордиться тут действительно есть чем. Бельгийский барон в начале XX века основал современный Гелиополис, не похожий на другие районы Каира. Украшением его стал замок Эмпейна, построенный в стиле камбоджийских храмов Ангкора тысячелетней давности. После смерти барона замок на многие годы оказался заброшен, и по сей день единственные его обитатели — полчища летучих мышей. Некоторые каирцы даже всерьез уверяют, что замок облюбовали призраки.

— Да, я много лет был знаком с Олегом Волковым, — рассказывает Фернан Дебоно. — Он был весьма своеобразным человеком. Высокий, прямой, мы даже называли его «деревянной лошадкой», с копной седых волос. В одежде, манерах его было что-то старомодное. Но в то же время месье Волков любил юмор и умел хорошо пошутить. Он всегда носил с собой конфеты, угощал ими других, повторяя при этом: «Съешьте конфетку, чтобы подсластить горечь жизни».

— А с другими русскими эмигрантами не встречались?

— Как же, конечно, встречался! Подождите, я сейчас покажу вам одну вещь.

Старик роется в шкафу и приносит мне книгу довольно большого формата в пожелтевшем от времени картонном переплете.

«Православная икона и коллекция греческого монастыря Св. Георгия в Старом Каире», — читаю я английское название. Автор — Елизавета Лукьянова, «бывший сотрудник Музея изящных искусств в Москве», как сказано на обложке. Книга выпущена вторым изданием монастырем Св. Георгия в 1943 году и прекрасно иллюстрирована.

— Вот сама мадам Лукьянова, — показывает на фотографии в конце книги месье Дебоно, — а вот ее муж, профессор Григорий Лукьянов. — Подпись под второй фотографией гласит: «Член института археологии в Москве».

Пока я листаю книгу, старик продолжает рассказ:

— Супруги Лукьяновы были известными историками. Профессор считался знатоком в египтологии, а чтобы подзаработать, приторговывал древностями. Жена его специализировалась на византийской культуре. В молодости я не раз встречался с ними, ходил на их лекции. Оба они умерли и похоронены где-то здесь, в Каире.

Тем временем я нахожу в книге фотографию, на которой чета Лукьяновых запечатлена вместе с дочерью Ириной, на вид — лет двадцати, не больше. Наверняка она еще жива!

— Да, пожалуй, — соглашается месье Дебоно. — Но вот как найти ее — этого я не знаю. Скорее всего, сделать это будет довольно трудно, особенно если Ирина вышла замуж и сменила фамилию.

— Знали ли Вы профессора Викентьева?

— Да, знал. Он преподавал древнеегипетский язык в Каирском университете и пользовался и у студентов, и у других профессоров огромным авторитетом.

— Так, может, вы были знакомы и с самим Голенищевым? — с надеждой спрашиваю я.

— Нет, месье Владимир, — отвечает старик. — Голенищева я ни разу не видел. Последние годы своей жизни он приезжал в Египет лишь ненадолго. Но в 1947 году я шесть месяцев провел в экспедиции в Вади Хаммамат, повторив путешествие туда Голенищева. Между прочим, на соседних золотых приисках в Вади Фавахир директором в ту пору был русский — вероятно, из эмигрантов.

В разговор вступает мадам Дебоно.

— А вы знаете, что в Александрии жила родственница вашего маршала Кутузова? Она умерла совсем недавно. У этой женщины хранилась шпага ее знаменитого предка!

У меня даже дыхание перехватило. Вот это да! Шпага Кутузова — и в Египте! О родственнице полководца я слышал в самом начале своей работы в Каире, когда старушка была еще жива. Но она категорически отказывалась встречаться с советскими людьми — столь велика была обида бывшей аристократки на новую власть. Потом я, честно говоря, забыл про Кутузову. О шпаге же не знал вовсе.

— Моя знакомая, мадам Сакакини, много лет дружила с мадемуазель Кутузовой, — продолжает хозяйка. — А дочь Сакакини — она кинодокументалиста — лет восемь назад сняла о ней фильм.

В тот же вечер по номеру телефона, который дала мне мадам Дебоно, звоню ее знакомой. Мадам Сакакини выслушивает меня довольно любезно.

— Мадемуазель Кутузова умерла 7 февраля 1988 года в возрасте 91 года, — сообщает она. — Я знала ее больше тридцати лет и готова ответить на ваши вопросы. Но только дней через десять — завтра утром я уезжаю в Александрию.

— А как найти вашу дочь? Говорят, она снимала фильм про Кутузову?

— Да, снимала, но дочь сейчас во Франции, работает над новым фильмом и вернется в Каир не раньше чем через месяц.

Что ж, подождем.

Недели через две я снова позвонил мадам Сакакини и договорился с ней о встрече. В назначенный час поднялся по обшарпанной лестнице старого дома на улице Рамсес в центре Каира на третий этаж. Пожилая, но бодрая хозяйка встретила меня приветливо и первым делом поспешила на кухню — варить традиционную чашку кофе. Я же тем временем разглядывал квартиру — просторную, уставленную старинной мебелью, но давно не ремонтированную и вообще какую-то неухоженную. А ведь мадам Сакакини — внучка одного из самых богатых и блестящих вельмож Египта начала XX века! Квартал в центре Каира, где стоит его бывший дворец, так и называется — «Сакакини». Чем не пример заката египетской аристократии!

Разговор начинаем, отхлебнув по глотку кофе.

— Значит, мадам Сакакини, вы были подругой мадемуазель Кутузовой?

— Голенищевой-Кутузовой, — поправляет меня хозяйка. — Звали ее Долли, Евдокия. Познакомились мы с ней на концерте в Александрии в мае 1956 года. Долли жила тем, что давала уроки

фортепиано и выступала как аккомпаниатор. После концерта я предложила подвезти ее на машине домой, и она согласилась. Когда приехали, пригласила меня к себе. Разговорились. И знаете, как-то сразу между нами возникла симпатия. Вскоре мы подружились, и дружба эта продолжалась 32 года, вплоть до ее смерти. Она и умерла у меня на руках. Ничего не сказала, только перекрестилась…

— В Александрии у меня есть квартира, — продолжает рассказ мадам Сакакини, — и вот всякий раз, как я приезжала туда, обязательно заходила к Долли. Она была такой душевной женщиной! Будто мать мне родная. Много вспоминала и о своей семье.

— А не припомните ли, как она попала в Египет?

— Да, помню! Долли родилась 26 января 1897 года. Ее отец, Василий, был внуком брата вашего знаменитого маршала Кутузова. У самого маршала сыновей не было, так что род их продолжался по линии брата.

Тут надо сделать маленькое уточнение. Сын у Кутузова был, но он умер еще во младенчестве.

— Долли рано лишилась матери, еще в России. Когда произошла революция, отец забрал четверых своих дочерей и уехал за границу. Через Стамбул и Бейрут они попали в Александрию. Сестер звали Ольга, Валентина, Ансельма и младшую — Долли. Ольга вышла замуж, но муж, а затем и ребенок умерли. Они с Валентиной уехали потом из Египта. Одна — в Ванкувер, в Канаду, другая — в Чикаго, в Америку. Обеих давно нет в живых. Ансельма же ушла в монахини — в русский монастырь в Иерусалиме. В 60-е годы я даже как-то навещала ее. Ну а Долли всю свою жизнь так и прожила в Александрии.

— Значит, с ее смертью эта ветвь рода Голенищевых-Кутузовых оборвалась?

— Да, видно, оборвалась.

В словаре Брокгауза сказано, что Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов «умер, не оставив потомства по мужской линии, почему его фамилия была передана внуку его генерал-майору Павлу Матвеевичу Толстому и потомству его в порядке первородства». Но тогда почему именно у Долли оказалась шпага? Ведь это же родовая реликвия!

— А куда делись вещи Долли? — спрашиваю хозяйку.

— Я их забрала себе. Ничего особенного у нее и не было. Квартиру Долли снимала, меблированную, на бульваре Рамле, я ее вернула хозяину. Остались в основном книги да пластинки.

— И что, есть книги и на русском языке?

— На русском нет. Только на французском, английском да

еще немного итальянском. Долли вообще не любила русских людей, сторонилась их. Как-то раз я привела ей русского священника. О чем они там говорили — не знаю, только больше он не приходил. Я даже похоронила ее на латинском кладбище.

— И шпага Кутузова у вас?

— Шпага хранится в квартире моей дочери, в Александрии. На ней есть даже пластина, кажется, золотая, где выгравировано по-русски, что это подарок императора Александра. Когда-то эфес был украшен бриллиантами, но с ними произошла такая история. Долли очень дорожила этой шпагой и боялась, что ее украдут из-за драгоценных камней. И однажды она решила выковырять бриллианты и спрятать их вот сюда. — Мадам Сакакини показывает жестом на сиденье своего кресла. — Но, представляете, бриллианты пропали. Наверное, их похитили слуги.

Неужели это та самая шпага, которой наградил Кутузова император Александр во время их встречи в Вильно (так назывался тогда Вильнюс) 11 декабря 1812 года за заслуги в защите Отечества от нашествия полчищ Наполеона? Она тоже была украшена бриллиантами да еще гирляндой лавра из изумрудов. Ведь это не просто историческая реликвия, это наше национальное достояние! И оно было вывезено из России! Чтобы затем попасть в александрийскую квартиру дочери мадам Сакакини, а не в панораму Бородинского сражения на Поклонной горе в Москве!..

— Нет ли у вас фотографии Долли?

— Да, есть, сейчас покажу.

Мадам Сакакини уходит в соседнюю комнату, приносит оттуда пакет. Осторожно достает одну за другой несколько фотографий.

— Вот это Долли, — говорит она. — Снята примерно в то время, когда моя дочь делала о ней фильм.

Передо мной на снимке — пожилая русская женщина, с простым лицом, в сером пальто и темном берете. Кажется, чем-то похожа на мою бабушку. Смотрит куда-то вниз, себе под ноги.

— А вот это — ее отец. — Хозяйка протягивает мне еще одну фотографию. На ней — моложавый мужчина с высокой залысиной и пышными усами. — Он умер еще в конце 20-х годов здесь, в Александрии.

Мадам Сакакини прячет фотографии в пакет и вдруг говорит:

— У меня ведь есть русская икона! Мой прадед, выходец из Сирии, он был христианином, привез ее с собой в 1840 году из Дамаска, когда приехал в Египет. Хотите посмотреть? — и, не дожидаясь ответа, идет за иконой.

Хороша икона, ничего не скажешь. Милая Божья Матерь, очаровательный младенец-Иисус. Видны только лица да кисти рук — все остальное скрывает серебряный оклад. Наверное, вторая половина XVIII века. Но все-таки шпага интересует меня больше.

— Так когда же вернется ваша дочь?

— Недели через две, — отвечает хозяйка. — Я вам тогда позвоню.

На этом и прощаемся.

Мадам Сакакини не позвонила ни через две недели, ни через три. Пришлось мне вновь брать инициативу в свои руки.

— Дочь только что приехала, — отвечает мадам Сакакини неожиданно неласковым тоном. — Но она живет за городом, телефона у нее нет. Завтра утром должна быть у меня, звоните, — и бросает трубку.

Наутро вновь набираю ставший уже знакомым номер. Подходит сама дочь, Асма.

— Да, шпага у меня, в Александрии, — подтверждает она. — Но поеду я туда только недели через две, не раньше. Знаете, я полгода не была дома, столько дел! Да еще квартиру мою каирскую ограбили. Представляете, унесли дорогой приемник, телевизор, видеомагнитофон и все кассеты к нему! В том числе и фильм о Кутузовой.

— И что, у вас нет больше ни одной копии этого фильма?

— Одна есть, но она на 16-миллиметровой пленке.

— Можно посмотреть?

— Конечно. Где вы живете?

— На Замалеке.

— Завтра я буду рядом с вами и завезу фильм.

Мадам Сакакини демонстрирует саблю атамана Фролова — семейную реликвию Голенищевых-Кутузовых

Свое обещание Асма выполнила. Назавтра я уже смотрю фильм «Портрет», снятый Асмой в 1981 году в Александрии. Кутузова рассказывает в нем по-французски больше о своем знаменитом предке и годах революции в России, чем о себе. А вот и шпага. Точнее, сабля, а не шпага. Без ручки и эфеса. Во весь клинок выгравирована надпись по-русски, но прочитать ее я не успеваю, ясно видна лишь дата: «1737».

Значит, сабля вовсе не самого Кутузова! В тот год он еще не родился. Видимо, кого-то из его предков.

Не Кутузова — так не Кутузова, думаю я, возвращая Асме фильм. Все равно семейная реликвия. Договариваемся с Асмой о поездке в Александрию. Но накануне вечером она звонит, извиняется и говорит, что вместо нее поедет мама.

Наутро мы с мадам Сакакини отправляемся в путь. На ней легкий хлопчатобумажный костюм и кроссовки. Свой возраст моя спутница не называет, я сам, естественно, не спрашиваю, но по ее рассказам делаю вывод, что ей хорошо за семьдесят. Мадам Сакакини вспоминает своих предков, жалуется на жизнь, восхищается Горбачевым — в общем, разговор идет о том о сем.

Квартира Сакакини находится в центре Александрии, на пятом этаже старинного дома, выходящего фасадом прямо на здание губернаторства. Она выглядит более ухоженной и более богатой, чем каирская. В дальней комнате окнами во двор провела последние годы своей жизни Евдокия Васильевна

Голенищева-Кутузова. Над ее кроватью так и висит иконка Николая Чудотворца, а в соседней комнате, под портретом Бетховена, стоит ее старенькое пианино.

— Где же сабля? — спрашиваю мадам Сакакини.

— Должна быть у Асмы в комнате!

Мадам Сакакини уходит в другую комнату и возвращается оттуда с саблей и рассохшимися деревянными ножнами, обтянутыми черной кожей. На слегка тронутом ржавчиной стальном клинке сияет выпуклая золотая надпись: «Божию милостию мы всепресветлейшая самодержавнишая великая государыня-императрица Анна Иоанновна Всероссийская пожаловала сею саблею войска Донского походного атамана Ивана Васильева сына Фролова за ево многие верные службы. В Санкт-Питербурге 1737 году марта 24 дня».

Но какое отношение донской казачий атаман Иван Фролов имел к семье Голенищевых-Кутузовых? Ответ, я думаю, дает одна из фотографий, которую показала мне мадам Сакакини. На ней — статная интересная женщина, бабушка Евдокии Васильевны по материнской линии. Фотография сделана в Новочеркасске — столице донского казачества. Даты на фотографии нет, как и имени женщины. Логично предположить, что Василий Голенищев-Кутузов, представитель славного дворянского рода, был женат на дочери родовитого донского казака, которой сабля досталась в наследство.

Предположение это подтвердилось десять лет спустя, летом 2000 года, когда петербургский историк Андрей Александрович Шумков подарил мне свою книгу «Себряковы» — историю донского дворянского казачьего рода, известного с XVII века. Оказалось, что один из представителей этого рода, Михаил Сидорович Себряков (с 1736 до 1815), был женат на дочери Ивана Васильевича Фролова, Анне. Поскольку к тому времени невеста осталась сиротой, то по брачному договору от 3 мая 1756 года в род Себряковых передавались все награды Фроловых от русских царей, в том числе и сабля, пожалованная императрицей Анной. Жена Василия Голенищева-Кутузова и мать Долли, Анастасия Васильевна (она умерла в Петербурге в 1914 году), была представительницей IX колена рода Себряковых. После смерти в 1904 году ее отца, Василия Михайловича Себрякова, бывшего предводителя дворянства Новочеркасска, сабля атамана Фролова перешла по наследству к ней.

Шумков проследил и родственную связь Василия Голенищева-Кутузова (1861–1927), отставного капитана и коллежского советника, с героем Отечественной войны 1812 года. Его отец, Василий Иванович (с 1814 до 1879), отставной

полковник Генштаба, был представителем старшей, торопецкой, ветви рода — потомков «мужа чесна из Немец» Гавриила (XI век). Он приходился четвероюродным племянником генерал-фельдмаршалу светлейшему князю Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову. Словом, как говорится, «седьмая вода на киселе», а вовсе не сын его брата, как утверждала мадам Сакакини.

Вернувшись тогда в Каир, я сел листать многотомную «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Упоминание об атамане Иване Фролове я там нашел, а вот какими «многими верными службами» отличился он перед императрицей Анной, так и осталось мне неизвестным.

Впрочем, думаю, что это и не так важно. Важнее, пожалуй, то, что отыскалась еще одна крупица русской истории и культуры.

Глава 16
Татьяна, русская душою

Я подружился с супругами Дебоно. Регулярно приезжал в их уютный домик в Гелиополисе. Тем для разговоров оказалось предостаточно. Старики живо интересовались нашей страной, выслушивали рассказы о русских в Египте, добавляя в них неизвестные мне детали. Иногда я заставал у них и других гостей — обычно, как и они, иностранцев, выросших в Каире. И тогда разговоры особенно затягивались.

В марте 1991 года я познакомился в доме у Дебоно с доктором Роем Шедиаком. Известный хирург и большой любитель истории, доктор Рой, наполовину итальянец, наполовину сириец, горячо одобрил мою идею написать книгу о русских в Египте. А потом сказал:

— Между прочим, я знаю одну русскую женщину. Ее родители были эмигрантами. Она замужем за итальянцем и живет в Александрии. Зовут ее Татьяна Монти. Хотите с ней встретиться?

Я ответил, что, конечно, хочу. Ведь за все годы поисков мне так и не удалось найти ни одного из соотечественников, если не считать доктора Бромберга, для которых Египет стал родной страной. Доктор Рой обещал позвонить и дать телефон мадам Монти. Но уже на следующее утро в корпункте раздался междугородний телефонный звонок.

— Можно поговорить с мистером Беляковым? — спросил женский голос по-русски.

— Да, я слушаю.

— Это Татьяна Монти. Вы интересовались мною?

Да, конечно, я очень интересовался, и мы тут же договариваемся встретиться завтра в Александрии, в холле гостиницы «Сесиль» в центре города.

В гостиницу я вхожу минут за восемь до назначенного времени. Оглядываю холл. В углу у окна сидит за столиком немолодая красивая блондинка. Помедлив мгновение, я направляюсь к ней.

— Мадам Монти?

— Да, как это вы сразу меня узнали! Видно, есть что-то в нас, русских, особенное.

Присаживаюсь за столик, заказываю подошедшему

официанту две чашки кофе.

— Простите, как ваше отчество?

— Татьяна Николаевна. А ваше?

— Владимир Владимирович.

— Ну что ж, Владимир Владимирович, задавайте вопросы. Я готова на них ответить.

— Расскажите, пожалуйста, сначала о вашей семье, о том, как она попала в Египет.

— Я из семьи военных, — отвечает Татьяна Николаевна. — И папа, и дедушка были офицерами и помещиками. Папа, Николай Михайлович Сериков, он родом из Киева, был одним из первых в России военных летчиков. У меня сохранились его кожаный летный шлем, его меховые перчатки. Вот, посмотрите. — Мадам Монти достает из пакета семейный альбом, раскрывает его. — Папа в самолете.

Снимок мелкий, лицо пилота не разглядеть, а вот одномоторная фанерная «этажерка» вышла хорошо.

— Мама — урожденная Андриевская, — продолжает рассказ Татьяна Николаевна. — Отец ее был генералом, семья переезжала из одного гарнизона в другой. Родилась мама в Тифлисе. В Египет попала со своими родителями, ей было тогда лет восемнадцать.

С маленькой фотографии на меня смотрит удивительно красивая девушка с копной темных волос и большими темными же глазами. Такой была Ольга Андриевская семьдесят лет назад.

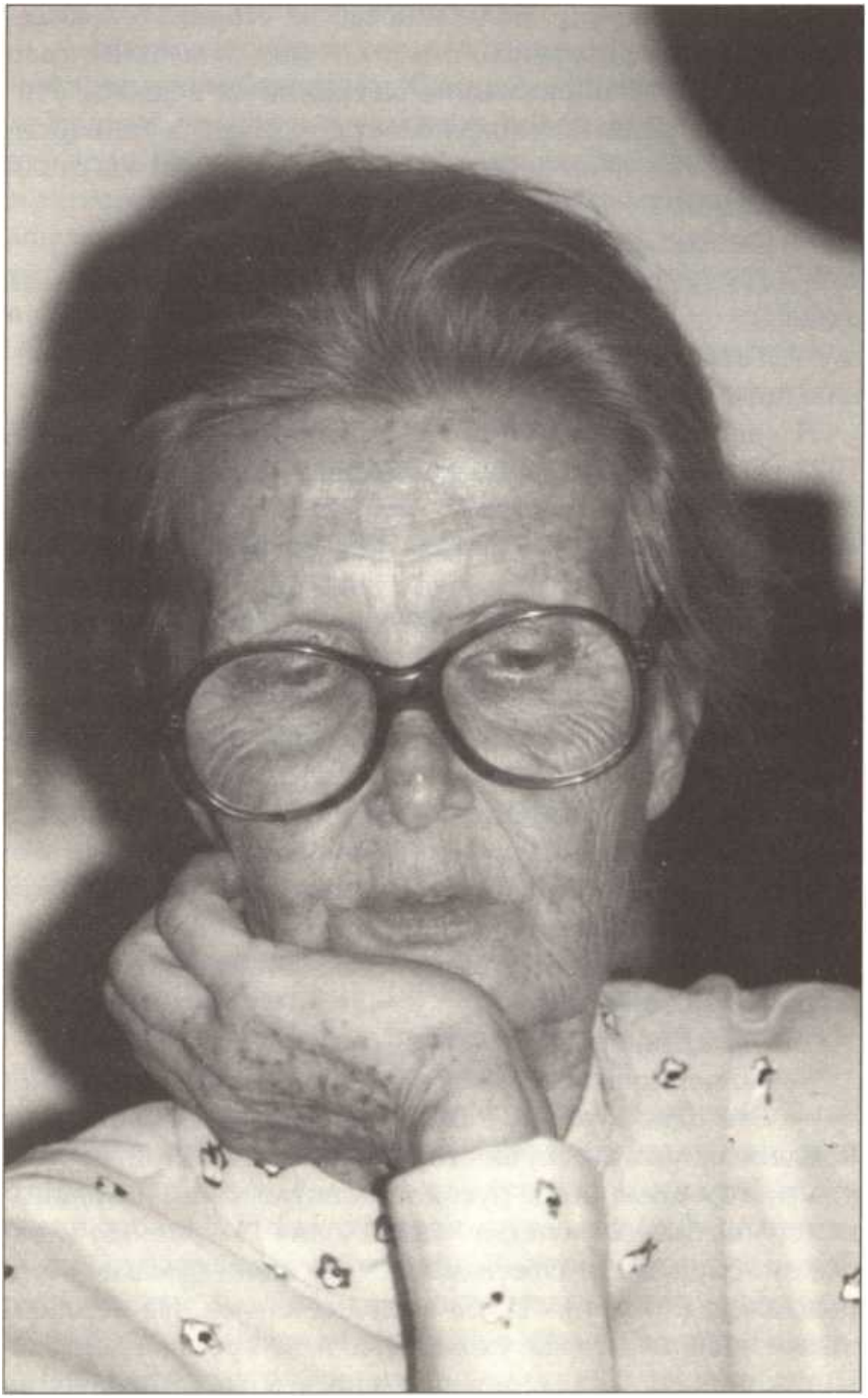
— Маминым родителям Египет сразу не понравился, как только они подплыли к нему на пароходе. Низкий песчаный берег, зелени никакой… Они привыкли к другому пейзажу. Но делать нечего, поселили их в лагере, в Телль аль-Кебире. Там мама и познакомилась с папой. Он был лет на семь ее старше.

Мадам Монти показывает небольшую картину — масло на картоне. На переднем плане — два ряда армейских палаток, разбитых у железнодорожного полотна, а за ними — южная зелень. Внизу надпись по-французски: «Сувенир из Телль аль-Кебира. Женская часть русского лагеря. 20.06.1920. Ф. Рерберг».

— Вот так выглядел лагерь, — поясняет она. — Когда мамина семья выбралась оттуда, бабушка с дедушкой уехали во Францию. А мама осталась. Работала гувернанткой в арабской семье. Папа же устроился шофером к какому-то вельможе. Вскоре они поженились.

— Когда я была маленькой, — продолжает свой рассказ Татьяна Николаевна, — в Александрии жили почти две тысячи русских эмигрантов. Детство мое было просто каким-то волшебным. Сказки, игрушки, традиции, праздники… Вместе с

группой других русских родители сняли виллу с большим садом. Жили там человек десять, причем никто из них не был нам родственником. Я звала соседей «тетя Таня», «дядя Петя», и даже «бабушка» и «дедушка», ведь мои бабушка с дедушкой были во Франции. Жили бедно. Из России выехали в основном офицеры да помещики, они не были знакомы с физическим трудом, да и вообще ничего толком не умели делать. Потому-то и решили жить одной большой семьей — так было легче. Но, несмотря на бедность, жили дружно и весело. Все обитатели виллы были культурными людьми. С ними охотно встречались иностранцы. Они частенько приглашали и моих родителей — поговорить, поиграть в теннис или бридж.



Татьяна Николаевна Монти. 2000 г.

Так продолжалось много лет, пока не появился президент Насер. Вы знаете, в 1952 году он совершил революцию и прогнал короля Фарука. Русские эмигранты не на шутку перепугались. Они уже пострадали от одной революции, в России, и боялись, что и от этой хорошего ждать нечего. Люди стали уезжать кто куда — в Канаду, в Австралию, в Америку. Большинство из старшего поколения эмигрантов покинуло Египет. А мое поколение в это время получало образование за границей, ведь мы учились в иностранных школах. После окончания университета почти никто не вернулся. С этого времени мы стали жить одиноко.

— Сколько сейчас русских в Александрии?

— После смерти мадемуазель Кутузовой я осталась одна.

— Татьяна Николаевна, я привез с собой один журнал, вот посмотрите.

Я достаю из сумки «Перезвоны» за декабрь 1927 года — литературно-художественный журнал, который издавался русскими эмигрантами в столице буржуазной Латвии — Риге. В нем сотрудничали такие известные деятели культуры, как писатели Иван Бунин, Алексей Ремизов, Михаил Арцыбашев, поэты Марина Цветаева, Константин Бальмонт, Саша Черный, профессор-философ Николай Бердяев. Два номера журнала я купил в Каире, в антикварной лавке под названием «Ностальгия». Были там, кстати, и кое-какие безделицы, принадлежавшие когда-то, по словам хозяина, Олегу Волкову. На одном из журналов оказался штамп по-французски: «Русский книжный магазин. Бульвар Рамле, 24. Александрия, Египет».

Мадам Монти роется в сумочке, достает очки. Листает журнал и потом говорит:

— Магазин, наверно, был в доме, где и церковь.

— Но церковь находится на бульваре Саада Заглюля.

— Это одно и то же. Раньше он назывался бульваром Рамле. Церковь там существует с давних времен, потому что в этом доме было русское консульство. Последним консулом был Александр Михайлович Петров. Но и после его смерти там оформлялись все наши бумаги — кто рождался, кто умирал, кто выходил замуж. На верхнем этаже жила мадам Петухова. Это была крупная деятельная женщина, напоминавшая мне чем-то императрицу Екатерину. Мадам Петухова занималась распределением благотворительных фондов.

— А откуда брались эти фонды?

— Местная публика создала специальный комитет помощи русским беженцам. Среди эмигрантов было немало старых, больных, немощных людей. Им жилось труднее всех. Их жалели.

По сути дела, мы были первыми беженцами. Это сейчас их — полмира! Палестинцы, курды, афганцы, суданцы… В фонд регулярно жертвовали деньги королевская семья, местная знать, иностранцы. Раз в году мы устраивали большой благотворительный бал. Здесь, в «Сесили», или в ресторане гостиницы «Виндзор». Все полученные средства шли на помощь престарелым, больным, детям.

— Была ли в Александрии русская школа?

— Да, но только летом. Учились все в иностранных школах. Я, например, окончила французский лицей. Там я и занималась русским языком — вместо арабского. Тогда учить арабский для иностранца считалось необязательным. Некоторые мои подруги учили его, а я в это время брала уроки русского. Учительницу звали Елена Александровна Горбенко. Дома мы говорили по-русски, я выучила азбуку, а с учительницей уже осваивала язык по-настоящему. Летом же всех русских детей собирали в особую школу. Преподавали там не только язык, но и географию, историю, литературу. Правда, детей было немного.

— Стало быть, арабского вы так и не выучили?

— Разговаривать умею, а читать и писать — нет.

— Татьяна Николаевна, а в повседневной жизни каким языком вы обычно пользуетесь?

— Чаще всего французским, иногда английским. К сожалению, после того как три года назад умерла мама, мой русский кончился. По-русски я теперь говорю только со своей собакой. Но зато говорю очень много. Мне приятно просто говорить по-русски. Знаете, моя лучшая подруга детства, Зоя Бобылева, она вышла замуж за русского по фамилии Иванов и уехала с ним в Париж, написала мне как-то такую, очень правильную, по-моему, вещь: «Таня, мы должны держаться друг друга, мы ведь подруги, однолетки, мы друг другу — корни». Никто из моих друзей-иностранцев не понимает меня так, как Зоя. Может, у нас, русских, душа какая-то другая? Так вот, теперь единственный, кто знает обо мне все, — это моя собака. И я ее обожаю.

— А какой она породы?

— Обычная дворняжка. Я подобрала ее на улице двенадцать лет назад. Отняла у мальчишек-арабчат, которые ее гоняли. Вы ведь знаете, египтяне не любят собак. Шел дождь, она была вся в грязи, такая несчастная. Я взяла ее домой, отмыла. И, знаете, получилась даже очень симпатичная собачка. С белыми лохмушками, как у пуделя.

— Словом, она — ваш лучший друг?

— Да. Я никогда не хотела иметь детей. В нашем мире, в

нашем положении эмигрантов не было никакой уверенности в том, что мои дети вырастут счастливыми. А без этого рожать их не имело смысла. Мои мужья это понимали. Первый был грек, нынешний — итальянец. Гражданство я приняла итальянское.

— Нет ли у вас, Татьяна Николаевна, каких-либо родственников на родине?

— Была тетя, ее тоже звали Татьяна. О, это целая история. Во время Гражданской войны семья мамы жила в небольшом городке. Однажды ее сестра пошла в гости к подруге. В это время в город ворвались красные. Мама с родителями бежала, а тетя осталась. Сначала они переписывались, а в 1922 году сестра попросила маму больше не писать, потому что это может ей навредить. И целых полвека мы не знали, где она и что с ней. А потом она нашла нас сама через Международный Красный Крест. В то время тетя Таня жила в Одессе, одна. Она хотела приехать к нам в гости, но ей не разрешили. Сказали, раз одинокая и никто не может поручиться за то, что она вернется, нельзя. Я ходила к консулу, в посольство — ничего не вышло.

— Да уж, глупостей мы в свое время наделали немало, вроде этого правила с выездом!

Татьяна Николаевна не реагирует на невольно вырвавшуюся у меня горькую реплику.

— Потом хотели поехать в Одессу мама с папой. Им разрешили, но при условии, что они вернутся в Союз насовсем. Но они не хотели возвращаться насовсем. Они хотели только съездить в гости. Мама мечтала встретиться с сестрой спустя столько лет! Но они так и не увиделись.

— Да-а…

— Все, что удалось нам сделать для тети Тани, — так это посылать изредка подарки, теплые вещи. Но и это было трудно. Тетя Таня прожила очень несчастливую жизнь. Она похоронила четырех мужей… Детей у нее не было. Под старость осталась одна с пенсией в 40 рублей… Она тоже, как и мама, уже умерла.

Помолчали.

— Владимир Владимирович, вы хорошо знаете Ленинград? — спрашивает вдруг мадам Монти.

— Примерно как Александрию — больше по центру. А что такое?

— У меня есть одна фотография, — Татьяна Николаевна листает альбом, — там на обороте маминой рукой написано, что справа — дом, где одно время жила ее семья.

Увидев дореволюционный снимок, я облегченно вздыхаю. На нем — Дворцовая площадь. Дом справа — бывшее здание Генерального штаба.

— Да это же главная площадь города! Ее всякий знает. Слева — Эрмитаж, бывший Зимний дворец.

— Значит, если я соберусь в Ленинград, то смогу увидеть этот дом?

— Конечно, он цел и невредим!

Мне кажется, что серо-зеленые глаза мадам Монти сверкнули радостью. Я снова перехватываю у нее инициативу разговора.

— Татьяна Николаевна, а часто вы бываете в Каире?

— Сейчас совсем не езжу, а в юности ездила часто. Некоторые обитатели нашей виллы со временем перебрались в Каир, и я очень любила у них гостить.

— Не знали ли кого из тамошних русских эмигрантов? Например, Олега Волкова?

— Олега Волкова, последнего председателя русского землячества в Каире, я хорошо знала. Он нередко бывал у нас дома. Волков занимался тем, что помогал русским в Каире. А моя мама делала то же самое в Александрии.

— А семью профессора Лукьянова знали? Он был видный историк!

— Нет, с ним я не встречалась.

— Тогда, может быть, были знакомы с профессором Викентьевым?

— С его сыном, Жоржем, я училась в школе. Мы дружили втроем: Саша Федяев, Жорж Викентьев и я. Жили мы у моря и после школы часто ходили купаться вместе, а потом мама кормила нас всех обедом. Жорж был какой-то не такой, как другие мальчики. Он уехал учиться в Париж, и потом я потеряла его из виду.

— Татьяна Николаевна, а где похоронены наши соотечественники?

— На греческом православном кладбище, в Шетби. Хотите съездить туда?

— Конечно!

Шетби — целый комплекс кладбищ разных христианских конфессий недалеко от центра города. На нескольких из них я уже бывал. На английском военном кладбище увидел двенадцать русских могил, все 1920 года. Наверное, там похоронены обитатели лагеря в Сиди Бишре. Еще несколько могил, уже гражданских, нашел на двух греческих кладбищах. Но на том, куда привезла меня мадам Монти, бывать не приходилось.

В левом углу кладбища сооружен склеп. Над ним — часовня. Дальняя ее стена занята тремя белыми мраморными досками. На них выбиты более ста имен. Здесь и Василий Голенищев-Кутузов — отец Долли, и Дмитрий Фламбуриани, автор книжки о русских

эмигрантах в Египте, и мадам Петухова… «На чужбине усопшим — вечная память» — гласит надпись на часовне.

— В склепе хоронили тех, чья семья не могла себе позволить сделать им отдельную могилу, — поясняет Татьяна Николаевна.

Мы идем дальше по кладбищу.

— А вот здесь лежат люди побогаче, — говорит она, показывая на надгробья с русскими именами. — Смотрите, их не так уж и много, человек двадцать.

Все точно так, как на греческом православном кладбище в Старом Каире. Там тоже есть «русский склеп», где похоронены около 170 наших соотечественников, часовня над ним, да еще десятка три отдельных могил.

— Вот и папа с мамой.

Мы останавливаемся возле могилы супругов Сериковых.

— Эх, надо было цветов принести! — с сожалением в голосе бросаю я, сетуя в душе на свою недогадливость.

Татьяна Николаевна резко оборачивается.

— Нет, я никогда не привожу на кладбище цветы, — отвечает она, и в голосе ее мне чудится какой-то жесткий оттенок. — Не надо обрекать на преждевременную гибель хотя бы растения.

На пути к выходу мы снова минуем часовню-склеп.

— Смотрите, — восклицает вдруг мадам Монти, — я только что заметила: ведь часовня покрашена! И могилы все расчищены! Кто тут наводил порядок? — спрашивает она уже по-арабски подошедшего хранителя кладбища.

— Да кто-то из советских приезжал! — отвечает он.

— Из советских! — повторяет Татьяна Николаевна, и голос ее теплеет. — Ну, слава богу, вспомнили…

Мы выходим из ворот кладбища.

— Знаете, о чем я очень жалею? — спрашивает меня в машине мадам Монти и сама же отвечает: — Что мои родители чуть-чуть не дожили до сегодняшних дней. Вот бы они порадовались тому, что нас, русских эмигрантов, на родине вновь считают своими…

Я высаживаю Татьяну Николаевну возле конторы ее мужа. Уроженку Египта с итальянским паспортом и русской душой.

Глава 17
Из Каира — с любовью

Детом 1991 года, приехав в Москву в очередной отпуск, я зашел в Советский фонд культуры, к заместителю председателя правления Борису Владимировичу Егорову. Познакомились мы с ним примерно за год до этого, в Египте. Егоров и его жена, художница Наталья Маркова, совершали вместе с большой группой советских деятелей культуры и искусства «круиз мира» на теплоходе по Средиземному морю. Три дня стоял теплоход в Александрии. Случилось так, что за несколько дней до начала круиза в «Правде» был опубликован мой материал об иконах Билибина. Они-то и интересовали Бориса Владимировича в первую очередь. Я привез супругов в Каир, в греческую госпитальную церковь в квартале Аббасия. Гости восхитились творениями мастера. Затем Егоров провел предварительные переговоры с владельцами икон, правлением греческой общины Каира, насчет возможности выкупить их или каким-то другим образом сделать достоянием советского народа. Дальнейшие контакты с греками Советский фонд культуры поручил вести от его имени мне, так что сейчас предстояло рассказать Егорову о ходе довольно сложных переговоров и обсудить с ним, что делать дальше.

После обстоятельной беседы Борис Владимирович спросил:

— А вы никогда не бывали в нашем архиве? — и, загадочно улыбнувшись, добавил: — Там вы сможете найти для себя любопытные вещи!

В старинном особняке на Гоголевском бульваре, где разместилось правление Советского фонда культуры, я вообще был впервые, а об архиве даже не подозревал. Егоров повел меня на третий этаж, в небольшую комнату, заставленную стеллажами с книгами и журналами. Представил заведующему архивом, Виктору Владимировичу Леонидову, а потом попросил его достать для меня из сейфа одну коробочку…

Когда я читал надпись на крышке картонной коробки, то испытывал, вероятно, такое же чувство, какое испытывает охотничья собака, которая, давно потеряв след, вдруг сталкивается нос к носу с желанным зверем. «Советскому фонду культуры в подарок от Л. Е. Чириковой. Послан в 1991 году. Письма художника И. Я. Билибина к Л. Е. Чириковой с 1920 года

по 1923 год. Египет, Каир».

— Значит, Чирикова еще жива? — стараясь подавить волнение, спросил я Леонидова.

— Да, — ответил он, — и живет в Соединенных Штатах, во Флориде. Возраста, как вы сами понимаете, весьма преклонного.

В тот день у меня не было возможности сразу же засесть за разбор писем великого художника. Но я сделал это так скоро, как только смог, отодвинув на «потом» другие дела. Написанные то чернилами, а то и просто карандашом, слегка пожелтевшие от времени, очень обстоятельные, эти послания содержали массу интересного. Размышления о любви и искусстве, рассказ о своей жизни и работе в Каире, о русской колонии в Египте, о путешествиях по этой стране… Тщательно изучив письма и сделав оттуда немало выписок, я задумался: как же построить из них главу? Может, поместить рядом выдержки на одну и ту же тему? Поразмыслив, решил: нет, лучше цитировать письма в хронологическом порядке, так, как они и были в свое время написаны. Это будет и естественнее, и интереснее. Но, прежде чем предложить выдержки из писем читателю, хотел бы сказать несколько слов об их предыстории.

Людмила Евгеньевна Чирикова — дочь друга Билибина, известного в свое время русского писателя Евгения Николаевича Чирикова (1864–1932). Иван Яковлевич знал ее еще в Петербурге девочкой. Судьба вновь свела Билибина и Чирикову после революции 1917 года в крымском поселке Батилиман. Там Людмила Евгеньевна брала у Ивана Яковлевича уроки живописи. Симпатичная, способная, неленивая девушка пленила одинокого, разведенного маэстро, которому уже перевалило за сорок. Но объясниться с ней он решился не сразу, да к тому же письмом. Уехав в октябре 1918 года на выставку в Ялту, где демонстрировались и его картины, и работы его ученицы, Билибин писал оттуда Чириковой в Батилиман: «Из ложного стыда перед всякими возможностями я уже долго боялся сказать Вам это слово из пяти букв, слово с двумя буквами «ю», милое, волнующее слово… Если б Вы знали, какое я переживаю хорошее время! Не выставка (это вздор), а нечто совершенно иное превратило все мои нервы в струны какого-то инструмента, и на душе у меня сплошная музыка. Возраста нет. Я молод, как мальчишка…

Теперь я буду рисовать Вас. Я вложу в эту работу всю мою жизнь и все мое умение, а так как я Вас очень люблю, то это будет хорошо сделано».

Портрет Чириковой Билибин действительно написал и долго возил его повсюду с собой. Стоял этот портрет и в мастерской

художника на улице Антикхана в Каире. Впрочем, и сама Людмилица, как нередко называл свою возлюбленную Иван Яковлевич, следовала некоторое время вместе с ним по жизни. Вместе они приплыли в Александрию на пароходе «Саратов», вместе были отправлены оттуда в лагерь русских беженцев в Телль аль-Кебире. Из лагеря, где жили отдельно мужчины, женщины и семейные, Билибин выбрался раньше своей возлюбленной, а затем позаботился и о ней. Но в Каире Чирикова прожила лишь до апреля 1922 года, а затем уехала в Европу. Туда-то и адресованы в основном письма Ивана Яковлевича, переданные Чириковой в Москву в картонной коробке.

Итак, читатель, спешу познакомить тебя с отрывками из писем влюбленного маэстро. Обещаю вставлять свои комментарии только там, где это действительно необходимо.

«6 августа 1920 года.

Перечитывал Ваше милое, глубоко оскорбленное, огорченное и бесконечно доброе письмо. Но знаете, моя добрая подруга, что Вы все-таки не все там продумали до конца. Вы говорите, что Вы меня любите, но что ни Вы моей женой, ни я Вашим мужем быть не можем; Вы говорите, что тем не менее, если у Вас будет муж, а у меня жена, то наши отношения (нечто большее, чем дружба) все же останутся прежними.

Вот тут-то Вы и попадаете на Вами самою невыясненные для себя же места, на слова «не от жизни», а от «поэзии и литературы», словом, на то, на чем главным образом люди и ошибаются, веря в вымышленное, а не существующее.

Давайте для начала говорить не о себе, а вообще о людях, о людских чувствах. Еще Толстой говорил, и, по-моему, совершенно правильно, что слово «дружба» между женщиной и мужчиной (если, конечно, они не старцы) — обман. Жаль расстаться с таким красивым, старинным, поэтическим словом, но это так.

Могут быть легкие приятельские отношения и любовь. Любовь может быть выявленная, получившая полный расцвет, и любовь заглушенная, не выявленная по тем или иным причинам. Конечно, я говорю про настоящую любовь, духовную и культурную, а не о грубом тяготении одного пола к другому. Несомненно, что чисто абстрактной любви недостаточно, но только одно другое слишком низменно и звероподобно.

Зверь в каждом человеке есть, и иногда хочется быть зверем, но на зверя же у человека есть узда и плеть, и зверя можно заставить замолчать. Я допускаю, что мужчина может сидеть в тюрьме, пламенно любить, а женщина, любя его так же, будет ждать его; и — наоборот.

Если Вы кому-нибудь говорите, что Вы никуда не уйдете из жизни этого человека, то что же это такое? Это есть то высокое влечение друг к другу, несмотря ни на что. Как это называется? «Дружба»? Полноте, это — больше.

Вы говорите, при наличии этого, о каком-то возможном муже. Что же за существо такое, этот «муж»? Тоже «друг»? Я не вижу его духовной роли. Или это просто отец детей, какой-то охранитель? Если же муж будет, по Вашей терминологии, «другом», высшим «другом», то тогда естественно увянет первая дружба, ибо, по моей терминологии, «муж» (если это в высшем смысле) есть любовь осуществленная, а то первое — любовь неосуществленная, а я не верю в двоелюбие. Любовь одна.

Значит, два возможных выхода.

Первый: Вы любите высшей любовью Вашего мужа и тогда память о том старом «друге» развеется, как детское увлечение.

Второй: Вы и действительно любите Вашего друга, не хотите «уйти из его жизни», тогда, рано или поздно, «муж» этот будет Вашей гирей, Вашими кандалами. Жизнь с ним станет для Вас невыносимой, и Вы будете глубоко несчастны.

Вот, по-моему, спокойное и здравое рассуждение, а не прятанье страусом своей головы под крыло, чтобы сейчас не видеть. А как мучительно все-таки увидеть, но когда уже поздно.

Любовь — вещь крепкая и сильная. Восклицание же «ах, дружба!» — малиновая вода или сентиментальное стихотворение, но не жизнь».

Да, читатель, тут есть над чем поразмыслить…

«1920 год (число не указано. — В. Б.). Воскресенье. 7 часов утра.

Дивное утро. Встал и открыл окна (ночью из-за комаров приходится закрывать). В мою хоромину (Ноев ковчег такой) ворвалось чириканье птиц, косой лучик солнца на подоконнике, а за окнами показались пальмы.

Сейчас, лежа еще в кровати, раздумывал, где что развешу. Сейчас мой араб мне что-то принесет для утреннего подкрепления. Я стараюсь думать только о предстоящей работе, а то я утомился и измучился от постоянно мучающих дум; но вот опять-таки сны. Они врываются в вас, непрошеные, и насильно рисуют вам то, на что, бодрствуя, вы всячески закрываете глаза; и я видел этой ночью сон, очаровательный сон, после которого я проснулся и сперва долго улыбался, а потом понял, что это — лишь сон, и впал в мрачное состояние; но после снова заснул; снов не видел, а когда увидел солнце и зелень, и они этим утром какие-то особенно радостные, то я даже непроизвольно что-то

засвистал; я же давно не пел про себя и не свистал.

А сон был такой; буду краток.

В Африке, в пустыне, в одном лагере, обнесенном колючей проволокой (Билибин определенно имеет в виду Телль аль-Кебир, где все еще находилась Чирикова. — *В. Б.),* я вхожу в палатку. Во входе в нее врываются яркие лучи солнца. В ней много народа, потому что палатка большая. Стоят ряды кроватей, и на одной из них я вижу одну милую девушку, а вид у нее какой-то особенно просветленный. Рядом с ней лежит грудка каких-то небольших белых цветов, очень хорошо пахнущих, связанных пучками. Она улыбается и протягивает мне один пучок, сказавши: «Вденьте себе в петлицу». Тогда окружающие говорят: «Куда же так много? Ведь в петлицу и одного достаточно!» Она же еще раз улыбается, берет всю груду обеими руками и отдает мне все цветы и говорит: «Пускай берет все; ведь это мой жених». Вот и все…»

«Понедельник, 9 августа 1921 года.

Сейчас утро; чайник закипает; боаба (привратника. — *В. Б.)* еще не было. Встал, умылся, оделся. Кажется, мой старый корабль хотя и с поломкой снастей, но продолжает нести свой флаг по волнам житейского моря. Итак, пока что плывем. То, что я сейчас напишу (до рисования), можете не читать. Это, если хотите, тоже отчасти философия, но, чтобы Вы знали, в чем дело, напишу заголовок этой главе.

Рассуждение о счастье

Дерево стремится к свету, ребенок — к матери, человек — к счастью. Это он делает для себя, и потому счастье есть высший эгоизм. Но человек грубый, французский буржуа, стремится очень грубо и примитивно. Он думает только об очень быстром удовлетворении своих стремлений, ошибается в расчете и, в конце концов, получает несчастную, мелкую жизнь или же вовсе тупеет и тогда ничего уже не чувствует. Счастье — взаимная встреча двух эгоизмов, но встреча гармоничная. Как грубое слово — расчет, так и поэтичное — гармония, в сущности, родственны, ибо оба основаны на счете, на математике. Любовь к счету или ритму заложена, как естественный закон, в нашу природу, но только расчет есть счет явный (напр., бухгалтерия), а ритм и гармония — счет скрытый (тонкость духа и, конечно, всякого рода искусство).

В глубине же все то же и то же: «Я хочу для себя!» Месье Гарнье или Дюпон (это фамилии этих почтенных буржуа) делает на свою же голову плохой расчет. Он говорит: «Я хочу для себя» и

начинает всякие хитрости. Оставаясь грубым животным, он притворяется утонченным, нежным, мечтательным, пламенно-бескорыстным и пр. и пр., словом, как охотник, «заманивает», и, наконец, это ему удается. Но он даже не поинтересовался проанализировать, хотят ли по-настоящему его с другой стороны, и вот через некоторое время и получает то житейское буржуазное несчастье, о котором я и сказал выше.

Но есть эгоизм другой, эгоизм тонкого человека. Этот человек тоже ищет встречи, но иначе, чем Гарнье или Дюпон. Иногда и он ошибается. Вдруг он встретит мадемуазель Гарнье или Дюпон. Но ему покажется, что это кто-то иной, та же ласково прикинется, и тогда опять-таки в результате выйдет еще нечто более трагичное, чем только что отмеченная буржуазная трагедия. Но вот человек этот действительно встретил. Он все увидел и понял, но с той стороны, несмотря на полное присутствие духовного ритма и гармонии, масса перегородок, построенных на почве неправильной и априорной веры в разные несуществующие и нежизненные понятия. Там верят в то, что прочитано, что наговорено (такими же людьми с перегородками), что намечтано (простите за несуществующее слово) и что порой наплакано. И человек этот должен будить другого; будить, а не заманивать. Он должен кричать ему: «Не гляди же как-то сбоку, а смотри прямо и просто, просто. Да есть да, а нет есть нет. Что искать, когда уже найдено?! Ведь надо только долго посмотреть друг другу в глаза, и ты поймешь, что встреча есть».

Тогда, если все же ты не понимаешь или не решаешься согласиться, подумай о дикарях. Дикарь, любящий дикарь, не пошл. Пошл Гарнье. Когда этот любящий дикарь срывает последний плод с дерева и, гогоча, передает его своей подруге, то в этом поступке столько же эгоистичной любви отдать любимому существу все самое лучшее и самое дорогое, как когда какой-нибудь хороший художник вдруг не удержался и решил подарить тоже любимому существу свое лучшее художественное произведение. Так же можно подарить жизнь, охотно и радостно, в порыве восторга, и все это будет эгоизм, а не альтруизм (словцо, которое не мешало бы тоже проверить и проанализировать).

И если оттуда, с другой стороны, был бы такой же порыв отдать последний плод с дерева, то до какой головокружительной вершины счастья можно было бы подняться!»

«24 августа 1921 года.

Когда пишите этюды, не думайте о том, выходят они плохо или хорошо. Правьте основными красками и отношениями, как тройкой лошадей: смотрите на пристяжных, но не упускайте из

вида коренника.

Повторю еще и еще раз: если и существует воспетое поэтами вдохновение, то только тогда оно превратится во что-то ценное, когда оно пройдет через горнило большого труда. Голое вдохновение — ноль, дилетантство».

«28 августа 1921 года.

Милая Людмилица.

Воскресенье прошло, как и прочие дни: нудно и нудно. Жарища сегодня была особенная, парная и какая-то безнадежная. Тем не менее работаем, насколько можем. Архангелы (и большие, и акварельные) неустанно подвигаются вперед. Будут, кажется мне, очень красивыми».

Архангелы, Михаил и Гавриил, — иконы для греческой госпитальной церкви в Аббасии, они упоминаются в главе о жизни Билибина в Египте.

«2 сентября (1921 года. — В. Б.).

Лукьяновы Вам очень кланяются; я снял его у его стелы, а он смотрел мечтательно куда-то вверх».

Знакомая фамилия! Это те самые профессор-египтолог Григорий Лукьянов и его жена Елизавета, о которых рассказывал мне месье Дебоно, персонажи главы «Шпага Кутузова». С Лукьяновыми Билибин встречался регулярно, о чем говорит их многократное упоминание в письмах. Иван Яковлевич иной раз даже называет профессора по-дружески просто «Лукьяша». Хорошо был знаком художник и с Голенищевым. В одном из писем он рассказывает, как обсуждал с Владимиром Семеновичем свои творческие планы за мороженым в популярной кондитерской «Гроппи».

«9 сентября (тоже 1921 год. — В. Б.).

Собаки — прелесть. Сейчас они, несмотря на первый час ночи, бурно носятся друг за дружкой по мастерской, наталкиваются на стулья, рычат, визжат, тявкают и иногда шлепаются. Рвут бумажки и грызут ножки стульев. Пускай себе! Мебель не ампирная! Я не протестую. Хеопсик в два раза меньше Кутьки-Клеопатры. Начинают лаять на чужих и сопровождать мать в набегах на кошек. Часто спят под моим стулом и во время сна иногда тявкают, когда видят собачьи сны. Интересно бы увидеть такой сон! И ерунда же, вероятно, им снится. Я их нежно люблю».

Спасаясь от одиночества, Билибин приютил в своей Антикхании дворняжку, а она принесла ему вскоре двух щенков. Новорожденные были неказисты, зато получили звучные имена.

Хеопс — легендарный фараон, построивший в XXVI веке до нашей эры самую грандиозную пирамиду. Блистательную царицу Клеопатру — она жила в I веке до нашей эры — воспевали поэты разных времен и народов.

«5 мая (1922 года. — В. Б.), пятница.

… Только не бросайте работы. Только, только и только в работе найдете счастье. «Жизнь», отдельная от работы, — мираж. Если бы я не был забронирован работой, то сейчас я бы подох от тоски, грусти и пр.».

«21 мая 1922 года, воскресенье.

Вчера мы остались в кинема, когда уже все кончилось, по приглашению Юрицына, на просмотре его фильмы, т. е. не его, а которую он раздобыл из Германии и, кажется, сильно потратился. Юрицын уже давно рассказывал мне о ней. Говорил, что это настоящая, совершенно реальная жизненная драма русского художника, что это кусочек жизни такой, какая она есть, без американских трюков, детективов, аэропланов и крушений поездов. В Каире мы-де не видали еще таких постановок…

Бедный Юрицын! До чего невыносима эта его пресловутая «русская» фильма под названием «Черная пантера».

Вся игра основана на неестественной и напряженной до последнего градуса истеричности. Художник (я бы повесил этого актера на первом дереве!) все время смотрит сумасшедшими глазами, то крадется, как тигр, то как-то дико каменеет. Работает с деланым «надрывом». Есть там и страшная красавица, футуристическая эстетка, сталкивающая художника с пути его семейной жизни, и, наконец, жена художника, эта самая актриса Полевицкая, верх истерики и невыносимого мелодраматизма, который Юрицын рекомендовал чуть ли не как гениальную «русскую» игру.

Как немногим это, очевидно, понятно, и как трудно это, по-видимому, понять, что искусство спокойно. Искусство порою может дойти до высочайшего нарастания своих основных элементов, будь то линии, краски или звуки, но истерики все же нет. Ведь так же и в природе. Удары волн и пены в прибрежные скалы могут достигнуть во время бури необычной ярости и силы, рев может стоять оглушительный, но все же тут нет места экзальтации».

В письме этом меня привлекли не только рассуждения выдающегося художника об искусстве. Дело в том, что журналист Сергей Юрицын — один из персонажей главы «Неудавшийся побег». Напомню, что он эмигрировал из России после поражения революции 1905–1907 годов и был представителем русских

политэмигрантов в Египте, спасавшихся от преследований царских властей. Билибин же относился к другой волне эмиграции. Казалось бы, ну что общего может быть у двух этих людей, придерживающихся столь разных политических взглядов? Тем не менее они стали друзьями, и Юрицын не раз еще упоминается в письмах Билибина. Думаю, сблизили их чисто человеческие качества, общность Родины и судьбы. Они оказались сильнее политических разногласий.

«20 июня (1922 года. — В. Б.).

Милая и дорогая Людмилица, пишите мне и не сердитесь на мои излияния. Ведь Вы же их и так прекрасно знаете. Разве ново то, что я люблю Вас до отдачи за Вас своей жизни, а Вы меня не любите; и я это знаю».

«4/VII (1922 года. — В. Б.), вторник.

В литературе есть два течения, возвышающее и растлевающее душу. Это очень элементарно, и, может быть, сказано языком приготовишек, но это так. И то, и другое может быть ярко и талантливо, как может быть ярок и талантлив, и остроумен Отец Лжи — Диавол.

Я помню, однажды, в Питере, на одной ассамблее у моей матери, приятель гр. Алексея Н. Толстого и моего брата, проф. Ярцев, обрушивался на мужчин и женщин в произведениях Тургенева, называя их безвольными тряпками, бессильными и моральными калеками. Он с увлечением говорил, что мужчина должен быть отважным самцом, брать женщину, когда загорится его кровь. И это нравилось.

Но все же это глубоко неверно. Поцелуй прекрасен, но поцелуй в великой любви, которая может заставить человека принести себя в жертву другому, пойти за ним в сибирские рудники или ждать его возвращения до седых волос. А у этих растлителей поцелуй есть символ завоевания плотью плоти, а потом слова и трескучие фразы, которые забирают очень много жертв в свои ловушки, а еще дальше — мрак.

Нет, не надо их, и верьте, что ангел лучше черта».

«23/VII, воскресенье. Полночь.

Дорогая Людмилица.

Вчера вечером я был в храме и слушал музыку небесных сфер…

Несколько времени тому назад я познакомился здесь с одним милым швейцарским доктором, имя ему Форкарт. Еще раньше я познакомился с его приятелем, голландским доктором Лоцци, но только он уехал на лето в Голландию. Оба эти доктора, помимо

своей медицины, страстные натуралисты и часто предпринимают поездки в автомобиле на ночь с субботы на воскресенье и на воскресные утра в пустыню. Теперь же, вместо отсутствующего Лоцци, поехал я. Я взял с собой краски и фотографию, а Форкарт захватил целую гору вещей; тут были и палатка, и надуваемые воздухом матрацы, и ружье, и ящик с целым рестораном провизии, вообще уйма вещей.

Есть старая караванная дорога из Каира в Суэц через Гелиополис. По ней мы и покатили. Выехали в субботу в 6 ч. вечера. Вдоль дороги, на холмах пустыни, приблизительно на расстоянии 15 километров одна от другой, стоят старинные высокие восьмигранные каменные башни. В старину, когда по этой дороге ходили караваны, они ориентировались по этим башням, т. к. от одной еле-еле видна вдали следующая. Солнце только что село, когда мы докатили до третьей башни, т. е. проехали километров сорок в глубину пустыни. Башня стоит в полуверсте от дороги, а у самой дороги — стены некогда бывшего здесь караван-сарая, т. е. постоялого двора. Тут мы и остановились. Доктор со своим автомехаником-итальянцем стали разбивать палатку, а я пошел к башне, которая высится на хребте невысокой гряды, увенчанной темными каменными глыбами. Великолепный вид на пустынные дали открывается оттуда, но главное, что поражает после крикливого Каира, — это молчание, тишина. Когда стемнело, я пошел к нашей стоянке. Палатка была готова. Мы надули мехами наши матрацы, получается великолепно. Зажгли фонарищи-глаза автомобиля и сели ужинать. Поели основательно, побеседовали и выпили чаю. Где-то вдали лаяли шакалы и изредка попискивала какая-то ночная птичка.

Потом мы потушили огни, и тут я увидел звезды. Я давно не видал одного неба, только неба и больше ничего, и Боже, что это был за восторг! Внизу ничего нет, какая-то пустота и чернота на месте пустыни, а наверху горели бесчисленные светочи, и такие яркие и крупные, что казалось, они как-то обступили нас со всех сторон, и будто раньше я никогда их такими не видел.

И при этом тишина. Храм.

И начинает казаться, что времени нет. Кажется, надо сделать еще маленькое усилие воли и фантазии, и начнешь верить, что там, за темнотою пустыни, стоит людный и большой Мемфис, что сейчас там царствует XIX династия и что это существует и еще живо.

Потом мы пошли в палатку. Засыпая, я видел в открытый треугольник входа в палатку все те же чудные звезды. Ночь о звездах… Я буду ее долго помнить. Ночь с Богом, а не с людьми.

Проснулись мы от острого холода. Было около четырех часов утра. Было еще темно. Небо было какое-то сероватое и все в тучах. Храма больше не было. Доктор взял ружье и пошел куда-то в темноту караулить зверей, а я стал дожидаться света, чтобы сделать набросок с башни. Когда настало время, я отправился и нечто намазал. Пустыня при восходе солнца тоже великолепна, но только все же самое большое впечатление на меня оставили звезды.

Потом мы пили чай, совершили маленькую променаду по пустыне, а в 10 ч. утра я уже мылся и переодевался у себя в мастерской, а затем пошел в музей…

Да хранят Вас яркие светила.

Ваш И. Б.»

За работой в Антикхании. Слева направо: Ольга Сандер, Людмила Чирикова и Иван Билибин. 1921 г.

«18/X 1922.

Милая и дорогая и единственная моя Людмилица.

Я много писал Вам в эти дни писем, но все рвал. Иногда мне кажется, что я неимоверно запутался и попал в непроходимый тупик, а иногда мне кажется, что я поступил правильно.

Когда от Вас долго не бывало писем, я всегда находился в тревожном состоянии. Так было и тут. Два вторника прошли без

писем, на третий приходит почтальон и приносит мне небольшое письмецо от Шурочки Щекотихиной, написанное самыми нежными словами. Через час приходит другой почтальон и приносит открытку от Вас, где Вы пишите о возобновлении Вашей дружбы с Дроздовым. У меня просто замерло сердце, и я решился, что вообще, кончено дело…

Я и решился. Это — судьба, это не простое совпадение, что пришли одновременно два письма. В Берлине моя большая настоящая любовь, но, может быть, и мои долгие и безрезультатные страдания; если Людмилица опять полюбит Дроздова, которого я считаю недостойным ее, то мне смотреть на это будет невыносимо, а, значит, меня не должно там быть; а с другой стороны, уже не пустота, а очень милый и нравящийся мне дружок Шурочка, которая, не видав меня пять лет и не зная, что я за это время делал, все же пишет мне нежное и теплое письмо. Людмилица мне как-то писала: приезжайте, мы Вам найдем невесту…

Я и ахнул в Россию телеграмму:

«Будьте моей женой, жду ответа».

А через два или три дня получил ответ:

«Согласна при условии не разлучаться с сыном».

Вот и все…»

В начале 1923 года другая ученица Ивана Яковлевича, художница Александра Васильевна Щекотихина-Потоцкая, перебралась вместе с сыном из Петрограда в Каир и стала женой и помощником своего маэстро. А Людмилица долгие семьдесят лет, несмотря ни на какие драматические повороты своей судьбы, бережно хранила билибинские письма как самую драгоценную реликвию, и лишь у последней жизненной черты решилась на трудный, но единственно верный шаг: передать картонную коробку на родину свою и того человека, кто так нежно и безнадежно ее любил.

Глава 18
Маэстро и прима

Через пятнадцать лет после моего первого знакомства с письмами И. Я. Билибина к Л. Е. Чириковой, в 2006 году, я вновь обратился к ним. В Институте востоковедения Российской академии наук, куда я перешел работать из газеты «Труд» вскоре после возвращения из Каира в Москву, мне поручили подготовить сборник документов «И. Я. Билибин в Египте». Основу сборника как раз и должны были составить письма художника к своей ученице и возлюбленной. Ведь в них содержится немало ценной информации не только о жизни и творчестве Билибина, но и по Египту того времени, и по русской эмигрантской общине.

Готовя письма к публикации, я обратил внимание на упоминание в одном из них о гастролях в Египте великой русской балерины Анны Павловой. «У нас только что кончились «дни о Павловой», — писал Иван Яковлевич Людмиле Евгеньевне 13 марта 1923 года. — Наша всемирная знаменитость посетила Каир (сейчас она уехала на неделю в Александрию) по дороге из Японии и Индии в Лондон. Здесь она провела недели две. Танцевала со своей труппой в Курзале. Было смен пять программ. Некоторые номера были великолепны. Я стал совсем балетоманом на эти дни. Вообще наше болото (если только этот термин может быть применен к знойной Африке) на несколько дней всколыхнулось».

Анна Павловна Павлова (1881–1931), прима-балерина императорского Мариинского театра в Петербурге, в 1910 году покинула Россию и поселилась в Лондоне. Там она создала собственную интернациональную труппу, с которой гастролировала по всему миру — от Латинской Америки до Австралии и Новой Зеландии.

В литературе о жизни и творчестве Анны Павловой указаны разные годы ее гастролей в Египте. В сборнике «Анна Павлова», опубликованном в Москве в 1956 году, говорится, что ее первое турне по странам Востока, которое включало и выступления в Египте, состоялось в 1921 году. А в книге В. Красовской «Анна Павлова», вышедшей в 1964 году, утверждается, что эти гастроли состоялись в 1922 году. Думаю, однако, что обе даты не соответствуют действительности.

Из письма Билибина можно сделать вывод, что он встретился

с Павловой в Каире впервые, хотя жил там уже три года, и что Чирикова, покинувшая Египет в апреле 1922 года, с Павловой знакома не была. «У нас с ней завелась дружба, она была у нас, мы были у нее», — писал Билибин Чириковой. Если бы это была не первая встреча художника и балерины на египетской земле, Иван Яковлевич наверняка написал бы об этом по-другому, напомнил бы Людмиле Евгеньевне об их предыдущих встречах.

О том, что Билибин и Павлова в марте 1923 года в первый раз общались в Египте, хотя были знакомы еще по Петербургу, говорит и тональность воспоминаний об этом приемного сына Ивана Яковлевича, Мстислава Потоцкого. «В Египет на гастроли приезжает Анна Павлова, — писал он. — Балерина и художники быстро сдружились. Анна Павлова вместе с Виктором Эмильевичем Дандре, своим мужем, проводит вечера в мастерской Ивана Яковлевича. Часто все вместе бродят по арабским улочкам вечернего Каира, выезжают в пустыню, посещают древнеегипетские храмы и гробницы».

Итак, все-таки в первый раз Анна Павлова гастролировала в Египте в марте 1923 года. А неточности в датах, которые я встретил в книгах о ней, легко можно понять. За два десятилетия гастролей на разных континентах балерина дала такое количество спектаклей, что одно их перечисление наверняка составило бы солидный том. Кстати сказать, перечень постановок, в которых танцевала Павлова, существует, а вот перечня ее гастролей нет.

«В турне по Востоку я всегда устраивал так, чтобы оставались свободные дни между спектаклями, и такие дни для Анны Павловны были праздниками, — вспоминал впоследствии муж и антрепренер балерины В. Э. Дандре. — Можно было устраивать экскурсии: в Египте — на пирамиды или поездку на верблюдах в пустыню».

На одной такой экскурсии Павлова побывала в марте 1923 года вместе с Билибиным, о чем он упомянул в письме к Чириковой. Они ездили в Саккару — самый обширный некрополь Мемфиса, столицы Египта периода Древнего царства, расположенный неподалеку от Каира. Именно там находится наиболее ранняя из египетских пирамид — ступенчатая пирамида фараона Джосера.

Посмотрела балерина и пирамиды Гизы, о чем рассказал в своей книге «Мои годы с Павловой», вышедшей в Лондоне в 1957 году, один из танцоров труппы, Альгеранов. По национальности он был англичанин, а творческий псевдоним на русский манер придумала ему Павлова. «Когда мы поехали смотреть пирамиды и Сфинкса, — вспоминал Альгеранов, — мы сели на верблюдов, и я

получил от этого почти такое же удовольствие, как от самих чудес света: от нашей поездки веяло настоящим приключением. Павлова тоже взобралась на верблюда, и мы путешествовали по пустыне с идиотскими от счастья улыбками».

Запомнился этот день и еще одному члену труппы Павловой, танцовщице Джоун ван Уорт. «Когда мы приехали в Египет, нам дали свободный от репетиций день, чтобы мы могли совершить экскурсию и взглянуть на сфинксов и пирамиды, — читаем мы в ее воспоминаниях, опубликованных на русском яэыке в сборнике «Анна Павлова». — Поездка в пустыню была очень интересной и доставила нам огромное удовольствие. Наш гид был весьма образованным, начитанным человеком и к тому же знатоком искусства. Он показал нам гораздо больше того, что показывают обычно туристам. Когда мы расплатились через него с погонщиком верблюдов, мы предложили вознаграждение ему лично, но он наотрез отказался брать деньги, и мы дали ему билет на нашу постановку «Египетский балет». На следующий день он явился после представления к нам в отель поблагодарить за доставленное удовольствие. Он был изумлен тем, что Павлова достигла в своих танцах поразительного сходства с фресками древних египетских гробниц; его поразило, что ни одно из ее движений не нарушало этого впечатления. Он высоко оценил также технику кордебалета, достигшего высокой степени мастерства в воспроизведении образов древней египетской настенной росписи и рельефов».

«Египетский балет», о котором упоминает Джоун ван Уорт, был поставлен в 1917 году на музыку А. Луинджи-ни, Дж. Верди и А. Аренского. Павлова танцевала в нем жрицу. В ее репертуаре были еще два балета на египетскую тему. Это «Дочь фараона» на музыку Ц. Пуни, поставленный впервые Мариусом Петипа еще в 1862 году, и «Египетские ночи» по мотивам повести А. С. Пушкина на музыку А. Аренского (1908 год). Вторую редакцию этого балета в 1909 году назвали «Клеопатра».

В балете «Египетские ночи» Павлова исполняла главную роль — Береники. «Помню, как я ее однажды гримировал, — писал впоследствии постановщик этого балета Михаил Михайлович Фокин. — Я показал ей краску, которую она должна была наложить на тело, чтобы походить на египетскую девушку… Затем нарисовал ей длинные брови, удлинил разрез глаз, а вместо традиционных губ сердечком резко подчеркнул естественную линию ее рта — от самой Павловой осталось очень мало… И тогда и мне, и самой Павловой стало ясно, что ее сила, ее обаяние заключаются не в том или ином техническом трюке, не в финальном пируэте, а в ее способности создать

художественный образ».

Героиня Павловой, Береника, была влюблена в молодого охотника и глубоко страдала, узнав, что он отдал и любовь, и жизнь свою царице Клеопатре. По свидетельству современников, балерина так живо показала в танце душевные переживания своей героини, что Береника в ее исполнении так и осталась непревзойденной.

Фокин ставил балет с увлечением, с желанием максимально приблизить представление к жизни. В музыке Аренского был «Танец со змеей», и балетмейстер предназначил его для Павловой. Береника в ее исполнении танцует, извиваясь, как змея, со змеей в руках, пророчествуя смерть Клеопатре. Зная, как Павлова любит животных, Фокин решил заменить бутафорскую змею настоящей. Сам он, правда, к животным относился с опаской, но чего не сделаешь ради искусства! Балетмейстер достал живую змею и, с отвращением держа ее в руках, показал Павловой весь ее танец.

Балерина сразу согласилась танцевать с живой змеей. В конце репетиции она, однако, заметила балетмейстеру, что это земноводное не оправдало возлагавшихся на него надежд. Змея обвила руку Павловой и ни разу не пошевелилась во время танца.

То, что репертуар Анны Павловой включал три балета на древнеегипетскую тему, было, конечно, не случайно. Сто лет назад Египет пользовался такой же популярностью в России, как и сейчас. Поток туристов туда по тогдашним меркам носил массовый характер, благо каждую субботу из Одессы в Александрию отправлялся пароход, и билеты стоили недорого. Поэты, писатели, художники и просто любители древностей считали своим долгом посетить Египет, познакомиться с его музеями и архитектурными памятниками. Результатом этих поездок стала обширная и очерковая, и особенно художественная литература. Филолог Л. Г. Панова, опубликовавшая в 2006 году двухтомное исследование «Русский Египет», подсчитала: в конце XIX — начале XX века 70 российских литераторов создали около 60 прозаических и более 200 поэтических произведений на египетскую тему!

Публикации сопровождались фотографиями и рисунками, так что у Павловой было немало возможностей изучить движения, характерные для древних египтян. К тому же в России было несколько отличных коллекций египетских древностей. Лучшая — в Музее изящных искусств в Москве, собранная когда-то В. С. Голенищевым. Вторая по значимости — в Эрмитаже. Да и во время многочисленных гастролей по странам Европы балерина наверняка посещала музеи, где знакомилась с египетскими

коллекциями, — парижский Лувр, Берлинский и Туринский музеи и, конечно, Британский музей в Лондоне — городе, ставшем для нее вторым домом.

Но одно дело — изучать движения и позы древних египтян по фотографиям, рисункам и экспонатам музеев и совсем другое — по их изображениям в храмах и гробницах в самом Египте. Во время гастролей в Каире в 1923 году Павлова впервые получила такую возможность, когда они вместе с Билибиным ездили на экскурсии. «Запомнился эпизод перед фреской, изображающей танцующую египтянку, — вспоминал Мстислав Потоцкий. — Анна Павлова пытается повторить позу танцовщицы; Иван Яковлевич, сидя перед ней на корточках, поправляет складки ее одежды, приводя их в соответствие с изображением».

В конце концов Павлова заказала Билибину эскизы декораций и костюмов к еще одному балету на египетскую тему — «Романс мумии». «Она просит меня сделать ей несколько египетских костюмов, что меня очень интересует», — сообщал Билибин Чириковой. Просьбу эту Иван Яковлевич выполнил. Сами декорации писались уже в Париже, французским художником Аллегри, а балет на музыку Н. Н. Черепнина был поставлен в 1924 году.

«Египетский балет» имел в Каире шумный успех. «Зрители говорили, — вспоминал Альгеранов, — что танцоры оживили фрески. Это действительно было так. На Павловой был облегающий костюм синего цвета с золотом, на голове — парик с золотыми украшениями. Она танцевала на пуантах, делая руками характерные для древних египтян движения. Было такое впечатление, что вы наблюдаете за жрицей, танцующей перед богом Амоном-Ра во времена фараонов. Это был еще один пример ее сценического гения».

Памятуя о непревзойденных иллюстрациях Билибина к русским народным сказкам, Павлова, как писал Иван Яковлевич Людмиле Евгеньевне, «заказала мне маленький одноактный балет в русском стиле. Несколько вечеров я был литератором и сочинял сценарий. Накатал штук семь-восемь балетов на отдаленно-приблизительные темы из русских сказок, и, наконец, мы остановились на одной теме».

Так в репертуаре Анны Павловой появился балет «Русская сказка», поставленный в том же 1923 году на музыку Н. Н. Черепнина. Билибин был автором не только либретто к нему, но и эскизов декораций и костюмов.

Гастроли великой балерины были встречены овациями. «В Каире еще никогда не выступала такая первоклассная балетная труппа, — писала Джоун ван Уорт, — и наши концерты произвели

глубокое, неизгладимое впечатление не только на нашего друга гида, но и на всю каирскую публику». Павловой дарили букеты цветов, превосходившие по размерам, по словам Альгеранова, саму балерину.

На одно из представлений пожаловала королева. Чтобы подчеркнуть важность момента, сопровождавшие труппу египтяне сказали Павловой, что королева — первая в истории Египта после самой Клеопатры. Действительно, после смерти Клеопатры в 31 году до н. э. Египет почти на две тысячи лет потерял независимость и обрел ее вновь лишь в 1922 году.

Из Каира труппа переехала в Александрию. Если в столице представления проходили в стареньком Курзале с корявой сценой и тесными уборными (его давно уже снесли!), то в Александрии — в уютном, отделанном красным бархатом и золотом Театре Мухаммеда Али, названном так в честь правителя Египта 1805–1848 годов, развернувшего страну на Ниле лицом к Европе. Кстати сказать, в 2003 году этот театр вновь был открыт после длительной реставрации и предстал в своем первоначальном блеске.

Утверждения и Джоун ван Уорт, и Альгеранова о том, что гастроли прошли чрезвычайно успешно, выглядят вполне убедительно. И все же сами танцоры — лица, так сказать, заинтересованные, они могли и преувеличить успех труппы. Разочаровал же публику в Александрии концерт великого Шаляпина в 1933 году! Надо бы посмотреть, что писала о гастролях Анны Павловой местная пресса.

Во время очередной поездки в Египет в январе 2007 года я вновь отправился в до боли знакомую мне национальную библиотеку «Дар аль-кутуб». Как и в случае с Шаляпиным, решил посмотреть англоязычную «Иджипшн газетт», поскольку выступления Анны Павловой наверняка привлекли внимание главным образом многочисленных европейцев, живших тогда в Египте. Ведь классический балет — искусство для самих египтян чужое. Но мне не повезло. Только что закончилась многолетняя реконструкция исторического здания «Дар аль-кутуб» на площади Баб аль-Хальк, и подшивки старых газет были упакованы в ожидании отправки на новое место.

Если время первых гастролей Анны Павловой в Египте мне удалось уточнить с помощью письма И. Я. Билибина к Л. Е. Чириковой, то со временем ее вторых, и последних, выступлений на берегах Нила дело оказалось сложнее. В Архиве русского зарубежья в Москве хранится фотография, на которой Павлова запечатлена в окружении соотечественников-эмигрантов в Русском клубе в Каире. На обороте фотографии — дата: «1927 г.».

А в книге В. Красовской говорится, что она побывала в Египте в 1928 году. Казалось бы, точную дату можно почерпнуть из воспоминаний Альгеранова. Но он умудрился в своей довольно объемной книге привести лишь год своего зачисления в труппу Павловой. Впрочем, изучая текст, я обратил внимание на то, что, как пишет автор, на другой год после этих гастролей скончался Сергей Павлович Дягилев, выдающийся театральный деятель, организатор «Русских сезонов» в европейских столицах. Произошло это в 1929 году. Значит, скорее всего, В. Красовская права. С Билибиным в Каире Павлова больше не встречалась: к тому времени он с семьей уже переехал в Париж.

Анна Павлова позирует скульптору Б. О. Фредману-Клюзелю. 1910-е гг.

Во время второго посещения Каира труппа Павловой не столько ездила на пирамиды и в пустыню, сколько ходила в Египетский музей. Там были выставлены сокровища гробницы

Тутанхамона, открытой в 1922 году в Долине царей возле Луксора. «Наши репетиции почти совпадали со временем работы музея, — вспоминал Альгеранов, — но если пойти туда сразу после обеда, то оставался еще час до закрытия. Мы ходили туда много раз, и никогда в жизни я не испытывал столь длительного восхищения. Все было так необычно, и удивлял не только возраст, но и прекрасная сохранность экспонатов».

Как и во время первых гастролей, труппе выделили свободный день для осмотра достопримечательностей. Предложили танцорам несколько вариантов программы. Альгеранов присоединился к тем, кто решил поехать в Саккару. Павловой с ними не было. Потом он узнал, почему. Оказалось, что в 1923 году балерину возил в Саккару, как пишет Альгеранов, «русский художник и дизайнер Билибин».

Рассказывая о гастролях в Египте Анны Павловой и египетской теме в ее творчестве, не могу удержаться, чтобы не привести еще одну выдержку из книги В. Э. Дандре о его знаменитой супруге. «Первым скульптором, с которым ей пришлось познакомиться много лет тому назад в Петербурге, был Борис Клюзель. Ему очень удавались статуэтки артистов Императорского балета в разных танцах. Сделал он статуэтку также и с Анны Павловны, и вылепил ее ногу, потом отлитую в бронзе. Я отдал ее Лондонскому музею».

При чем же здесь Египет? — спросите вы. Все дело в том, что вскоре после вторых гастролей Павловой в Египте, в 1929 году, Борис Оскарович Фредман-Клюзель переехал в Каир и провел там последние 30 лет своей жизни. Но об этом я подробно расскажу в следующих главах.

А в заключение хочу отметить, что в память о гастролях великой русской балерины в Египте в зале для почетных гостей нового здания возрожденной Александрийской библиотеки в 2003 году была установлена статуэтка Анны Павловой работы русского скульптора Елены Безбородовой.

Глава 19
Ошибка мадам Рабаб

Вернувшись в сентябре 1991 года в Каир из очередного отпуска, во время которого познакомился с письмами И. Я. Билибина, я первым делом написал Л. Е. Чириковой. Кто, как не она — возлюбленная Билибина, два года прожившая в Египте, — может рассказать и о своем учителе, и о русских эмигрантах! В ожидании же ответа занялся будничными журналистскими делами.

Хлопотная работа у зарубежного корреспондента ежедневной газеты. Все надо знать, везде успеть. Крутишься до поздней ночи, а чуть свет опять на ногах. Читаешь свежие газеты и журналы, затем мчишься в город на встречу с кем-нибудь из египетских официальных лиц, потом срочно садишься писать материал в номер, передаешь его по телефону в редакцию. Уф! Перерыв на обед. И снова нескончаемая круговерть. Надо починить забарахлившую машину — без нее как без рук, успеть на пресс-конференцию, посмотреть по телевизору вечерние новости и в довершение всего составить финансовый отчет.

Но и в этой суматошной, хотя и очень интересной, жизни выпадают часы, когда можно отдохнуть, заняться любимым делом. В одно из таких «окошек» я решил вновь заглянуть в антикварный магазин «Ностальгия», тот самый, где весной покупал эмигрантский журнал «Перезвоны».

Хозяин магазина, светлоглазый мужчина по имени Марван, больше похожий на палестинца, чем на египтянина, встретил меня как старого знакомого.

— Добрый день, мистер Владимир! — приветствовал он меня, сделав в моем имени на арабский манер ударение на последний слог. — Как дела?

— Хвала Аллаху, господин Марван! Нет ли у вас чего-нибудь новенького на русскую тему?

— Да вроде ничего нет. Впрочем, посмотрите сами. Вот, к примеру, несколько картин из свежих поступлений.

Прежде чем рассмотреть сами картины, я пробежал глазами автографы на них. Одно имя показалось мне знакомым — «В. Стрекаловский». Да, я действительно встречал его, в книге, которую просматривал во время отпуска в архиве Советского фонда культуры. Называлась она «Зарубежная Россия» и была

издана в Париже на русском языке в 1971 году. Автор книги, П. Е. Ковалевский, дал довольно подробный обзор русской эмиграции за полвека. По некоторым странам в книгу вошли небольшие отдельные статьи других авторов. Статью о Египте написал Владимир Беллин — сын директора Русской поликлиники в Каире Виктора Эмильевича Беллина. Это ему, Володе Беллину, Федор Иванович Шаляпин подарил в 1933 году фотографию. В статье Беллин упоминал наиболее выдающихся, с его точки зрения, представителей русской эмиграции в Египте. «Художники В. Н. Стрекаловский и его сыновья Роман, Николай и Всеволод, — писал Беллин, — были высоко ценимы, и их картины украшают музеи истории, агрикультуры и военный в Каире». Только кто из Стрекаловских автор этой картины — акварельного пейзажа набережной Нила: отец, Владимир, или сын, Всеволод? Оба имени читаются на «В». Марван, конечно, этого не знал.

— Сколько же стоит эта картина? — спросил я его.

Хозяин магазина взглянул на заднюю часть рамки и ответил:

— Четыре тысячи фунтов.

Да, работы художников с мировым именем стоят, конечно, подороже. Но и эта сумма — почти полторы тысячи долларов — достаточно велика. Во всяком случае, мне не по карману. О чем я откровенно и заявил Марвану. Тот понимающе улыбнулся.

— А можно мне сфотографировать картину?

— Пожалуйста!

Магазин «Ностальгия» находится рядом с итальянским культурным центром, и я решил зайти и туда. Дело в том, что одна из наших женщин, вышедшая замуж за египтянина, рассказывала мне как-то, что сотрудница центра Анна-Мария ди Марко водит дружбу с русскими эмигрантами. Анну-Марию я не застал, так что мне пришлось звонить ей вечером домой. Ответила она на очень чистом русском языке.

— Да, я знаю одну семью, — сказала мне итальянка. — Это старушка по имени Вера Анатольевна и ее дочь Тамара. Фамилия их Агнаевы. Живут они, как и вы, на Замалеке.

— А откуда вы так здорово знаете русский язык? — не удержавшись, спросил я.

— Я по профессии филолог-русист, училась в Москве, — ответила Анна-Мария. — Там и познакомилась со своим мужем. Он египтянин.

Ну разве придумаешь такое! Итальянка, отправившаяся на учебу в Россию, знакомится там с египтянином, выходит за него замуж и переезжает к нему на родину. Нет, такое может придумать только сама жизнь.

Вера Анатольевна и Тамара Агнаевы. 1991 г.

Звоню по телефону, который дала мне Анна-Мария. Подходит Тамара. Представляюсь, говорю, что собираю материалы о русских в Египте, и мне любезно назначают встречу. Оказалось, что Агнаевы живут по соседству с нашим корпунктом. Надо же! Сколько раз за эти годы я равнодушно проходил мимо их дома, даже не подозревая, что там обитают мои соотечественники!

Вера Анатольевна выглядит бодрой, вот только ноги совсем не ходят. Родилась она в 1906 году в Ялте, в Египет попала в 20-м, прошла через лагерь в Телль аль-Кебире. Значит, не права была мадам Рабаб из представительства Комитета ООН по делам беженцев, когда говорила мне, что старшего поколения эмигрантов больше нет в Египте! Да, ошиблась мадам Рабаб. Но, может, это и к лучшему. Встреча с Агнаевыми стала для меня приятным сюрпризом. Однако все мои попытки «раскрутить» старушку на рассказ о себе закончились неудачей.

— Что говорить! — отмахивалась она. — В моей жизни было мало хорошего. Чужая страна, нужда… Я так и не стала здесь своей. Как родилась русской, так и остаюсь ею. Вот Тамара — та уже совсем египтянка.

Дочь смеется. Она действительно родилась и выросла в Египте, неплохо говорит по-арабски. Работает бухгалтером в местной фирме. Но с мамой разговаривает по-русски. Лет двадцать назад в первый и последний раз была на родине, у родственников в Ленинграде («Теперь он Петербург?» —

спрашивает она) и Орджоникидзе («Кажется, его вновь переименовали во Владикавказ»). Поездкой осталась очень довольна.

О русских эмигрантах женщины говорят охотно. Действительно, практически никого из них уже нет в живых. Осуждают Олега Васильевича Волкова за то, что незадолго до своей кончины он передал опустевшую «русскую богадельню» и церковь при ней в Гелиополисе греческой общине, что отверг предложение представителя Русской православной церкви взять их под свою опеку на том основании, что «он большевик». Надеются, что богадельня и церковь вновь станут русскими.

Я называю им имена — Голенищев, Лукьянов, Билибин, Викентьев, спрашиваю, не знали ли они этих людей. С тремя первыми они не встречались, с профессором Викентьевым были едва знакомы, зато неплохо знали его сына Жоржа.

— Вот только куда он делся — понятия не имею, — пожимает плечами Вера Анатольевна. Знакомы им и доктор Беллин, и его сын.

— А Стрекаловские? — спрашиваю я.

— Да, знали мы и Стрекаловских — Романа и Николая, — отвечает Тамара. — Жена Николая, Антонина, живет в Каире. Она тоже русская, в прошлом — балерина.

Тамара дает мне телефон Стрекаловской, и я прощаюсь с нашими женщинами, выразив им свою искреннюю признательность за гостеприимство и содействие. Они, кажется, тоже довольны — все-таки поговорили на родном языке с соотечественником.

Вернувшись домой, звоню Стрекаловской.

— Будет завтра, — отвечает мне по-арабски женский голос.

Что ж, завтра — так завтра.

После двухчасового разговора с Агнаевыми совсем не тянет заниматься моим главным журналистским делом — ближневосточной политикой. Все мысли — о другом. О россиянах, оказавшихся в Африке, о том, что забросила их сюда судьба в переломную для нашей страны эпоху. И еще о том, что и ныне, осенью 1991 года, переживаем мы перелом, того и гляди, новые волны беженцев выплеснутся наружу…

Взгляд мой скользит по кабинету и натыкается на стопку книг, которые подарила мне весной Татьяна Николаевна Монти. Сверху — Библия. Издана в Санкт-Петербурге в 1892 году. В матерчатом переплете, изъеденная жучком. Перед отпуском я набросился на остальные книги, а Библию отложил, ведь у меня есть и другая, принадлежавшая Олегу Волкову. А тут вдруг захотелось подержать ее в руках, полистать.

Листаю — и не верю своим глазам. Библия густо исчерчена карандашом, как делают тогда, когда тщательно изучают книгу и подчеркивают в ней самые главные мысли. После каждого раздела — пометка: «Сиди Бишр, 16.11.1921», «Сиди Бишр, 19.11.1921» — и так до 17 мая 1922 года — дня, когда обитатели «русского лагеря», не сумевшие адаптироваться в Египте, были вывезены в Болгарию и Сербию.

Кто же читал эту библию с карандашом в руке? Отец Татьяны Николаевны? Или ее мама? А может, кто-то из друзей черпал в Библии духовные силы в трудные первые месяцы эмиграции? Между страницами 554 и 555 — новый сюрприз. Засушенный цветок. Не узнать его с первого взгляда невозможно — это анютины глазки. Но ведь цветок этот не растет в Египте! Привезен из России? Наверно! И бережно храним в книге, как частичка Родины…

На полях Библии — заметки ее владельца. Краткие, выражающие его отношение к тексту: «Хорошо!», «Важно!» Иной раз и «Непонятно». Одна пометка особенно привлекла мое внимание. «Рус.!» — три раза повторяется подряд там, где речь идет об обрушившемся на еврейский народ гневе Божьем: «…язык грудного младенца прилипает к гортани его от жажды, дети просят хлеба, и никто не подает им. Евшие сладкое истлевают на улицах; воспитанные на багрянице жмутся к навозу. Князья ее были в ней чище снега, белее молока; они были телом краше коралла, вид их был, как сапфир; а теперь темнее всего черного лица их; не узнают их на улицах; кожа их прилипла к костям их, стала суха, как дерево… Руки мягкосердых женщин варили детей своих, чтоб они были для них пищею во время гибели дщери народа моего… ВСЕ ЭТО — за грехи лжепророков его, за беззакония священников его, которые среди него проливали кровь праведников…» (Плач Иеремии, 4, 4–15).

«Рус.!» — три раза подряд. Видно, так и встала перед глазами читателя покинутая им недавно Россия, с голодом и разрухой Гражданской войны, отринутая Богом за грехи лжепророков ее — царей, за беззакония священников ее…

Да, необычная оказалась Библия. Свидетельница бурных событий, спутница беженца, хранительница засушенного цветка — посланца далекой и почти недосягаемой Родины…

На другой день вновь звоню Стрекаловской. Представляюсь, объясняю, почему ищу встречи с ней. Антонина Николаевна назначает мне день и час, дает адрес.

И вот я еду в Маади, тихий окраинный район Каира, выходящий лицом к Нилу, приют зажиточных египтян и иностранных дипломатов. Маади я знаю плохо, бывал там редко

и потому выезжаю с запасом, чтобы не опоздать, изучив предварительно этот район по справочнику каирских улиц. К некоторому своему удивлению, сразу же нахожу и улицу № 6 — как в Нью-Йорке, многие улицы Маади не имеют названий, только номера — и нужный дом, старый, четырехэтажный, окруженный зеленью. Привратник-бавваб провожает меня на самый верх. Звонит в квартиру слева от лестницы.

К двери долго не подходят — может, потому, что я пришел на четверть часа раньше. Открывает интересная пожилая женщина, почти старушка, невысокого роста, сухощавая — такой и положено быть бывшей балерине.

— Пожалуйста, проходите, — приглашает она меня во внутрь.

Из гостиной доносится не очень солидный лай, на меня бросается пекинес — маленькая собачка с приплюснутым носом, но схватить меня за штанину ей не удается, мешает длинная веревка, которой она привязана к ножке дивана.

— А почему собака на привязи? — спрашиваю я.

— Чтобы не гоняла кошку, — объясняет хозяйка. Тут я замечаю еще и кошку — крупную, черно-коричневую, пушистую. — Кошка не моя. Подруга уехала отдыхать и оставила ее на время мне.

Мы усаживаемся в гостиной, поближе к раскрытому окну. Антонина Николаевна угощает меня лимонадом и печеньем. Не кофе, как египтяне. Старые привычки живучи!

— Давно ли в Египте? — спрашиваю я.

— Мы переехали в Каир с мамой и сестрой в конце 30-х годов, перед самой мировой войной. Сначала приезжали сюда как туристы, и нам здесь понравилось.

— А до Египта?

— После революции переехали в Эстонию, в Таллин. Эстония тогда получила независимость от России, но там было много русских. Родилась же я в Пскове. России не помню совсем, слишком маленькая была. Росла и училась в Эстонии. Папа — моя девичья фамилия Федорова — был военным инженером. В начале 30-х годов друзья посоветовали ему переехать в Париж, обещали содействие с работой. Он поехал туда посмотреть, неожиданно заболел и там и умер. Но через некоторое время мы все-таки перебрались из Таллина в Париж, а уже оттуда — в Каир.

— Мне говорили, что вы — балерина.

— Да, в Париже я окончила балетную школу. Когда приехала в Каир, немного танцевала сама, но в основном занималась тем, что учила балету других. Открыла собственную школу. Сначала — в помещении Школы модных танцев на площади Антикхана, а

затем — в Русском клубе на улице Имад эд-Дин. Сестра же давала уроки французского. Она меня на два года старше, живет в Ливане.

— В Ливане? — оживляюсь я. — Ведь я два года работал в этой стране!

— Да, в Бейруте. Ее мужа зовут Павел Королев.

— Не может быть! Лет десять назад я был знаком с Королевым. Это ведь тот самый, что рисовал ливанские деньги и марки?

— Ну да! Сейчас-то он работает уже мало — возраст почтенный, 95 лет.

Ну надо же, как тесен мир! Блестящий график, один из самых уважаемых граждан Ливана, Павел Королев охотно поддерживал связи с родиной, с советским посольством в Бейруте. И его любили наши дипломаты и журналисты, всегда приглашали на приемы. В 50-е годы он даже решился на трудный шаг — вернуться домой, в Ленинград. Но пробыл там недолго. Врачи решительно заявили, что тамошний климат губителен для него. И супруги Королевы вновь оказались в Бейруте.

— Антонина Николаевна, расскажите, пожалуйста, о семье Стрекаловских, — прошу я.

— Мадам Стрекадовской я стала в 1944 году, — отвечает хозяйка. — С мужем, Николаем, мы прожили одиннадцать лет. Потом я развелась с ним. Детей у нас не было. Николай занимался тем, что во время редких и сложных операций в госпитале Каср аль-Айни быстро зарисовывал все, что делал хирург. Потом его рисунки включали в учебники по хирургии. Сейчас такой профессии уже нет, — улыбается Стрекаловская, — все фотографируют машины. А тогда она была просто необходима, и мужа очень ценили. Через год после нашего развода, доработав до пенсии, Николай уехал в Америку, к старшему брату, Всеволоду, и я потеряла его из виду.

— Но ведь Всеволод тоже одно время жил в Египте?

— Да, жил, но уехал еще в конце 30-х годов. С ним произошла такая история. Всеволод, как и Николай, зарабатывал, так сказать, практическим рисованием. Только не на медицинскую, а на историческую тему. Например, для музеев. Приглашали его и археологические экспедиции. В одной из таких экспедиций Всеволод познакомился с американкой и влюбился в нее. Он развелся со своей русской женой и уехал за американкой в Америку. А там она развелась со своим мужем, и они поженились. Видела его я всего раза два-три, когда он приезжал в Каир навестить своих родителей.

— А средний брат, Роман?

— О, это был очаровательный человек! Тоже художник, работал, как и Николай, в госпитале Каср аль-Айни, только не в хирургии, а в какой-то лаборатории. Рисовал мух, букашек — словом, всякую инсекту. Умер он прямо на работе, лет двадцать назад. А вскоре после этого умерла его жена. Она была управляющей в «Русской богадельне».

— Антонина Николаевна, я тут видел недавно у антиквара картину, подписанную «В. Стрекаловский». Причем первая буква — не «ви», а «дабл ю». Кто так подписывался — отец или Всеволод?

— Если «дабл ю» — то Всеволод, — уверенно отвечает хозяйка.

— А нет ли у вас картин мужа или кого-то еще из Стрекаловских?

— Нет. Когда Николай уехал, он забрал все свои картины с собой — мы ведь уже были разведены. А картин отца или братьев у нас и не было. Кстати, — добавляет госпожа Стрекаловская, — вот эта квартира — не моя. Я здесь живу у своей подруги. А моя квартира — на Замалеке. Я ее сдаю. Это единственный источник моего существования. Ведь балетом я заниматься уже не могу, — как бы оправдываясь, говорит она. — А другого я ничего не знаю.

— Так квартира на Замалеке — ваша собственность?

— Да нет, — машет рукой Антонина Николаевна. — Я ее снимаю уже 45 лет. А сдаю как меблированную.

Тут надо пояснить читателю одну тонкость египетских порядков. Согласно закону об аренде жилья, квартплата не может быть изменена до тех пор, пока в квартире живет один и тот же съемщик или его прямые наследники. Если 45 лет назад квартира была снята без мебели, скажем, за 10 фунтов, то и сегодня она стоит Стрекаловской ровно столько же. Меблированная же квартира на Замалеке — их сдают обычно иностранцам — может стоить тысячу в месяц и даже больше. Эта немалая разница и кормит Стрекаловскую, да и не только ее.

— Сейчас у меня живет молодая итальянка, — продолжает рассказ хозяйка, — а в 70-е годы жили русские. Нет, не эмигранты, а те, кто приезжал сюда работать из России. Все были очень хорошие — одна семья лучше другой! Особенно любила я последнюю пару. Его звала «серебряным», а ее — «золотая Валя». Она работала поваром в столовой вашего посольства. Когда уезжала, столько всего принесла мне в дом! Одних пирожных целый ледник наложила!

— Антонина Николаевна, а вы так и живете с карточкой беженца?

— Нет! Я приняла египетское подданство. Египтяне меня

усыновили.

Тогда понятно, почему о ней ничего не знала мадам Рабаб!

— Вообще египтяне — очень хороший народ, — убежденно говорит Стрекаловская. — Добрый, незлопамятный. Бывает, вспылят, но тут же отходят. Жить здесь очень спокойно. Европейцы приезжают, сначала ругаются: «Как вы тут живете в такой грязи!» А она египтянам не мешает, эта грязь. И мне не мешает — привыкла. Доброта людей куда важнее. Так европейцы потом отсюда уезжать не хотят — плачут, если приходится.

Да, о доброте египтян говорил мне еще в свое время доктор Бромберг. Да и сам я за годы жизни в Египте не раз убеждался в ней. Причем чем проще народ, тем отзывчивее. Всегда с готовностью придут тебе на помощь — словом ли, делом. Если возишься на обочине с поломанной машиной, да еще где-нибудь в глубинке, обязательно остановятся сами, поинтересуются, не надо ли чего.

Коль скоро речь зашла о египтянах глазами русского человека, не могу ненадолго не отвлечься от главной темы своего повествования и не рассказать об одном случае, глубоко запавшем мне в душу.

Под Новый, 1990 год мы с корреспондентом Московского радио Сергеем Ивановским путешествовали на машине по оазисам Западной пустыни. Километров за четыреста от Каира, посреди песков, машина встала: лопнул подшипник передней оси. Первая же проходившая мимо машина притормозила. Мы попросили водителя, молодого парня, дотащить нас на буксире до ближайшей мастерской. Она располагалась в соседнем городке Бавити, в оазисе Бахрия.

В мастерской нас не порадовали: надо менять всю полуось. Сделать это можно только в Каире. Но вот как туда попасть?

Тут я вспомнил, что неподалеку от Бавити есть железорудный карьер, где я уже бывал, знал кое-кого из начальства. Остановили еще одну машину, попросили дотащить нас до карьера. А там пошли прямо к директору — немолодому тучному Махмуду Харразу.

Пока возились с машиной, наступил вечер, и Харраз смотрел вечерние теленовости. Мы объяснили ему, в чем дело, и тогда он сказал: «Знаете что, утро вечера мудренее. Идите в клуб ужинать, потом вас проводят в гостевую квартиру, а с утра пораньше машину посмотрят наши механики, и тогда примем окончательное решение».

Мы подчинились. Утром механики подтвердили диагноз: надо менять полуось, достать ее можно только в Каире. «Сейчас в город пойдет машина, там для вас найдется место, — сказал

Харраз. — Купите полуось, передадите водителю. Он привезет ее сюда, мы ее заменим, а потом, когда все будет готово, позвоним вам, и вы приедете на рейсовом автобусе и заберете свою машину».

Вариант был оптимальный, тем более что наступило 31 декабря и Новый год хотелось встретить дома. Мы, конечно, согласились. Но дождаться звонка от Харраза мне было не суждено. 2 января умер мой папа, и я срочно вылетел в Москву. Когда через неделю я вернулся в Каир, машина уже стояла в нашем гараже. «Кто же ее пригнал?» — спросил я жену. «Не знаю, — ответила она. — Какие-то египтяне. Когда ты улетел, мне позвонили и сказали, что машина готова. Я объяснила, где ты. И на другой день пригнали машину».

Все мои попытки убедить по телефону сначала Харраза, а затем и его начальника, Сейида Абдель Разика, в том, что я должен заплатить за ремонт и перегон машины, за ночлег в гостевой квартире и ужин и завтрак в клубе, ни к чему не привели. «За помощь друзьям денег не берем», — был ответ.

Да, именно этот случай, наиболее яркий за годы моей жизни и работы в Египте, я вспомнил, когда госпожа Стрекаловская убежденно говорила мне о доброте египтян. Готовность помочь близкому — наследие земледельческой цивилизации, когда от каналов и дамб зависит всеобщий урожай, а построить их можно только сообща. Взаимопомощь становится сначала практической жизненной необходимостью, а потом постепенно въедается в плоть и кровь народа, превращается в черту национального характера.

Что же до грязи, о которой тоже упомянула Антонина Николаевна, то она — неотъемлемая часть египетского быта. О причинах ее я немало размышлял и пришел к такому выводу: главное, видимо, в том, что грязь не приносит египтянам вреда. Во-первых, если быть точным, то речь идет не о привычной для нас грязи проселочных дорог, а о кучах мусора, валяющихся на улицах. Их можно спокойно объехать или обойти. А во-вторых, мусор этот не гниет, не разлагается, он почти мгновенно высушивается нещадно горячим солнцем и не представляет опасности для здоровья людей. Конечно, без него было бы красивее, но такая красота стоит денег, ибо требует специальных машин и людей, предприятий по переработке отходов. И потом эстетика народа формируется окружающей его средой. А 96 процентов территории Египта — бесплодная пустыня. «Полное отсутствие какого-либо пейзажа», — как охарактеризовала ее Валентина Чирикова, попав в лагерь беженцев в Телль аль-Кебире.

Да, я тоже привык уже к грязи, как Стрекаловская, и, когда буду расставаться с Египтом, наверное, с трудом сдержу слезы, как и ее друзья-европейцы… Об этом я думал, прощаясь с Антониной Николаевной, ее собачкой и приемным котом.

А на следующий день почтальон позвонил мне в дверь и вручил под расписку плотный пакет. Обратный адрес начинался так: «США, Флорида…» Это было письмо от Людмилы Евгеньевны Чириковой.

Глава 20
В гостях у прошлого

Не знаю, дорогой читатель, случалось ли с тобой такое: соприкасаясь с посланиями давно минувших дней — старинной книгой в толстом переплете, дореволюционным тульским самоваром с медалями, пожелтевшей фотографией бабушки с дедушкой в день их далекой свадьбы, — почувствовать вдруг на время, что и сам ты мысленно переносишься назад, туда, откуда пришли в наши дни эти вещицы. По крайней мере со мной такое случается. А уж если речь идет о людях, ставших свидетелями столь отдаленных от нас событий, что просто дух захватывает, так и подавно. Общаясь с ними, словно становишься гостем самой Истории.

Именно такое чувство я испытал, получив письмо от Людмилы Евгеньевны Чириковой. Я долго крутил в руках аккуратно заполненные машинописью листочки, будто пришли они ко мне из Каира начала 20-х годов, а не из сегодняшней Флориды. Просто не верилось, что это писала женщина, в которую был безнадежно влюблен Билибин в первые годы своей эмиграции, в ту пору, когда человечество лишь начинало по-настоящему осваивать автомобиль и самолет и не имело ни малейшего представления не только о космических кораблях и компьютерах, но даже о телевидении. И все же это была именно она, незабвенная Людмилица. Набравшись духу, я начал читать письмо.

Приведу его с незначительными сокращениями тех мест, что не имеют прямого отношения к моему повествованию:

«Октябрь 11, 1991 год.
Флорида, США.

Многоуважаемый Владимир Владимирович!

Отвечаю на Ваше письмо, которое меня приятно удивило. Это, однако, является в действительности для меня «последней минутой». Ибо 22 ноября 1991 г. мне исполняется 95 лет, и я уже каждую минуту могу умереть, так как я очень больной человек, хотя сохраняю пока здравую память.

На Ваш вопрос, когда я познакомилась с И. Я. Билибиным, могу сказать, что это произошло очень давно в Петербурге. Иван Яковлевич был большим другом моего отца — писателя Е. Н. Чирикова. Отец водил нас показывать рисунки и книги Ивана Яковлевича, когда я еще была девочкой с косичками (Билибин

старше меня на 20 лет), но я уже тогда интересовалась искусством. Но особенно мы сдружились, конечно, в трудное время войны и революции в Батилимане, где наша семья, как и Иван Яковлевич, имела дачу. Билибин и раньше приезжал туда с красивой молодой художницей — ученицей Рене О'Коннел. И мы дружно ездили вместе на этюды, занимались графикой. Но в это трудное время он приехал в Батилиман уже один, холостяком, и был очень занят работой. Тогда же он сделал карандашные портреты моего отца, моей старшей сестры и мой в 1919 году.

В имения съехалось немало народа и время становилось грозным. Мы нуждались в пище и керосине для освещения, иногда мы ездили за этим на лошадях в Севастополь и Ялту. Благо, что рыбаки снабжали нас рыбой.

Что касается росписи иконостаса в Аббасии в Каире, то они были сделаны на моих глазах. И я хорошо помню, что был сделан иконостас из трех икон. Полагаю, что дальше это не пошло и ничего другого для икон не было сделано, к иконам Билибин не возвращался. Помощником же в исполнении икон была не я, а третий помощник по прозвищу Есаул, так как работа над иконами требовала позолочення, а значит, специальных технических знаний и навыков.

Я покидала Россию вместе со своей младшей сестрой Валентиной. Кроме Билибина, у нас оказалось много знакомых и друзей в Египте, например: Магдалина Владимировна Степанова — жена члена Государственной думы, которая называла себя моей египетской мамой. Помню также двух известных русских журналистов — знакомых отца, они по случайности были однофамильцами Яблоновскими, одного, помнится, звали Сергеем. Среди наших знакомых был профессор-египтолог Лукьянов, ездивший с нами в Верхний Египет под покровительством председателя Русского клуба (таковой был в Каире). Те люди, у которых сохранились хоть какие-то материальные сбережения, вышли из лагеря (Телль аль-Кебир. — *В. Б.)* довольно быстро, включая Билибина, нас с сестрой, нашу приятельницу мадам Степанову. Мы с сестрой сразу поселились в английском пансионе Христианской ассоциации молодых женщин в европейской части Каира.

Наш пансион христианского направления был хорошо организован, мы там проживали, питались и оберегались от превратностей судьбы. Все друзья и знакомые могли посещать нас, мы принимали их в уютных, красивых гостиных в первом этаже, подниматься в жилые комнаты не полагалось. Только арабские слуги в белых хитонах с красными кушаками имели право подниматься к нам на второй этаж и извещать нас о

приходе гостей. Пансион хорошо охранялся, на ночь запирались огромные ворота, защищавшие от возможного вторжения хулиганов или участников часто возникавших в то время в городе арабских волнений (видимо, имеется в виду главным образом антиколониальное восстание египтян в ноябре — декабре 1921 года. — *В. Б.)*. Находился наш пансион недалеко от студии Ивана Яковлевича, и мы с сестрой могли ходить туда пешком ежедневно.

Я также иногда работала в Арабском (Исламском. — *В. Б.)* музее, делая зарисовки старинной керамики для директора этого музея, готовившего к изданию свою книгу о персидской керамике. Для поездок в музей, находившийся в арабской части города, я брала извозчика, которых было в достатке в европейских кварталах. Кажется, это была нарядная коляска, запряженная парой лошадей. Сестра моя нашла работу в госпитале и работала в качестве сестры милосердия.

Мы и наши друзья часто ездили в арабскую часть Каира на знаменитый восточный базар Муски (Хан аль-Халили. — *В. Б.),* где продавались интереснейшие вещи: от керамики до ковров. Из нашего христианского убежища мы с сестрой и И. Я. Билибиным ездили смотреть многие достопримечательности Каира.

Вспоминаю свой отъезд из Каира в 1922 году. Я должна была поехать к отцу в Чехию, где он с большим волнением и тревогой ожидал приезда остальной нашей семьи. В это трудное время для всех нас я должна была поддержать своего отца, помочь ему пережить тяготы первых лет эмиграции. Помню, мы расстались с Билибиным большими друзьями, так как с пониманием и уважением относились друг к другу. Когда я уезжала, Иван Яковлевич сказал мне примерно следующее: если так случится, что мы больше никогда не увидимся, помните, что где бы я ни был, когда я буду умирать и не смогу говорить, я помашу Вам, как старый пес, своим мохнатым хвостом».

Этот образ я встретил и в одном из писем Билибина к Чириковой. Навеян он был смертью собаки — Хеопсика. Умирая, верный пес, завидев хозяина, все же нашел в себе силы поприветствовать его, слегка помахав хвостом…

Читая письмо Людмилы Евгеньевны, я будто и вправду побывал в гостях у прошлого. Да и смотрите, обороты какие: «Билибин старше меня на 20 лет». Не «был старше», а просто «старше». И это о человеке, которого уже полвека нет в живых…

Чирикова также упомянула в письме о том, о чем я уже знал: что она передала свои воспоминания этого периода журналу Советского фонда культуры «Наше наследие». «И если я доживу,

рассчитываю увидеть их напечатанными, как предполагалось, на Рождество 1991 года, — писала мне Людмила Евгеньевна. — Из них для Вас может многое проясниться».

На Рождество — это в последнем, шестом номере (журнал выходит раз в два месяца). Находясь летом в отпуске в Москве, я сделал попытку добраться до мемуаров Чириковой. Но она не удалась. Дело в том, что журнал «Наше наследие» печатался в издательстве «Максвелл» в Лондоне, и материал уже был послан туда.

Терпеть с конца октября до выхода журнала в свет не было никакой мочи. Да к тому же подгоняли меня два обстоятельства. Прежде всего то, что возраст Людмилы Евгеньевны действительно настолько почтенный, что хотелось успеть задать ей вопросы, которые могли возникнуть при чтении ее воспоминаний. Кроме того, я полагал, что подходит к концу срок моей работы в Каире. После августовских событий новый главный редактор «Правды» Геннадий Селезнев сообщил всем зарубежным корреспондентам, что денег на содержание корпунктов нет и больше не будет, поскольку все счета КПСС заморожены. Единственная надежда — самофинансирование. Я, как и другие корреспонденты, начал лихорадочно искать источники средств для продолжения работы в Каире и, забегая вперед, должен сказать, что с помощью друзей нашел их. Но в октябре ситуация еще оставалась неясной, деньги, переведенные из Москвы до августа, быстро таяли. Поэтому если в мемуарах Чириковой окажутся какие-то «наводки», с помощью которых можно попробовать разыскать в Египте доселе неизвестные нам, как иконы, произведения Билибина, надо бы иметь для этого в запасе некоторое время. Поразмыслив над тем, как ускорить дело, я решил позвонить в Лондон, своему коллеге, корреспонденту «Правды» Александру Лютому. Тот обещал связаться с издательством «Максвелл» и прислать мне экземпляр журнала, как только типография начнет его печатать.

Кстати, о «наводках». Одну из них я встретил среди писем Билибина в картонной коробке, переданной Чириковой Советскому фонду культуры. «Я получил новый заказ у мадам Нагиб-паша Бутрос Гали: большое декоративное панно (площадь — около 4 квадр. метров) в стиле персидских миниатюр, — писал Иван Яковлевич Людмиле Евгеньевне в мае 1923 года. — Цена — 350 фунтов стерлингов».

Прочитав эти строки, я чуть было не подпрыгнул от радости. Потому что семья Бутрос Гали — это вам не грек Бенаки, давным-давно уехавший из Египта, ее знает каждый египтянин. Нынешний глава клана, доктор Бутрос Бутрос Гали, — один из самых известных политических деятелей страны. Много лет он

был государственным министром иностранных дел, затем заместителем премьер-министра Египта по международным вопросам. В последние годы возглавлял также Общество египетско-советской дружбы. С человеком этим я не раз встречался, разговаривал, брал у него интервью.

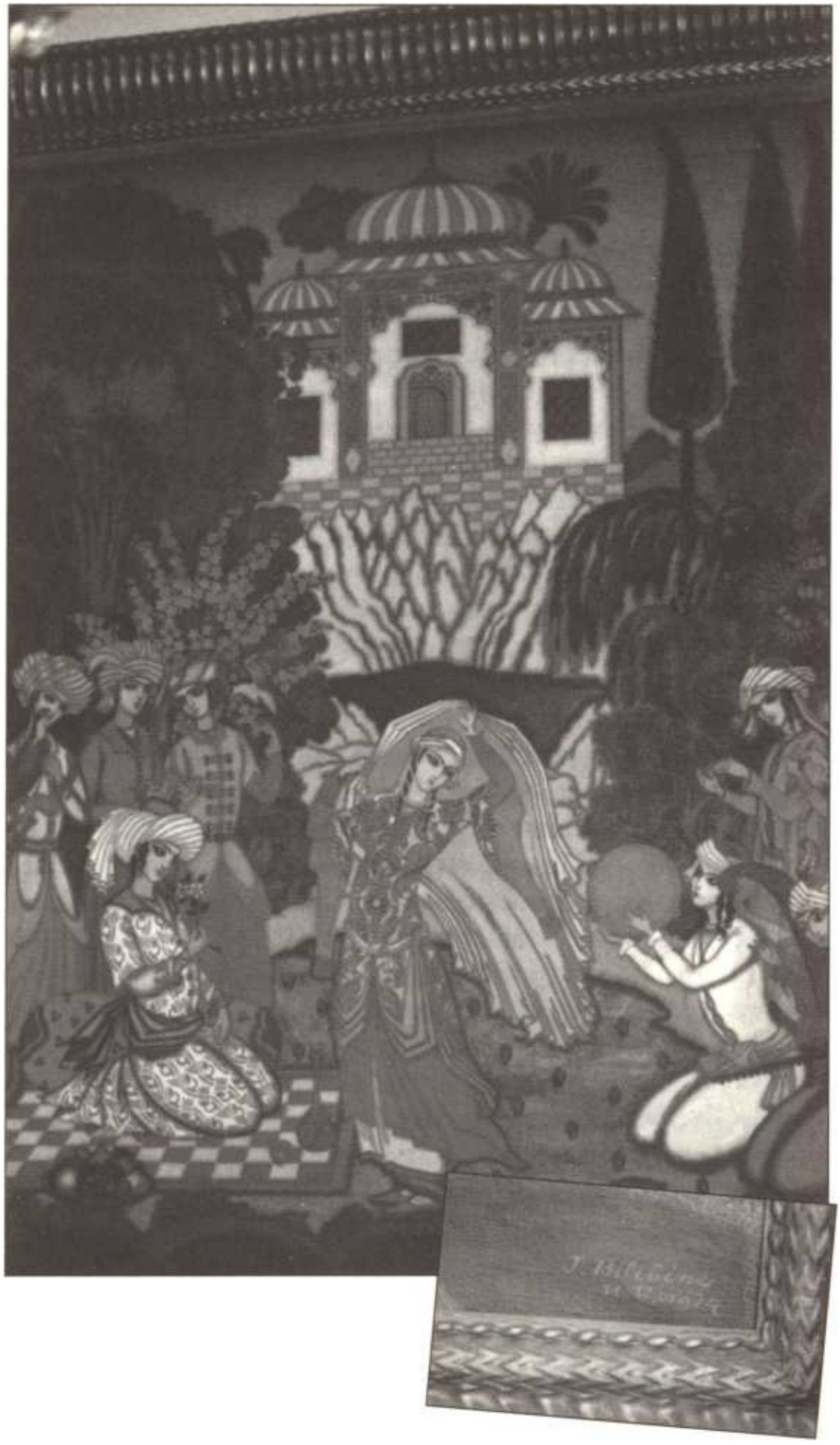
Простым смертным, даже иностранным корреспондентам, к коим отношение всегда особое, не пристало знать домашний телефон и даже прямой городской номер офиса людей такого ранга, как доктор Бутрос Гали. Поэтому я связался сначала с его помощником. Тот выслушал меня внимательно и доложил затем своему шефу. Через некоторое время помощник сообщил мне, что доктор Бутрос Гали припоминает вроде такое панно, но находится оно не у него, а у его родственников. Он, конечно, чрезвычайно занят, но постарается выбрать время, чтобы убедиться, что картина на месте, и договориться с родственниками насчет возможности посмотреть ее и сфотографировать.

Шли дни, а за ними недели. Я периодически звонил помощнику доктора Бутроса Гали, но неизменно получал один и тот же ответ: пока ничего нового для вас нет. Заместитель главы правительства Египта, как обычно, много разъезжал по белу свету. А в те дни поздней осени 1991 года у него прибавилась еще одна забота: Египет выдвинул кандидатуру доктора Бутроса Гали на пост Генерального секретаря ООН.

Честно говоря, немногие тогда верили в то, что 69-летний египтянин может быть избран на этот почетнейший пост. Но скептики оказались посрамлены: доктор Бутрос Гали победил на выборах.

Я сначала было обрадовался этой вести. Ведь этот человек был для меня почти что «своим». А потом приуныл. Отъезд доктора Бутроса Гали в Нью-Йорк оставлял весьма мало шансов на то, что я когда-нибудь увижу панно Билибина.

В начале декабря к нам в гости пришли супруги Дебоно. Я рассказал им о картонной коробке с письмами Билибина и о том, что он сделал большое панно для семьи Бутрос Гали. Посетовал, что с отъездом доктора Бутроса Гали к новому месту работы мне, вероятно, так и не удастся добраться до этого панно.



И. Я. Билибин. Панно «Восточный танец». 1924 г. Автограф И. Я. Билибина на панно «Восточный танец»

— Я вам помогу, — решительно заявила мадам Дебоно. — Я неплохо знаю семью Бутрос Гали.

Слово свое она сдержала. Выяснила, где точно находится панно, договорилась с его владельцами, снабдила меня номером телефона. Вот уж действительно — не имей сто рублей!

Встреча эта, однако, состоялась только в новом году. Владелец панно, Мерит Бутрос Гали, двоюродный брат Генерального секретаря ООН, был серьезно болен. Собственно, с ним мне увидеться так и не довелось. Принимала меня его жена — в их восьмиэтажном доме на набережной Нила. Семья Бутрос Гали занимает там верхний этаж, предыдущий же используется как своего рода музейный запасник. Туда-то двое слуг и спустили тяжеленное панно в золоченой раме, чтобы визитом моим не потревожить больного хозяина.

В каталоге произведений И. Я. Билибина эта почти квадратная картина высотой в человеческий рост называется «Восточный танец». На переднем плане — гибкая танцовщица, справа от нее — девушки-музыканты, слева — зрители: принц и его друзья, а на втором плане — роскошные сад и дворец. По всему полотну яркие, типично билибинские краски. Внизу — автограф по-французски, инициалы по-русски и дата — «1924».

В просторной комнате, где я познакомился с известной на родине художника только по названию прекрасной картиной, было немало и других произведений искусства. Бросалось в глаза, что часть из них — явно армянского происхождения.

— Дело в том, — ответила на мой вопрос мадам Мерит Бутрос Гали, — что мама моего мужа, мадам Нагиб-паша Бутрос Гали, была армянкой из Стамбула. Она прожила долгую жизнь и умерла сравнительно недавно — в 1984 году.

Хозяйка подвела меня к столику с фотографией немолодой интересной женщины. «Это моя свекровь», — сказала она. Так вот как выглядела заказчица Билибина!

Домой я возвращался в приподнятом настроении: полгода ожиданий и надежд завершились пусть маленьким, но открытием. И вновь вспомнил о мемуарах Чириковой.

Вдруг и в них есть что-то, что поможет найти новые работы Билибина? Ведь он жил в Египте целых пять лет! Правда, какая-то часть созданного им здесь была продана за границу с выставки Ивана Яковлевича, проходившей в Александрии в конце 1924-го — начале 1925 года, что-то он наверняка увез с собой в Париж. Но, конечно, три иконы и одно панно — далеко не все работы

кисти Билибина, все еще находящиеся в Египте.

Однако познакомиться с мемуарами Людмилы Евгеньевны оказалось не так-то просто. Мой лондонский коллега Александр Лютый действительно связался с издательством «Максвелл» и договорился получить там экземпляр журнала «Наше наследие», как только пойдет его тираж. Но тут случилось непредвиденное. 5 ноября 1991 года при загадочных обстоятельствах скоропостижно скончался владелец издательства, один из столпов мирового издательского дела Роберт Максвелл. А вскоре выяснилось, что его международная многомиллиардная империя находится на грани краха: долги покойного оказались равными стоимости его имущества. Издательство «Максвелл» в Лондоне, как и другие принадлежавшие магнату компании, опечатали в ожидании результатов расследования. Я регулярно звонил Александру в Лондон, но он отвечал одно и то же: телефоны издательства молчат, судьба журнала неизвестна.

Тогда я позвонил в Москву, в редакцию «Нашего наследия». Мне сообщили, что тираж шестого номера журнала успели отпечатать и сейчас он находится где-то на пути в Россию. В Лондоне же несколько экземпляров журнала обычно поступают в один из магазинов.

Словом, воспоминания Чириковой я получил только в феврале. Там много было интересного — особенно о двух годах дружбы с Билибиным, предшествовавших их совместной эмиграции в Египет. Были выдержки из билибинских писем, хранящихся в картонной коробке, — я их уже читал и некоторые даже процитировал в главе «Из Каира — с любовью». И еще — любопытные детали каирской жизни художника, с которыми я и хотел бы познакомить читателя.

Когда у Билибина появились первые заказы, он принялся оборудовать свою мастерскую на улице Антикхана. Помогали ему в этом Людмила Евгеньевна, ее сестра Валентина и давняя ученица Ивана Яковлевича Ольга Сандер. «Ни у кого не было ни гроша, — вспоминает Чирикова, — но были молодость и энтузиазм. И закипела работа! Помню, как мы раздобыли для мастерской большой старый шкаф и усердно его покрасили, поставили большие столы и диваны в высокой студии и, главное, везде и всюду ставили вазы с розами. Благо, что сама мастерская стояла в розовом саду профессионального садовника… Созданный нами «уют» неожиданно дополнился собакой. Как рассказывал нам Билибин, вечером кто-то стал царапать в дверь. Открыв ее, он увидел нечто лохматое, похожее на муфту, явно просившее о помощи. Так в мастерской появилась собака. А еще через несколько дней эта Муфта залезла ночью в шкаф, который

так красиво покрасили, и родила в нем двух щенят, которых мы быстро окрестили: Хеопс и Клеопатра, несмотря на их явное дворняжье происхождение».

Людмила Евгеньевна приводит текст специальной художественно оформленной грамоты, разосланной Билибиным по этому случаю всем своим каирским друзьям. Она гласила: «Мы, милостью Божией Иоанн, повелитель всея белыя и черныя Антикхании и прочая и прочая… Всем нашим верным подданным сим объявляем: Всемилостивейшему Року угодно было увеличить подвластный нам род Муфтийский, а посему мы приглашаем всех верных подданных наших собратьев во дворце Антикханском сего дня, 19 июня, года 1921-го для принесения поздравлений его Антикханскому Величеству по поводу столь радостного события.

Его Величество не преминет убрать столы Гроппийскими снедями («Гроппи» — популярная у каирцев кондитерская, существующая и поныне. — *В. Б.)*. Час приема — 5 пополудни, форма одежды — парадная». И подпись: «Иоанн».

«В мастерской было уже весело и уютно, — продолжает свой рассказ Чирикова. — У стены стояло начатое большое декоративное панно в пять с половиной метров длины и два с половиной метра ширины. Византийский стиль VI века, эпохи Юстиниана. На нем было все: император, императрица, шествие придворных и богатейшие орнаменты, над которыми работала помощница Ольга Сандер. На мольберте стояло начатое панно «Борис и Глеб на корабле», которое я очень любила и над которым я работала. И уже подвигались иконы для маленькой греческой церкви при госпитале. Третий помощник, по прозвищу Есаул, трудился над ними, накладывая листовое золото. Наш маэстро выбрал старый стиль икон XV века, и заказчики, которые были не очень образованные люди, были недовольны, так как ожидали слащавый стиль XIX века. И хотя они все же заплатили, но, как говорил Билибин, «довели меня до точки», и он хорошенько запил, нанял верблюда и стал разъезжать на нем по мусульманскому Каиру и по близлежащей пустыне. Работа остановилась на две недели.

Я сидела огорченная и сердитая в моем английском пансионе, когда появился у меня наверху наш араб-слуга в белом халате с красным кушаком и в красной феске и торжественно принес на подносе карточку посетителя, на которой было написано:

Иван Яковлевич Билибин стоит внизу,
Очень огорченный тем, что случилось.
Но сердце его любвеобильно и вопрошающе:

Он смотрит на оконце.
Уже село солнце.
Не то, космографическое,
А другое — поэтическое, или, скажем, аллегорическое.
Сидит за бумагой и рисует с отвагой.
Солнце, солнце!
Выгляни в оконце!

И наша дружба была восстановлена, и работа пошла дальше».

По словам людей, знавших Билибина, «срывы» на почве спиртного поначалу случались с ним в Каире. Чириковой это очень не нравилось. Мне, признаться, тоже. И все же я готов найти Ивану Яковлевичу оправдание. Чужая обстановка, тяжелый климат — кондиционеров тогда ведь не было, напряженная работа и, несмотря на окружение друзей и помощников, одиночество в неразделенной любви к Людмилице — все это определенно создавало почву для того, что сейчас мы именуем стрессом. Выпивка и неизбежно сопровождавший ее простой в работе стресс этот снимали. И маэстро вновь принимался за творчество. Да какого уровня! Мы и поныне удивляемся красоте его творений.

«Мусульманский, арабский Египет, который нас окружал, вдохновлял на творчество нашего маэстро, — вспоминает Людмила Евгеньевна. — «Каир — это клад для художника», — говорил он. Все свободное от работы время мы осматривали город и знаменитые мечети. Тогда он сделал несколько очаровательных акварелей — «Персианка с арабчатами», «Продавщица фруктов», «Охотник» и другие, которые проданы были в Каире. Мы, конечно, часто ходили в знаменитый музей Древнего Египта и спускались во все раскопки гробниц в пустыне, но это все еще представало перед нами в каком-то торжественном и мистическом покое, пока мы, наконец, не решили поехать с экскурсией в Верхний Египет, Луксор и к гробницам фараонов.

Какое это было незабываемое зрелище — покидать на рассвете громады египетских храмов в Луксоре, переплывать на лодке через Нил на другую сторону, где мы садились на осликов и ехали целый день по раскаленной пустыне в Долину фараонов. Там все вдруг оживало и загоралось чудесными огнями…»

Такие вот штрихи к портрету Ивана Яковлевича Билибина периода его египетской эмиграции добавила в своих мемуарах его возлюбленная — Людмила Евгеньевна Чирикова. Что же касается новых «наводок» на местонахождение работ художника, то их, увы, не оказалось. «Проданы в Каире» — и точка.

Ну что же, значит, мне, по-видимому, больше ничего не найти. Впрочем, я и так был щедро вознагражден за свои труды — три прекрасные иконы, огромное чудесное панно… Остальное оставим тем, кто захочет продолжить поиск.

Глава 21
Пансион «Китти»

В 1991 году, когда материалов о соотечественниках в Египте набралось уже порядочно, я заключил договор на издание книги на эту тему с московским издательством «Детская литература». Но пока я работал в Каире над рукописью, на родине произошли крутые перемены. Зайдя в издательство во время очередного отпуска летом 1993 года, я понял, что книга моя опубликована не будет.

Поделился печальной новостью с одним из своих друзей. И вдруг родилась идея: а что если самому издать книгу в Каире маленьким тиражом для нужд российской колонии в Египте? Ведь россияне, живущие в Стране пирамид, должны быть самыми заинтересованными моими читателями. С финансами тогда у корреспондента «Правды» было туго, да и не был я уверен, что найдется в Каире русский шрифт. Но идея крепко засела в голове. Когда еще удастся найти издателя в Москве! А тут стопка бумаги в ящике стола все-таки превратится в книгу.

Вернувшись в сентябре после отпуска в Каир, я с первой же попытки нашел компьютерную программу с русским шрифтом в издательстве «Новая культура», у одного из героев очерка «Республика Зифта» Мухаммеда аль-Гинди. Его дочь, Настя, обещала сделать набор. Нашлись и люди, готовые помочь с финансированием издания: денег подбросили представители «Аэрофлота» и «Автоэкспорта». И вот в апреле 1994 года книга — на семь глав меньше нынешней — была напечатана тиражом в 300 экземпляров под названием «По следам «Пересвета». А вскоре в Российском культурном центре в Каире она была публично представлена читателям.

Как я и полагал, книга была встречена с интересом. Но особенно порадовало меня то, что нашелся человек, готовый ее дополнить.

— А ты знаешь, что на курорте в Хелуане существовал русский пансион «Китти»? — спросил меня корреспондент газеты «Труд» Анатолий Репин. — В 1973 году, когда я впервые работал в Египте, я однажды был в гостях у его хозяйки, Екатерины Александровны. Она рассказывала, что в пансионе останавливались многие известные люди, например Шаляпин.

Хелуан — крупный промышленный центр километрах в

тридцати южнее Каира, на правом берегу Нила. В свое время это был курорт международного класса вроде наших Ессентуков — с минеральными водами и грязями. В начале XX века он пользовался большой популярностью в России. В Хелуане лечились Иван Бунин и Викентий Вересаев, великий князь Константин Романов и Леся Украинка и сотни, если не тысячи, других, менее известных наших соотечественников. После тройственной англо-франко-израильской агрессии против Египта 1956 года поток европейцев, приезжавших в Хелуан на лечение, резко сократился. А тут еще в окрестностях городка начали строить несколько крупных предприятий. Курорт стал постепенно чахнуть, и вскоре в Европе о нем забыли. Впрочем, сами египтяне продолжали лечиться в его комплексе ванн «Кэпритадж Хелф Спа», построенном в конце XIX века.

Про пансион «Китти» я не слыхал, о чем чистосердечно и признался Репину. В ответ он предложил съездить в Хелуан, поискать его: вдруг существует и сейчас? Предложение я, конечно, принял, но в существовании пансиона засомневался: ведь с тех пор как там бывал Репин, прошло больше двух десятков лет, а Екатерина Александровна, по его словам, уже тогда была в возрасте.

Вообще, собирая материалы для этой книги, я часто корил своих коллег-журналистов за недогадливость. Ведь если бы кто-то из них заинтересовался русскими эмигрантами хотя бы в 70-х годах, а не в конце 80-х, как я, насколько детальнее и ярче была бы картина! Правда, в ту пору писать об эмигрантах было не принято, но рано или поздно такие материалы пригодились бы.

Адреса пансиона «Китти» Репин не знал, помнил только, что находился он где-то возле городского сада. Пришлось нам изрядно поколесить по старой части Хелуана. Я периодически останавливал машину, спрашивал о «русском пансионе» египтян. Все без толку. Когда мы были уже близки к тому, чтобы бросить эту затею и вернуться в Каир, пожилой гладильщик сказал мне:

— «Русский пансион» был вот на этом углу. Я хорошо знал мадам Китти, тридцать лет обслуживал ее клиентов. Она умерла лет десять назад. Такая красивая женщина была! А виллу вскоре после этого снесли, построили на ее месте школу и детский сад.

Мы поспешили к углу улиц Рияд и Бурхан, на который показал нам гладильщик. Но и школа, и детский сад были закрыты. Пятница в Египте — выходной день. Как жалко! Может, их владелец рассказал бы нам более подробно о судьбе и виллы, и ее хозяйки? Придется приезжать сюда еще раз.

Что я вскоре и сделал, но уже один: срок командировки Репина подходил к концу, и ему уже было не до Хелуана. Сначала

я зашел в школу под названием «Бэби гарден». Директор школы, Камаль Габра, оказался и ее владельцем. О пансионе «Китти» он почти ничего не знал и посоветовал обратиться к директору детского сада, Фатхи Файяду. С ним мне повезло куда больше.

— Мадам Китти умерла в июле 1987 года, — уверенно заявил Файяд. — Похоронена здесь же, в Хелуане, в православном монастыре на окраине города. Хозяйка жила одна, но к ней частенько приезжал один русский, звали его Александр Флёров. Он работал в Луксоре с археологами. В 1985 году Флёров уехал из Египта в Америку, поселился в Чикаго. А вскоре после этого мадам Китти решила продать свою виллу.

Файяд достал из ящика письменного стола акт купли-продажи. Датирован он был 31 декабря 1985 года. За участок площадью 1275 квадратных метров и дом он, согласно акту, заплатил 65 750 египетских фунтов. Фунт в ту пору примерно равнялся доллару. По словам египтянина, деньги он перевел в Чикаго на имя Флёрова. Видно, хозяйка собиралась переехать к нему, да не успела.

— Сколько же лет было мадам Китти, когда она умерла? — спросил я Файяда.

— Давайте посчитаем, — ответил он. — Согласно документам, которые я видел при оформлении покупки, мадам Китти родилась в 1908 году в Стамбуле. Ну а умерла в 87-м. Значит, 79.

Так Екатерина Александровна родилась в Стамбуле! Как же я забыл — ведь Репин говорил мне, что она была приемной дочерью российского дипломата, работавшего в Турции. Когда началась Первая мировая война, он с семьей эвакуировался в Египет.

— А не осталось ли после смерти Китти каких книг или бумаг? — спросил я Файяда.

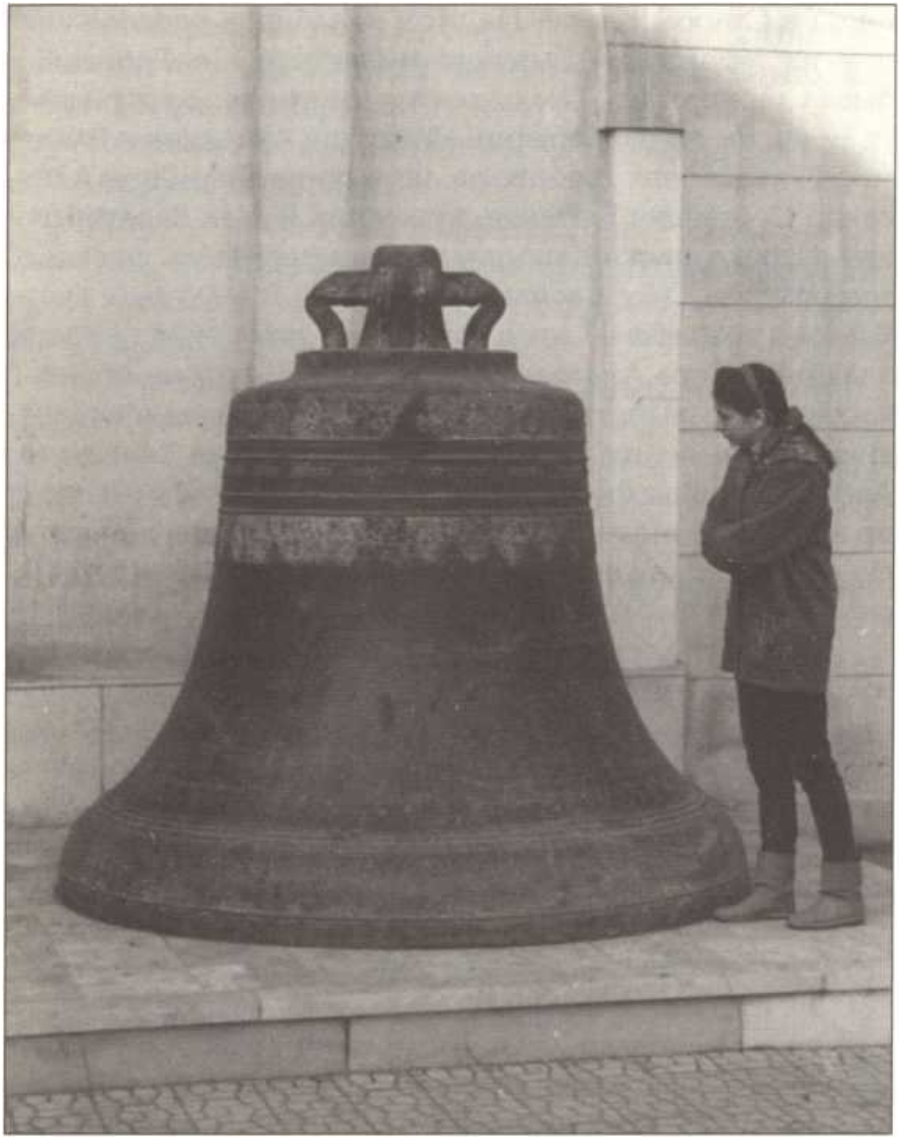
— Книги и бумаги оставались, надо было их куда-то девать — ведь старенькая вилла предназначалась на снос, а выбросить рука не поднималась. В конце концов я поехал в Эзбекие, к знаменитым каирским букинистам. Один из них приехал и за символические деньги выкупил книги.

Увы, случилось то же самое, что и после смерти Олега Волкова. А как много интересного могли бы рассказать документы! Взять, к примеру, Шаляпина. Действительно ли он останавливался в пансионе «Китти»? 1 февраля 1933 года великий певец давал концерт в Александрии, а 15 февраля — уже в Иерусалиме. В промежутке Федор Иванович побывал в Каире — об этом говорит его фотография с Беллиным. Было у 60-летнего певца время и на то, чтобы немного отдохнуть в Хелуане.

Простившись с Файядом, я решил попробовать найти могилу Екатерины Александровны. Опять пришлось бесконечно останавливаться, спрашивать прохожих, где находится христианское кладбище. Сначала мне показали католическое, а затем и православное, совсем небольшое. Я переходил от склепа к склепу, но никаких следов могилы мадам Китти так и не обнаружил. Может быть, владелец детского сада ошибся? Ведь русских эмигрантов хоронили обычно на греческом православном кладбище в Старом Каире. На этом кладбище, расположенном на территории бывшего монастыря Св. Георгия, я бывал десятки раз. Там покоятся многие герои этой книги — профессора Григорий Иванович Лукьянов и Владимир Михайлович Викентьев, помощник Билибина Александр Сергеевич Бибиков, художник Роман Владимирович Стрекаловский, последний председатель русского землячества Олег Васильевич Волков. В 1993 году скончалась в возрасте 87 лет и тоже была похоронена на этом кладбище Вера Анатольевна Агнаева. Но ни на стелах в часовне, где выбиты имена тех, кто покоится в коллективном склепе, ни в отдельных могилах имя Екатерины Александровны фон Шлипп — мадам Китти — я так и не нашел. Возможно, ее похоронили в Хелуане в чужом склепе, а так как она была одинока, то и табличку на могиле поставить было некому.

Поскольку русская эмигрантская община в начале 80-х годов прекратила свое существование — остались лишь отдельные ее немногочисленные представители, — за часовней в Старом Каире смотреть стало некому, и она начала приходить в упадок. Во время презентации книги в Российском культурном центре в Каире я предложил собравшимся пустить шапку по кругу и собрать денег на ремонт часовни. Но представители посольства заверили, что выделят на эти цели средства из своего бюджета. И действительно, год спустя часовня была отремонтирована.

Через несколько дней после моей второй поездки в Хелуан мы с женой отправились в Александрию, на презентацию книги в Российском культурном центре. Там, как и в Каире, тоже собралось порядочно людей. Пришла одна из героинь книги — Татьяна Николаевна Монти. Презентация была устроена вечером, так что мы заночевали в Александрии. А утром решили добродить по городу. И в узкой улочке Греческого патриархата сделали неожиданную находку, имеющую прямое отношение к книге. Но, прежде чем рассказать о ней, хотел бы сделать небольшое отступление.



Русский колокол у церкви Св. Саввы в Александрии

Египет был одной из первых стран, куда пришло зародившееся в соседней Палестине христианство. Центром его стала Александрия, тогдашняя столица страны. Основателем христианской общины Египта был сам святой Марк, евангелист. Он погиб от рук язычников в 68-м году. В середине V века Александрийская церковь раскололась. Собственно египтяне вошли в так называемую коптскую церковь монофизитского толка, создали свою патриархию. Иностранцы же,

преимущественно греки, объединились в православную церковь. Она стала господствующей в Византии, откуда позже пришла к нам, в Россию. Греческий папа и патриарх Александрийский и всей Африки считается в православной иерархии вторым по значению после Вселенского патриарха Константинопольского.

Обе церкви — и коптская, и греческая — представлены в Александрии интересными архитектурными памятниками. Главным греческим храмом считается патриарший собор Святого Саввы. Он был основан в 318 году на месте языческого храма, три века спустя разрушен землетрясением, отстроен заново и с тех пор почти не изменился. Возле этого собора и ожидал нас сюрприз.

Слева у входа в храм, на невысоком постаменте, мы увидели массивный колокол. Даже издали было ясно, что он русской работы. Подошли поближе. И обнаружили в нижней его части надпись по-русски: «Колокол отлит 1838 года июня месяца 25 числа, весом до 400 пуд». Так, прикинем: да это почти шесть с половиной тонн! И ростом колокол под два метра. «Император Николай, — продолжала надпись, — подарил из завоеванных у турков орудий на колокола для Измаильской Крестовоздвиженской церкви».

Измаил, город в устье Дуная, сначала генуэзская, а потом турецкая крепость, был два века назад на переднем крае противоборства России и Турции. В 1790 году русские войска под командованием Суворова взяли крепость, считавшуюся неприступной. Но к России Измаил отошел лишь в 1812 году, после еще одной войны. В ознаменование этого события в городе наверняка началось строительство православных церквей, а стало быть, понадобились и колокола; выплавить их из захваченных у противника пушек было, по-видимому, особенно символично.

В верхней части колокола мы увидели еще одну надпись: «Посвящается сей звучник памяти архистратига ходатая милости царской, Новороссийского генерал-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова». Генерал-фельдмаршал Воронцов (1782–1856) — крупный военный и государственный деятель. Он принимал активное участие в русско-турецкой войне 1828–1829 годов, ставшей неудачной для Турции. Русская армия разгромила турецкие войска в Болгарии и подошла к Константинополю. По Адрианопольскому мирному договору 1829 года к России отошло все устье Дуная.

У входа в собор сидел привратник. Я подошел, представился.

— Как попал сюда русский колокол? — спросил я старика.

— Не знаю, — ответил он. — Сколько себя помню, стоит здесь.

— А почему не на колокольне?

— Да вы приглядитесь к ней! Разве он там поместится! Недавно перестраивали колокольню, хотели было сделать побольше, чтобы повесить колокол, а потом решили: не будем! Ведь он весь город растревожит! А народ-то здесь — все больше мусульмане. Так вы русский? — переспросил меня привратник. Я утвердительно кивнул. — Тогда переведите мне, пожалуйста, что написано на колоколе. Только погодите, я сейчас тетрадь принесу.

Я перевел старику надпись. А ответ на вопрос, как оказался колокол в Александрии, вскоре отыскался, причем у меня же в корпункте.

Незадолго до этого Татьяна Николаевна Монти позвонила мне и сказала, что наконец разобрала квартиру покойных родителей и намерена вернуть ее хозяину. Там есть книги, которые ей не нужны. Если они меня интересуют, могу приехать и забрать. Я и забрал — все. Получился целый багажник. В Каире я набросился на книги. Были они в основном либо дореволюционные, либо изданные после революции за границей. Но попадались и советские издания, и я их на время отложил в сторону. А тут, перед отъездом в отпуск, решил окончательно разобрать свои трофеи. Среди них оказался «Журнал Московской патриархии» за октябрь 1978 года. Там я нашел статью представителя Московского патриархата при православном патриархе Александрийском протоиерея Иоанна Орлова. В ней рассказывалось об отношениях двух братских церквей, упоминался собор Святого Саввы и, к моей радости, колокол из Измаила, даже фотография его была помещена. Так вот, оказалось, что колокол был подарен в декабре 1955 года Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием. Очевидно, что на родине он остался не у дел. Видимо, подумал я, Крестовоздвиженская церковь в Измаиле была разрушена во время Великой Отечественной войны.

Но по какому случаю был сделан столь ценный подарок? В статье протоиерея Орлова об этом не говорилось. Может, юбилей был какой? И тут меня осенило: да ведь в этот год исполнилось 125 лет независимости Греции! Она скинула с себя турецкое господство благодаря победе русского оружия, через год после Адриано-польского мирного договора. Так что колокол, отлитый из захваченных в той войне турецких пушек, определенно был выбран специально. Как напоминание о роли России в освобождении Греции и защите православия. Ведь, как говорили в старину, «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать». Имея в виду, что после исчезновения Византии Россия навечно осталась

главной хранительницей православной веры. А Патриарху Александрийскому подарок был сделан потому, что он — высший духовный сан православных греков. В Греции нет своего патриарха, там, как и на Кипре, высшее духовное лицо — архиепископ.

Вскоре после поездки в Александрию мы отправились в Москву, в отпуск. Там меня ждал новый приятный сюрприз.

Готовя книгу к печати, я в 1992 году опубликовал статью о русских эмигрантах в Египте в двух номерах журнала «Азия и Африка сегодня». И оказалось, что эта публикация побудила к воспоминаниям еще одного моего старшего коллегу, сотрудника журнала Вадима Щенникова. В начале 70-х годов он тоже, как и Репин, работал в Египте — корреспондентом ТАСС. Просматривая апрельский номер журнала за 1994 год, я обнаружил там статью Щенникова о его прежних встречах с русскими эмигрантами. Ими как раз и оказались мадам Китти и Флеров. Сначала в Русском клубе на улице Имад эд-Дин автор познакомился с Александром Викторовичем. Он заведовал там библиотекой. А тот уже показал ему пансион «Китти» в Хелуане.

Щенников, в отличие от Репина, называет его хозяйку Екатериной Георгиевной, а не Екатериной Александровной. С ее слов утверждает, что в пансионе «Китти» долго жил замечательный английский писатель, автор «Пигмалиона» Джордж Бернард Шоу. Там он даже написал «Святую Иоанну» и «Андрокл и лев». По словам мадам Китти, приезжал в Хелуан поправить здоровье и Иван Яковлевич Билибин. А еще в этом курортном городке, напомнила она, лечилась в последние годы своей жизни выдающаяся украинская поэтесса Леся Украинка. Некоторые подробности об этом я узнал через два года из довольно-таки неожиданного источника — египетской газеты «Иджипшн мейл», выходящей на английском языке.

25 февраля 1996 года отмечалось 125-летие со дня рождения Леси Украинки. Юбилею и была посвящена статья в газете. Автором ее оказался вовсе не соотечественник поэтессы, а венгерский профессор-филолог Ева Какоши. С мужем-археологом она несколько лет прожила в Каире. По словам Какоши, четыре года подряд вплоть до своей безвременной кончины в 1915 году — поэтессе было всего 42 года — она приезжала в Хелуан, где лечилась от туберкулеза костей. Египетские мотивы и до этого звучали в творчестве Украинки, а после поездок в страну на Ниле они стали еще сильнее. «Тема Древнего Египта часто встречается в мировой литературе, — отмечала в статье профессор Какоши. — Достаточно упомянуть Шиллера, Шелли, Гете. Но никто не продемонстрировал такую любовь к египетскому народу, как Леся

Украинка».

Долгое время не было известно, где именно жила поэтесса в Хелуане. После публикации в 90-е годы ее писем выяснилось: Леся Украинка останавливалась в пансионе «Тауфик». Живущая в Венгрии племянница поэтессы, Фагоманова-Барати, при содействии Украинского культурного общества в Венгрии нашла виллу «Тауфик». Сейчас в ней размещается женский торговый колледж. А президент Венгрии Арпад Гонц, посетивший Египет в марте 1996 года, попросил у властей разрешение на установку на вилле мемориальной доски. Египтяне не возражали.

Прочитав статью, я позвонил в посольство Венгрии в Каире и попросил телефон Евы Какоши. Мне хотелось не пропустить церемонию открытия мемориальной доски. Но она уехала в Будапешт, по словам мужа, надолго. Он обещал сообщить мне о церемонии, но так и не позвонил. Сам же я звонить не стал. По тону разговора я понял, что присутствие российского журналиста на церемонии в Хелуане было бы для венгров нежелательным.

Два года спустя еще одна статья в египетской газете — на сей раз «Аль-Ахрам Уикли» — поведала о занесенной в Каир крупице русской истории и культуры. Речь в ней шла о подготовке к открытию музея в бывшем королевском дворце Абдин. Об экспозиции рассказывал генеральный секретарь Высшего совета древностей Египта профессор Габалла Али Габалла — кстати, бывший студент нашего профессора Викентьева.

Правители прошлого обожали личное оружие. Для них оно было не только символом власти. Изготовленные на заказ сабли, кинжалы, пистолеты, нередко украшенные золотом и драгоценными камнями, стоили бешеных денег, а стало быть, служили еще и символом богатства.

Египетская династия Мухаммеда Али, правившая страной с 1805 по 1952 год, не была в этом смысле исключением. Ее представители собрали богатейшую коллекцию личного оружия — целый музей. После ликвидации монархии коллекция эта много лет лежала мертвым грузом в бывшем королевском дворце Абдин в центре Каира.

Дворец Абдин был построен в 1872 году и уступает богатством архитектуры и роскошью разве что Версальскому дворцу французских королей. После революции 1952 года он стал президентским, но главы республиканского Египта — Насер, Садат и Мубарак — почти не пользовались им. Впрочем, часть дворца до сих пор занимают некоторые президентские службы. И вот постепенно созрело решение: превратить другую его часть в музей, выставить напоказ королевскую коллекцию оружия. А заодно добавить к ней еще несколько экспозиций: личные

собрания королей, столовое серебро, фарфор, хрусталь, подарки президенту Мубараку.

Рассказывая обо всем этом корреспонденту «Аль-Ахрам Уикли», профессор Габалла утверждал, что в коллекции музея есть сабля большой ценности, использовавшаяся при коронации русских царей. «Она была куплена королем Фаруком на одном из аукционов в Европе», — добавил он.

Открытие музея состоялось накануне Нового, 1999 года, а в начале января я отправился в Абдин. Посетителей в музее оказалось на удивление много. Почти все они были египтяне, а не иностранные туристы, как в большинстве местных музеев. Возможно, потому, что Абдин только что открылся, а его экспонаты рассказывают о недавнем прошлом, которым египтяне, в отличие от времен фараонов, интересуются гораздо больше. А может, дело было в том, что в школах как раз начались каникулы. Впрочем, школьников среди посетителей музея было не так много.

Толпа неторопливо перекатывалась из зала в зал, к некоторым витринам было трудно подойти. Но я методично осматривал экспонат за экспонатом, и в первой же витрине 3-го зала вроде бы нашел, что искал. Сабля выглядела довольно скромно — кривая, с костяной ручкой и серебряными накладками на ножнах. Пояснительная табличка гласила: «Турецкая сабля «шамшир», подарок Оттоманского султана русскому императору Николаю I, 1847 год».

Так вот она какая, сабля российских императоров! Но если, по мнению профессора Габаллы, она — очень ценный экспонат, то почему выглядит столь обычно и помещена в одной витрине с другими саблями?

Размышляя об этом, я продолжал осматривать витрину за витриной. Обнаружил, между прочим, пару старинных русских пистолетов — один с ручкой из слоновой кости в виде орла, другой, пятизарядный, в деревянной коробке со всеми своими аксессуарами. Увидел и более поздние творения русских оружейников — пистолет Токарева и автомат-пулемет Дегтярева. Позже я выяснил, что это подарки королю Фаруку от советского посольства в день его рождения.

На этом экспозиция военного музея закончилась, и я вместе с другими посетителями перешел в зал, где выставлены личные коллекции египетских королей. В первой же витрине в центре зала в гордом одиночестве красовался роскошный меч. Его золотые ножны были украшены драгоценными камнями и узорами, покрытыми цветной эмалью. «Меч правосудия и коронации, — гласила пояснительная табличка. — Изготовлен в

Германии в XVII веке, принадлежал российским императорам». Значит, именно его имел в виду профессор Габалла, а не саблю Николая I! По-арабски же и сабля, и меч, и даже шпага обозначаются одним словом — «сейф».

Как попал германский меч к российским императорам, объяснить нетрудно. Правителей двух стран связывало кровное родство. Достаточно вспомнить, что русская императрица Екатерина Великая была немкой. Как попал меч российских императоров к королю Фаруку, объяснил профессор Габалла. Но каким образом он оказался в Европе? Тут, полагаю, объяснение, скорее всего такое: меч, как тысячи других ценностей, был вывезен из России после Октябрьской революции кем-то из эмигрантов. Как это сделал с саблей атамана Фролова Василий Голенищев-Кутузов.

Но меч императора, в отличие от сабли военачальника, — национальное достояние. Место ему не во дворце Абдин, а в Оружейной палате в Кремле. Впрочем, возможно, что именно оттуда он и попал в Европу, — тем же путем, что и Синайский кодекс и масса других культурных ценностей, проданных в свое время Советским Союзом, чтобы получить средства на индустриализацию. Но хорошо хоть, что в конце концов меч оказался в музее, а не осел навечно в частной коллекции. Теперь его может посмотреть каждый, кто приедет в Каир.

Глава 22
Переводчик Тутанхамона

Весной 1996 года я познакомился в Каире с египтологом Элеонорой Кормышевой. Незадолго до этого она получила лицензию от Высшего совета древностей Египта на изучение скальной гробницы в Гизе, прямо под пирамидой Хеопса. Значит, впервые за более чем 30 лет в Египте будет работать российская археологическая экспедиция — с тех самых пор, как покойный ныне академик Борис Пиотровский обследовал в начале 60-х годов вместе с коллегами-археологами Вади Алляки на юге страны накануне частичного затопления долины водами Асуанского водохранилища. Факт, согласитесь, отрадный, особенно если учесть, что у российской египтологии — давние традиции, что среди отечественных ученых были такие выдающиеся люди, как профессор Владимир Голенищев.

Кормышева — доктор исторических наук, сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Но денег на экспедицию ни у института, ни у академии не было. Финансировать ее обещали спонсоры. Кормышева, как руководитель экспедиции, прилетела в Каир первой, чтобы как следует подготовиться к работе. Но за день до прилета двух других членов экспедиции — преподавателя МГУ Ольги Томашевич и сотрудника Института востоковедения Михаила Чегодаева — из Москвы пришло сообщение: спонсоры в деньгах отказали.

Кормышева была в отчаянии, но первый полевой сезон экспедиции все-таки состоялся. Помогли ей и египтяне, и сотрудники российских учреждений, и знакомые египтологи-иностранцы. Я же написал большой материал для «Труда», куда незадолго до этого перешел работать из «Правды», в котором не только рассказал об экспедиции и ее научном значении, но и пристыдил спонсоров. Кормышева купила несколько десятков экземпляров газеты с моей статьей, и с осени члены экспедиции стали искать новых спонсоров, неизменно вручая им экземпляр «Труда».

Помогло. Следующий полевой сезон, 1997 года, был уже полноценным, и в марте экспедиция собралась в Каире. Я познакомился с ее членами, подружился с ними.

В многочисленных разговорах с археологами не обошлось,

конечно, и без обсуждения достижений российской египтологии. Тут-то Томашевич и спросила:

— Володя, а что вам известно о профессоре Викентьеве?

Я признался, что очень немного, — лишь то, что рассказал о нем в предыдущих главах: много лет преподавал в Каирском университете, похоронен в «русском склепе» на греческом православном кладбище в Старом Каире. Как выяснилось, Томашевич собирала материалы для научного доклада о Викентьеве, и кое-что ей удалось найти в отечественных архивах — преимущественно о том времени, когда он еще жил в России. Тут уже я проявил живой интерес, и Томашевич обещала познакомить меня с докладом, когда он будет готов.

В январе следующего, 1998 года в Каир приехал на гастроли Государственный академический ансамбль народного танца под руководством Игоря Моисеева. Когда выступления ансамбля в Каирском оперном театре подходили к концу, я решил встретиться с великим маэстро.

Пока шел концерт, Игорь Александрович за сценой занимался любимым делом — играл в шахматы с кем-то из своих сотрудников. За пару дней до этого, 21 января, ему исполнилось 92 года, и египтяне под гром аплодисментов публики выкатили на сцену огромный торт со свечами. Я робко представился. Моисеев отложил шахматы, поправил свой неизменный берет и сказал:

— Ну что же, я к вашим услугам.

Первым дедом я спросил маэстро, бывал ли он раньше в Египте.

— Да, трижды, — ответил Игорь Александрович. — В первый раз — в 1957 году. Между прочим, познакомился тогда с интереснейшим человеком — египтологом Александром Николаевичем Пьянковым. Он ходил буквально на все наши концерты. Пьянков водил меня в Египетский музей, причем читал древнеегипетские иероглифы так же легко, как мы с вами читаем газету. Потом посоветовал обязательно съездить в Луксор, посмотреть гробницу Тутанхамона. Я его послушал. Ведь именно Пьянков расшифровал иероглифы в этой гробнице.

О Пьянкове я слышал и раньше, но знал о нем ровно столько, сколько было написано в солидном американском путеводителе по Египту «Блю гайд»: «Пьянков Александр, русский (1897–1966). Специализировался в области филологии и религии. Предложил новую концепцию понимания текстов в гробнице Тутанхамона».

— Как же Пьянков попал в Египет? — спросил я у Моисеева.

— Во время революции 1917 года он был во Франции, — ответил Игорь Александрович. — Когда начинается революция, то

обычно со всеми, кто находится за границей, происходит одно и то же. Это я слышал от многих. Они не поняли, что это революция, решили, что это просто какой-то военный бунт. Пройдет — и мы вернемся. Ну а позже Пьянков перебрался из Франции в любимый им Египет.

— И что, даже не думал вернуться на родину?

— Не только думал, но и мечтал, как многие эмигранты. Когда он просился, его не пускали. После смерти Сталина ему разрешили вернуться. Ведь такой ученый мог бы Россию только украсить. Но Александр Николаевич не поехал. «Я уже старый, я уже никому там не нужен, — говорил он мне. — Теперь уже перегорело все».

Рассказ Моисеева раззадорил меня, и я отправился в расположенный неподалеку от корпункта Немецкий археологический институт. Спросил о Пьянкове его директора, профессора Райнера Штадельмана.

— Пьянков был не просто хорошим ученым, — живо откликнулся Штадельман. — Он был выдающимся исследователем. Ему мы обязаны переводом и комментариями текстов, начертанных на стенах царских гробниц.

— А можно мне поискать в библиотеке института материалы о Пьянкове?

— Конечно!

В библиотеке я нашел многочисленные труды Пьянкова и несколько статей о нем. Они стали хорошим дополнением к тому, что рассказал мне Игорь Моисеев. Так сложилась стройная картина нелегкой судьбы русского ученого, оказавшегося не по своей воле вдали от Родины.

Александр Николаевич Пьянков родился в Санкт-Петербурге 18 октября 1897 года. Мальчишкой увидел в Эрмитаже выставленную там временно, до открытия Музея изящных искусств в Москве, коллекцию египетских древностей Голенищева — и «заболел» Древним Египтом на всю оставшуюся жизнь. Окончив гимназию, Пьянков поступил на восточный факультет Петербургского университета. Но вскоре Первая мировая война превратила его из студента в солдата. Вместе с русским экспедиционным корпусом Пьянков был переброшен во Францию. Там он и узнал о революционных событиях в России 1917 года.

Когда экспедиционный корпус распустили, Пьянков решил осуществить свою мечту — стать египтологом. Поступил в Сорбонну. Как отличному студенту ему предоставили в 1920 году стипендию в университете Берлина, где Пьянков изучал древнеегипетский язык у знаменитого филолога Эрмана. Спустя четыре года он вернулся в Париж. Начал готовить в Сорбонне

докторскую диссертацию, а параллельно выучил турецкий, арабский и персидский языки. После защиты диссертации в 1930 году Александр Николаевич был зачислен в Институт Византии в Париже.

Русский египтолог так и прожил бы, наверное, всю свою жизнь во Франции, где в 1936 году он получил гражданство, если бы еще одна мировая война вновь не изменила его судьбу. В 1939 году Пьянков был мобилизован во французскую армию, но через год уволен в запас по состоянию здоровья. Спасаясь от фашистской оккупации, он уехал в Египет — да так и остался там.

В Каире Пьянков поступил во Французский институт восточной археологии, где работал когда-то Голенищев. Вскоре он взялся за перевод текстов, начертанных на стенах царских гробниц. Эта работа сделала русского ученого знаменитым. Его предшественники пытались переводить эти тексты, опираясь только на филологические знания. Пьянков доказал, что познать их по-настоящему можно лишь в контексте религиозных верований древних египтян.

— Какая из работ Пьянкова наиболее известна? — спросил я профессора Штадельмана, когда библиотекарь положил мне на стол несколько книг Александра Николаевича.

— Вот эта, — ответил немецкий ученый, взяв в руки толстую, большого формата книгу в картонном чехле — «Саркофаги Тутанхамона». Издана в Нью-Йорке на английском языке в 1955 году. — Но хорошо известны и другие его труды, — продолжал Штадельман, перебирая книги. — «Гробница Рамсеса VI», «Пирамида Унаса», «Мифологические папирусы». Он хотел обобщить свои исследования в книге «Тексты пирамид», но не успел.

Летом 1966 года Пьянков поехал в Брюссель навестить родственников. Там он и скончался 20 июля от сердечного приступа.

«Надо было знать Александра Пьянкова, ценить всю прелесть бесед с ним, его разум, вечно занятый решением фундаментальных проблем, вечно направленный на поиск, на более широкое осмысление вселенной и человечества, которому он посвятил жизнь, чтобы понять, какого ученого мы потеряли, какого духовного богатства лишились», — писал о нем французский египтолог Франсуа Дома.

Пьянков был действительным членом Французской академии наук, получил за свои исследования серебряную медаль. Но, несмотря на столь лестное признание, он, по словам Дома, оставался простым и бескорыстным человеком. «Он был скромен

и не выносил, когда о нем говорили, и поэтому, быть может, многие прошли мимо него, не оценив», — писал французский ученый.

Игорь Александрович Моисеев оценил Пьянкова — и рассказал мне о нем. Ну а я посчитал своим долгом по возможности дополнить этот рассказ и представить его читателям, ибо Александр Николаевич Пьянков остался в памяти своих коллег русским ученым, и было бы несправедливо и непростительно, если бы о нем не узнали наконец соотечественники.

Как, впрочем, и о Владимире Михайловиче Викентьеве — русском профессоре египтологии Каирского университета. Генеральный секретарь Высшего совета древностей Египта профессор Габалла Али Габалла был учеником Викентьева, как и предшественник Габаллы на этом посту профессор Али Хасан. Причем оба очень хорошо отзывались о своем покойном учителе — и как о преподавателе, и как о человеке.

Но, судя по всему, Викентьев был человеком иного склада, чем Пьянков: несмотря на то что он опубликовал 47 научных работ, его с молодости больше тянуло к преподаванию, чем к исследованиям. По крайней мере такой вывод я сделал, когда внимательно ознакомился с докладом Ольги Томашевич о Викентьеве. Точнее даже, не с докладом, а с обширной и подробной статьей, основанной на отечественных архивных материалах. Из этой статьи я узнал следующее.

Владимир Михайлович Викентьев родился в Костроме 6 июля 1882 года. В отличие от Голенищева и Пьянкова, он увлекся египтологией довольно поздно, когда ему было уже за двадцать. До этого же с отличием окончил Московское коммерческое училище, короткое время был студентом Лесного института, потом Политехнического, а затем и Сельскохозяйственного. Прежде чем поступить на историко-филологический факультет Московского университета, Викентьев отправился за границу. В 1906–1907 годах он семь месяцев изучал древнеегипетские памятники Лувра и год — Британского музея. В 1910 году Владимир Михайлович вновь уехал за границу, на этот раз в Берлин, к знаменитому египтологу Эрману, у которого позже учился и Пьянков. И лишь в 1915 году, в возрасте 33 лет, окончил Московский университет.

Работать Викентьев пошел помощником хранителя восточных коллекций Исторического музея — были в нем тогда такие коллекции. Параллельно занимался переводом древнеегипетских текстов, но еще больше — просвещением. Он был одним из основателей кружка по изучению древних культур. И когда! В

июне 1917 года! Через год кружок был преобразован в общество. И в том же 1918 году по инициативе Викентьева на базе Исторического музея в Москве был создан Музей-институт классического Востока. «Русскому самосознанию ближе Восток, чем Запад, и по существу, и исторически, — писал Владимир Михайлович в направленной им в Наркомпрос объяснительной записке к проекту создания музея-института. — Но до сих пор Восток воспринимается нами почти исключительно сквозь призму чувства и в виде мусульманского средневековья. Восходя несколькими своими истоками через Византию и Библию к древнейшим цивилизациям Сенаара и Нила, мы тем не менее способны все еще с удивлением вопрошать: «Что нам Египет?» и «Что нам Вавилон?»

Нелепость подобной ситуации была для Викентьева очевидна, и он хотел исправить ее. Кроме того, в России было несколько крупных историков-востоковедов, но не было единой востоковедческой школы. Проект Владимира Михайловича призван был исправить и это упущение. И, представьте себе, в разгар Гражданской войны он был принят! Правда, штат у музея-института был скромный — всего пять человек, включая самого Викентьева, но в конце 1918 года новое учреждение было создано и вскоре начало работать. Там читались лекции, преподавались древние языки. Пополнялась коллекция музея-института, превысившая вскоре четыре тысячи единиц хранения, комплектовалась библиотека. Велась и научная работа. Так, известный художник и искусствовед Игорь Грабарь провел экспертизу расписных деревянных саркофагов. Примечательно, что в технике древнеегипетской живописи Грабарь нашел сходство с древнерусской.

Но масштабы деятельности музея-института оставались все же скромными. Чтобы развернуться как следует, Викентьеву не хватало знаний, книг и связей с зарубежными египтологами. Он начал добиваться в Нарком-просе длительной командировки за границу. И в конце 1922 года добился своего. Полгода Владимир Михайлович провел в Берлине, затем перебрался в Париж. «Этим заканчивается подготовительная стадия моей командировки, основное задание которой — поездка и работа в Египте, — писал он 7 сентября 1923 года в отчете о командировке. — Интерес и важность этой последней особенно усиливается теперь благодаря беспримерному в своем роде открытию гробницы Тутанхамона». Напомню: гробница эта была обнаружена английским археологом Говардом Картером в Долине царей близ Луксора в ноябре 1922 года вместе со всеми ее многочисленными сокровищами. И поныне она — единственная царская гробница, найденная не

разграбленной.

20 ноября 1923 года исполнилась мечта Викентьева. Опытный египтолог, которому пошел уже 42-й год, впервые приехал в Египет. Ничто, казалось, не предвещало того, что на родину Владимир Михайлович уже не вернется, что в Стране фараонов ему предстоит остаться навечно. По крайней мере Ольга Томашевич не нашла в архивах никаких намеков на то, что под предлогом научной командировки Викентьев собирался эмигрировать.

В начале 1924 года Наркомпрос принял решение объединить коллекции восточных древностей, разместить их в Музее изящных искусств и назначить Викентьева заведующим отделом Древнего Востока. Узнав о новом назначении, Владимир Михайлович написал в Москву: надо ли ему срочно возвращаться или можно еще какое-то время продолжать научную работу в Египте? Сначала ему сообщили, что необходимости срочно возвращаться нет. Но в августе того же года руководство Музея изящных искусств предложило Викентьеву вернуться. Для этого ему нужны были деньги на дорогу и разрешение на въезд в СССР. Запросили начальство.

В ожидании ответа по протекции профессора Голенищева Викентьев начал читать лекции по древнеегипетской филологии в Каирском институте археологии. «Я встретил полное научное содействие со стороны нашего великого египтолога-лингвиста Вл. Сем. Голенищева, — писал Владимир Михайлович другу 30 мая 1924 года. — Я прослушал и целиком зафиксировал курс египетского языка, впервые прочитанный им в эту зиму в здешнем университете и представляющий собой изложение совершенно самостоятельно построенной египетской грамматики, существенно отличающейся в некоторых пунктах от грамматики Эрмана».

Ответ из Москвы наконец пришел, но совсем не такой, какого ждал Викентьев. С 1 февраля 1926 года его уволили из Музея изящных искусств. Почему так произошло? Ответа на этот вопрос Ольга Томашевич не нашла, видно, его хранят совсем другие архивы… В октябре 1999 года вместе с группой аккредитованных в Каире иностранных журналистов я отправился по приглашению Европейской комиссии — исполнительного органа Европейского союза — в Европу. Первой остановкой должен был стать Брюссель, где расположены основные учреждения Европейской комиссии. Именно в этом городе скончался Александр Пьянков, там он, должно быть, и похоронен. Я решил использовать эту поездку, чтобы попробовать найти могилу Пьянкова. Тем более что было кому мне помочь: в Брюсселе давно работал хорошо

знакомый мне коллега, корреспондент «Труда» Никита Шевцов.

Я полагал, что, как и в Египте, русских в Бельгии хоронят на православных кладбищах. Вряд ли в Брюсселе их много — одно, максимум два. Ведь подавляющее большинство бельгийцев — католики. Но Шевцов меня разочаровал. «Здесь не принято делить кладбища по христианским конфессиям, — сказал он. — Хоронят вместе и католиков, и православных. А вот отпевают, конечно, по отдельности».

В Брюсселе есть русский православный храм, и мы отправились туда. Принадлежит он Русской православной церкви за границей. Храм возведен в 50-е годы в лучших традициях древнерусской архитектуры. Кстати, в состав созданной еще до Второй мировой войны комиссии по выбору лучшего проекта храма входил Иван Билибин. Но настоятеля храма — отца Николая, живущего при церкви, — на месте не оказалось. В этот и на следующий день мы звонили ему несколько раз, но общались лишь с автоответчиком.

Тогда Шевцов предложил съездить на самое престижное из брюссельских кладбищ, что-то вроде нашего Новодевичьего. Пьянков был ученым с мировым именем, и его вполне могли похоронить там. В кладбищенской конторе на каждый год заведена отдельная книга, разбитая, как телефонный справочник, по алфавиту. Так что найти нужную фамилию не представляет труда. Только вот Александра Пьянкова в книге за 1966 год мы так и не нашли.

Что делать дальше? Шевцов предложил два варианта. Во-первых, сходить еще в греческую православную церковь, ее, как и в Египте, тоже посещают русские. Во-вторых, поговорить с нашими эмигрантами старшего поколения. Увы, ни на то, ни на другое времени у меня уже не было: рано утром следующего дня наша группа должна была покинуть Брюссель и отправиться в Люксембург.

Глава 23
Мастер от Фаберже

В марте 1999 года мне позвонил атташе по культуре российского посольства в Египте Олег Левин.

— Владимир, вы не могли бы зайти в посольство? Хотел бы с вами посоветоваться.

В посольстве Левин показал мне пришедшее по факсу письмо следующего содержания.

> «Чрезвычайному и Полномочному Послу России в Египте господину Гудеву Владимиру Викторовичу.
>
> Многоуважаемый господин Посол!
>
> Изучая историю фирмы Фаберже, я установила, что один из ведущих скульпторов фирмы, Борис Оскарович Фредман-Клюзель (1878 — после 1952), проживал и работал в качестве профессора Национальной академии художеств в Каире в 1927–1952 гг. Я готовлю новую книгу «Большая семья Фаберже» (мой прадед — Карл Густавович Фаберже) и была бы очень благодарна Вам, если бы Вы могли помочь уточнить некоторые вопросы».

Дальше шли несколько вопросов и подпись: Татьяна Фаберже.

— Понимаете, — сказал Левин, — никто в посольстве ничего не знает об этом Фредмане-Клюзеле. Может, вам что-то известно?

Имя я это слышал. Десять лет назад, когда я начал собирать материалы о Билибине, пожилой критик Эми Азар говорил мне, что даже писал когда-то о Фредмане-Клюзеле. Но тогда я не знал, что он был одним из ведущих скульпторов знаменитой фирмы Фаберже, и потому не обратил на слова Азара особого внимания.

— Попробую помочь правнучке Фаберже, — сказал я Левину. — Так ей и сообщите. Но это, конечно, потребует времени.

Самое простое — найти книгу. И я в очередной раз отправился в национальную библиотеку «Дар аль-кутуб». Но не тут-то было! В свое время Эми Азар не дал мне своей визитной карточки, а по-арабски его имя и фамилия могут писаться в нескольких вариантах. К тому же я не знал названия книги. Начал с алфавитного каталога — ничего похожего. Потом в тематическом каталоге просмотрел названия всех книг по скульптуре. И опять ничего.

Ладно, значит, надо идти другим путем. Схожу-ка я в выставочный комплекс «Эхнатон». Может, у них есть своя библиотека, а возможно, и узнаю о судьбе Эми Азара. Жив ли он, здоров? Если да, то обращусь прямо к нему. Адрес Азара где-то был у меня записан, но телефона дома у него не было.

Директор «Эхнатона», мадам Фаузия, меня разочаровала. Библиотеки в комплексе нет, о Фредмане-Клюзеле она не слышала, и об Эми Азаре ничего не знает. Посоветовала обратиться к директору Музея современного искусства Сарвату аль-Бахру.

Прежде чем связаться с директором, я побродил по музею. Когда-то Эми Азар говорил мне, что работы Фредмана-Клюзеля есть в каирских музеях. Может, и есть, но только не в этом. Сарват аль-Бахр о русском скульпторе тоже ничего не знал. Он, в свою очередь, посоветовал мне поговорить с известной художницей, немолодой уже Газбийей Сирри.

О Фредмане-Клюзеле мадам Сирри не слышала, зато сказала, что Эми Азар жив, но тяжело болен и находится в больнице в Гелиополисе. Беспокоить старика не стоит. В заключение разговора я получил еще один совет: связаться с председателем Союза художников Египта Хусейном аль-Гибали.

На этом я временно прервал поиски, поскольку наступила пора летнего отпуска. Вернувшись в сентябре в Каир, я стал искать аль-Гибали и после нескольких неудачных звонков нашел его.

— Нет, мистер Владимир, — ответил собеседник, такое имя — Фредман-Клюзель — мне незнакомо. Говорите, узнали о нем от Эми Азара? А что, он еще жив? Я уже лет пять о нем ничего не слышал!

— В начале лета был жив, — ответил я. — По крайней мере мне так сказала Газбийя Сирри.

— Да ему уже года 82, не меньше! В общем, советую вам поговорить с ректором Академии изящных искусств профессором Фаузи Фахми.

Дозвониться до профессора Фахми оказалось совершенно невозможным. То его нет, то проводит совещание, то телефон занят наглухо. Когда я уже порядком надоел секретарше ректора, она подозвала к телефону его помощника, доктора Махрана. Узнав, кто я, он моментально перешел на русский: учился когда-то в Советском Союзе. — Библиотека у нас есть, — сказал доктор Махран, — но книг по скульптуре, скорее всего, в ней нет. Дело в том, что скульптуру, как и живопись, в академии не преподают — только музыку, кино, театр и балет. А живопись и скульптура — это то ли в Каирском, то ли в Хелуанском университете. Но я все-

таки посмотрю в библиотеке. Перезвоните мне, пожалуйста, дня через три.

Я добросовестно перезвонил, но ответ — увы! — вновь был отрицательным. Стал размышлять, как бы мне побыстрее выйти на деканов соответствующих факультетов в двух университетах. Запросить встречи с ними официально, через пресс-центр, где аккредитованы иностранные журналисты, — дело долгое и хлопотное. А я спешил. Ведь с того времени, когда Татьяна Фаберже направила письмо нашему послу, прошло уже больше полугода, и мне было неудобно перед ней.

Тут я вспомнил, что кто-то из моих знакомых кончал факультет изящных искусств Каирского университета. Да, точно, это Магди Изеддин, молодой художник-дизайнер, с которым мы выпускали в 1996 году первый путеводитель по Египту на русском языке по заказу египетского министерства туризма.

Магди дома не оказалось. Ладно, позвоню потом. А сейчас пора ехать в Российский культурный центр.

Там открывается интересная выставка работ мастеров из знаменитого дагестанского аула Кубани.

На выставках такого рода, а они проводятся регулярно, народу обычно бывает немного. Но зато приходят специалисты и знатоки. Так было и на этот раз. Среди приглашенных на выставку оказался доктор Халед Эвейс, преподаватель факультета прикладного искусства Хелуанского университета — одного из пяти расположенных в Каире университетов. На этом факультете как раз и изучают скульптуру. Правда, у доктора Эвейса другая специализация — фотография, кино и телевидение. Но когда я рассказал ему о возникшей у меня проблеме с книгой, мой новый знакомый обещал помочь — поговорить со своими коллегами-скульпторами. Попросил на это пять дней.

Магди я решил пока не звонить, тем более что доктор Эвейс уверенно сказал: скульптуру преподают только у нас. Зато позвонил в Александрию Татьяне Николаевне Монти. Фредман-Клюзель наверняка был заметной фигурой среди русских эмигрантов, так что Монти вполне могла быть с ним знакома, даже несмотря на очень солидную разницу в возрасте. К моему удивлению, Татьяна Николаевна ответила, что такого имени не слыхала. «Может, потому, — добавила она, — что я всю жизнь прожила в Александрии, а он жил в Каире».

Подошло время звонить доктору Эвейсу. Он бодро заверил меня, что пожилой профессор скульптуры обещал ему через три дня принести книгу. Когда же я позвонил через три дня, Эвейс сказал, что профессор книгу забыл, но твердо обещал принести ее на следующей неделе.

На следующей же неделе я вместе с группой иностранных журналистов, аккредитованных в Каире, должен был по приглашению Европейской комиссии — исполнительного органа Европейского союза — посетить ее учреждения, расположенные в Брюсселе, Люксембурге и Страсбурге. Завершить поездку должна была встреча в Париже с бывшим Генеральным секретарем ООН доктором Бутросом Бутросом Гали. И тут у меня мелькнула мысль: а ведь Татьяна Фаберже наверняка живет недалеко от Парижа! Вот бы мне с ней встретиться! И, воодушевленный этой идеей, я отправил правнучке великого мастера по факсу предложение о встрече в Париже.

Ответ Татьяны Федоровны обескуражил меня. Оказалось, что она живет совсем на другом конце Франции — у границы Швейцарии, недалеко от Женевы. Я бросился к карте и обнаружил, что Страсбург значительно ближе к Женеве, чем Париж. Пожалуй, в один из двух дней пребывания в Страсбурге я мог бы съездить к Фаберже. Тем более что представитель России в находящейся в Страсбурге штаб-квартире Совета Европы — мой сокурсник и приятель Андрей Валентинович Вдовин. Он наверняка поможет мне организовать эту поездку, а может, и сам захочет принять в ней участие. И я отправил еще один факс Фаберже.

Вместо письменного ответа Татьяна Федоровна просто позвонила мне. Страсбург от нее действительно поближе, чем Париж, но ненамного, и сообщение с ним неудобное. Так что на этот раз повидаться нам не удастся. Зато мадам Фаберже сказала, что уже отправила мне почтой ксерокопии тех страниц книги «Фаберже и петербургские ювелиры», где рассказывается о докаирском периоде жизни Фредмана-Клюзеля. Так что, несмотря на легкое разочарование от того, что встретиться с мадам Фаберже мне не удастся, в Европу я полетел в хорошем настроении.

Вернувшись в Каир, я нашел в почтовом ящике пакет. Книга, главу из которой прислала мне Татьяна Федоровна, была издана в Санкт-Петербурге в 1997 году, к 150-летию со дня рождения ее прадеда, основателя фирмы Карла Фаберже. Авторов, кроме самой мадам Фаберже, еще двое — А. С. Горыня и В. В. Скурлов. Обширную главу о Фредмане-Клюзеле написал Скурлов. Впрочем, данных о жизни и творчестве самого Бориса Оскаровича оказалось в ней не так уж много. Куда больше о том, какое место в работе фирмы Фаберже занимала скульптура.

Итак, Борис Оскарович Фредман-Клюзель родился в Петербурге 27 апреля 1878 года. Отец его, Оскар-Карл Фредман, по национальности был шведом, мать, Наталья Клюзель, по

отцовской линии имела французские корни. Но оба считали себя русскими, как впоследствии и их сын Борис. Отец его был купцом 2-й гильдии и торговал в Гостином дворе. В 16 лет будущий скульптор поступил в художественное училище, но за год до его окончания, в 1897 году, отправился в Стокгольм, заканчивать свое образование в Королевской академии изящных искусств. Там он два года как раз и изучал скульптуру.

О последующих восьми годах жизни Фредмана-Клюзеля известно очень немного: работал в театре, давал частные уроки. С 1907 года он начал получать заказы от фирмы Фаберже. К тому времени Борис Оскарович уже был хорошо известен как талантливый скульптор-анималист: он лепил модели лошадей для музея гвардейского Павловского полка. И вот тут-то и наступил его звездный час.

Фирма Фаберже была хорошо известна в Европе не только качеством своих изделий, но и тем, что все они были штучными, выполненными, как правило, только в одном экземпляре. И вот король Англии Эдуард VII обратился к Фаберже с просьбой командировать к нему скульптора, чтобы увековечить его любимых домашних животных. Выбор пал на Фредмана-Клюзеля.

Конец 1907 года Борис Оскарович провел в Англии. Он вылепил там 20 восковых фигур животных — лошадей, пони, осликов, собак. Работу принял сам король. Восковки были отправлены в Петербург, где мастера Фаберже вырезали фигурки из камня. Одна восковка, любимого скакуна короля Персимона, была отправлена в Москву, где фигурку отлили в серебре. Все они были потом куплены его величеством.

Позднее Фредман-Клюзель принимал участие в создании популярной серии каменных фигурок «Русские типы». Доподлинно известно, что он создал «Маляра» и «Попа», а возможно, и некоторые другие из 55 известных фигурок этой серии.

И, наконец, балет. Фредман-Клюзель очень любил его и вылепил около 60 статуэток артистов балета, в том числе таких знаменитых, как Павлова и Кшесинская, В книге есть такая фотография: Анна Павлова позирует Борису Оскаровичу. В 1915 году он даже сделал слепок ее ноги. Отлитая в бронзе, она затем была приобретена Британским музеем в Лондоне. Вторая отливка с этого слепка находится в Государственном музее театра и музыкального искусства в Петербурге.

В начале 20-х годов Фредман-Клюзель эмигрировал в Париж. Там он до 1928 года работал профессором Школы прикладных искусств, а затем уехал в Каир. Почему — так и осталось неясным. Может, из-за того, что в Европе разразился жестокий

экономический кризис, а в Каире ему предложили хорошее место. А может, просто в поисках новых впечатлений, так нужных любому художнику.

Прочитав статью, я начал опять звонить доктору Эвейсу. Договорились, что я приеду к нему на факультет. Познакомлюсь с преподавателями кафедры скульптуры, покопаюсь в библиотеке.

Добрые полдня, проведенные в библиотеке факультета прикладных искусств Хелуанского университета, не дали ровным счетом ничего. Каталога в нашем понимании там не оказалось, и мне разрешили просто просмотреть все книги в разделе «Скульптура». Затем я перешел к гораздо более обширному разделу — «История искусства». И опять желанной книги я не нашел. Зато меня порадовали на кафедре скульптуры: одному из ее преподавателей, Махмуду Багори, хорошо за 80, и он наверняка помнит Фредман-Клюзеля. Самого Багори в этот день не было. Я взял его телефон и вечером позвонил ему домой.

— Фредман-Клюзель? — переспросил старик. — Конечно, знал, и очень хорошо! Приходите послезавтра на факультет — я вам о нем расскажу.

Багори — он родился в 1915 году — оказался маленьким, не по годам энергичным человеком. За воспоминания принялся с энтузиазмом.

— Клюзель жил в районе Эзбекия, в доме номер 9 по улице Генина, — начал он свой рассказ. — Там у него была и студия. Борис не был женат, его хозяйством занималась экономка, мадам Кара. Кажется, она была француженкой. Работал он профессором на факультете изящных искусств Каирского университета — года до 1945 или 1946-го, точно не помню. Потом вышел на пенсию. Мы дружили добрых полтора десятка лет, я часто бывал у него дома, даже иной раз помогал ему в работе. Обычно Клюзель лепил 4–5 вариантов одной скульптуры, потом выбирал лучший, а на остальных показывал, какие сделал ошибки. Работая, он очень иного курил — одну сигарету за другой. Неплохо говорил по-арабски. Когда его спрашивали, уже после выхода на пенсию, почему он остался в Каире, то всегда отвечал: «Я люблю Египет, зачем же мне отсюда уезжать?»

— А вы помните, в каком году ваш друг умер, где похоронен? — спросил я Багори.

— Нет, не помню, — ответил старик. — Где-то в начале 50-х годов. Знаю только, что после его смерти мадам Кара забрала из квартиры и студии все. А куда дела, не знаю.

— Ну, а какой эпизод из жизни Клюзеля вам особенно запомнился?

— С бюстом Нагиба Харабли. Было это в конце 40-х годов.

Харабли, министр образования, заказал Клюзелю свой бюст. Тот выполнил его в гипсе и принес показать помощнику министра. «И сколько это стоит?» — спросил помощник. «Пятьсот фунтов», — ответил Клюзель. «Пятьсот фунтов? — удивился помощник. — Да ведь это просто гипс!» Клюзель взорвался. Он выхватил из кармана нож и два раза крестом резанул по бюсту. «Гипс-то стоит всего 10 пиастров, — сказал он. — А искусство — миллион». Так министр и остался без бюста.

— Скажите, а кто из известных скульпторов был учеником Клюзеля?

— Да почти все мои ровесники! — ответил Багори. — Гамаль Сегини, Абдель Кадер Ризк, Абдель Хамид Хамди, Мустафа Метавалли, Мустафа Нагиб, Ахмед Осман — он был основателем и первым деканом факультета изящных искусств Александрийского университета. Правда, никого из них уже нет в живых.

— Слышали ли вы о книге Эми Азара про Фредмана-Клюзеля?

— Про книгу не слышал, а самого Азара хорошо знаю. Вам надо обязательно побывать на факультете изящных искусств на Замалеке, — убежденно продолжал Багори. — Декан факультета, профессор Хазем Фатхалла, мой знакомый. Хотите, я сам договорюсь с деканом о встрече?

— Конечно, хочу!

— Тогда я вам позвоню дня через два-три.

Профессор Фатхалла такого имени — Фредман-Клюзель — не слыхал. Но когда я рассказал, что знал, о русском скульпторе, работавшем более полувека назад на его факультете, предложил:

— Давайте я позвоню Хусейну Бикару. Это известный художник, старик, ему уже за 80. Может, он что знает про вашего Клюзеля.

Декан не ошибся. Бикар был хорошо знаком с Борисом Оскаровичем. Я попросил у профессора трубку.

— Фредман-Клюзель был первым заведующим кафедрой скульптуры на факультете, — уверенно сказал Бикар. — Это был мастер высокого класса.

— А не попадалась ли вам книга Эми Азара о нем? — спросил я старика.

— Нет, не попадалась, — ответил он.

Договорились о встрече — наверняка художник вспомнит какие-то подробности жизни Фредмана-Клюзеля, как это было с Багори.

Квартиру Бикара я нашел легко, она оказалась совсем недалеко от нашего корпункта. Тесные комнаты с высокими

потолками были завешаны картинами, по большей части портретами разных размеров и стилей. 86-летний художник пригласил меня в гостиную, где над белым пианино висел портрет Бетховена, и начал рассказывать.

— Я был одним из девяти первых выпускников факультета изящных искусств Каирского университета. Было это в 1933 году. В качестве дипломной работы каждый из нас должен был представить комиссии картину, причем анонимно, под номером. Я нарисовал портрет крестьянина-феллаха. Я уже неплохо рисовал, портрет мне нравился, и я был уверен, что получу за него «пятерку». И вдруг председатель комиссии говорит: «Номер 424 — три с минусом». Это был мой номер, и я очень расстроился.

Тут в комнату, где проходило заседание комиссии, вошел Клюзель. Все уже знали, что он не только великолепный скульптор, но и отличный портретист. Клюзель посмотрел дипломные работы и остановился возле моего феллаха. «Чья это работа под номером 424?» — спросил он. Я ответил, что моя. «Прекрасно, молодой человек! — сказал он. — Можно я заберу этот портрет себе?» Я был счастлив и, конечно, разрешил Клюзелю взять портрет.

— С тех пор, — продолжал старик, — я часто приходил к Клюзелю, советовался с ним. Даже побывать в его квартире — и то было очень интересно. Она представляла собой настоящий музей. Однажды Клюзель попросил меня написать его портрет. Я с молодой горячностью взялся за эту почетную работу. Клюзель подсказывал мне, что надо переделать. Наконец портрет был готов и был вывешен на стене у него в мастерской.

— Вот бы знать, где сейчас этот портрет! — с тоской в голосе воскликнул я.

— Да он здесь, у меня! — ответил Бикар.

— Как это? — искренне удивился я.

— Да вот так, — ответил старик. — Когда вещи Клюзеля после его смерти распродавали, я увидел в каталоге: «Портрет Клюзеля работы Бикара — 5 фунтов». Я и выкупил его.

Старик отправился в соседнюю комнату и через пару минут вернулся оттуда с портретом. На меня вполоборота внимательно смотрел интеллигентный, немного грустный человек средних лет. Если судить по иллюстрациям к книге «Большая семья Фаберже», египетскому художнику удалось передать характерные черты Фредмана-Клюзеля. В левом нижнем углу портрета стояла подпись Бикара и дата — 1938 год.

— А нет ли у вас фотографии Клюзеля? — спросил я.

— Была где-то, и очень хорошая, да затерялась.

— Как вы думаете, где могут быть работы Клюзеля?

— Главным образом, конечно, в частных коллекциях, — ответил старик. — Помнится, они были еще в художественном музее на площади Тахрир, но лет двадцать назад музей ликвидировали, виллу, где он находился, снесли. По-видимому, надо искать в запасниках. У меня есть одна книга Азара, о египетских художниках, — добавил Бикар. — Хотите посмотреть?

Я утвердительно кивнул. Старик унес портрет Фредмана-Клюзеля и принес довольно толстую книгу. Она была напечатана еще в 1961 году, причем на французском языке.

— Странно, что книга на французском! — воскликнул я.

— Да ничего странного, — ответил Бикар. — Азар кончил Сорбонну, долго жил в Париже. Он вообще предпочитал писать по-французски.

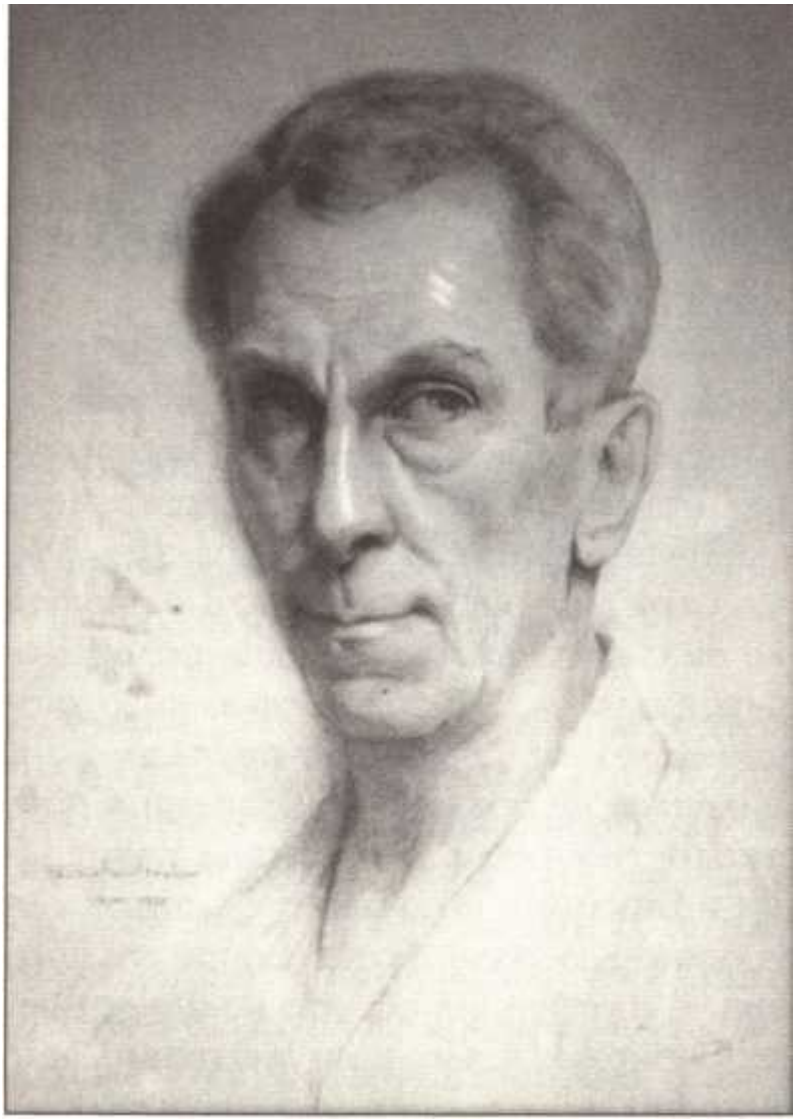
Так вот почему я до сих пор не нашел его книгу про Фредмана-Клюзеля! Ведь я был убежден, что она написана по-арабски, и смотрел в каталогах и на полках только издания на арабском языке!

Я сердечно поблагодарил старого художника и твердо решил: надо опять ехать в национальную библиотеку «Дар аль-кутуб».

На другой день я уже был там. Но меня опять ждало разочарование. Каталог книг на иностранных языках наконец-то вносили в компьютер, и он оказался недостижим на несколько месяцев вперед. В зале же книг по искусству я нашел лишь ту книгу Азара, что показывал мне Бикар. Просмотрев ее еще раз, более внимательно, я сделал маленькое открытие: в конце книги оказалась библиография, а в ней — названия одиннадцати предыдущих книг Азара, все — на французском языке. Одна из них, изданная в 1955 году, называлась «Иностранные художники в Египте». Не в ней ли писал Азар о Фредмане-Клюзеле? Только вот где найти эту книгу? Может, на факультете изящных искусств?

Профессор Фатхалла был на месте. Я попросил у него разрешения покопаться в факультетской библиотеке. Декан позвонил по телефону, и, когда я вошел в читальный зал, меня уже ждали. Но ни одной книги Азара библиотекарша найти так и не смогла. В утешение мадам Амира принесла несколько книг по истории современного египетского изобразительного искусства. В одной из них я нашел подтверждение словам Бикара: в несуществующем ныне художественном музее на площади Тахрир действительно были работы Фредмана-Клюзеля. Только вот какие — в книге не говорилось. Открылся музей в 1940 году, а ликвидировали его в 1965-м. Было в этой книге и еще одно упоминание о Борисе Оскаровиче: в 1937 году на посту

заведующего кафедрой скульптуры его сменил его же ученик — Ахмед Осман. По-видимому, с тех пор Фредман-Клюзель просто занимал должность профессора.



Хусеин Бикар. Портрет Б. О. Фредмана-Клюзеля. 1938 г

Пока я просматривал книги, мадам Амира принесла мне довольна увесистый том в ледериновом переплете. Это оказалась подшивка ежемесячного журнала «Саут аль-фаннан» («Голос художника») за 1952 год. Журнал выходил на арабском языке, но в каждом его номере были две-три статьи, написанные по-

французски. Многие из них принадлежали перу Эми Азара. Были среди материалов журнала и статьи, посвященные иностранным деятелям искусства.

И тут я вдруг подумал: а может, Азар, когда говорил мне, что писал о Фредмане-Клюзеле, как раз и имел в виду такую журнальную статью? Помнится, я еще удивился, когда он сказал, что этой работы нет в его домашней библиотеке. Книги, как каждый автор, Азар наверняка держал у себя на полке. Другое дело — журналы, тем более изданные десятилетия назад.

Но проверить сразу свою догадку я не смог. В библиотеке прозвенел звонок, и, хотя был всего час дня, читатели начали сдавать книги. Дело было в Рамадан, месяц мусульманского поста, когда все в Египте работают вполсилы. Мадам Амира любезно пригласила прийти еще. Что я и сделал дня через три, но результат опять равнялся нулю. В библиотеке оказалась лишь еще одна подшивка журнала «Саут аль-фаннан» за 1950 год, но никакого упоминания о Фредмане-Клюзеле в журналах не было.

Признаться, я надеялся на большее, и благодаря Азару оно казалось легкодостижимым. Я положил в пакет записи бесед с Багори и Бикаром, выдержки из книги, где упоминалось о Фредмане-Клюзеле, фотографию его портрета работы Бикара — и отправил все это во Францию, Татьяне Федоровне Фаберже. А заодно и поздравил ее с наступающим, 2000 годом.

Глава 24
Месть Клюзеля

Читатель, вероятно, заметил, что поиски материалов о каждом из героев этой книги потребовали немало усилий и заняли довольно много времени. Рекорд же в этом отношении принадлежит Борису Оскаровичу Фредману-Клюзелю.

Новый, 2000 год я впервые за четырнадцать лет встретил в России. Приехав накануне в Москву, позвонил в Петербург Валентину Васильевичу Скурлову, автору статьи о Фредмане-Клюзеле, которую я получил от мадам Фаберже. Скурлов обещал мне прислать фотографию, где Фредман-Клюзель лепит с натуры статуэтку Анны Павловой.

Пакет от Скурлова пришел уже после Нового года. К обещанной фотографии прилагалась записка о том, что в Петербурге только что вышел справочник «Художники русского зарубежья», в котором есть и статья о Клюзеле. По данным справочника, художник скончался в Каире 30 декабря 1969 года, то есть на девяносто втором году жизни.

Выходит, Борис Оскарович прожил в Египте долгих сорок лет! Точная дата смерти могла помочь найти в местных газетах и новые биографические материалы о нем, и сведения о том, где он похоронен. Последнее показалось мне особенно важным. Ведь статья Скурлова заканчивалась так: «Фаберже похоронен в Канне. Но где похоронен Фредман-Клюзель? Где можно поклониться праху большого художника?»

Из статьи В. В. Скурлова я узнал, что мать Бориса Оскаровича была православной и что сам он был крещен в православной церкви Владимирской Божьей Матери в Петербурге. Но знал я и другое: что у каждой христианской конфессии в Каире свое кладбище и что православное кладбище всего одно — на территории бывшего монастыря Святого Георгия в Старом Каире. На этом кладбище хоронили и русских эмигрантов, поэтому я бывал на нем десятки раз, обошел все кладбище вдоль и поперек, знаю буквально все могилы наших соотечественников. Но могилы Фредмана-Клюзеля я там не видел.

Что ж, «давайте мыслить логично», как говорил один из героев фильма «Ирония судьбы». Клюзель был человеком одиноким. Люди, которые его хоронили, могли не знать, что он православный. Зато они хорошо знали о его шведских и

французских корнях. Отец Бориса Оскаровича был лютеранин. Значит, скульптор мог быть похоронен на лютеранском кладбище.

По возвращении в Каир из Москвы я узнал от коллеги, журналиста из Германии, где находится немецкое кладбище, — не доезжая Старого Каира. Сторож-гафир дал мне папку с листами, на которых со знаменитой немецкой точностью были напечатаны имена и даты смерти всех, кто похоронен на кладбище. Фредмана-Клюзеля среди них не было. Я спросил сторожа, нет ли рядом других христианских кладбищ. Оказалось, что их целых три — английское, американское и швейцарское. На английском, наполовину военном, наполовину гражданском, куда более обширном, чем немецкое, тоже была даже не папка с листами, а целая книга с именами похороненных и номерами могил. Нет, Борис Оскарович покоится где-то в другом месте. Не оказалось его могилы ни на американском, ни на швейцарском кладбищах небольших, где я просто обошел могилу за могилой.

От коллеги-грека я узнал, что где-то на подступах к Старому Каиру должно быть еще небольшое кладбище так называемых «свободных мыслителей». Там хоронят атеистов и тех, кто не принадлежал ни к одной из церквей.

Кладбище это оказалось в том же самом квартале, что и остальные европейские кладбища. Вообще-то оно египетское, коптское, но в дальнем его углу есть небольшой обветшалый пантеон, называемый «Европейское гражданское кладбище». В его многоэтажные ниши замурованы гробы с телами примерно сотни европейцев разных национальностей. Но праха Фредмана-Клюзеля и там не оказалось.

А может, он все-таки похоронен на греческом кладбище? И могилу его я просто пропустил? Или, может, с ней случилось то же, что с могилой последнего посланника Российской империи в Египте Алексея Александровича Смирнова? Мы в свое время долго искали ее вместе с профессором МГУ Геннадием Васильевичем Горячкиным, но так и не нашли. В ноябре 1999 года Горячкин опять приехал в Каир и снова попросил меня съездить с ним на кладбище. Мы подошли к русской часовне над склепом, постояли в молчании. На обратном пути Горячкин обратил внимание на то, что на одной из могил каменный крест лежит как-то неровно и вообще расколот. Он отодвинул часть креста, и мы увидели надпись: «Алексей Смирнов». Да и могилу последнего председателя русской общины в Каире Олега Васильевича Волкова я нашел только через несколько лет после того, как впервые услышал о нем.

От гражданского кладбища до православного — рукой подать. Не теряя времени, я отправился туда. Долго бродил среди

могил, пока не столкнулся с гафиром по имени Хусейн. Объяснил ему, чью могилу искал.

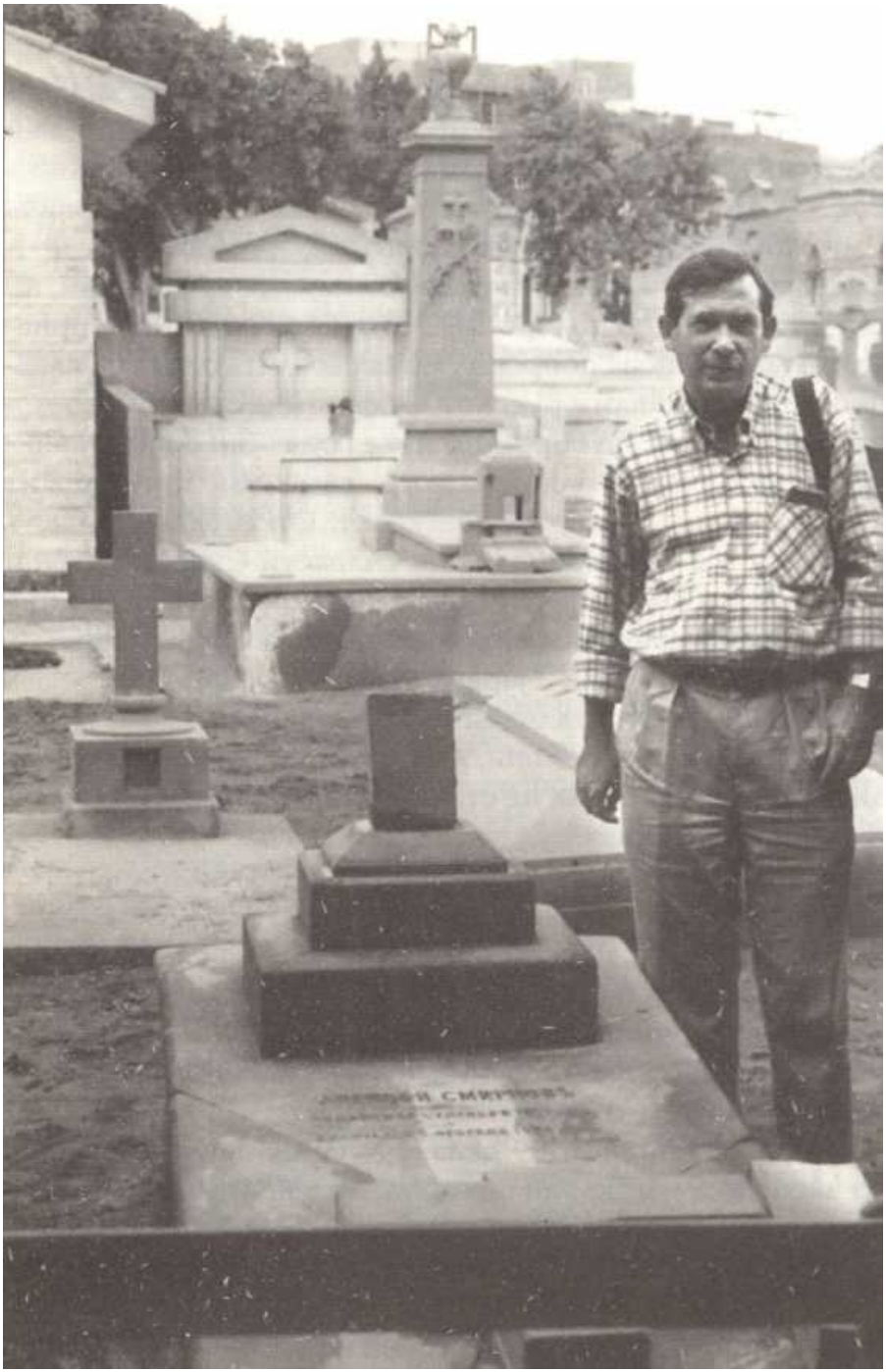
— Русские могилы — только те, что вы уже знаете, — сказал Хусейн. — Других нет.

Но, может, он похоронен в склепе? На всякий случай я попросил Хусейна отпереть часовню, где к внутренним стенам прикреплены мраморные доски с именами похороненных. Как я и предполагал, имени Фредмана-Клюзеля среди этих имен не было.

— Между прочим, — сказал Хусейн, когда я выходил из часовни, — в склепе похоронено значительно больше людей, чем указано на мемориальных досках. Я это точно помню. А вообще там 36 ниш для гробов. Через три года после похорон останки из ниш мы обычно перекладывали в небольшой металлический ящик и ставили его на пол, освобождая ниши для других покойников. Но склеп уже несколько лет как залит водой.

— А книги регистрационные есть?

— Должны быть, но они у священника, в монастыре.



Автор у только что обнаруженной могилы Ал. Смирнова. Фото Г. В. Горячкина, 1999 г.

Монастырь опустел в конце 50-х годов, когда подавляющее большинство греков уехали. Между двумя мировыми войнами численность греческой общины достигала ста тысяч. Но после революции 1952 года был принят закон, по которому в любой, даже частной, компании на одного иностранца должны приходиться десять египетских сотрудников. А у греков-предпринимателей все работающие тоже обычно были греки. Пришлось им собирать вещи и уезжать из Египта. В Каире число греков ныне едва превышает тысячу человек, еще несколько сотен живут в Александрии и Порт-Саиде.

В здании бывшего греческого монастыря Святого Георгия — резиденция православного епископа Каира. Прежнего епископа, Порфирия, я хорошо знал. Это он говорил мне об иконе Андрея Рублёва в Синайской обители. Но года два назад новый православный патриарх Александрийский Петр VII отправил Порфирия куда-то дальше в Африку, правда, с повышением. Новый епископ тогда, помнится, долго не приезжал. Но, может, теперь приехал? Позвонил в дверь. Мне открыл немолодой священник. Я представился, священник проводил меня в свой кабинет. Дал визитную карточку: «Теофилакт, епископ Вавилонский». Не того Вавилона, что в Месопотамии, а местного, египетского. Вавилон — одно из названий Старого Каира.

Епископ держался дружелюбно. Приехал он всего месяц назад, и потому многое ему тут внове. В том числе и погода. Зима 2000 года оказалась в Каире необычно холодной. Мало кто уберегся от простуды. Епископ чуть не поминутно доставал бумажные салфетки, чтобы унять насморк. Впрочем, в арабских странах он не новичок. До Каира девять лет прослужил в Триполи, столице Ливии. Научился говорить по-арабски, но здесь выяснил, что египтяне говорят совсем не так, как ливийцы. Когда арабы завоевали Северную Африку, там уже давным-давно существовали свои цивилизации. Арабский язык смешался с местными языками, и так родились его диалекты, весьма существенно отличающиеся от страны к стране.

Сестра Теофилакта — по крайней мере так он мне ее представил — принесла нам по чашке кофе с каким-то особым, похожим на ванильный, привкусом. Такой кофе я уже пилу греков в монастыре Святой Екатерины на Синае. Вкус его совсем не такой, как у приготовленного египтянами.

Я рассказал епископу, что привело меня к нему.

— Не знаю пока, где кладбищенские книги, — сказал Теофилакт. — Но, должно быть, отец Парфений знает.

Звонком он вызвал Парфения, темнокожего батюшку, уже несколько лет работавшего в Каире. По-гречески объяснил ему

суть дела. Тот ушел и через пару минут вернулся с увесистым альбомом. Там, разбитые по годам, были записаны имена всех, кто покоился на православном кладбище. Фредмана-Клюзеля среди них не было.

«Может, съездить сначала в библиотеку, посмотреть газеты за несколько дней после смерти Клюзеля? Вдруг в одной из них сказано, где он похоронен?» — думал я, возвращаясь домой. И в конце концов решил, что надо подождать. Я не был уверен в том, что в справочнике, о котором сообщил мне Скурлов, дата смерти Бориса Оскаровича указана правильно. Не потому, что он не мог дожить до девяносто одного года. Среди героев этой книги есть люди, прожившие и более долгую жизнь. Просто казалось странным, что после 1952 года на целых 17 лет знакомые Клюзеля потеряли с ним связь. Послереволюционные перемены в Египте не могли быть тому причиной.

Изменив первоначальный план поисков, я отправился вновь в библиотеку факультета прикладных искусств Хелуанского университета искать книгу Эми Азара. Теперь я точно знал, как она называется, когда и где была издана. Но книги этой в библиотеке не оказалось. Зато я нашел другую старую книгу — «Художники и скульпторы современного Египта», изданную в Каире в 1935 году на французском языке. Ее автор, Морик Брин, посвятил пару страниц и Клюзелю, а среди иллюстраций оказалась фотография одной из его работ, выставленной на Каирской художественной выставке 1935 года. Автор книги утверждал, что часто посещал мастерскую русского скульптора и может говорить о его творчестве со знанием дела. Оценки французского критика любопытны, и потому приведу их с небольшими сокращениями.

> «В природе Фредмана-Клюзеля интересует все — животные не менее, чем люди. Однако его процесс познания мира не мгновенен. Он всегда учил основательности в работе. «Вот уже три года, как я в Египте, но мне все еще трудно взяться за лепку верблюда». Фредман-Клюзель не признает права по своему усмотрению менять форму, требует уважения к природному мастерству и достоверности. Поэтому он много времени тратит на изучение анатомии. Но как только появляется уверенность в том, что «пришел момент истины», он реализует ее. Анализ, позволяющий препарировать, и синтез, который оживляет. Его «Борзые» действительно бегут, а «Балашова» танцует, как будто мы видим ее на сцене Большого театра.

> В хореографии для Бориса Фредмана-Клюзеля как скульптора вообще нет секретов. Подробно изучив элементы и мельчайшие детали танца, он воспроизводит их с высокой достоверностью в гипсе и бронзе. Даже в скульптурной неподвижности застывшая поза всегда дышит у него жизнью.
>
> Невозможно быть более правдивым.
>
> Невозможно быть более артистичным».

Примечательно, что критик отметил не только присущий творчеству Бориса Оскаровича реализм. Он выделил и две любимые темы скульптора — балет и животные. Интересно, а что писал двадцать лет спустя Эми Азар? Что он увидел в творчестве Фредмана-Клюзеля?

Только вот как найти его книгу? Может, сходить еще в Большую Каирскую библиотеку? Правда, она была открыта только в 1995 году, но костяк ее фондов наверняка был взят из какой-то более старой библиотеки.

В расположенной неподалеку от нашего корпункта Большой Каирской библиотеке царил порядок. Каталоги компьютеризированы. Искусству посвящен отдельный зал. Понадобилось ровно пять минут, чтобы на карточке с названием книги появились ее шифр и инвентарный номер. Я торжествовал.

Но торжество мое оказалось недолгим. Книги на полке не было. Не было ее и на соседних полках, куда ее мог ненароком поставить недисциплинированный читатель: в библиотеке — открытый доступ к фондам.

Я бросился к директору, Мухаммеду Хамди. Но его вызвали на совещание в министерство. Тогда я обратился за помощью к заместителю директора Ахмеду Рамадану. Тот сказал, что либо книга отправлена на реставрацию, либо она в персональном кабинете известного журналиста и писателя Камаля Зухейри. Проверили списки книг, отправленных на реставрацию, — нет. Самого Зухейри не было, но его помощник открыл кабинет и тщательно его обшарил. Ничего.

Просто чертовщина какая-то! Казалось, Фредман-Клюзель мстит мне за то, что десять лет назад, узнав о нем от Эми Азара, я не заинтересовался его персоной.

Что делать дальше? Съездить в библиотеку Дворца искусств в Гезире? Я уже был там один раз, но тогда я думал, что книга Азара написана по-арабски, и издания на иностранных языках не смотрел.

Во Дворец искусств, новый выставочный зал возле Каирской оперы, я вошел в пять минут третьего. Библиотека только что

закрылась — до двух. Приехал на следующий день. Нет этой книги. Из Дворца искусств отправился во Французский культурный центр. Все-таки книга Азара написана по-французски, да еще про иностранцев. Опять ничего. Осталась одна надежда — на новую Библиотеку Мубарака в Гизе. Увы, и там книги не оказалось.

Что ж, придется прервать поиски книги. Возможно, я найду ее когда-нибудь у кого-нибудь из своих знакомых или у букинистов. А пока надо попробовать опять «мыслить логично» в надежде вычислить кладбище, где похоронен Фредман-Клюзель. Итак, он был холост, хозяйство его вела экономка по имени Кара. По словам Махмуда Багори, она была француженка, хотя он в этом и не уверен. Но уверен, что по крайней мере не египтянка. Если она распродавала вещи Бориса Оскаровича после его смерти, то, скорее всего, и хоронила его. Может, мадам Кара и знала, что он православный. Но ей было определенно проще похоронить его на католическом кладбище. Так, кстати сказать, поступила когда-то мадам Сакакини со своей подругой, Евдокией Васильевной Голенищевой-Кутузовой. Значит, надо ехать на католическое кладбище.

Католическое, или, как его здесь называют, латинское, кладбище расположено не доезжая Старого Каира, на улице, вдоль которой от Нила к Цитадели идет средневековый акведук. Я приехал туда в начале второго. Священника уже не было: он заканчивает работу в час. А регистрационная книга у него. Сторож-гафир сказал, что семейные похоронены в склепах, а холостые в многоэтажных нишах. Я просмотрел все ниши, но безрезультатно. Кстати, у мадам Кары мог быть семейный склеп, и похоронить Бориса Оскаровича она могла именно там. Надо смотреть книгу.

На другой день я вновь приехал на латинское кладбище, и опять неудачно. Священника вызвали на совещание в связи с предстоящим визитом в Египет Папы Римского. И лишь в третий приезд мне удалось посмотреть книгу. Фредман-Клюзель в ней не значился.

— А нет ли еще одного латинского кладбища? — спросил я у пожилого священника.

— Есть, — ответил он, — в Аббасии. Но оно относится не к моей церкви, так что я про него ничего не знаю.

Кладбище в Аббасии я нашел без труда, ибо оно расположено почти напротив ветеринарной клиники, куда я не раз приезжал со своей собакой. У сторожа оказался лишь список семейных склепов. На всякий случай я его просмотрел. Потом пошел смотреть многоэтажные ниши. Результат все тот же — никакой.

Спросил у гафира, где книга. Тот ответил, что у священника отца Жинару, из Базилики в Гелиополисе.

Величественный католический собор Нотр-Дам, известный также как Базилика, я хорошо знал. Построен он был в 1910 году по проекту французского архитектора Александра Марселя — того самого, кто проектировал весь тогдашний Гелиополис. Он строился как европейский город-спутник Каира, но давно уже сросся с ним. Построен собор в византийском стиле, в виде базилики — центрального заланефа и двух боковых, отделенных от центрального рядом колонн. Прототипом ему послужил величественный собор Святой Софии в Константинополе, который турки затем превратили в мечеть.

Собор был закрыт. Я стоял и раздумывал, как бы мне найти священника. В этот момент меня окликнули. Я повернулся и увидел продавца из соседнего магазина «Саляма», с которым был хорошо знаком. Собственно, даже не продавца, а одного из сыновей хозяина, сидящего обычно за кассой. Семья Саляма — христиане, в ее магазине продают свинину и дешевое местное вино. В 60-е годы магазин был очень популярен у живших поблизости многочисленных советских военных советников. Об этом я узнал когда-то от самого хозяина, зайдя в его магазин на улице Гарун аль-Рашида, куда мы с женой периодически ездили, чтобы пополнять ее запасы пряжи для вязания.

— В соборе никого нет, — сказал Саляма-младший. — А, собственно, кто вам нужен?

— Отец Жинару, — ответил я. — Говорят, у него есть кладбищенская книга.

— Так сходите к нему домой. Это рядом, возле гостиницы «Бейрут». Только сейчас, — добавил Саляма, посмотрев на часы, — он обедает. Зайдите к нему через часок.

Обедает? Ну что ж, и я схожу пообедать. Недалеко от Базилики есть ливанский ресторан «Пальмира», а ливанская кухня считается самой изысканной на Ближнем Востоке. Не торопясь пообедав в пустом зале ресторана, я отправился к священнику. Он выслушал меня внимательно и, призвав набраться терпения, пригласил меня к себе в кабинет. Вместе с отцом Жинару мы тщательно просмотрели кладбищенскую книгу, начав на всякий случай с 1950 года, а кончив 1976-м. Но фамилии Фредмана-Клюзеля мы так и не нашли.

— А не принял ли он ислам или коптскую веру? — спросил меня священник. — Если так, то найти его могилу будет практически невозможно.

Я лишь пожал плечами. Такой вариант казался мне почти невероятным. Как и другой: что Бориса Оскаровича похоронили

за пределами Каира или даже Египта. Но почему тогда его могилы нет ни на одном европейском кладбище Каира? На этот счет догадок у меня не было.

Б. О. Фредман-Клюзель. Барельеф св. Георгия на лестнице греческой православной церкви Св. Георгия в Старом Каире

Мне нечем было порадовать ни мадам Фаберже, ни господина Скурлова. Но зато Валентин Васильевич вскоре порадовал меня. В начале апреля он прислал в Каир некролог Фредмана-Клюзеля, написанный Евгением Карловичем Фаберже, сыном основателя

фирмы и дедом Татьяны Федоровны. Он был опубликован в парижской газете «Русская мысль» от 29 марта 1960 года. Из некролога следовало, что Борис Оскарович действительно скончался 30 декабря, но не 1969, а 1959 года. В справочник «Художники русского зарубежья» вкралась, по-видимому, элементарная опечатка. А я буквально за пару дней до получения письма от Скурлова ходил в газетный зал библиотеки «Дар аль-кутуб» и смотрел газеты конца декабря 1969-го — начала января 1970 года в надежде найти сообщение о смерти Клюзеля. И, конечно, ничего не нашел.

В некрологе были перечислены некоторые работы, созданные Клюзелем в Каире. К своему великому изумлению, я обнаружил, что много раз видел три из них, да не знал, кто автор. Первая — это большой барельеф святого Георгия при входе в православную церковь Святого Георгия в Старом Каире. Вторая — бюст Маркуса Симайка-паши, основателя и первого директора Коптского музея, тоже в Старом Каире. И третья — бюст президента Гамаля Абдель Насера, выполненный Клюзелем незадолго до смерти. Он был установлен в глубине торгового квартала на улице Шериф в центре Каира. Но когда я отправился туда, чтобы сфотографировать бюст, оказалось, что городские власти убрали его.

Еще одна работа Фредмана-Клюзеля, по словам автора некролога, скульптура «Невеста Нила», была установлена в парке Нузха в Александрии. Пришлось мне ехать в «северную столицу». Скульптура — обнаженная девушка, сидящая на коленях, слегка опустив голову, — была на своем месте, в розариуме. Оказалось, что это та самая скульптура, которую Борис Оскарович выставлял на Каирской художественной выставке 1935 года и фотография которой помещена в книге Морика Брина.

Я зашел в администрацию парка с надеждой узнать, когда и почему «Невеста Нила» появилась в розариуме. Но об этом там никто ничего не знал. В брошюре об истории парка о скульптуре тоже ничего не говорилось.

А буквально на следующий день мне позвонили из Большой Каирской библиотеки и сказали, что нашли книгу Эми Азара «Иностранные художники в Египте». Она оказалась небольшой по объему и просто затерялась среди более солидных томов. Но Фредман-Клюзель в ней даже не упоминался.

Да, отомстил мне Борис Оскарович…

Глава 25
Кто вы, полковник Хлебников?

Эль-Аламейн — маленькое местечко в пустыне в ста километрах к западу от Александрии. Два десятка домиков, бензоколонка, ресторанчик… Но во время Второй мировой войны местечко это стало знаменитым. Здесь, в песках, зажатых между Средиземным морем и Каттарской впадиной, поздней осенью 1942 года шло кровопролитное сражение. Войска союзников по антигитлеровской коалиции сначала остановили у Эль-Аламейна, а затем и разгромили 80-тысячный германо-итальянский экспедиционный корпус под командованием фельдмаршала Роммеля.

О военных действиях в Северной Африке в годы Второй мировой войны у нас известно не так много: ну воевали, разбили Роммеля, не дали фашистам перехватить у Англии и Франции их арабские колонии. Немножко помогли и нам. Ведь гитлеровцы рвались через Египет на восток — к южной границе нашей страны, к нефтеносному Баку, куда они так и не смогли выйти с севера летом 1942 года. А в общем — не те задачи, не те масштабы…

Иное дело — на Западе. Для союзников битва при Эль-Аламейне стала едва ли не крупнейшим сражением войны. Некоторые историки считают ее даже более важной, чем Сталинградская битва. Впрочем, люди серьезные, объективные никогда этой точки зрения не разделяли. «Занятые каждодневными перипетиями обстановки в этой войне нескольких дивизий, — писал в книге репортажей о североафриканской кампании корреспондент английской газеты «Дейли Геральд» Д. Остин, — вы забывали, что русские сражаются с двумя сотнями немецких дивизий. Русский военный корреспондент, посетивший нас, заметил: «Вы ведете маленькую войну, а мы большую». Это было как раз накануне Сталинграда, когда триста тысяч солдат армий фон Паулюса были уничтожены или взяты в плен».

Но война, пусть даже маленькая, — это всегда страдания, разрушения и смерть, а следы ее и уроки остаются в назидание потомкам. В Эль-Аламейне, там, где когда-то проходила линия фронта, создан музей. К западу от него сооружены два мемориала погибшим солдатам: один — немецкий, другой — итальянский. А

к востоку лежит обширное кладбище союзников. Надгробные плиты стоят там шеренгами, будто солдаты в строю. 7367 могил разделены на сектора-батальоны поперечными дорожками. У входа на кладбище — колоннада, венчает же его огромный каменный крест.

Когда бродишь по кладбищу союзников в Эль-Аламейне, понимаешь, почему война эта называлась мировой. На надгробных плитах — не только английские, но и французские, польские, чешские, индийские, еврейские, африканские имена… Представители более двух десятков стран разных континентов участвовали в этом сражении. Были среди них и наши соотечественники.

… Полковник Хлебников и двенадцать его товарищей-танкистов бегут из фашистского плена. С северного побережья Франции, где их использовали на строительных работах, переправляются через Ла-Манш в Англию. Оттуда они попадают на африканский фронт, защищают крепость Тобрук, затем совершают героический переход по пустыне, сражаются под Эль-Аламейном, где Хлебников и погибает. Таков вкратце сюжет повести Сергея Борзенко «Эль-Аламейн», опубликованной в 1963 году.

Об авторе этой повести стоит сказать хотя бы несколько слов. Сергей Александрович Борзенко (1909–1972) прошел Великую Отечественную с первого и до последнего дня в качестве военного корреспондента — сначала фронтовой газеты, а затем и «Правды». Он первым из журналистов и писателей был удостоен звания Героя Советского Союза. Как сказано в указе Президиума Верховного Совета СССР от 17 ноября 1943 года, «за форсирование Керченского пролива, захват плацдарма на Керченском полуострове и проявленные при этом отвагу и геройство». После войны Борзенко продолжал работать в «Правде», в качестве ее специального корреспондента побывал в двух десятках стран, включая Египет. Не бросая журналистики, занимался и литературой. Он автор нескольких романов и повестей, в основном о войне.

Когда Борзенко опубликовал свой «Эль-Аламейн», то сюжет повести показался некоторым просто художественным вымыслом. Слыханное ли дело: советские солдаты — и в Африке! Во всяком случае, ни в академической, ни в мемуарной литературе в то время никаких упоминаний на этот счет не было. И все же писатель-фронтовик опирался на документальный материал.

Раз наши соотечественники сражались в египетских песках, значит, и погибали там. Быть может, те, чья жизнь оборвалась у Эль-Аламейна, и сейчас еще числятся на родине «пропавшими без

вести», и где-то ждут их родные и близкие…

Мысль эта и привела нас с Иваном Меньшиковым, в ту пору корреспондентом агентства печати «Новости» в Каире, на кладбище союзников в Эль-Аламейне. Два дня в августовский зной 1987 года мы осматривали могилу за могилой. Но наше предположение не подтвердилось: ни одного советского солдата мы там не нашли. Во всяком случае, среди тех, чьи имена выбиты на надгробных стелах. Тогда мы присели в тени колоннады и обратились к справочной книге, где в алфавитном порядке расположены 11 945 имен тех, кто в разное время погиб в Северной Африке и неизвестно где похоронен. Фамилии этих людей выбиты на стенах колоннады.

К мемориалу то и дело подъезжают туристические автобусы. Толпы экскурсантов, преимущественно европейцев, проходят обычно колоннаду насквозь и устремляются прямо на кладбище. Но от одной группы отделяется худенькая рыжеволосая женщина и с ней — мужчина чуть постарше. Сначала они просто наблюдают, как мы изучаем книгу, а спустя некоторое время начинают выказывать признаки нетерпения.

— Простите, вы еще долго? — спрашивает по-английски женщина. — Можно взять книгу на одну минутку?

Мы передаем ей книгу.

— Где-то тут похоронен мой дедушка, — объясняет женщина.

— Так вы здесь в первый раз?

— Ну да! — вступает в разговор мужчина. — Приехали по турпутевке. А вообще живем в Австралии, в Аделаиде.

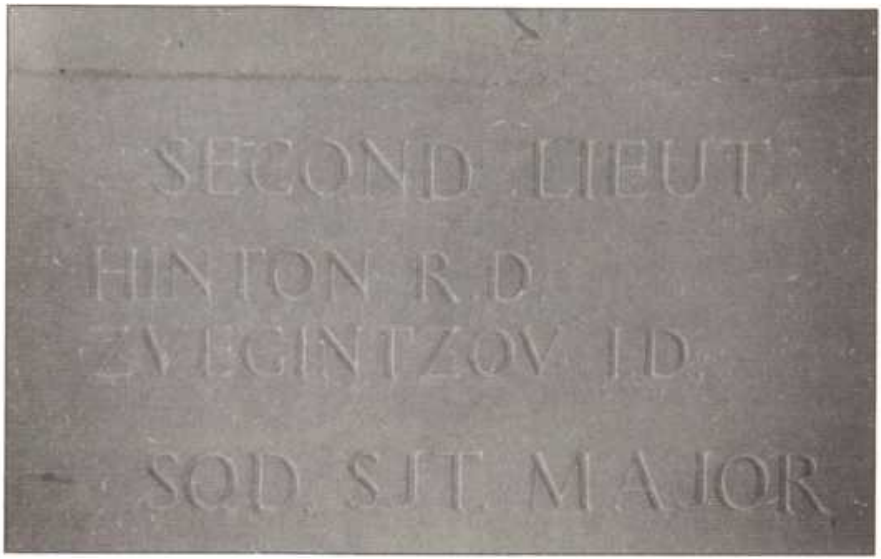
— Нашла! Сектор В-16! — Женщина возвращает нам книгу. — Славу богу! Я всегда так хотела встретиться с дедушкой!

Они уходят искать могилу, а мы досматриваем книгу. Осталась уже последняя буква английского алфавита, «зет». И вот читаем: «Младший лейтенант Звегинцов Иван Дмитриевич. Погиб 28 декабря 1941 года. Смотри 29-ю колонну».

Находим нужную колонну, а на ней — такое привычное глазу русское имя. Все так, как в книге. Но русский — не обязательно советский. Возможно, он из эмигрантов. Надо навести справки.

В Каире Меньшиков встретился с британским военным атташе и попросил его сделать запрос в штаб-квартиру комиссии Содружества по военным кладбищам в английском городе Мейденхед. Ответ, по словам британского полковника, был таким: «Мистер Звегинцов — советский офицер». Но когда спустя некоторое время, уже после возвращения Ивана в Москву, я запросил также Центральный архив Министерства обороны СССР в городе Подольске, ответ оказался совсем другим: «В картотеке по учету безвозвратных потерь офицерского состава младший

лейтенант Звегинцов (Звягинцов, Звегинцев) Иван Дмитриевич не значится». Загадку эту я разгадал лишь спустя полтора десятилетия.



Имя Ивана Звегинцова увековечено в кенотафе мемориала союзников в Эль-Аламейне

1 августа 2000 года я опубликовал в «Труде» очерк о Татьяне Николаевне Монти и ее семье. Упомянул в нем о «русском склепе» на греческом православном кладбище в Александрии, где похоронены русские эмигранты. Вскоре в корпункт пришло письмо из Владикавказа, от профессора Северо-Осетинского государственного университета Галины Таймуразовны Дзагуровой. Она писала, что занимается изучением русской эмиграции и просит прислать ей список россиян, похороненных в Александрии.

Если уж составлять список соотечественников, закончивших свой жизненный путь в Египте, то не только александрийцев, подумал я. И надо издать его отдельной брошюрой. Ведь это важный источник и по истории русской эмиграции, и по генеалогии — отрасли исторической науки, ставшей очень популярной в России в конце XX века.

Во время летнего отпуска в Москве я купил брошюру «Храм-памятник в Брюсселе. Список мемориальных досок». Это был тот самый храм, куда мы так и не попали с Никитой Шевцовым в октябре 1999 года, когда искали с ним могилу египтолога Александра Николаевича Пьянкова. Брошюра была издана в Санкт-Петербурге, в серии «Российский некрополь», издававшейся

Русским генеалогическим обществом. На последней странице обложки были напечатаны адрес и телефон редактора серии, Андрея Александровича Шумкова. Я позвонил в Петербург, представился и предложил Шумкову подготовить описание российского некрополя в Египте. Он охотно согласился и пообещал издать его.

Я взялся за работу. Вновь побывал на греческих православных кладбищах и в Каире, и в Александрии, посмотрел кладбищенские книги. Поднял свои записи о посещении английских военных кладбищ. В итоге получился список из 729 имен, в который я включил и Звегинцова.

Перед самым Новым годом я окончательно вернулся из Каира в Москву, а вскоре встретился с Шумковым, приехавшим в столицу по делам, и отдал ему рукопись некрополя.

Через пару месяцев редактор «Российского некрополя» вновь приехал в Москву и привез мою рукопись, подготовленную к печати в соответствии с принятым в серии стандартом. Просматривая ее, я обратил внимание на то, что к дате гибели Звегинцова Шумков добавил место — Эль-Агелия — и название части, в которой он служил: 7-я танковая дивизия британской армии.

— Откуда вы знаете, где погиб Звегинцов? — спросил я Андрея Александровича.

— Он представитель знатного русского рода, — ответил Шумков. — После революции семья Звегинцовых эмигрировала.

— Так, значит, Иван Дмитриевич — вовсе не советский офицер?

— Нет, английский.

— А как связаться с его родственниками?

— Напишите в Париж, Сергею Сергеевичу Оболенскому, — посоветовал Шумков. — Он дальний родственник Звегинцовых. — И дал мне адрес.

Председатель Союза русских дворян во Франции князь Оболенский ответил мне без промедления и дал адрес одного из Звегинцовых, Петра Владимировича. Но оказалось, что тот — представитель французской ветви семьи, а Иван Дмитриевич — английской. Впрочем, Пьер Звегинцов поддерживает связи со своими родственниками в Англии. Благодаря ему я в конечном итоге нашел племянника И. Д. Звегинцова, Павла Дмитриевича. От него я узнал, что Иван Дмитриевич родился в Петербурге 29 мая 1912 года.

Его отец, Дмитрий Иванович (1880–1967), был полковником, участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Мать Мария Ивановна (1883–1943) — урожденная княгиня Оболенская. В 1920

году семья покинула Россию и поселилась в Англии. Иван (на второй родине его обычно звали Джек), человек веселого нрава, окончил престижную школу Блоксхэм, но чем занимался потом, племянник не знал. В 1940 году он женился, однако детей завести не успел. Его призвали в армию и направили на фронт, в Северную Африку, где он и погиб.

Каждое последнее воскресенье октября у мемориалов в Эль-Аламейне собираются ветераны, чтобы отметить очередную годовщину сражения. В 1987 году их было больше обычного: круглая дата — 45 лет. Упустить такую возможность встречи с участниками тех событий было бы непростительно. И я вновь отправился туда, на сей раз один: Иван Меньшиков был занят по работе.

В ту пору в окрестностях Эль-Аламейна была всего одна гостиница — в Сиди Абдель-Рахман. Там и поселились ветераны. Я занял стратегическое место в холле и останавливал всех подряд, задавая единственный вопрос: не знают ли они об участии в сражениях советских воинов? С разрешения менеджера гостиницы даже вывесил на двери объявление аналогичного содержания, снабдив его отрывными листочками с моим адресом. Но, увы, большинство ветеранов говорили решительное «нет», некоторые отвечали, что вроде что-то слышали, но ни один не припомнил ничего конкретного.

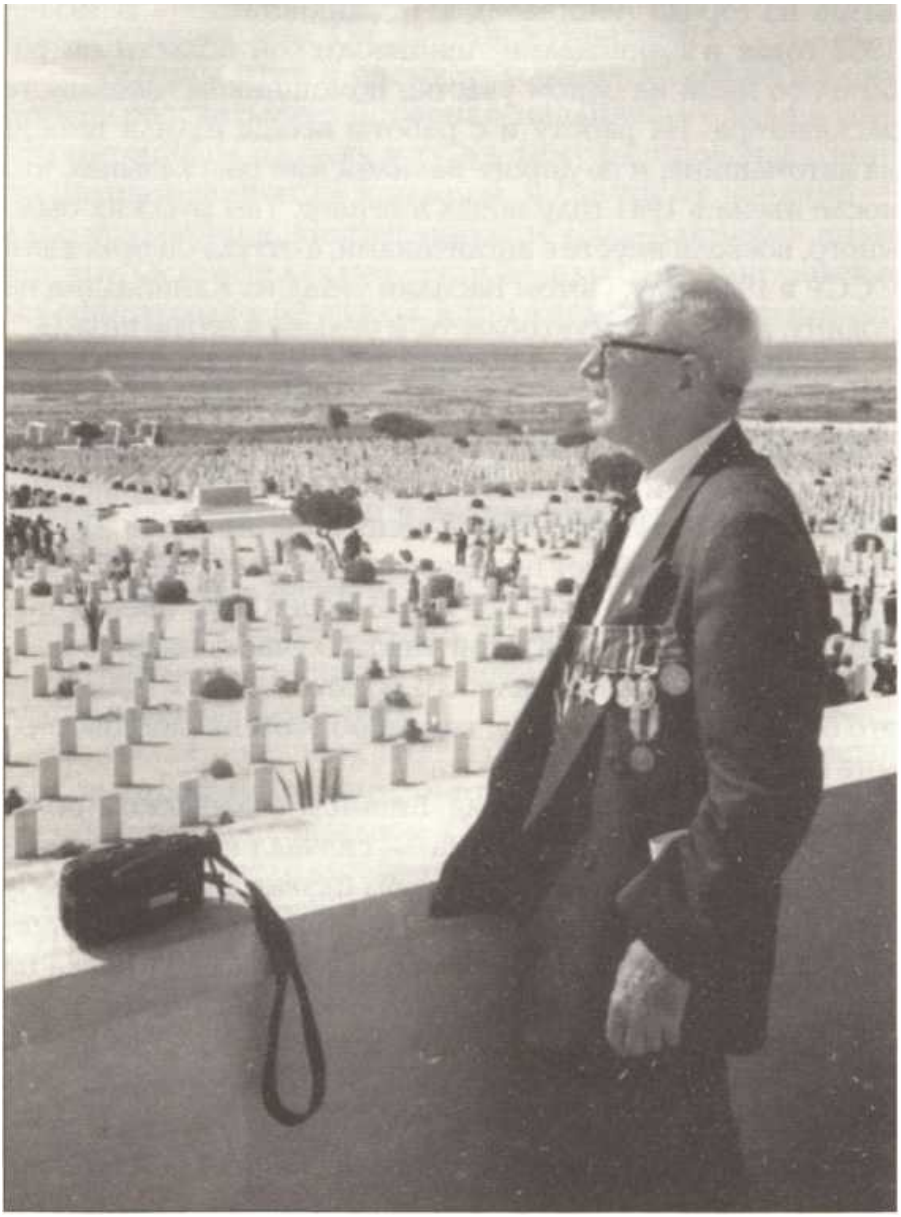
А месяца через два из Канады пришло письмо. Джозеф Суини извинялся за давшую слабину память и рассказывал такой эпизод. «В начале 1943 года, то есть уже после разгрома фашистов под Эль-Аламейном, я ехал на машине в Александрию. В местечке Сиди Бишр заметил у дороги двух солдат в английской форме. Остановился, подсадил их. Оказалось, что это русские или, возможно, украинцы. Один всю дорогу молчал, а с другим я пытался объясниться. Я неплохо знал сербско-хорватский, а ведь это славянский язык. Из рассказа попутчика я понял, что это бывшие советские военнопленные. Фашисты привезли их из России в Африку для того, чтобы использовать на подсобных работах. Во время наступления союзников они были освобождены из плена и примкнули к английским войскам».

Удивительные вещи проделывает жизнь! В годы Второй мировой войны в казармах Сиди Бишра, тех самых, где в начале 20-х годов находился «русский городок» эмигрантов, был лагерь для интернированных. Вероятно, попутчики Суини были оттуда. И, конечно, ничего не знали о прошлом казарм. А вот еще что интересно в свидетельстве англичанина, живущего в Канаде: существовал и второй путь советских воинов в Африку, кроме побега из плена, описанного у Борзенко, и притом более

короткий.

Много позднее, уже в 2003 году, я обнаружил в Архиве внешней политики Российской Федерации документ, подтверждающий, что после битвы при Эль-Аламейне в Египте находились бывшие советские военнопленные, отбитые союзниками у нацистов. Это нота Народного комиссариата иностранных дел от 29 января 1943 года, направленная в посольство Великобритании в Москве в ответ на ноту посольства от 10 января. В советской ноте содержалась благодарность англичанам за «готовность оказать содействие при следовании в СССР советских граждан, находящихся сейчас в Северной Африке». Из документа вытекало, что к английской ноте были приложены и списки освобожденных из плена. Однако сама эта нота в архиве почему-то отсутствует.

Так постепенно у нас с Иваном Меньшиковым набрался материал для выступления в газете. Некоторое время мы колебались: писать или продолжать поиски. Смущало то обстоятельство, что нам так и не удалось найти могилы советских воинов. Может, соотечественники покоятся под некоторыми из 83 надгробий в Эль-Аламейне, где выбито краткое: «Неизвестный союзный солдат»? Немало таких надписей и на других английских военных кладбищах, разбросанных по всей Северной Африке от Египта до Алжира. Решили все же: надо писать. Рассказать о том, что удалось узнать, может, что-то потом добавят читатели. И вот 8 мая 1988 года, накануне Дня Победы, наша статья была опубликована.



Джо Суини на кладбище союзников в Эль-Аламейне. 1992 г.

Мы не ошиблись — читатели откликнулись на выступление «Правды». В редакцию пришло несколько писем. Отрывки по крайней мере из трех таких писем стоит привести.

«У меня был знакомый по имени Василий, фамилии не помню, — писал инвалид Отечественной войны В. Е. Кизилов из города Ленинабад в Таджикистане. — В 1951–1952 годах в

Канибадаме Ленинабадской области он работал со мной на одном участке помощником машиниста экскаватора. На работу и с работы всегда ездили вместе на автомашине, и по дороге Василий мне рассказывал, что после плена в 1941 году попал в Египет. Там русских было много, воевали вместе с англичанами, а оттуда он приехал в СССР в 1944 году. Потом Василий уехал из Канибадама на родину, в Саратовскую область, и больше я его не видел».

Кандидат медицинских наук Н. М. Рафиков из Ленинграда написал: «В 1965 году я проходил в Москве подготовку на курсах для получения водительских прав. Вождению нас учили на какой-то автобазе, на грузовых машинах ГАЗ-51. Инструктора менялись, но чаще других был один — еврей лет пятидесяти. Во время наших учебных поездок он несколько раз говорил, что воевал под Эль-Аламейном, что в этой битве «участвовали советские солдаты, только мало кто об этом знает». Для меня это было ново, но по тому, как он об этом не раз говорил, мне ясно, что он не выдумывал».

Ю. В. Алферов из города Вишневое Киевской области прислал даже два письма — сначала короткое, а затем и более подробное, в котором назвал фамилии сразу трех бывших «африканцев». В 1958 году Лусиков, Киненко и Нагаев работали в проходческой бригаде Казака на участке № 4 шахты № 7-а треста «Киселевскуголь» в Кемеровской области. Но где они теперь — автор не знал.

Мы с Иваном чувствовали себя именинниками. Вот они, дополнительные доказательства того, что мы на верном пути! Но была причина и для разочарования. Мы так надеялись на то, что на публикацию в газете откликнется кто-нибудь из самих «африканцев»! К сожалению, в читательской почте подобных писем не оказалось…

Интересно, а откуда все-таки Борзенко узнал об участии советских людей в сражениях в Африке? Вот бы познакомиться с его архивами! Приехав в Москву в очередной отпуск, я начал наводить в редакции справки о семье писателя. Ведь он много лет проработал в «Правде». Задача эта оказалась не из сложных. И вот уже в здании агентства печати «Новости» я беседую с сыном Сергея Борзенко Алексеем. Он, как и я, журналист.

— Архивы отца я окончательно не разобрал до сих пор, — рассказывает Борзенко-младший. — Дело в том, что материалы на одну и ту же тему разбросаны у него по разным записным книжкам, и свести их воедино — дело трудоемкое. Насчет повести «Эль-Аламейн» знаю вот что. Основой для нее стали беседы отца с английскими офицерами в 50-е годы, в том числе с

бывшим командующим 8-й английской армией генералом Окинлеком. Армия эта как раз и воевала под Эль-Аламейном. Фамилию русского полковника англичане припомнить не смогли, сказали только, что она — производная от слова «хлеб». Потому-то отец и назвал своего главного героя Хлебниковым.

Так, занятно. В самом начале войны на западных границах СССР стояли десятка четыре танковых дивизий. Если просмотреть списки их командиров, может, и мелькнет «хлебная» фамилия?

Списки принес мне отец из Института военной истории, где проработал не один год. Ни одной «хлебной» фамилии в них не оказалось. Сначала я приуныл, а потом подумал: а что если англичане имели в виду хлеб не в буквальном, а в собирательном смысле этого слова?

Начал вновь изучать списки и обнаружил в них три «съедобных» фамилии: полковники Капустин, Чесноков и Студнев. Теперь надо выяснить их судьбу. За этим я обратился в Центральный архив Министерства обороны СССР.

Тем временем отпуск подошел к концу, я вернулся в Каир, а вскоре редакция попросила меня вылететь в столицу Ливии, чтобы рассказать читателям о торжествах в честь 20-летия ливийской революции.

Гостей на торжества в Триполи ливийцы пригласили много, для журналистов даже был создан специальный пресс-центр. Вместе с корреспондентом ТАСС Вячеславом Анчиковым мы сидели там в ожидании программы праздника, потягивали кофе и вели разговор о том о сем.

В какой-то момент мне показалось, что из-за соседнего столика за нами наблюдают. Встретив мой взгляд, старик-европеец с коротко стриженными волосами обратился к нам на чистом русском языке.

— Вы из Союза? — спросил он.

— Да.

— Разрешите представиться: Николай Валерьевич Шейкин.

Старик придвинул к нам стул, протянул по визитной карточке. «Корреспондент ливийского агентства ДЖАНА в Греции» — значилось на ней.

Разговорились. Шейкин родился в 1910 году в Сибири. Отец его, донской казак, был сослан туда после революции 1905 года. Женился он на обрусевшей гречанке. Родители Николая умерли рано, и в 1922 году брат матери увез сироту-мальчика сначала в Стамбул, а затем в Афины. В Греции Шейкин прожил всю свою последующую жизнь, но продолжает считать себя русским. Живо интересуется происходящим на родине, пишет статьи по русской истории и культуре.

В годы Второй мировой войны Николай Валерьевич партизанил. Узнав об этом, я спросил его: не слыхал ли он о советских солдатах, сражавшихся в рядах союзных войск в Северной Африке? Старик на мгновение задумался, а потом сказал:

— Когда-то я читал, что в тылу войск держав «оси» в Африке действовала диверсионная группа с русским во главе. Она была известна как «группа Попского».

Так, надо смотреть английскую и американскую литературу об африканской кампании против войск фельдмаршала Роммеля. Вернувшись из Триполи в Каир, я долго собирался заняться этим, но всякий раз находились более неотложные дела. И вот наконец я окунаюсь в тишь библиотеки Американского университета, известной как крупнейшее в Египте хранилище литературы на английском языке.

В разделе мемуаров в каталоге мелькнуло знакомое имя — «Попский». С волнением беру в руки книгу. Она мне ровесница, издана в 1950 году, в Лондоне, а называется «Личная армия». Настоящая фамилия автора — Пеняков, Владимир Пеняков. Он действительно русский, но родился и вырос в Бельгии. С 1924 года Пеняков жил в Египте, работал инженером на сахарном заводе на юге страны. Работа там сезонная, перед сбором урожая сахарного тростника время свободного много. Владимир использовал его на путешествия по пустыне. Бедуины-проводники учили его ориентироваться, находить пищу и воду, ездить на верблюде. Освоил русский бельгиец и арабский язык. Так что, когда началась война и Пеняков вступил добровольцем в английскую армию, его взяли в разведку. А в октябре 1942 года, перед самой битвой под Эль-Аламейном, он стал командиром диверсионно-разведывательной группы из 23 человек, получившей шутливое название «Личная армия Попского» — по псевдониму Владимира. На четырех джипах и двух трехтонках группа совершала длительные автономные рейды глубоко в тылу противника.

Среди товарищей Пенякова по оружию во время африканской кампании его соотечественников не было. Но одна из глав книги называется «Иван и Николай». Она о двух русских, примкнувших к «Личной армии Попского» осенью 1943 года, уже в Италии.

Во время одного из рейдов по югу Апеннинского полуострова группа Пенякова остановилась, как обычно, в небольшой деревне, чтобы расспросить крестьян о расположении фашистских застав. Потом устроилась в саду на отдых. Некоторое время спустя в лагерь пришли двое. Одеты они были, как все крестьяне, но внешне на итальянцев не походили: крепкие, русоволосые, с

голубыми глазами. Чувствовалась в них и военная выправка. Один из пришедших заговорил с Владимиром на ломаном итальянском языке. Оказалось, что оба — русские солдаты, попавшие в плен под Смоленском. Сначала их держали в концлагере в Германии, затем — во Франции, а потом перевели на север Италии. Оттуда они бежали и пробрались на юг страны. Батрачили вместе с итальянскими крестьянами, всячески помогавшими им. А когда узнали о том, что в деревню прибыл английский отряд, пришли, чтобы проситься взять их с собой. Того, кто говорил, звали Иван, его товарища — Николай.

Пеняков ответил по-русски, что рад был встретиться с ними, что через несколько дней английские войска освободят эту часть страны, позаботятся о них и помогут им вернуться на родину. Что касается его, Пенякова, то он не может взять Ивана и Николая с собой, поскольку в его машинах для них просто нет места. «Но мы солдаты, — ответил Иван, перейдя на русский. — Мы хотим воевать вместе с вами, а вернуться в Россию еще успеем. Пожалуйста, пожалуйста, возьмите нас с собой. Вы говорите по-русски и сможете отдавать нам приказы, как ни один другой английский офицер. Пожалуйста, не оставляйте нас!» Николай же молчал и лишь в знак согласия кивал головой.

«Слова русских произвели на меня сильное впечатление, — признается Пеняков. — Я слишком хорошо понимал, что они чувствовали в этот момент. Я терзался в сомнениях, боясь, что в трудном рейде эти люди могут стать для нас обузой. «Хорошо, — решился я на компромиссный вариант. — Мы берем с собой Ивана, а Николая захватим на обратном пути». Иван с радостью бросил свои жалкие пожитки в мой джип, а Николай пошел прочь походкой побитого ребенка».

Ближе к вечеру группа тронулась в путь. Колонна шла мимо поля, на котором работали крестьяне. Николай подбежал к машине, чтобы проститься с Иваном. По лицу его катились слезы. И сердце Пенякова не выдержало. «Быстро полезай в следующую машину!» — скомандовал он Николаю.

С тех пор до самого конца войны Иван и Николай — фамилий автор не приводит — сражались с фашистами в «Личной армии Попского» и, по словам ее командира, «стали душой нашей группы». Что было с ними дальше — неизвестно.

Читал я воспоминания Пенякова и не переставал удивляться: двое бывших русских пленных встречают на итальянской земле английского офицера — русского по происхождению и бельгийца по паспорту — и вместе с ним борются против общего врага! Такое не придумаешь специально. А вот поступку Ивана и Николая, которые могли спокойно пересидеть войну, да не

захотели, я не удивился. Их, как и других наших соотечественников, бежавших из плена и примкнувших затем к союзникам в Европе или в Африке, неумолимо толкало на бой с врагом чувство патриотического долга, хорошо известное едва ли не каждому русскому человеку. Такова уж наша многовековая традиция: когда Родина в опасности, собственная судьба отступает на второй план. Вспомним времена Александра Невского и Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Отечественную войну 1812 года…

Историю Ивана и Николая я опубликовал на страницах «Труда» 16 мая 2001 года. В тот же день в редакции раздался телефонный звонок.

— Это ваш читатель, Игорь Александрович Реформатский, председатель Совета ветеранов 84-й Харьковской Краснознаменной стрелковой дивизии. Спасибо за статью. Теперь я больше знаю о Пенякове, о том, чем он занимался до войны.

— А что вы знали о нем раньше?

— Дело в том, что майор Пеняков подписал акт встречи передовых отрядов советских и британских войск в Австрии. Было это 9 мая 1945 года, в 20.00, в районе городков Войтсберг и Кофлах. С советской стороны этот акт, вроде знаменитой встречи на Эльбе с американскими войсками, подписал майор Лыков, представитель штаба нашей 84-й дивизии. Я даже запрашивал английские архивы о судьбе Пенякова.

— И что вам оттуда сообщили?

— Да ничего особенного. Что родился в 1897 году, прославился в «Личной армии Попского», во время встречи с советскими войсками в Австрии выполнял обязанности офицера связи при командующем 8-й британской армией генерале Маккрири. Писал я и в совет ветеранов 8-й британской армии. Но ничего нового от них не узнал.

— А не могли бы вы дать мне адрес этого совета ветеранов? — спросил я Реформатского.

— Пожалуйста! — И продиктовал адрес.

8-я британская армия — та самая, что сражалась при Эль-Аламейне. Возможно, ее ветераны вспомнят о своих русских товарищах по оружию! Увы, не вспомнили. Зато сообщили, что существует Ассоциация друзей «Личной армии Попского».

Из переписки с координаторами ассоциации Роем Патерсоном и Гайем Харрисом я узнал, что они периодически устраивают встречи ветеранов «Личной армии Попского», работают в архивах, чтобы восстановить боевой путь этого легендарного подразделения британской армии. Я спросил их о судьбе Ивана и Николая. Поначалу они ничего мне сказать о них

не смогли. Но в конце 2005 года я получил очередное письмо из ассоциации, в котором говорилось: Иван и Николай были уволены из британской армии вскоре после окончания войны, получив при этом приличное по тем временам выходное пособие. Куда они девались — не известно. Зато известны фамилии: Иван Мораи и Николай Колагин (возможно, Калягин или Кулагин).

Я тут же запросил Центральный архив Министерства обороны в Подольске. Ответ пришел только через год и, увы, неутешительный. «В неполной алфавитной картотеке военнослужащих, находившихся в немецком плену и освобожденных из плена советскими войсками, Мораи Иван, Колагин (Кулагин, Калягин) Николай не значатся».

А тогда, в 1990 году, ответ из архива в Подольске я получил довольно быстро. Судьбы трех командиров-танкистов со «съедобными» фамилиями оказались совершенно различными. Полковник Капустин благополучно прошел всю войну и уволился в запас в 1946 году. Очевидно, что он не мог быть прототипом Хлебникова. Полковник Чесноков погиб 29 декабря 1942 года. Правда, место его захоронения не указано, но это явно не Северная Африка. Путь туда пролегал только через плен, а в этом случае в архивных документах даты смерти быть не могло. И, наконец, полковник Студнев. Пропал без вести в 1941 году. 29-я танковая дивизия, которой он командовал, в первые же дни войны была разгромлена фашистами и уже 14 июля расформирована. «Пропал без вести» — значит, скорее всего, оказался в плену. Стало быть, с героем книги Борзенко совпадают не только звание и должность, но и судьба. В общем, подходит и возраст. «Раскрасавец парень, косая сажень в плечах, годов тридцати пяти, не больше — так характеризует Хлебникова в книге один из его друзей-танкистов. Николай Петрович Студнев родился в Тверской губернии в 1902 году, значит, к началу войны ему было от силы 39.

Так что же, комдив Студнев и полковник Хлебников — одно и то же лицо? Возможно. И вполне объяснимо, почему при такой фамилии у англичан отложилась в памяти ассоциация с хлебом. Ведь студень — блюдо им чужое, а хлеб — первая еда, даже у англичан.

Но прототипом полковника Хлебникова мог быть и русский эмигрант, воевавший, как И. Д. Звегинцов, в рядах союзников. Скажем, подполковник-танкист князь Дмитрий Георгиевич Амилахвари (1906–1942), храбро сражавшийся в войсках Свободной Франции и погибший при Эль-Аламейне. Этот человек, получивший из рук самого генерала де Голля высшую награду — Крест Освобождения, был легендарной фигурой.

«Среди солдат Свободной Франции создался настоящий культ памяти подполковника Амилахвари», — писал в 1947 году другой участник североафриканской кампании, эмигрант Владимир Алексинский.

О подвигах Амилахвари наверняка знали англичане. Причем для них он определенно был просто русским офицером. В боевом содружестве вряд ли имели значение гражданство или национальность. Выходец из России — значит, русский. Возраст Дмитрия Георгиевича практически совпадает с возрастом Хлебникова: он погиб в 36 лет. Впрочем, древняя грузинская княжеская фамилия Амилахвари, как сказали мне специалисты, к хлебу никакого отношения не имеет.

Так кто же вы, полковник Хлебников? Советский офицер Николай Студнев или русский эмигрант Дмитрий Амилахвари? Ответить на этот вопрос все еще невозможно. Но то, что наши соотечественники в годы Второй мировой войны рука об руку с союзниками воевали против фашизма в Северной Африке, уже не вызывает сомнений.

Глава 26
Червоны маки на Монте-Кассино

Осенью 1990 года мои поиски по теме «Эль-Аламейн» застопорились. К счастью, ненадолго.

Весной следующего года я неожиданно получил такое вот письмо. «Пишу с опозданием, и большим. Отвечаю на публикацию в газете «Правда» от 8 мая 1988 года «Они сражались в песках». Потерялась статья в моих бумагах, а сейчас вот нашлась, и вот что я хочу сообщить.

В 1947–1949 годах к нам в Сибирь, в Иркутскую область, Тайшетский район, поселок Саранчей, было выслано много с Литвы, Украины, немцев Поволжья. В этих семьях было много детей, и мы, местные, дружили с этими ребятами. Умели говорить и по-немецки, и по-литовски, и по-украински. Одним словом, дети есть дети.

Но особенно сильно подружился я с украинской семьей Решетицких. Отца звали Прохор, мать — Домна, а сына — Федор. Федор много рассказывал мне об Украине. Однажды он показал мне семейные фотографии. На одной из них отец его в военной форме на фоне пирамид. Федор сказал, что отец его воевал в песках Египта. Прочитал я статью и вспомнил про эту фотографию».

Автор письма, Алексей Пантелеевич Супрун, живущий в Набережных Челнах и работающий на КамАЗе, прислал адреса — и друга своего Федора, в Алма-Ате, и отца его, в Кривом Роге. Надо ли говорить, что я тут же написал на Украину. Но шли месяцы, а ответа не было. Тогда, уже осенью, я написал опять: вдруг почта подвела? На сей раз не только отцу, но и сыну. И вновь стал ждать.

Полгода спустя, когда надежда начала покидать меня, из Алма-Аты наконец пришел ответ. Вместе с фотографией! «Здравствуйте, Владимир Владимирович! Пишет Вам Федя, тот самый, который показывал эту фотографию Супруну. Отец старый, ему 82 года. Видел я его чуть больше года тому назад. Из рассказов отца знаю, что до войны он работал на мосторемонтном поезде. Строили мост через Днепр в Кременчуге. Поезд этот каким-то путем попал в Польшу. Отец вступил в польскую армию, которая сражалась под командованием англичан. Я часто слышал от отца, что Черчилль приезжал на

передовую линию фронта. И еще что очень много погибло солдат при взятии высоты Монте-Кассино. Иногда он пел песню «Червоны маки на Монте-Кассино». Вернулся отец домой в 1947 году из Англии. Тогда семью нашу и сослали в Сибирь, в Саранчей. На фотографии отец второй слева. Кто вместе с ним, не знаю».

Федору Прохоровичу я немедленно отправил в Алма-Ату письмо с горячей благодарностью, предварительно пересняв фотографию. Оригинал же вложил вместе с письмом в конверт. В письме спросил, можно ли приехать к отцу и как это сделать. Собственно, я и не стал бы спрашивать, поехал бы во время отпуска и так. Но смущало меня, что ответ пришел не от самого старика Прохора, а от его сына. Может, отец так плох, что и написать не в силах? Или не хочет?

А поехать в Кривой Рог так нужно! Ведь Прохор Никанорович Решетицкий — единственный из соотечественников, воевавших в Египте, кого мне удалось найти! Он ведь наверняка сможет ответить почти на все мои вопросы! Много ли было советских? Были ли у них свои подразделения? Кто был самым старшим? Сколько наших погибло? Где их хоронили? Когда и каким путем возвращались домой? Не говоря уже о его собственной судьбе, удивительной даже по меркам щедрого на необычное военного времени.

Каир, 1943 г. Второй слева — П. Н. Решетицкий

Фотографию я опубликовал в «Правде» в День Победы — 9 Мая 1992 года. Спустя некоторое время после этого мне позвонил военный атташе России в Египте полковник Юрченко.

— Владимир Владимирович, видел в газете фотографию, поздравляю, — сказал он. — Вот что я подумал. 25 октября — 50-летие битвы при Элъ-Аламейне. Будут большие торжества, соберутся ветераны со всего мира. Вот бы организовать приезд вашего Решетицкого! Приглашение и пребывание здесь могу взять на себя. Только бы найти спонсора, готового заплатить за билет до Каира!

Идея была прекрасная, и я чистосердечно поблагодарил за нее полковника. Сказал, что во время отпуска собираюсь поехать к старику Прохору. Если он в силах совершить такую поездку, будем действовать. Перед отпуском я еще отправил письмо в Канаду Джо Суини — тому самому, с которым познакомился в Эль-Аламейне в 1987 году и который рассказал мне о своей встрече в Александрии в 1943 году с двумя моими соотечественниками. Написал, что я еще в Египте и рад был бы встретиться с ним во время торжеств в Эль-Аламейне в октябре. Не забыл упомянуть и про Решетицкого.

Это только сказать легко — приехать из Москвы в Кривой Рог. На практике все не так просто. Расстояние — тысяча километров. Старик Прохор живет не в самом городе, а в селе неподалеку. Нужен грамотный провожатый, транспорт, надо где-то ночевать в чужом городе, наконец, в сезон летних отпусков как-то доставать обратный билет из Кривого Рога в Москву. Но я был полон решимости ехать. Может быть, даже на собственной машине. Решимости мне прибавили и два письма. Одно — от Федора, где он писал, что ехать, по его мнению, не только можно, но и нужно. Другое от Джо, я получил его прямо в день отлета из Каира.

«Дорогой Владимир, спешу ответить на твое письмо, которое пришло всего несколько часов назад. Пытался даже тебе дозвониться, но неудачно. Дело в том, что у меня есть готовое решение, как заполучить твоего украинского ветерана в Эль-Аламейн в октябре. Я забронировал два места для себя и жены Людмилы в туристической группе английской компании «Бэттлфилд турз». Помнишь, я знакомил тебя с ее владельцами — майором Тони и его женой миссис Холт? Так вот, жена моя заявила, что вряд ли сможет поехать. Ее совсем замучил артрит. Вот я и решил: а что если предложить ее место твоему украинцу? Тут, конечно, есть две проблемы. Во-первых, он должен прибыть в Лондон до 21 октября. И во-вторых, захочет ли он спать рядом со мной на двуспальной кровати в одном гостиничном номере? Пожалуйста, ответь как можно скорее. Твой Джо».

Милый, милый мой Джо! Я едва успел черкануть ему пару слов в ответ: то же, что я сказал и Юрченко. Сначала я встречусь со стариком и посмотрю, осилит ли он поездку, а там будем решать.

Приехав в Москву, позвонил вскоре в Днепропетровск корреспонденту «Правды» Николаю Борисовичу Миронову. Изложил ему суть дела и попросил помочь организовать поездку в Кривой Рог, ведь от него до Днепропетровска — километров сто, не больше. Миронов ответил, что вряд ли сможет быть мне полезен: в его корпункте нет машины. Значит, надо искать другие варианты.

Дней через десять после этого разговора я был в гостях у давних своих друзей еще по работе в Бейруте в начале 80-х годов — Галины и Виктора Голубевых. Обмолвился о Решетицком. И — эврика! Как же это я забыл! Ведь мама Галины живет в Днепропетровске! «Я как раз собираюсь туда в середине августа, — сказала Галя. — Поедем вместе!» А Виктор добавил: «У меня там и машина до сих пор стоит — никак еще не пригоню ее в Москву после работы в Южном Йемене!»

Сказано — сделано. Галина взяла билеты, и вот уже поезд мчит нас в Днепропетровск. Машина Виктора не пригодилась: моим гидом и шофером вызвался стать его друг, Николай Хотинич.

Видавшая виды «девятка» несется в сторону Кривого Рога. Машин на шоссе мало. «С бензином плохо», — комментирует Николай. Федор Решетицкий объяснил в письме, что сначала надо добраться до села Веселые Терны. Найти его не составило большого труда. От Тернов свернули направо, и уже через несколько минут въехали в село поменьше, Каменное Поле. Здесь в доме № 91 и живет Прохор Никанорович Решетицкий.

Остановились у ворот. От дома на нас бросилась дворняга, но не зло, а так, для порядка. Дверь оказалась заперта на висячий замок. «Надо спросить соседей», — предложил Николай.

Старушка в доме напротив не сразу поняла, кто нам нужен. «Решетивський? — переспросила она на украинский манер. — Так он тут не живет, его хата через две от моей!»

Пришлось нам вновь залезать в машину и ехать еще метров пятьдесят. Дом, на который указала нам старушка, оказался под номером 92. Ошибся Федор, что ли? Собака на дворе была покрупнее прежней, и Николай на всякий случай вооружился палкой. Маленькая беленькая хата стояла в глубине сада. Заслышав собачий лай, хозяин вышел на крыльцо. Невысокого роста, худощавый, в кепке и домашних тапочках.

— Прохор Никанорович?

— Я!

— Беляков я, корреспондент «Правды» в Египте! Это я вам писал!

— Ну-ну! — неопределенно молвил старик.

— Можно с вами поговорить?

— Давай!

Мы сели на табуретки в тени раскидистой шелковицы, возле умывальника. Только было начали разговор, как, привлеченная стоящей у ворот машиной, заглянула соседка. Она затараторила по-украински, и, если бы не Николай, мне бы так и не узнать, что восемь лет назад у старика умерла жена, и с тех пор он остался один. Правда, тут же, в Каменном Поле, живет один из его сыновей, Владимир, но у него своя хата, жена, дети, так что к отцу заходит редко. А ухаживает за стариком его племянница — кормит его, стирает, убирает. Что ж такого, вскинула руки соседка, у племянницы детей нет, что же ей не помочь дядьке!

В продолжение всего разговора Решетицкий слушал с отсутствующим видом, будто не про него идет речь. Я обратил внимание, что, несмотря на почтенный возраст, заметный во всем его облике, в волосах старика почти не было седины.

— Прохор Никанорович, как вы попали в Египет?

— Как в Египет попал? — переспросил старик. — Был на фронте, воевал, а там и в Египет попал. А кончили воевать, оказывается, все плохо! Приехал домой. «Ты был в Египте — в Сибирь!» В Сибирь приехал голый. Лес там грузил краном. Зарабатывал хорошо.

— Ну а в Египет-то вы все-таки как попали? Война началась — вы где были?

— В Египет? — вновь переспросил старик. — Да позабывал все, черт побери! Как попал… Был я в польской армии… — И вдруг задекламировал:

Червоны маки на Монте-Кассино,
За них лили польскую кровь…

Две следующие строчки Решетицкий промямлил, и, как потом ни старался я разобрать магнитофонную запись, так и не смог. Зато второе четверостишие прочитал четко, даже с пафосом:

Пройдут лята и веки преминут,
Позастанут стародавние дни.
Но те маки на Монте-Кассино
Червоней еще будут — растут на польской крови…

Прохор Никанорович Решетицкий. 1992 г.

Да, видно, здорово засело у старика в памяти Монте-Кассино. Отправляясь в Каменное Поле, я как следует полазил по справочникам, чтобы узнать, что это за гора такая в Италии, чем знаменита она в дни войны. Ведь Федор Прохорович упоминал ее в своем письме. И вот что я обнаружил.

В начале 1944 года немецкие войска, отошедшие из Южной Италии, закрепились на заранее подготовленном рубеже Кассино-Ортона, в 120 километрах от Рима. В районе Кассино союзники

трижды — в январе, феврале и марте — пытались прорвать оборону противника, но безуспешно. Следующее, четвертое наступление готовилось более тщательно. Началось оно 11 мая — тогда, когда в горах вовсю цветут маки. Наступление развивалось медленно, трудно. Главный опорный пункт фашистов, Кассино, был очищен лишь через две недели, в основном усилиями 2-го польского корпуса. Путь на Рим был открыт…

— Эх, время было такое, много чего было, да позабывал все! — рефреном повторил старик, закончив декламировать слова боевой песни. — Как у пирамид был — помню. Помню, как жили в пустыне, палатки поставили. К палаткам приходили пацаны такие маленькие: «Бакшиш, бакшиш!» Значит, дай что-нибудь! Гоняли мы их от палаток… Да, там было — ой! — нехорошо! Такую жару терпеть! Днем — 40–45. Рубашку намочишь — и в палатку. А вечером занятия…

— Так вы в польской армии были?

— В польской.

— Наших-то много было с вами?

— Много, много.

— Как много — тысяча, две или поменьше?

— Да нет, тысячи не было…

— А сколько — сто, двести? — не унимался я.

Старик наморщил лоб. Было видно, что он силится вспомнить, но память уже не подчинялась ему.

— Больше, чем двести, — сказал он, помолчав.

— Жили в палатках вместе с поляками или отдельно?

— Отдельно!

— А командиры кто были?

— Командиры — поляки. Руководитель у них был Сенкевич — грозный такой! Генерал.

— А в каких частях служили?

— Был я в пехоте. Потом мы получили танкетки. Не танки, а танкетки. Танк воюет, а танкетка его обслуживает.

— Прохор Никанорович, а кто с вами на той фотографии? Наши или поляки?

— Не знаю, позабывал все… — вновь затянул свой рефрен старик.

Ну что тут поделаешь! Ведь полвека прошло! Эх, как жаль, что у Решетицкого такой сильный склероз! У меня ведь столько вопросов…

Продолжать разговор было бессмысленно. Старик смотрел невидящим взглядом куда-то вдаль — может, в свое далекое прошлое, и мне даже показалось, что вид у него был немного виноватый. Но я все же осмелился задать ему еще один вопрос.

— Прохор Никанорович, а фотографии военных лет у вас остались?

— Не-е-е-т! — протянул он. — Отобрали еще в Сибири! Только эта и осталась…

Значит, надо прощаться. Когда садились в машину, Решетицкий, провожавший нас до ворот, вдруг опять начал декламировать: «Червоны маки на Монте-Кассино…»

Вернувшись в Каир, я рассказал о встрече со стариком полковнику Юрченко. Написал и Джо Суини. Приглашать Прохора Никаноровича в Эль-Аламейн было уже поздно. Мы опоздали лет на десять.

Впрочем, под Эль-Аламейном Решетицкий, как я выяснил много лет спустя, продолжая уже в Москве по книгам и архивам изучать северо-африканскуто кампанию, определенно не воевал. 2-й польский корпус вообще не принимал участия в военных действиях в Африке. Но формировался он в Египте, в конце 1943-го — начале 1944 года, из так называемой Армии Андерса и польской Отдельной бригады карпатских стрелков.

Армия Андерса была создана на территории СССР в конце 1941 года из польских военнослужащих, интернированных в ходе присоединения Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 году. В феврале 1942 года она насчитывала 73 тысячи человек. Однако командующий армией, бывший офицер царской армии, польский генерал Владислав Андерс, отказался направить ее на восточный фронт и вскоре добился от советского руководства разрешения вывести ее в Иран. Эта операция завершилась в августе 1942 года. Как отмечал Андерс в своих мемуарах, «я не позволил исключить из этого числа тех украинцев, белорусов и евреев, которые уже состояли в рядах армии».

По-видимому, почти все эти люди были выходцами из Западной Украины и Западной Белоруссии и после их воссоединения с СССР автоматически стали советскими гражданами. Об этом говорят документы по послевоенной репатриации, которые я обнаружил в Государственном архиве Российской Федерации. Согласно моим подсчетам, только в 1947 году число репатриантов из армии Андерса составило по меньшей мере 1024 человека. Практически все они служили в ней с 1941 года.

Вероятно, немало наших соотечественников было и в Карпатской бригаде. Она формировалась летом 1940 года в Сирии, затем была переведена в Палестину, а в начале 1941 года — в Египет. Численность бригады составляла 5700 человек. С августа по декабрь 1941 года Карпатская бригада принимала участие в обороне Тобрука в Восточной Ливии. А вот во время

битвы при Эль-Аламейне бригада находилась в резерве.

О том, что в польских частях было немало украинцев и белорусов, можно судить и по списку из 417 их военнослужащих, похороненных на английских военных кладбищах в Египте. Среди них — Храпун, Хмара, Максимчук, Левко, Лукашевич, Трищук, Шмель, Козакевич, Мазур, Романюк и т. д. Очень много фамилий оканчиваются на«…ский», причем есть и такие, что давно известны в России, — Крушинский, Алексеевский, Твардовский, Зелинский, Войцеховский. Есть и русские (или еврейские) фамилии — Литвин, Пупин, Ивасищин, Резинкин, Лебедев.

В сентябре 1942 года армия Андерса была переброшена из Ирана в Ирак, в район Мосул — Киркук, на охрану стратегически важных для англичан нефтепромыслов, где находилась около года. Вскоре после высадки союзников в Италии, летом 1943 года, армию Андерса перевели в Египет, где из нее и Карпатской бригады и был сформирован 2-й польский корпус. 8 февраля 1944 года началась его переброска в Италию.

В списках репатриированных имя Решетицкого я не встретил. Но документы по репатриации до сих пор рассекречены не полностью, так что целостную картину составить пока невозможно. Судя по рассказам Прохора Никаноровича, скончавшегося через два месяца после нашей встречи, попал он сначала все-таки в армию Андерса, а не в Карпатскую бригаду.

Торжества по случаю 50-летия битвы при Эль-Аламейне были пышными. Приехал даже британский премьер Джон Мейджор. Но мы с Джо Суини все-таки нашли время пообщаться спустя пять лет после нашего знакомства. Энергично жестикулируя, он рассказывал мне, где были позиции союзников, а где — держав «оси», и какого напряжения сил потребовала победа. Ветеранов собралось много, не одна сотня, из разных стран. Наших среди них не было. Но это не главное. Главное в том, что мои соотечественники были там полвека назад.

Глава 27
Загадка Кантары

Летом 1990 года я поехал на Северный Синай, в город Эль-Ариш. Египтяне устроили там международный молодежный трудовой «лагерь мира» и пригласили для участия в нем и советскую делегацию. Вот я и решил посмотреть на это, так сказать, мероприятие, поговорить с членами нашей делегации.

Чтобы попасть на Синай, надо преодолеть Суэцкий канал. Роскошного подвесного моста через канал у городка Кантара, между Исмаилией и Порт-Саидом, тогда еще не было, на другой берег машины переправлялись на пароме. От паромной переправы шоссе сначала шло по одной из улиц Восточной Кантары, а затем уже выскакивало в пустыню.

На выезде из города я заметил английское военное кладбище. Решил заехать посмотреть. Кладбище состояло из двух частей — собственно английской и польской. Как явствовало из пояснительной надписи у входа, в годы Второй мировой войны в Кантаре размещался польский военный госпиталь.

Осматривая польскую часть кладбища, я обнаружил две могилы со звездой на надгробном камне. «Рядовой В. Зимберинг, Советские вооруженные силы, скончался 8 октября 1944 года» — гласила надпись на первом надгробии. «Сержант Е. Кракси, Советские вооруженные силы, скончался 20 октября 1944 года» — было написано на втором надгробии.

Находка меня удивила. Не тем, что двое моих соотечественников в годы войны оказались заброшенными в Африку и умерли то ли от ран, то ли от болезней в польском госпитале. Мало ли какие чудеса творит с людьми судьба! Удивился я тому, что эти люди скончались в октябре 1944 года — почти через два года после того, как войска союзников изгнали из Египта итало-немецкий экспедиционный корпус.

С подобной загадкой я столкнулся уже во второй раз. Впервые — когда поехал посмотреть английское военное кладбище в Телль аль-Кебире, между Каиром и Исмаилией. В этом местечке в 1920–1921 годах располагался лагерь русских беженцев. Я действительно нашел там несколько могил соотечественников, но все они скончались еще весной 1919 года, задолго до того, как в Египет прибыли первые беженцы. И где, в таком случае, хоронили самих беженцев? Ведь среди них

насчитывалось много раненых и сыпнотифозных, так что потери были неизбежны…

Что же за люди покоятся на английских военных кладбищах в Телль аль-Кебире и Восточной Кантаре? Во время летних отпусков я пытался в тиши библиотек найти ответ на этот вопрос. Не нашел. Загадки много лет спустя, когда я уже вернулся из Каира в Москву, помогли разгадать российские архивы. Сначала — в отношении Телль аль-Кебира, а затем — и Кантары.

Поиски я начал с Архива внешней политики Российской империи. В его фондах хранятся документы и Российского дипломатического представительства и генерального консульства в Египте. Бывшие царские миссии функционировали там до октября 1923 года, и в их архивах немало документов о судьбе наших соотечественников, оказавшихся в Стране пирамид после революции и Гражданской войны. Выяснилось, однако, что могилы в Телль аль-Кебире не имеют отношения ни к тому, ни к другому.

Когда началась Первая мировая война, то граница Египта с Палестиной, входившей в состав Османской империи, превратилась в линию фронта. Турки несколько раз пытались прорваться к Суэцкому каналу, но были отброшены английскими войсками. А затем англичане перешли в наступление и к концу войны совместно с арабскими повстанцами вышли к границам собственно Турции.

Среди военнопленных, которых англичане освободили в ходе военных действий, были и подданные к тому времени уже рухнувшей Российской империи. Турки захватили их в плен где-то в Европе и перебросили на Ближний Восток для участия в подсобных работах. В России шла Гражданская война, а Англия принимала весьма активное участие в иностранной военной интервенции в нашу страну. Чем все кончится — было неясно, бывших русских военнопленных надо было где-то временно устроить, и англичане решили перебросить их в свою вотчину — Египет.

6 декабря 1918 года в Порт-Саид из Палестины прибыла первая группа бывших русских военнопленных в количестве 64 человек. В середине декабря — уже 586 человек. Англичане разместили их в двух палаточных лагерях, оснащенных походными госпиталями, — в Телль аль-Кебире и в Кантаре. К маю 1919 года число обитателей лагеря в Телль аль-Кебире достигло 1148 человек. В отношении второго лагеря, в Кантаре, цифры, увы, отсутствуют.

Англичане поддерживали контакты с бывшими царскими консульскими представителями. Они информировали их о

случаях тяжелых заболеваний среди русских военнослужащих, а затем — об их выздоровлении или смерти. Вот из этих сообщений я и узнал о том, от чего скончались похороненные на английском военном кладбище в Телль аль-Кебире весной 1919 года Петр Герман, Салих Боткаев, Эрнст Прейман, Егор Федотов и Тимофей Грудинин.

Процесс репатриации проходил медленно и преимущественно через Дальний Восток. Когда Гражданская война и иностранная военная интервенция близились к концу, к соотечественникам стало проявлять интерес Советское правительство. «Относительно пункта, касающегося репатриации, следует указать, что некоторое число русских подданных, задержанных британскими властями в Египте, Персии, Константинополе, Батуме и других местах и желающих возвратиться в Советскую Россию, еще не получили необходимого разрешения от британских властей, — говорилось в ноте правительства РСФСР правительству Великобритании от 6 октября 1920 года. — Также нужно указать, что некоторые из этих пленных, например содержащиеся в Кантаре в Египте, подвергаются обращению, которое вызывает энергичный протест». В ответной ноте от 10 октября правительство Великобритании сообщило, что «в числе русских подданных, ожидающих возвращения на родину в различных частях Британской империи, 129 человек, ожидающих репатриации в Кантаре в Египте, насчет якобы тяжелого положения которых нам ничего не известно, но срочно наводятся справки».

Вряд ли англичане действительно плохо обращались с бывшими русскими военнопленными. Скорее всего, те роптали из-за изнуряющей жары в стоявших на краю пустыни палаточных лагерях. Но, по-видимому, демарш Советского правительства подействовал. Уже 30 октября народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин направил в Лондон, председателю советской торговой делегации Л. Б. Красину (дипломатические отношения между двумя государствами были все еще разорваны), следующую телеграмму: «Приняты меры к встрече транспорта, на котором, по Вашему сообщению, русские пленные возвращаются из Египта и Константинополя в Одессу». Вероятно, тем самым репатриация полностью завершилась. По крайней мере после этой даты мне ни разу не встречались в документах упоминания о бывших русских военнопленных в Египте.

Что же касается русских беженцев, заселивших весной 1920 года опустевший лагерь в Телль аль-Кебире, то для них англичане устроили собственное кладбище. Наверно, потому, что далеко не все беженцы были военнослужащими, а старое английское

кладбище — исключительно военное. «Наших покойников хоронят здесь без гробов и почему-то не на общем кладбище, где цветут олеандры и посажены пальмы, а отдельно, — писал один из обитателей Телль аль-Кебира, известный журналист Александр Яблоновский. — В желтой пустыне, в стороне от наших палаток, огорожен колючей проволокой песчаный квадрат. Это наше кладбище. Сюда на больничных носилках приносят русских покойников, заворачивают в старенькое госпитальное одеяло и зарывают в песке.

Родные складывают из белых морских камешков крестики на могилках или пишут имена умерших на жестянках из-под консервов и прибивают эти жестянки к деревянному кресту…

Это, без сомнения, самое грустное и самое бедное кладбище из всех, какие я видел на своем веку. Ни мавзолеев, ни венков, ни надгробных плит, а только безграничное море песка, и над ним, в вышине, плывут облака. Вечный покой и вечное молчание пустыни».

Увы, от этого кладбища, как и от самого лагеря, не осталось и следа…

На польской части английского военного кладбища в Восточной Кантаре тоже похоронены наши бывшие военнопленные. Это я выяснил уже в другом архиве, внешней политики Российской Федерации, ознакомившись с дипломатической перепиской того времени.

13 мая 1943 года военные действия в Северной Африке прекратились. Итало-германские войска были разгромлены, их остатки сдались в плен в Тунисе. Вскоре после этого союзники высадили десант на Сицилии, а затем и на юге континентальной Италии. По мере продвижения на север союзные войска освобождали военнопленных различных национальностей. В январе 1944 года среди них оказалась первая группа советских граждан — всего девять человек. Поскольку отправить этих людей на родину кратчайшим путем не представлялось возможным, британские власти решили доставить их сначала из Италии в Египет, а затем уже репатриировать оттуда через страны Ближнего Востока и Иран.

В Москве понимали, что эта девятка — лишь первая ласточка, что чем дальше будут продвигаться союзники, тем больше они будут освобождать из плена советских людей. Поэтому было принято решение отправить в Каир, в Главный штаб союзников на Ближнем Востоке, офицера связи по репатриации военнопленных. Им стал майор Анисим Васильевич Карасов.

Азербайджанский писатель Сулейман Велиев, репатриированный из Италии через Египет, в своих

воспоминаниях так характеризовал Карасова: «Он принадлежал к числу тех людей, которые сразу располагали к себе. В выражении лица, глаз удивительно сочетались сосредоточенность, строгость с приветливостью. С первого же знакомства Анисим Васильевич завоевал наши симпатии». Когда репатрианты покидали Египет, Карасов дал некоторым из них свой московский адрес. В 1955 году Велиев во время поездки в Москву встречался с Карасовым, между ними завязалась переписка.

Вскоре после прорыва союзниками обороны противника на линии Кассино — Ортона, в котором участвовал и П. Н. Решетицкий, они 4 июня 1944 года освободили Рим. К Новому году практически весь итальянский «сапог» был очищен от фашистов, они контролировали лишь северную часть страны.

С конца 1944 года бывшие советские военнопленные стали прибывать из Италии в Египет в массовом порядке. К концу года их число составило 5700 человек.

Бывших советских военнопленных размещали в транзитных лагерях. Один из них, № 190, находился в тех самых старых казармах в Сиди Бишр, возле Александрии, где в 1920–1922 годах обитали русские беженцы. Транзитный лагерь № 307, в который попал Сулейман Велиев, располагался в местечке Гинейфа, на берегу Малого горького озера, через которое проходит южная часть Суэцкого канала. Севернее, на берегу Большого горького озера, был разбит лагерь № 380, а в Телль аль-Кебире существовали даже два лагеря, № 305 и № 379. Конечно, там стояли уже не те палатки, в которых за четверть века до этого жили русские беженцы, но место, скорее всего, было то же самое.

Вероятно, именно из Телль аль-Кебира попали в польский госпиталь в Кантаре скончавшиеся там два советских военнослужащих. Причем, разбирая архивные документы, я обнаружил, что фамилия одного из них — вовсе не Кракси, как значится на надгробной плите, а Красин. В дипломатической переписке сработал «испорченный телефон». В первом сообщении британских властей, о его болезни, написано «Kracin».

Могила Е. Красина на английском военном кладбище в Восточной Кантаре

В следующем сообщении, о смерти, потерялась последняя буква, «n». Ну, а в последнем сообщении, о причине смерти, кто-то добавил второе «c», и получилось «Kraccі» — Кракси. О своей находке я тут же сообщил в Комиссию по военным захоронениям Британского содружества в английском городе Мейденхед. Там обещали исправить ошибку.

Ну а теперь обратимся к воспоминаниям Сулеймана Велиева о пребывании в транзитном лагере. Но сначала о том, как мне удалось их найти.

Весной 1990 года, находясь в Каире, я получил письмо от своего бывшего начальника по редакции «Правды» и предшественника на посту ее корреспондента в Египте Павла Епифановича Демченко. За три года до этого, во время краткой командировки в Каир, Демченко рассказал мне интересную историю.

— В 1944 году я служил в Иране, — вспоминал Павел Епифанович. — Однажды на станции остановился английский воинский эшелон. Солдаты были одеты в британскую военную форму, но без знаков различия. На англичан они не были похожи. Прислушался: говорят по-русски! Один из них спросил меня, где взять кипятку. Пока бегали вместе набирать чайник, он рассказал, что в эшелоне следует из Северной Африки домой батальон, сформированный из бывших советских военнопленных.

В письме Демченко продолжил ту же тему. «Недавно по радио передавали отрывки из автобиографического романа писателя с мусульманской фамилией, — сообщал он. — Так вот, этот писатель после освобождения из плена был репатриирован через Египет и Иран. Можно было бы попробовать его найти».

Можно, конечно, если знать его имя. Но есть и другой путь. До «Правды» я много лет работал на Московском радио. Написал бывшим коллегам, попросил поискать эту передачу. Но куда там! Вроде как искать иголку в стоге сена. Ведь я даже примерно не знал время выхода передачи в эфир, а передач — тысячи.

Но, может, Демченко вспомнит фамилию? Позвонил ему в Москву. «Кажется, фамилия того писателя — Валиев или Велиев, — сказал Павел Епифанович. — Я слушал передачу в машине и фамилию его записать не мог».

Это уже что-то! Летом, во время отпуска, я отправился в Ленинскую библиотеку. Задача оказалась не из простых. Авторов и с той, и с другой фамилией было немало, и каждый из них опубликовал несколько книг. Я просматривал том за томом. И в конце концов нашел то, что искал. В сборнике азербайджанского писателя Сулеймана Велиева «Жемчужный дождь», изданном в 1963 году, я обнаружил его воспоминания «Путь на родину».

В день прибытия репатриантов в лагерь в Гинейфе из них при участии майора Карасова был сформирован полк. 7 ноября личный состав полка устроил военный парад на плацу перед штабом по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. Немцы из находившегося по соседству лагеря военнопленных кричали и бросали в участников парада камни. Карасов отправился к коменданту немецкого лагеря, американскому офицеру, и через несколько минут пленные успокоились. После парада состоялся концерт художественной

самодеятельности. Такие концерты, как и литературные вечера, устраивались потом каждое воскресенье.

Еще до праздника репатрианты, среди которых, вероятно, было немало азербайджанцев, поставили в лагере известную музыкальную комедию У. Гаджибекова «Аршин мал алан». Постановка имела шумный успех не только среди самих репатриантов, но и среди египтян. «На наши спектакли приходили жители из близлежащих деревень, — отмечал Сулейман Велиев. — Мы слышали, как на улицах арабы распевали арии Аскера и Гюльчохры. Даже ребятишки мурлыкали себе под нос мелодии популярной азербайджанской оперетты».

Администрация лагеря не запрещала египтянам общаться с советскими военнослужащими. Местные жители, вспоминал Велиев, «ежедневно приходили в одиночку и группами, завязывали с нами беседы, забрасывали нас вопросами». Он приводил, к примеру, свой разговор с египетским учителем, интересовавшимся положением мусульман в СССР. Среди репатриантов было немало бывших бойцов интернациональных партизанских отрядов в Италии, нахватавшихся там разных языков. Ну а в Египте распространены французский и английский, так что языкового барьера собеседники не чувствовали.

Велиев не писал о том, что представлял собой лагерь, были ли там палатки или бараки. Не нашел я описания лагеря и в архиве. Зато в одном из документов отмечалось, что союзники обеспечивали репатриантов питанием по норме британских солдат и английским военным обмундированием в зависимости от времени года.

8 декабря 1944 года репатриантов лагеря № 307, среди которых был и Сулейман Велиев, отправили поездом в Суэц. Проводить их на станцию пришли сотни египтян. «Арабы молились за нас, за наше благополучное возвращение на родину, за наше счастье, — вспоминал Велиев. — Они раздавали нам хурму, инжир, а тому, кто, смущаясь, отказывался, чуть не насильно всовывали свертки в руки, клали в карманы. Они говорили, что мы для них — это советский народ и, выказывая свои добрые чувства к нам, они выражают свою любовь к советскому народу, к нашей стране».

В конце Второй мировой войны интерес к СССР был в Египте очень большим, а отношения египтян к советским людям отличались искренней симпатией. 15 мая 1944 года показом документального фильма «Сталинград» в каирском кинотеатре «Опера» был дан старт кампании по сбору средств в помощь гражданскому населению СССР. На просмотре присутствовал весь

цвет египетской политической элиты во главе с королем Фаруком. «Распространенное среди европейцев ощущение, что Россия выиграла войну практически в одиночку, присуще и египтянам», — писал в номере от 17 февраля 1945 года каирский корреспондент американского журнала «Кольере».

В Суэце репатриантов погрузили на пароход и доставили их в иракский порт Басра. Там они провели две недели, а затем отбыли оттуда поездом в Тегеран. После краткой остановки в столице Ирана, где репатриантов приняли представители советского командования, их отправили поездом в порт Бендершах на берегу Каспийского моря. Может, Павел Епифанович Демченко как раз и видел тот самый эшелон, в котором возвращались на родину Сулейман Велиев и его товарищи? В Бендер-шахе репатриантов ожидал пароход «Туркмения», на котором их доставили в Баку.

Но далеко не всем обитателям транзитных лагерей посчастливилось добираться до Басры на пароходе. Многим пришлось совершить изнурительную поездку туда на «Студебекерах» через Палестину и Сирию.

Репатриация бывших советских военнопленных из Египта была завершена в апреле 1945 года. Египтяне надолго запомнили их. Но и наши солдаты и офицеры потом не раз вспоминали свое пребывание на египетской земле, свои встречи с местными жителями. «Мы старались поближе познакомиться с жизнью арабов, — отмечал Сулейман Велиев. — Она была тяжелой. Мы глубоко сочувствовали им, и они это понимали и были за это глубоко признательны нам. Мы полюбили этих людей, простосердечных, гостеприимных». Под впечатлением от пребывания в Египте и в меньшей степени в Ираке Велиев написал «Арабские рассказы». Некоторые из них («Инжирное дерево», «Мечты феллаха», «Кувшин воды») были впоследствии переведены на русский язык.

Послесловие

26 августа 1943 года между Советским Союзом и Египтом были установлены дипломатические отношения. Три месяца спустя в Каир прибыл первый советский посланник — Н. В. Новиков. Начался новый этап в развитии связей между нашими странами.

Много лет прошло с тех пор. За это время на египетской земле побывали сотни тысяч россиян — дипломаты и сотрудники внешнеторговых организаций, журналисты и военные советники, строители и деятели культуры. Это если считать только тех, кто, как и я, несколько лет жил и работал в Стране пирамид. А с туристами и членами многочисленных делегаций счет пойдет на миллионы. В одном 2007 году Египет посетили полтора миллиона российских туристов!

Из всех этих людей, так или иначе внесших свой вклад в налаживание и укрепление отношений между нашими странами, я хотел бы по справедливости выделить две группы — строителей высотной Асуанской плотины и военных. Ибо за все эти годы именно они оставили особенно глубокий след на египетской земле.

О строителях гигантского гидроэнергетического комплекса на Ниле, возле города Асуан, у нас в свое время писалось много. Эти люди воистину совершили подвиг. В 60-е годы они вместе с египтянами построили плотину, которую и по сей день называют «пирамидой XX века». Построили в одном из самых жарких мест на нашей планете, где летом на капоте грузовика можно жарить яичницу. Для крестьянской страны, каковой является Египет, строительство высотной плотины стало эпохальным событием. Капризный Нил, который тысячелетиями то недодавал крестьянам столь нужную им воду, то в паводок сметал все на своем пути, был укрощен. С тех пор египтяне не знают ни засух, ни наводнений. Значительно расширились посевные площади. Гидроэлектростанция плотины стала энергетической основой индустриализации страны. За время строительства подготовлены тысячи квалифицированных специалистов-египтян.

Что же касается военных, то об их роли в Египте долгое время знали лишь единицы. А между тем максимальное число их превышало двадцать тысяч человек. После израильской агрессии 1967 года, во время которой египетская армия была, по существу, разгромлена, а Синайский полуостров оккупирован, Египет

попросил у Советского Союза помощи. В течение пяти лет на берегах Нила работали советские военные советники, помогавшие египтянам восстанавливать их вооруженные силы. Более того, весной 1970 года, во время «войны на истощение», — такое название получили артиллерийские дуэли и налеты израильской авиации в глубь Египта — туда была переброшена целая дивизия ПВО, чтобы прикрыть Каир и стратегические объекты. Советские солдаты и офицеры миссию свою выполнили с честью. Израиль запросил перемирия. Четверым из «египтян» было присвоено звание Героя Советского Союза, многие получили и советские, и египетские ордена. Но не все вернулись живыми на Родину… А те, кто вернулся, по приказу свыше два десятилетия помалкивали о «неизвестной войне» в Египте. И лишь на рубеже 90-х годов о ней узнала вся страна, а бывшим «египтянам», как и «афганцам», был предоставлен статус воинов-интернационалистов.

Все эти годы и египтяне ездили к нам, чаще всего — на учебу. В нашей стране получили высшее образование 30 тысяч граждан Египта. Юные студенты или молодые курсанты-военнослужащие по нескольку лет жили в советских, а потом и в российских городах, постигали русский язык и различные науки, влюблялись в наших девушек, а некоторые даже женились на них. Смешанные браки умножились после того, как в конце 90-х годов туризм из России в Египет стал массовым. И сегодня, кроме сотрудников различных представительств и специалистов, в Египте постоянно живут несколько тысяч наших соотечественниц. В отличие от эмигрантов они поддерживают тесные связи с Родиной, почти каждый год ездят домой вместе с мужьями и детьми. Я знаю несколько таких семей, и, как правило, они живут хоть и небогато, но счастливо. Вклад их в дружбу и взаимопонимание между нашими народами просто неоценим.

На этом, дорогой читатель, я ставлю точку. Надеюсь, что тебе не было скучно и что ты слегка обогатил свои познания — как по отечественной истории, так и по Египту, стране удивительной и находящейся от нас, по сути дела, совсем недалеко.

Каир — Москва, 1986–2008 гг.